UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324446 4

Листке печки
срезать вербу

Констанций — импер.

Гельвидий — предок

Марк Скудило — трибун

Публий Аквиле — сотник

(62)
ДОКТОРЪ МЕДИЦИНЫ

Merezhkovskii, Dmitrii Sergeevich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

Polnoe sobranie sochinenii

Томъ I.

t. 1

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

PG
3467
M4
1914
t.1

ТРИЛОГІЯ

ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ.

I. СМЕРТЬ БОГОВЪ (ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ).

II. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ (ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ).

III. АНТИХРИСТЪ (ПЕТРЪ и АЛЕКСѢЙ).

LIBRARY
757516
UNIVERSITY OF TORONTO

Д. С. Мережковскій.

I.

СМЕРТЬ БОГОВЪ.

(ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ).

Читатель, который пожелаетъ оказать вниманіе предлагаемому собранію сочиненій, замѣтитъ, что между этими книгами, несмотря на ихъ разнородность, иногда разногласіе, существуетъ неразрывная связь. Это—звенья одной цѣпи, части одного цѣлаго. Не рядъ книгъ, а одна издаваемая только для удобства въ нѣсколькихъ частяхъ. Одна—объ одномъ.

Что такое христіанство для современнаго человѣчества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ—вотъ скрытая связь между частями цѣлаго. И въ разнообразныхъ постановкахъ вопроса и въ отвѣтахъ существуютъ противорѣчія. Если бы я былъ проповѣдникомъ, я поспѣшилъ бы устранить или спрятать ихъ, чтобы увеличить силу проповѣди; если бы я былъ философомъ, я постарался бы довести мысль до окончательной ясности, чтобы единое въ многообразномъ свѣтилось, какъ лучъ въ кристаллахъ. Но я не проповѣдую и не философствую (а если иногда то и другое дѣлаю, то нечаянно, наперекоръ себѣ); я только описываю свои послѣдовательныя внутреннія переживанія. И думаю: какъ бы ни было несовершенно описаніе, оно все-таки можетъ получить цѣну въ качествѣ подлинной записи о томъ, что было. Ибо то, что было со мною, было или будетъ со многими изъ моихъ современниковъ; чѣмъ я жилъ и живу, тѣмъ жили и будутъ жить многіе. Какъ бы ни отвѣтило современное человѣчество на вопросъ: что такое христіанство?—самаго вопроса не обойти.

Противорѣчія разрушаютъ систему, ослабляютъ проповѣдь, но утверждаютъ подлинность переживаній. Какъ ни соблазнительно совершенство кристалловъ, слѣдуетъ

предпочесть несовершенный, неправильный, противорѣчивый извнѣ и противорѣчія изнутри побѣждающій ростъ растенія. Я не хочу послѣдователей, учениковъ (слава Богу, у меня ихъ нѣтъ и никогда, надѣюсь, не будетъ),— я хотѣлъ бы только спутниковъ. Не говорю: идите туда; говорю: если намъ по пути, то пойдемъ вмѣстѣ. Знаю: куда я иду, нельзя дойти одному. Если вообще есть въ моихъ писаніяхъ проповѣдь, то только эта: проповѣдь, что не должно быть проповѣди; не должно быть одного ведущаго, а надо итти вмѣстѣ всѣмъ. Выходъ изъ „подполья", преодолѣніе одиночества—такова задача, и если она отразилась на моихъ „запискахъ", то онѣ могутъ быть не безцѣльны.

Я не имѣю притязанія давать людямъ истину, но надѣюсь: можетъ-быть, кто-либо вмѣстѣ со мною пожелаетъ искать истины. Если да, то пусть идетъ рядомъ по тѣмъ же извилистымъ, иногда темнымъ и страшнымъ, путямъ; дѣлитъ со мною иногда почти безысходную муку тѣхъ противорѣчій, которыя я переживалъ. Читатель равенъ мнѣ во всемъ; если я вышелъ изъ нихъ—выйдетъ и онъ.

Вотъ примѣръ. Когда я начиналъ трилогію „Христосъ и Антихристъ", мнѣ казалось, что существуютъ двѣ правды: христіанство—правда о небѣ, и язычество—правда о землѣ, и въ будущемъ соединеніи этихъ двухъ правдъ— полнота религіозной истины. Но, кончая, я уже зналъ, что соединеніе Христа съ Антихристомъ—кощунственная ложь; я зналъ, что обѣ правды—о небѣ и о землѣ—уже соединены во Христѣ Іисусѣ, Единородномъ Сынѣ Божіемъ, Томъ Самомъ, Котораго исповѣдуетъ вселенское христіанство, что въ Немъ, Единомъ—не только совершенная, но и безконечно совершаемая, безконечно растущая истина, и не будетъ иной, кромѣ Него. Но я теперь также знаю, что надо было мнѣ пройти эту ложь до конца, чтобы увидѣть истину. Отъ раздвоенія къ соединенію— таковъ мой путь,—и спутникъ-читатель, если онъ мнѣ равенъ въ главномъ—въ свободѣ исканій,—придетъ къ той же истинѣ.

А вотъ еще примѣръ: Когда я писалъ изслѣдованіе „Л. Толстой и Достоевскій", я видѣлъ или хотѣлъ видѣть,

положительную религіозную силу въ русскомъ самодержавіи, именно въ его связи съ русскимъ православіемъ. Такъ же, какъ Вл. Соловьеву и Достоевскому, *хотя по совсѣмъ инымъ причинамъ*, мнѣ казалось, что русское единовластіе есть путь къ теократіи, къ царству Божьему на землѣ. Я былъ въ этомъ послѣдователенъ: утверждая въ религіи соединеніе Христа съ Антихристомъ, я долженъ былъ утверждать то же соединеніе въ общественности. Но въ „Грядущемъ Хамѣ“ и „Пророкѣ русской революціи“ я уже знаю, что религіозная сила русскаго единовластія, дѣйствительно огромная, — не положительная, а отрицательная, *демоническая*. Я также знаю, что въ непониманіи этой силы, въ закрытыхъ на нее глазахъ, въ неумѣніи посчитаться съ нею—главная причина всѣхъ неудачъ русской революціи. Пока борьба со старымъ порядкомъ ведется въ плоскости *только* политической, какъ велась донынѣ, она не можетъ кончиться побѣдою. Думая, что борется съ четвероногимъ, революція боролась съ крылатымъ звѣремъ. Она была земная; а врагъ не *только* земной. Вотъ почему изъ рукъ ея выпало оружіе такъ волшебно-безсильно. Наносимые врагу удары, не причиняя вреда, проходили сквозь тѣло его, какъ удары шпаги сквозь тѣло призрака.

Не одно историческое созерцаніе всемірной борьбы Христа съ Антихристомъ, но и мой внутренній религіозный опытъ и внѣшнія событія русской жизни привели меня къ этому пониманію, открыли мнѣ глаза на русское единовластіе. Если бы читатель, въ этихъ мысляхъ моихъ со мной соблазнился, то со мною же и побѣдилъ бы соблазнъ. Я знаю опять-таки одно: не понявъ соблазна до конца, его не побѣдишь.

Но довольно примѣровъ. Боюсь, какъ бы уже и тѣмъ, что сказано, не стѣснить свободы читателя. Пусть, повторяю, спутники мои идутъ рядомъ со мною, если хотятъ и могутъ; а если нѣтъ, то покинутъ меня;—но я не поведу ихъ за собою.

Въ заключеніе попробую дать кратчайшую схему написаннаго.

Трилогія „Христосъ и Антихристъ“ изображаетъ борьбу двухъ началъ во всемірной исторіи, въ п р о ш л о м ъ. „Л. Толстой и Достоевскій“, «Лермонтовъ», «Гоголь», — изображаютъ эту же борьбу въ русской литературѣ, въ н а с т о я щ е м ъ. „Грядущій Хамъ“, „Не миръ, но мечъ“, „Въ тихомъ омутѣ“, „Больная Россія“ — въ русской общественности. „Древнія трагедіи“, „Итальянскія новеллы“, „Вѣчные спутники“, „Стихотворенія“ отмѣчаютъ вѣхами тѣ побочные пути, которые привели меня къ единому и всеобъединяющему вопросу объ отношеніи двухъ правдъ—Божеской и человѣческой—въ явленіи Богочеловѣка. Наконецъ „Павелъ I“ и „Александръ I“, изслѣдуютъ борьбу тѣхъ же двухъ началъ въ ея отношеніи к ъ б у д у щ и м ъ судьбамъ Россіи.

Это, разумѣется, только внѣшняя, мертвая схема, геометрическій рисунокъ лабиринта; внутреннее же строеніе тѣхъ тканей, которыя образуютъ ростъ живого растенія, я самъ, по всей вѣроятности, меньше, чѣмъ кто-либо, знаю. Знаю только, что я ничего не хотѣлъ строить,—я хотѣлъ расти и растить; удалось ли,—не мнѣ судить.

Я знаю, среди моихъ современниковъ немного у меня читателей-спутниковъ. Но я не одинъ. Безъ помощи близкихъ мнѣ, близкихъ по вѣрѣ въ единое, я не сдѣлалъ бы и того малаго, что сдѣлалъ. Какъ бы ни были скромны дѣлающіе религіозное дѣло, не взялись бы они за него вовсе, если бы могли разсчитывать только на современниковъ. Для себя сажаемъ капусту, а дерево—для внуковъ.

Мнѣ хотѣлось бы посвятить мой трудъ—нашъ трудъ—тому поколѣнію русскихъ людей, которое пойметъ, что христіанство не только было, но есть и будетъ; что Христосъ—не только совершенная, но и безконечно совершаемая, безконечно растущая истина; что освобожденіе Россіи, освбожденіе міра не можетъ произойти иначе, какъ именемъ Христовымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ двадцати стадіяхъ отъ Цезареи Каппадокійской, на лѣсистыхъ отрогахъ Аргейской горы, при большой римской дорогѣ, былъ источникъ теплой цѣлебной воды. Каменная плита съ грубо высѣченными человѣческими изваяніями и греческой надписью свидѣтельствовала, что нѣкогда родникъ посвященъ былъ братьямъ Діоскурамъ—Кастору и Поллуксу. Изображенія языческихъ боговъ, оставшись неприкосновенными, считались изображеніями христіанскихъ святыхъ, Козьмы и Даміана.

На другой сторонѣ дороги, противъ св. источника, была построена небольшая табэрна, крытая соломой лачуга, съ грязнымъ скотнымъ дворомъ и навѣсомъ для куръ и гусей. Въ кабачкѣ можно было получить козій сыръ, полубѣлый хлѣбъ, медъ, оливковое масло и довольно терпкое мѣстное вино. Табэрну содержалъ лукавый армянинъ Сиракс.

Перегородка раздѣляла ее на двѣ части: одна—для простого народа, другая — для болѣе почетныхъ гостей. Подъ потолкомъ, почернѣвшимъ отъ ѣдкаго дыма, висѣли копченые окорока и пучки душистыхъ горныхъ травъ: жена Сиракса, Фортуната, была добрая хозяйка.

Домъ считался подозрительнымъ. Ночью добрые люди въ немъ не останавливались; ходили слухи о темныхъ дѣлахъ, совершонныхъ въ этой лачугѣ. Но Сиракс былъ пронырливъ, умѣлъ дать взятку, гдѣ нужно, и выходилъ сухъ изъ воды.

Перегородка состояла изъ двухъ тонкихъ столбиковъ, на которые натянута была, вмѣсто занавѣски, старая полинявшая хламида Фортунаты. Столбики эти составляли единственную роскошь кабачка и гордость Сиракса: нѣкогда позолоченные, они давно уже растрескались и облупились; прежде ярко-лиловая, теперь пыльно-глубая ткань хламиды пестрѣла многими заплатами и слѣдами завтраковъ, ужиновъ и обѣдовъ, напоминавшими добродѣтельной Фортунатѣ десять лѣтъ семейной жизни.

Въ чистой половинѣ, отдѣленной занавѣской, на единственномъ ложѣ, узенькомъ и продранномъ, за столомъ съ оловяннымъ кратэромъ и кубками вина, возлежалъ римскій военный трибунъ шестнадцатаго легіона девятой когорты Маркъ Скýдило. Маркъ былъ провинціальный щеголь, съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, при видѣ которыхъ бойкія рабыни и дешевыя гетеры городскихъ предмѣстій восклицаютъ въ простодушномъ восторгѣ: «Какой красивый мужчина!» Въ ногахъ его, на той же лектикѣ, въ почтительномъ и неудобномъ положеніи тѣла, сидѣлъ краснолицый толстякъ, страдавшій одышкой, съ голымъ черепомъ и рѣдкими сѣдыми волосами, зачесанными отъ затылка на виски,—сотникъ восьмой центуріи Публій Аквила. Поодаль, на полу, двѣнадцать римскихъ легіонеровъ играли въ кости.

— Клянусь Геркулесомъ, — воскликнулъ Скýдило,— лучше бы я согласился быть послѣднимъ въ Константинополѣ, чѣмъ первымъ въ этой норѣ. Развѣ это жизнь, Публій? Ну, по чистой совѣсти отвѣчай — развѣ это жизнь? Знать, что, кромѣ ученій да казармы, да лагерей, ничего впереди. Сгніешь въ вонючемъ болотѣ и свѣта не увидишь!

— Да, жизнь здѣсь, можно сказать, невеселая,—согласился Публій.—Ну, ужъ зато и спокойно.

Стараго центуріона занимали кости; дѣлая видъ, что слушаетъ болтовню начальника, поддакивая ему, исподтишка слѣдилъ онъ за игрой солдатъ и думалъ: «Если рыжій ловко метнетъ—пожалуй, выиграетъ». Только для приличія Публій спросилъ трибуна, какъ будто это занимало его:

— Изъ-за чего же, говоришь ты, сердитъ на тебя префектъ Гельвидій?

— Изъ-за женщины, другъ мой, все изъ-за женщины.

И въ припадкѣ болтливой откровенности, съ таинственнымъ видомъ, на ухо сообщилъ Маркъ центуріону, что префектъ, «этотъ старый козелъ Гельвидій», приревновалъ его къ пріѣзжей гетерѣ Лилибеянки; Скѹдило хочетъ сразу какой-нибудь важной услугой возвратить себѣ милость Гельвидія.—Надалеко отъ Цезареи, въ крѣпости Мацеллумѣ, заключены Юліанъ и Галлъ, двоюродные братья царствующаго императора Констанція, племянники Константина Великаго, послѣдніе отпрыски несчастнаго дома Флавіевъ. При вступленіи на престолъ, изъ боязни соперниковъ, Констанцій умертвилъ родного дядю, отца Юліана и Галла, Юлія Констанція, брата Константина. Пало еще много жертвъ. Но Юліана и Галла пощадили, сославъ въ уединенный замокъ Мацеллумъ. Префектъ Цезареи, Гельвидій, былъ въ большомъ затрудненіи. Зная, что новый императоръ ненавидитъ двухъ отроковъ, напоминавшихъ ему о преступленіи, Гельвидій и хотѣлъ и боялся угадать волю Констанція. Юліанъ и Галлъ жили подъ вѣчнымъ страхомъ смерти. Ловкій трибунъ Скѹдило, мечтавшій о возможности придворной выслуги, понялъ изъ намековъ начальника, что онъ не рѣшается принять на себя отвѣтственность и напуганъ сплетнями о замышляемомъ бѣгствѣ наслѣдниковъ Константина; тогда Маркъ рѣшился отправиться съ отрядомъ легіонеровъ въ Мацеллумъ и на свой страхъ схватить заключенныхъ, чтобы отвести ихъ въ Цезарею, полагая, что нечего бояться двухъ несовершеннолѣтнихъ, всѣми брошенныхъ сиротъ, ненавистныхъ императору. Этимъ подвигомъ надѣялся онъ возвратить себѣ милость префекта Гельвидія, утраченную изъ-за рыжеволосой Лилибеянки.

Впрочемъ, Публію Маркъ сообщилъ только часть своихъ замысловъ, и притомъ осторожно.

— Что же ты хочешь дѣлать, Скѹдило? Развѣ получены предписанія изъ Константинополя?

— Никакихъ предписаній; никто ничего навѣрное не знаетъ. Но слухи, видишь ли,—тысячи различныхъ слуховъ и ожиданій, и намеки, и недомолвки, и угрозы, и тайны— о, тайнамъ нѣтъ конца! Всякій дуракъ сумѣетъ исполнить то, что сказано. А ты угадай безмолвную волю владыки— вотъ за что благодарятъ. Посмотримъ, попробуемъ, поищемъ. Главное—смѣлѣе, смѣлѣе, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Я на тебя полагаюсь, Публій! Можетъ-быть, мы съ тобою скоро будемъ пить при дворѣ вино послаще этого...

Въ маленькое рѣшетчатое окошко падалъ унылый свѣтъ ненастнаго вечера; однообразно шумѣлъ дождь.

Рядомъ, за тонкой глиняной стѣнкой со многими щелями, былъ хлѣвъ; оттуда пахло навозомъ, слышалось кудахтанье куръ, пискъ цыплятъ, хрюканье свиней; молоко цѣдилось въ звонкій сосудъ: должно-быть, хозяйка доила корову.

Солдаты, поссорившись изъ-за выигрыша, ругались шопотомъ. У самаго пола, между ивовыхъ прутьевъ, чуть прикрытыхъ глиной, въ щель выглянула нѣжная и розовая морда поросенка; онъ попалъ въ западню, не могъ вытащить головы назадъ и жалобно пищалъ.

Публій подумалъ:

«Ну, пока что, а мы теперь ближе къ скотному, чѣмъ царскому двору».

Тревога его прошла. Трибуну, послѣ неумѣренной болтовни, тоже сдѣлалось скучно. Онъ взглянулъ на сѣрое дождливое небо въ окошкѣ, на глупую морду поросенка, на кислый осадокъ сквернаго вина въ оловянномъ кубкѣ, на грязныхъ солдатъ—и злоба овладѣла имъ.

Онъ застучалъ кулакомъ по столу, качавшемуся на неровныхъ ногахъ.

— Эй ты, мошенникъ, христопродавецъ, Сиракъ! Подика сюда!.. Что это за вино, негодяй?

Прибѣжалъ кабатчикъ. У него были черные какъ смоль волосы въ мелкихъ кудряшахъ, и борода такая же черная, съ синеватымъ отливомъ, тоже въ безчисленныхъ мелкихъ завиткахъ; въ минуты супружеской нѣжности Фортуната говорила, что борода Сиракса подобна гроздьямъ сладкаго ви-

нограда; глаза черные и необыкновенно сладкіе; сладчайшая улыбка не сходила съ румяныхъ губъ; онъ походилъ на карикатуру Діониса, бога вина: весь казался чернымъ и сладкимъ.

Кабатчикъ клялся и Моисеемъ, и Диндименой, и Христомъ, и Геркулесомъ, что вино превосходное; но трибунъ объявилъ, что знаетъ, въ чьемъ дому зарѣзанъ былъ памфилійскій купецъ Глабріонъ, и что выведетъ когда-нибудь его, Сиракса, на чистую воду. Испуганный армянинъ бросился со всѣхъ ногъ въ погребъ и скоро съ торжествомъ вынесъ бутылку необыкновеннаго вида — широкую, плоскую внизу, съ тонкимъ горлышкомъ, всю покрытую благородною плѣсенью и мохомъ, какъ будто сѣдую отъ старости. Сквозь плѣсень кое-гдѣ виднѣлось стекло, но не прозрачное, а мутное, слегка радужное; на кипарисовой дощечкѣ, привѣшенной къ горлышку, можно было разобрать начальныя буквы: *Anthosmium*, и дальше: *annorum centum — столѣтнее*. Но Сиракс увѣрялъ, что уже во времена императора Діоклетіана вину было больше ста лѣтъ.

— Черное?—съ благоговѣніемъ спросилъ Публій.

— Какъ деготь, и душистое, какъ амброзія.—Эй, Фортуната, для этого вина нужны лѣтнія хрустальныя чаши. И дай-ка намъ чистаго, бѣлаго снѣга изъ ледника.

Фортуната принесла два кубка. Лицо у нея было здоровое, съ пріятной желтоватой бѣлизной, какъ у жирныхъ сливокъ; казалось, отъ нея пахнетъ деревенскою свѣжестью, молокомъ и навозомъ.

Кабатчикъ взглянулъ на бутылку со вздохомъ умиленія и поцѣловалъ горлышко; потомъ осторожно снялъ восковую печать и откупорилъ. На дно хрустальнаго кубка положили снѣгу. Вино полилось густою, черною, пахучею струею; снѣгъ таялъ отъ прикосновенія огненнаго антосмія; хрустальныя стѣнки сосуда помутились и запотѣли отъ холода. Тогда Скудило, получившій образованіе на мѣдные гроши (онъ былъ способенъ смѣшать Гекубу съ Гекатой), произнесъ съ гордостью единственный стихъ Мартіала, который помнилъ:

Candida nigrescant vetulo crystalla Falerno.

— Подожди. Будетъ еще вкуснѣе!

Сираксъ опустилъ руку въ глубокій карманъ, досталъ крошечную бутылочку изъ цѣльнаго оникса, и съ чувственной улыбкой осторожно подлилъ въ вино каплю драгоцѣннаго аравійскаго киннамона; капля упала въ черную антосмію, какъ мутно-бѣлая жемчужина, и растаяла; въ комнатѣ повѣялъ сладкій странный запахъ.

Пока трибунъ съ восторгомъ медленно пилъ, Сираксъ прищелкивалъ языкомъ и приговаривалъ:

— Библосское, маронейское, лаценское, икарійское— все передъ этимъ дрянь!

Темнѣло. Скѵдило отдалъ приказъ собираться въ путь. Легіонеры надѣли панцыри, шлемы, на правую ногу желѣзныя поножія, взяли щиты и копья.

Когда они вышли за перегородку, исаврскіе пастухи, похожіе на разбойниковъ, сидѣвшіе у очага, почтительно встали передъ римскимъ трибуномъ. Онъ имѣлъ величественный видъ; въ головѣ шумѣло; въ жилахъ былъ огонь благороднаго напитка.

На порогѣ приступилъ къ нему человѣкъ въ странномъ восточномъ одѣяніи, въ бѣломъ плащѣ съ красными поперечными полосами и съ высокимъ головнымъ уборомъ изъ валеной шерсти — персидской тіарой, похожей на башню. Скѵдило остановился. Лицо у перса было тонкое, длинное, исхудалое, желто-оливковаго цвѣта; узкіе проницательные глаза — съ глубокою и хитрою мыслью; во всѣхъ движеніяхъ важное спокойствіе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бродячихъ астрологовъ, которые съ гордостью называли себя халдеями, магами, пирэтами и математиками. Тотчасъ объявилъ онъ трибуну, что имя его Ногодаресъ; онъ остановился у Сиракса проѣздомъ; держитъ путь изъ далекой Анадіабены къ берегамъ Іоническаго моря, къ знаменитому философу и теургу—Максиму Эфесскому. Магъ попросилъ позволенія показать свое искусство и погадать на счастіе трибуна.

Закрыли ставни. Персъ что-то приготовлялъ на полу; вдругъ раздался легкій трескъ; всѣ притихли. Красно-

ватое пламя поднялось тонкимъ длиннымъ языкомъ изъ бѣлаго дыма, наполнившаго комнату. Ногодаресъ приложилъ къ безкровнымъ губамъ двуствольную тростниковую дудочку, заигралъ, — и звукъ былъ томный, жалобный, напоминавшій лидійскія похоронныя пѣсни. Пламя, какъ будто отъ этого жалобнаго звука, пожелтѣло, померкло, засвѣтилось грустно-нѣжнымъ, блѣдно-голубымъ сіяніемъ. Магъ подбросилъ въ огонь сушеной травы; разлился крѣпкій, пріятный запахъ; запахъ тоже казался грустнымъ: такъ благоухаютъ полузасохшія травы, въ туманные вечера, надъ мертвыми пустынями Арахозіи или Драгіаны. И послушная жалобному звуку дудочки, огромная змѣя медленно выползла изъ чернаго ящика у ногъ волшебника, развивая съ шелестомъ упругія кольца, блестѣвшія зеленоватымъ блескомъ. Тогда онъ запѣлъ протяжнымъ, тихимъ голосомъ, такъ что казалось—пѣснь доносится издалека; и много разъ повторялъ все онъ одно и то же слово: «Мара, мара, мара». Змѣя обвилась вокругъ его худого стана и, ласкаясь, съ нѣжнымъ шипѣніемъ, приблизила плоскую, зелено-чешуйчатую голову съ глазами, сверкавшими подобно карбункуламъ, къ самому уху волшебника: длинное раздвоенное жало мелькнуло со свистомъ, какъ будто она что-то сказала ему на ухо. Волшебникъ бросилъ на землю дудочку. Пламя опять наполнило комнату мутно-бѣлымъ дымомъ, но на этотъ разъ съ тяжелымъ одуряющимъ, словно могильнымъ, запахомъ — и сразу потухло. Сдѣлалось темно и страшно. Всѣ были въ смятеніи. Но когда открыли ставни и упалъ свинцовый свѣтъ дождливыхъ сумерекъ — отъ змѣи и отъ ея чернаго ящика не было ни слѣда. Лица казались мертвенно-блѣдными.

Ногодаресъ подошелъ къ трибуну:

— Радуйся! Тебя ожидаетъ великая и скорая милость блаженнаго августа, императора Констанція.

Нѣсколько мгновеній онъ пытливо смотрѣлъ на руку Скудило, на очертанія ладони; потомъ, быстро наклонившись къ уху его, такъ что никто не могъ слышать, сказалъ шопотомъ:

— Кровь, кровь великаго цезаря на этой рукѣ!

Скѵ́дило испугался.

— Какъ ты смѣешь, проклятая халдейская собака! Я вѣрный рабъ...

Но тотъ почти насмѣшливо заглянулъ ему въ лицо хитрыми глазами и прошепталъ:

— Чего ты боишься?.. Черезъ много лѣтъ... И развѣ безъ крови бываетъ слава?..

Когда солдаты вышли изъ табэрны, гордость и радость наполняли сердце Скѵ́дило. Онъ подошелъ къ св. источнику, набожно перекрестился, выпилъ цѣлебной воды, призывая съ усердною мольбою Козьму и Даміана, втайнѣ надѣясь, что предсказаніе Ногодареса не окажется тщетнымъ; потомъ вскочилъ на великолѣпнаго каппадокійскаго жеребца и далъ знакъ, чтобы легіонеры выступали въ путь. Знаменоносецъ — драконарій поднялъ знамя въ видѣ дракона изъ пурпуровой ткани. Трибуну хотѣлось похвастать передъ толпою, высыпавшей изъ кабака. Онъ зналъ, что это опасно, но не могъ удержаться, опьяненный виномъ и гордостью; протянувъ мечъ по направленію къ ущелью, покрытому туманомъ, онъ громко сказалъ:

— Въ Мацеллумъ!

Пронесся шопотъ удивленія; произнесены были имена Юліана и Галла.

Трубачъ, стоявшій впереди, затрубилъ въ мѣдную «букцину», загнутую кверху въ нѣсколько завитковъ, подобно рогу барана.

Протяжный звукъ римской трубы разнесся далеко по ущельямъ, и горное эхо повторило его.

II.

Въ огромной спальнѣ Мацеллума, бывшаго дворца каппадокійскихъ царей, было темно.

Постель десятилѣтняго Юліана была жесткая: голое дерево, прикрытое барсовою шкурой; мальчикъ самъ такъ

хотѣлъ; не даромъ старый учитель Мардоній воспитывалъ его въ строгихъ началахъ стоической мудрости.

Юліану не спалось. Вѣтеръ подымался изрѣдка, порывами, и жалобно, какъ пойманный звѣрь, завывалъ въ щеляхъ; потомъ вдругъ становилось тихо; и въ странной тишинѣ слышно было, какъ нечастыя крупныя капли дождя падали, должно-быть, съ большой высоты, на звонкія каменныя плиты. Юліану казалось иногда, что въ черномъ мракѣ сводовъ слышится быстрое шуршаніе летучей мыши. Онъ различалъ сонное дыханіе брата, спавшаго — то былъ изнѣженный и прихотливый мальчикъ — на мягкомъ ложѣ, подъ старинным запыленнымъ пологомъ, послѣднимъ остаткомъ роскоши каппадокійскихъ царей. Изъ сосѣдняго покоя раздавался тяжелый храпъ педагога Мардонія.

Вдругъ маленькая кованая дверца потайной лѣстницы въ стѣнѣ тихонько скрипнула, отворилась, и лучъ свѣта ослѣпилъ глаза Юліана. Вошла старая рабыня Лабда; она держала въ рукѣ мѣдную лампаду.

— Няня, мнѣ страшно; не уноси огня...

Старуха поставила лампаду въ полукруглое каменное углубленіе надъ изголовьемъ Юліана.

— Не спится? Не болитъ ли головка?.. Хочешь поѣсть? Кормитъ васъ впроголодь старый грѣшникъ Мардоній. Медовыхъ лепешекъ принесла. Вкусныя... Отвѣдай.

Кормить Юліана было любимымъ занятіемъ Лабды; но днемъ не позволялъ ей Мардоній, и она приносила лакомства ночью тайкомъ.

Полуслѣпая старуха, едва таскавшая ноги, ходила всегда въ черномъ монашескомъ платьѣ; ее считали вѣдьмой; но она была набожной христіанкой; самыя мрачныя, древнія и новыя суевѣрія слились въ ея головѣ въ странную религію, похожую на безуміе: молитвы смѣшивала она съ заклинаніями, олимпійскихъ боговъ—съ христіанскими бѣсами, церковные обряды— съ волшебствомъ; вся была увѣшана крестиками, кощунственными амулетами изъ мертвыхъ костей и ладанками съ мощами святыхъ.

Старуха любила Юліана благоговѣйной любовью, считая его единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ императора Константина, а Констанція—убійцей и воромъ престола.

Лабда знала, какъ никто, все родословное древо, всѣ вѣковѣчныя семейныя преданія дома Флавіевъ; помнила Юліанова дѣда, Констанція Хлора; кровавыя придворныя тайны хранились въ ея памяти. По ночамъ старуха разсказывала все Юліану безъ разбора. И передъ многимъ, чего дѣтскій умъ его еще не могъ понять, сердце уже замирало отъ смутнаго ужаса. Съ тусклымъ взоромъ, равнодушнымъ и однообразнымъ голосомъ разсказывала она эти страшныя, безконечныя повѣсти, какъ разсказываютъ древнія сказки.

Поставивъ лампаду, Лабда перекрестила Юліана, посмотрѣла, цѣлъ ли на груди его янтарный амулетъ, и, проговоривъ нѣсколько заклинаній, чтобы отогнать злыхъ духовъ, скрылась.

Юліанъ забылся тяжелымъ полусномъ; ему было жарко; рѣдкія, тяжкія капли дождя, падавшія въ тишинѣ, съ высоты, какъ будто въ звонкій сосудъ, мучили его.

И онъ не могъ различить, спитъ ли онъ или не спитъ, ночной ли вѣтеръ шумитъ или дряхлая Лабда, похожая на парку, лепечетъ и шепчетъ ему на ухо страшныя семейныя преданія. То, что онъ слышалъ отъ нея и что самъ видѣлъ въ дѣтствѣ, смѣшивалось въ одинъ тяжелый бредъ.

Онъ видѣлъ трупъ великаго императора на погребальномъ ложѣ. Мертвецъ нарумяненъ и набѣленъ; хитрая многоэтажная прическа изъ поддѣльныхъ волосъ сдѣлана искуснѣйшими парикмахерами. Маленькаго Юліана подводятъ, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловалъ онъ руку дяди. Ребенку страшно; онъ ослѣпленъ пурпуромъ, діадемой на поддѣльныхъ кудряхъ и великолѣпіемъ драгоцѣнныхъ камней, блестящихъ при похоронныхъ свѣчахъ. Сквозь тяжелыя аравійскія благовонія первый разъ въ жизни слышитъ онъ запахъ тлѣнія. Но придворные, епископы, евнухи, военачальники привѣтствуютъ императора, какъ живого; послы передъ нимъ склоняются, благодарятъ его, соблюдая пышный чинъ; сановники провозглашаютъ эдикты, законы, по-

становленія сената; испрашиваютъ соизволенія мертвеца, какъ будто онъ можетъ слышать; и льстивый шопотъ проносится надъ толпой: люди увѣряютъ, будто бы онъ такъ великъ, что, по особой милости Провидѣнія, одинъ только царствуетъ и послѣ смерти.

Юліанъ знаетъ, что Константинъ убилъ сына; вся вина молодого героя была въ томъ, что народъ слишкомъ любилъ его; сынъ былъ оклеветанъ мачехой: она полюбила пасынка грѣшной любовью и отомстила ему, какъ Федра Ипполиту; потомъ оказалось, что жена кесаря въ преступной связи съ однимъ изъ рабовъ, состоявшихъ при императорской конюшнѣ, и ее задушили въ раскаленной банѣ. Пришла очередь и благороднаго Лицинія. Трупъ на трупѣ, жертва за жертвой... Императоръ, мучимый совѣстью, молилъ объ очищеніи іерофантовъ языческихъ таинствъ; ему отказали. Тогда епископъ увѣрилъ его, что у одной только вѣры Христовой есть таинства, способныя очистить и отъ такихъ преступленій. И вотъ пышный лабарумъ — знамя съ именемъ Христа изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ сверкаетъ надъ похороннымъ ложемъ сыноубійцы.

Юліанъ хотѣлъ проснуться, открыть глаза и не могъ. Звонкія капли попрежнему падали, какъ тяжелыя, рѣдкія слезы, и вѣтеръ шумѣлъ; но ему казалось, что не вѣтеръ шумитъ, а Лабда, старая парка, шепчетъ, лепечетъ ему на ухо страшныя сказки о домѣ Флавіевъ.

Юліану снится, что онъ—въ холодной сырости, рядомъ съ порфировыми гробами, наполненными прахомъ царей, въ подземельи, родовой гробницѣ Констанція Хлора; Лабда укрываетъ его, прячетъ въ самый темный уголъ, между гробами, и укутываетъ больного Галла, дрожащаго отъ лихорадки. Вдругъ наверху, во дворцѣ, изъ покоя въ покой, подъ каменными сводами гулкихъ, пустынныхъ палатъ, раздается предсмертный вопль. Юліанъ узнаетъ голосъ отца, хочетъ отвѣтить крикомъ, броситься къ нему. Но Лабда удерживаетъ мальчика костлявыми руками и шепчетъ: «Молчи, молчи, а то придутъ!»—и закрываетъ его съ головой. Потомъ раздаются торопливые шаги по лѣстницѣ—все

ближе, ближе. Лабда крестить дѣтей, шепчетъ заклинанія. Стукъ въ дверь—и при свѣтѣ факеловъ врываются воины кесаря: они переодѣты монахами; ихъ ведетъ епископъ Евсевій Никомедійскій; панцыри сверкаютъ подъ черными рясами. «Во имя Отца и Сына и Св. Духа! Отвѣчайте, кто здѣсь?» Лабда съ дѣтьми притаилась въ углу. И опять: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа,—кто здѣсь?» И еще въ третій разъ... Потомъ, съ обнаженными мечами, убійцы шарятъ. Лабда кидается къ ногамъ ихъ, показываетъ больного Галла, безпомощнаго Юліана: «Побойтесь Бога! Что можетъ сдѣлать императору пятилѣтній мальчикъ?» И воины всѣхъ троихъ заставляютъ цѣловать крестъ въ рукахъ Евсевія, присягнуть новому императору. Юліанъ помнитъ большой кипарисовый крестъ съ эмалью, изображающей Спасителя: внизу, на темномъ старомъ деревѣ, видны слѣды свѣжей крови—обагренной руки убійцы, державшаго крестъ; можетъ-быть, это кровь отца его или одного изъ шести двоюродныхъ братьевъ—Далматія, Аннибаліана, Непотіана, Константина Младшаго или другихъ: черезъ семь труповъ перешагнулъ братоубійца, чтобы вступить на престолъ, и все совершилось во имя Распятаго.

Юліанъ проснулся отъ тишины и ужаса. Звонкія, рѣдкія капли перестали падать. Вѣтеръ стихъ. Лампада, не мерцая, горѣла въ углубленіи неподвижнымъ, тонкимъ и длиннымъ языкомъ. Онъ вскочилъ на постели, прислушиваясь къ ударамъ собственнаго сердца. Тишина была невыносимая.

Вдругъ внизу раздались громкіе голоса и шаги, изъ покоя въ покой, подъ каменными сводами гулкихъ, пустынныхъ палатъ—здѣсь, въ Мацеллумѣ, какъ тамъ, въ гробницѣ Флавіевъ. Юліанъ вздрогнулъ; ему показалось, что онъ все еще бредитъ. Но шаги приближались, голоса становились явственнѣй. Тогда онъ закричалъ:

— Братъ! братъ! Ты спишь? Мардоній! Развѣ вы не слышите?

Галлъ проснулся. Мардоній, босой, съ растрепанными сѣдыми волосами, въ ночной коротенькой туникѣ—евнухъ

съ морщинистымъ, желтымъ и одутловатымъ лицомъ, похожій на старую бабу—бросился къ потайной двери.

— Солдаты префекта! Одѣвайтесь скорѣй! Надо бѣжать!

Но было поздно. Послышался лязгъ желѣза. Маленькую кованую дверь запирали снаружи. На каменныхъ столбахъ лѣстницы мелькнулъ свѣтъ факеловъ, и въ немъ пурпурное знамя драконарія и блестящій крестъ съ монограммой Христа на шлемѣ одного изъ воиновъ.

— Именемъ правовѣрнаго, блаженнаго августа, императора Констанція—я, Маркъ Скѹдило, трибунъ легіона Фретензисъ, беру подъ стражу Юліана и Галла, сыновей патриція Юлія.

Мардоній, преграждая путь солдатамъ, стоялъ передъ закрытой дверью спальни, съ воинственной осанкой, съ мечомъ въ рукахъ; мечъ былъ тупой, никуда негодный: онъ служилъ старому педагогу только для того, чтобы во время уроковъ Иліады показывать ученикамъ, на живомъ примѣрѣ, въ условныхъ тѣлодвиженіяхъ, какъ сражался Гекторъ съ Ахилломъ; школьный Ахиллъ едва ли бы сумѣлъ зарѣзать и курицу. Теперь онъ размахивалъ этимъ мечомъ передъ носомъ Публія по всѣмъ правиламъ военнаго искусства временъ Гомера. Публія, который былъ пьянъ, это взбѣсило:

— Прочь съ дороги, пузырь, старая падаль, раздувальный мѣхъ! Прочь, если не хочешь, чтобы я проткнулъ и выпустилъ изъ тебя воздухъ!

Онъ схватилъ за горло Мардонія и отбросилъ его далеко, такъ, что тотъ ударился о стѣну и едва не упалъ. Скѹдило подбѣжалъ къ дверямъ спальни и раскрылъ ихъ настежь.

Неподвижное пламя лампады всколыхнулось и поблѣднѣло въ красномъ свѣтѣ факеловъ. И трибунъ первый разъ въ жизни увидѣлъ двухъ послѣднихъ потомковъ Констанція Хлора.

Галлъ казался высокимъ и крѣпкимъ; но кожа у него была тонкая, бѣлая и матовая, какъ у молодой дѣвушки; глаза свѣтло-голубые, лѣнивые и равнодушные; бѣлокурые какъ ленъ (общій знакъ Константинова рода), вьющіеся во-

лосы покрывали мелкими кудрями толстую, почти жирную шею. Несмотря на возмужалость тѣла и на легкій пухъ начинающейся бороды, восемнадцатилѣтній Галлъ теперь казался мальчикомъ: такое дѣтское недоумѣніе и ужасъ были на лицѣ его; губы дрожали, какъ у маленькихъ дѣтей, когда они готовы заплакать; онъ мигалъ безпомощно вѣками, розовыми, опухшими отъ сна, съ очень свѣтлыми рѣсницами, и торопливо крестясь, шепталъ: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

Юліанъ былъ ребенокъ тощій, худенькій, блѣдный; лицо некрасивое и неправильное; волосы жесткіе, гладкіе и черные; носъ слишкомъ большой; нижняя губа выдающаяся. Но поразительны были глаза его, дѣлавшіе лицо однимъ изъ тѣхъ, которыхъ, разъ увидѣвъ, нельзя забыть, — большіе, странные, измѣнчивые, съ недѣтскимъ, напряженнымъ и болѣзненно-яркимъ блескомъ, который иногда казался сумасшедшимъ. Публій, много разъ видѣвшій въ молодости Константина Великаго, подумалъ:

«Этотъ мальчикъ будетъ похожъ на дядю».

Страхъ Юліана передъ солдатами исчезъ: онъ чувствовалъ злобу. Крѣпко стиснувъ зубы, перекинувъ черезъ плечо барсовую шкуру съ постели, онъ смотрѣлъ на Скѵдило пристально, исподлобья, и нижняя выдающаяся губа его дрожала; въ правой рукѣ, подъ барсовой шкурой, сжималъ онъ рукоятку тонкаго персидскаго кинжала, тайно подареннаго Лабдой; острее было отравлено.

— Волчонокъ! — молвилъ одинъ изъ легіонеровъ, указывая на Юліана своему товарищу.

Скѵдило хотѣлъ уже переступить порогъ спальни, когда у Мардонія явилась новая мысль. Онъ отбросилъ безполезный мечъ, уцѣпился за платье трибуна и вдругъ завопилъ пронзительнымъ, неожиданно-тонкимъ бабьимъ голосомъ:

— Что вы дѣлаете, негодяи! Какъ смѣете оскорблять посланнаго императоромъ Констанціемъ? Мнѣ поручено отвезти ко двору этихъ царственныхъ отроковъ. Августъ возвратилъ имъ свою милость. Вотъ приказъ.

— Что онъ говоритъ? Какой приказъ?

Скѵдило взглянулъ на Мардонія: морщинистое, старушечье лицо свидѣтельствовало о томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ евнухъ. Трибунъ никогда раньше не видѣлъ Мардонія, но хорошо зналъ, въ какой милости евнухи при дворѣ императора.

Мардоній поспѣшно вынулъ изъ книгохранилищнаго ящика, съ пергаментными свитками Гезіода и Гомера, свертокъ и подалъ его трибуну.

Скѵдило, развернувъ, поблѣднѣлъ: онъ прочелъ только первыя слова, увидѣлъ имя императора, называвшаго себя въ эдиктѣ «наша вѣчность», и не разобралъ ни года ни мѣсяца; когда трибунъ замѣтилъ при сверткѣ огромную, хорошо ему знакомую, государственную печать изъ темнозеленаго воску на позолоченныхъ тесьмахъ, — въ глазахъ у него помутилось, колѣни подогнулись.

— Прости! Это ошибка...

— Ахъ, вы бездѣльники! Прочь отсюда! Чтобъ духу вашего здѣсь не было! Еще пьяные! Все будетъ извѣстно императору!

Мардоній вырвалъ изъ дрожащихъ рукъ Скѵдило бумагу.

— Не губи меня! Всѣ мы — братья, всѣ мы — грѣшные люди. Умоляю тебя именемъ Христа!

— Знаю, знаю, что вы дѣлаете именемъ Христа, негодяи! Прочь отсюда!

Бѣдный трибунъ подалъ знакъ отступленія. Тогда Мардоній снова поднялъ тупой мечъ и, размахивая имъ, сдѣлался похожимъ на воина изъ Иліады. Одинъ только пьяный центуріонъ рвался къ нему и кричалъ:

— Пустите, пустите! Я проткну этотъ старый пузырь и посмотрю, какъ онъ лопнетъ!

Пьянаго увели подъ руки.

Когда шаги умолкли, и Мардоній убѣдился, что опасность миновала, онъ громко захохоталъ; все дряблое, женоподобное тѣло скопца колыхалось отъ смѣха; онъ забылъ важность, приличную педагогу, и подпрыгивалъ на своихъ

слабыхъ, голыхъ ногахъ, въ ночной туникѣ, крича отъ восторга:

— Дѣти мои, дѣти! Хвала Гермесу! Ловко мы ихъ провели! Эдиктъ уже три года какъ отмѣненъ. Дураки, дураки!...

Передъ солнечнымъ восходомъ Юліанъ уснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ. Онъ проснулся поздно, бодрый и веселый, когда голубое небо сіяло въ рѣшетчатомъ высокомъ окнѣ спальни.

III.

Утромъ былъ урокъ катехизиса. Богословіе преподавалъ другой учитель, аріанскій пресвитеръ, съ руками мокрыми, холодными и костлявыми, съ уныло-свѣтлыми, лягушечьими глазами, сгорбленный и высокій какъ шестъ, худой какъ щепка, монахъ Евтропій. У него была непріятная привычка, тихонько лизнувъ ладонь руки, быстро приглаживать ею облѣзлые, сѣденькіе височки, и непремѣнно, тотчасъ же послѣ того, вкладывая пальцы въ пальцы, слегка пощелкивать суставами. Юліанъ зналъ, что за однимъ движеніемъ неминуемо послѣдуетъ другое, и это раздражало его. Евтропій носилъ черную рясу, заплатанную, со многими пятнами, увѣряя, что носитъ плохую одежду изъ смиренія; на самомъ дѣлѣ онъ былъ скряга

Евсевій Никомедійскій, духовный опекунъ Юліана, избралъ этого наставника.

Монахъ подозрѣвалъ въ своемъ питомцѣ «тайную строптивость ума», которая, по мнѣнію учителя, грозила Юліану вѣчною погибелью, ежели онъ не исправится. Евтропій неутомимо говорилъ о тѣхъ чувствахъ, которыя ребенокъ обязанъ питать къ своему благодѣтелю, императору Констанцію. Объяснялъ ли онъ Новый завѣтъ или аріанскій догматъ или пророческое знаменье, — все сводилось къ этой цѣли, къ этому «корню святого послушанія и сыновней покорности». Казалось, подвиги смиренія и любви, мученическія жертвы — только рядъ ступеней, по ко-

торымъ тріумфаторъ Констанцій восходитъ на престолъ. Но иногда, въ то время, какъ аріанскій монахъ говорилъ о благодѣяніяхъ императора, оказанныхъ ему, Юліану, мальчикъ смотрѣлъ молча прямо въ глаза учителю глубокимъ взоромъ; онъ зналъ, что̀ въ это мгновеніе думаетъ монахъ, такъ же, какъ тотъ зналъ, что̀ думаетъ ученикъ; и они объ этомъ не говорили.

Но послѣ того, если Юліанъ останавливался, забывъ перечисленіе именъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ или плохо выученную молитву, Евтропій, также молча, съ наслажденіемъ, смотрѣлъ на него лягушечьими глазами и тихонько бралъ его за ухо двумя пальцами, какъ будто лаская; ребенокъ чувствовалъ, какъ медленно впивались въ ухо его два острыхъ, жесткихъ ногтя.

Евтропій, несмотря на видимую угрюмость, обладалъ насмѣшливымъ и по-своему веселымъ нравомъ; онъ давалъ ученику самыя нѣжныя названія: «дражайшій мой», «первенецъ души моей», «возлюбленный сынъ мой», и посмѣивался надъ его царственнымъ происхожденіемъ; каждый разъ, ущипнувъ его за ухо, когда Юліанъ блѣднѣлъ не отъ боли, а отъ злости, монахъ произносилъ подобострастно:

— Не изволитъ ли гнѣваться твое величество на смиреннаго и худоумнаго раба Евтропія?

И, лизнувъ ладонь, приглаживалъ височки и слегка потрескивалъ пальцами, прибавляя, что злыхъ и лѣнивыхъ мальчиковъ очень бы хорошо поучить иногда лозою, что объ этомъ упоминается и въ священномъ Писаніи: лоза темный и строптивый умъ просвѣщаетъ. Говорилъ онъ это только для того, чтобы смирить «бѣсовскій духъ гордыни» въ Юліанѣ; мальчикъ зналъ, что Евтропій не посмѣетъ исполнить угрозу; да и монахъ самъ былъ втайнѣ убѣжденъ, что ребенокъ скорѣе умретъ, чѣмъ позволитъ себя высѣчь; и все-таки учитель почасту и подолгу говорилъ объ этомъ.

Въ концѣ урока, при объясненіи какого-то мѣста изъ священнаго Писанія, Юліану случилось заикнуться объ антиподахъ, о которыхъ слышалъ онъ отъ Мардонія. Мо-

жетъ-быть, онъ сдѣлалъ это нарочно, чтобы взбѣсить монаха, но тотъ залился тонкимъ смѣхомъ, закрывая ротъ ладонью.

— И отъ кого ты слышалъ, дражайшій, объ антиподахъ? Ну, насмѣшилъ ты меня, грѣшнаго, насмѣшилъ! Знаю, знаю, у стараго глупца Платона кое-что о нихъ говорится. А ты и повѣрилъ, что люди вверхъ ногами ходятъ?

Евтропій сталъ обличать безбожную ересь философовъ. Не постыдно ли думать, что люди, созданные по образу и подобію Божію, ходятъ на головахъ, издѣваясь, такъ сказать, надъ твердью небесной? Когда же Юліанъ, обиженный за любимыхъ мудрецовъ, упомянулъ о круглости земли, Евтропій вдругъ пересталъ смѣяться и пришелъ въ такую ярость, что, весь побагровѣвъ, затопалъ ногами.

— Отъ Мардонія язычника наслушался ты этой лжи богопротивной!

Когда онъ сердился, то говорилъ запинаясь, брызгая слюною; слюна эта казалась Юліану ядовитой. Монахъ съ ожесточеніемъ напалъ на всѣхъ мудрецовъ Эллады; онъ забылъ, что передъ нимъ ребенокъ, и произносилъ уже искренно цѣлую проповѣдь, задѣтый Юліаномъ за больное мѣсто: старика Пиѳагора, «выжившаго изъ ума», обвинялъ въ безстыдной дерзости; о бредняхъ Платона, казалось ему, и говорить не стоитъ; онъ просто называлъ ихъ «омерзительными»; ученіе Сократа—«безразсуднымъ».

— Почитай-ка о Сократѣ у Діогена Лаэрція, — сообщалъ онъ Юліану злорадно, — найдешь, что онъ былъ ростовщикомъ; кромѣ того, запятналъ себя гнуснѣйшими пороками, о коихъ и говорить непристойно.

Но особенную ненависть возбуждалъ въ немъ Эпикуръ.

— Я не считаю сего и стоющимъ отвѣта: звѣрство, съ какимъ погружался онъ во всѣ роды похотей, и низость, съ какою дѣлался рабомъ чувственныхъ удовольствій, довольно показываютъ, что онъ былъ не человѣкъ, а скотъ.

Успокоившись немного, принялся объяснять неуловимый оттѣнокъ аріанскаго догмата, съ такой же яростью

нападая на православную церковь, которую называлъ еретической.

Въ окно изъ сада вѣяло свѣжестью. Юліанъ дѣлалъ видъ, что внимательно слушаетъ Евтропія; на самомъ дѣлѣ думалъ онъ о другомъ — о своемъ любимомъ учителѣ Мардоніи; вспоминалъ его мудрыя бесѣды, чтенія Гомера и Гезіода, — какъ они были непохожи на уроки монаха!

Мардоній не читалъ, а пѣлъ Гомера, по обычаю древнихъ рапсодовъ; Лабда смѣялась, что онъ «воетъ, какъ песъ на луну». И въ самомъ дѣлѣ, непривычнымъ людямъ было смѣшно: старый евнухъ дѣлалъ ударенія на каждой стопѣ гекзаметра, размахивая въ ладъ руками; и важность была на желтомъ, морщинистомъ лицѣ его. Но тоненькій бабій голосокъ становился все громче и громче. Юліанъ не замѣчалъ уродства старика; холодъ наслажденія пробѣгалъ по тѣлу мальчика; божественные гекзаметры переливались и шумѣли, какъ волны: онъ видѣлъ прощаніе Андромахи съ Гекторомъ, Одиссея, тоскующаго по своей Итакѣ, на островѣ Калипсо, предъ унылымъ пустыннымъ моремъ. И сердце Юліана щемила сладкая боль, тоска по Элладѣ — родинѣ боговъ, родинѣ всѣхъ, кто любитъ красоту. Слезы дрожали въ голосѣ учителя, слезы текли по желтымъ щекамъ его.

Иногда Мардоній говорилъ ему о мудрости, о суровой добродѣтели, о смерти героевъ за свободу.—О, какъ и эти рѣчи были не похожи на рѣчи Евтропія! — Онъ разсказывалъ ему жизнь Сократа; когда доходилъ до апологіи передъ аѳинскимъ народомъ, то вскакивалъ и читалъ наизусть рѣчь философа; лицо его дѣлалось спокойнымъ и немного презрительнымъ: казалось, говоритъ не подсудимый, а судья народа; Сократъ не проситъ милости; вся власть, всѣ законы государства — ничто передъ свободой духа человѣческаго. Аѳиняне могутъ умертвить его, но не отнимутъ свободы и счастья у безсмертной души его. И когда этотъ скиѳъ, варваръ, купленный рабъ съ береговъ Борисѳена восклицалъ: «Свобода!» — Юліану казалось, что въ словѣ этомъ такая красота, что передъ ней блѣднѣютъ

образы Гомера. И, смотря широко открытыми, почти безумными глазами на учителя, весь дрожалъ онъ и холодѣлъ отъ восторга.

Мальчикъ проснулся отъ грезъ, почувствовавъ прикосновеніе къ уху костлявыхъ, холодныхъ пальцевъ. Урокъ катехизиса кончился. Ставъ на колѣни, онъ прочелъ благодарственную молитву. Потомъ, вырвавшись отъ Евтропія, побѣжалъ къ себѣ въ келью, взялъ книгу и направился въ любимый уголокъ сада, чтобы читать на свободѣ. Книга была запретная, *Симпозіонъ* богохульнаго и нечестиваго Платона. На лѣстницѣ Юліанъ нечаянно столкнулся съ уходившимъ Евтропіемъ.

— Погоди, погоди-ка, дражайшій! Что это за книжечка у твоего величества?

Юліанъ взглянулъ на него спокойно и подалъ книгу. На пергаментномъ переплетѣ прочелъ монахъ заглавіе большими буквами: «Посланія Апостола Павла». Онъ отдалъ, не развернувъ.

— Ну, то-то же... Помни: я за твою душу отвѣчаю передъ Богомъ и передъ великимъ государемъ. Не читай еретическихъ книгъ, въ особенности же тѣхъ философовъ, суетную мудрость коихъ я довольно обличилъ сегодня.

Это была обычная хитрость мальчика: онъ завертывалъ запрещенныя книги въ переплеты съ невинными заглавіями. Юліанъ научился лицемѣрить съ дѣтства съ недѣтскимъ совершенствомъ. Обманывалъ съ наслажденіемъ, въ особенности Евтропія. Иногда притворялся, хитрилъ и лицемѣрилъ безъ нужды, по привычкѣ, съ чувствомъ злобной и мстительной радости; обманывалъ всѣхъ, кромѣ Мардонія.

Въ Мацеллумѣ между безчисленными праздными слугами и служанками не было конца происканъ, клеветамъ, сплетнямъ, подозрѣніямъ, доносамъ. Придворная челядь, надѣясь выслужиться, днемъ и ночью слѣдила за царственными братьями, попавшими въ немилость.

Съ тѣхъ поръ, какъ Юліанъ себя помнилъ, онъ ждалъ смерти со дня на день, и мало-по-малу почти привыкъ къ

страху, зналъ, что ни въ домѣ, ни въ саду не можетъ сдѣлать шага, который ускользнулъ бы отъ тысячи глазъ. Ребенокъ много слышалъ и понималъ, но поневолѣ долженъ былъ дѣлать видъ, что не слышитъ и не понимаетъ. Однажды донеслось къ нему нѣсколько словъ изъ бесѣды Евтропія съ подосланнымъ отъ Констанція соглядатаемъ, въ которой монахъ называлъ Юліана и Галла «царственными щенятами». Въ другой разъ, въ крытомъ ходу, подъ окнами кухни, мальчикъ нечаянно подслушалъ, какъ старый пьяница-поваръ, раздраженный какой-то дерзостью Галла, говорилъ своей любовницѣ, рабынѣ, перемывавшей посуду: «Господь да сохранитъ мою душу, Присцилла, — удивляюсь я, какъ это ихъ еще до сей поры не придушили!»

Когда Юліанъ, послѣ урока катехизиса, выбѣжалъ изъ дома и увидѣлъ зелень деревьевъ, онъ вздохнулъ свободнѣе.

Вѣчные снѣга двуглавой вершины Аргея бѣлѣли на голубомъ небѣ. Отъ близкихъ ледниковъ вѣяло прохладой. Просѣки уходили вдаль непроницаемыми сводами южныхъ дубовъ, съ мелкими блестящими черно-зелеными листьями; кое-гдѣ прорывался лучъ и трепеталъ на зелени платановъ. Только съ одной стороны сада не было стѣнъ: тамъ кончался онъ обрывомъ. Внизу тянулась пустыня до самаго края неба, до Антитавра. Она дышала зноемъ. А въ саду шумѣли студеныя воды, низвергались съ грохотомъ, били фонтанами, лепетали струйками подъ кущами олеандровъ. Мацеллумъ столѣтья тому назадъ былъ любимымъ пріютомъ роскошнаго и полубезумнаго царя Каппадокіи, Аріарафа.

Юліанъ, съ книгой Платона, направился въ уединенную пещеру, недалеко отъ обрыва. Тамъ стоялъ козлоногій Панъ, игравшій на свирѣли, и маленькій жертвенникъ. Въ каменную раковину струилась вода изъ львиной пасти. Входъ былъ затканъ желтыми розами; между ними виднѣлись холмы пустыни, туманно-голубые, волнообразные какъ море; запахъ чайныхъ розъ наполнялъ пещеру. Въ ней было душно, если бы не ледяная струйка. Вѣтеръ приносилъ желто-бѣлые лепестки, усыпалъ ими землю и

воду. Слышно было жужжаніе пчелъ въ темномъ, тепломъ воздухѣ.

Юліанъ, лежа на мху, читалъ «Пиръ»; многаго не понималъ; но прелесть книги была въ томъ, что она запретная.

Отложивъ Платона, онъ опять завернулъ его въ переплетъ посланій апостола Павла, тихонько подошелъ къ жертвеннику Пана, взглянулъ на веселаго бога, какъ на стараго сообщника и, разрывъ груду сухихъ листьевъ, досталъ изъ внутренности жертвенника, проломаннаго и прикрытаго дощечкой, предметъ, старательно обвернутый тканью. Осторожно развернувъ, мальчикъ поставилъ его передъ собой. Это было его созданіе, великолѣпный игрушечный корабль «либурнская трирема». Онъ подошелъ къ чашѣ водомета и опустилъ корабль въ воду. Трирема закачалась на маленькихъ волнахъ. Все готово—три мачты, снасти, весла; носъ позолоченъ; паруса—изъ шелковой тряпочки, подаренной Лабдой. Оставалось придѣлать руль. И мальчикъ принялся за работу. Строгая дощечку, изрѣдка посматривалъ на даль, сквозившую между розами, на волнообразные холмы. И надъ игрушечнымъ кораблемъ своимъ скоро забылъ всѣ обиды, всю свою ненависть и вѣчный страхъ смерти. Воображалъ себя затерянным среди волнъ, въ пустынной пещерѣ, высоко надъ моремъ, хитроумнымъ Одиссеемъ, строящимъ корабль, чтобы вернуться въ милую отчизну. Но тамъ, среди холмовъ, гдѣ бѣлѣли крыши Цезареи, какъ пѣна на морскихъ волнахъ,—крестъ, маленькій блестящій крестъ надъ базиликой, мѣшалъ ему. Этотъ вѣчный крестъ! Онъ старался не видѣть, утѣшаясь триремой.

— Юліанъ! Юліанъ! Да гдѣ же онъ?.. Въ церковь пора. Евтропій зоветъ тебя въ церковь!

Мальчикъ вздрогнулъ и поспѣшно спряталъ трирему въ отверстіе жертвенника; потомъ поправилъ волосы, одежду; и когда онъ выходилъ изъ пещеры, лицо его приняло снова непроницаемое, недѣтское выраженіе глубокаго лицемѣрія—словно жизнь отъ него отлетѣла.

Держа Юліана за руку своей холодной, костлявой рукой, Евтропій повелъ его въ церковь.

IV.

Аріанская базилика св. Маврикія построена была почти цѣликомъ изъ камней разрушеннаго храма Аполлона.

Священный дворъ — атріумъ окружали съ четырехъ сторонъ ряды столбовъ. Посрединѣ журчалъ фонтанъ для омовенія молящихся. Въ одномъ изъ боковыхъ притворовъ была древняя гробница изъ рѣзного потемнѣвшаго дуба; въ ней покоились чудотворныя мощи святого Мамы. Евтропій заставлялъ Юліана и Галла строить каменную раку надъ мощами. Работа Галла, который считалъ ее пріятнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ, подвигалась; но стѣнка Юліана то и дѣло рушилась. Евтропій объяснялъ это тѣмъ, что св. Мама отвергаетъ даръ отрока, одержимаго духомъ бѣсовской гордыни.

Около гробницы толпились больные, ждавшіе исцѣленія. Юліанъ зналъ, зачѣмъ они приходятъ: у одного аріанскаго монаха были въ рукахъ вѣсы; богомольцы, многіе изъ далекихъ селеній, отстоявшихъ на нѣсколько парасанговъ, тщательно взвѣшивали куски льняной, шелковой или шерстяной ткани и, положивъ ихъ на гробъ св. Мамы, молились подолгу — иногда цѣлую ночь до утра; потомъ ту же ткань снова взвѣшивали, чтобы сравнить съ прежнимъ вѣсомъ; если ткань была тяжелѣе, значитъ, молитва исполнена: благодать святого вошла, — подобно ночной росѣ, впиталась въ шелкъ, ленъ или шерсть, и теперь ткань могла исцѣлять недуги. Но часто молитва оставалась неуслышанной: ткань не тяжелѣла, и богомольцы проводили у гроба дни, недѣли, мѣсяцы. Здѣсь была одна бѣдная женщина, старица Ѳеодула: одни считали ее полоумной, другіе—святой; уже цѣлые годы не отходила она отъ гробницы Мамы; больная дочь, для которой старица сначала просила исцѣленія, давно умерла, а Ѳеодула попрежнему молилась о кусочкѣ полинявшей, истрепанной ткани.

Три двери изъ атріума вели въ аріанскую базилику: одна—въ мужское отдѣленіе, другая—въ женское, третья—въ отдѣленіе для монаховъ и клира.

Вмѣстѣ съ Галломъ и Евтропіемъ Юліанъ вошелъ въ среднюю дверь. Онъ былъ анагностомъ — церковнымъ чтецомъ у св. Мавикія. Его облекала длинная черная одежда съ широкими рукавами; волосы, умащенные елеемъ, придерживались тонкой тесьмой, для того, чтобы при чтеніи не падали на глаза.

Онъ прошелъ среди народа, скромно потупившись. Блѣдное лицо почти непроизвольно принимало выраженіе лицемѣрнаго, необходимаго, давно привычнаго смиренія.

Онъ взошелъ на высокій аріанскій амвонъ.

Живопись на одной изъ стѣнъ изображала мученическій подвигъ св. Евѳиміи: палачъ схватилъ голову страдалицы и держалъ ее откинутой назадъ неподвижно; другой, открывъ ей ротъ щипцами, приближалъ къ нему чашу, должно-быть, съ расплавленнымъ свинцомъ. Рядомъ изображено было другое мученіе: та же Евѳимія привѣшена къ дереву за руки, и палачъ строгаетъ орудіемъ пытки ея окровавленные, дѣвственные, почти дѣтскіе члены. Внизу была надпись:

Кровью мучениковъ, Господи, церковь твоя украшается, какъ багряницею и виссономъ.

На противоположной стѣнѣ изображены были грѣшники, горящіе въ аду; надъ ними—рай со святыми угодниками; одинъ изъ нихъ срывалъ румяный плодъ съ дерева, другой пѣлъ, играя на гусляхъ, а третій наклонился, облокотившись на облако, и смотрѣлъ на адскія муки съ тихой усмѣшкой. Внизу надпись:

Тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Больные отъ гроба св. Мамы вошли въ церковь; это были хромые, слѣпые, калѣки, разслабленные, дѣти на костыляхъ, похожія на стариковъ, бѣсноватые, юродивые,—блѣдныя лица съ воспаленными вѣками, съ выраженіемъ тупой, безнадежной покорности. Когда хоръ умолкалъ, въ тишинѣ слышались сокрушенныя воздыханія церковныхъ вдовъ—калугрій, въ темныхъ одеждахъ, или позвякиваніе

веригъ старца Памфила; въ продолженіе многихъ лѣтъ Памфилъ ни съ однимъ человѣкомъ не молвилъ слова и только повторялъ: «Господи, Господи! дай мнѣ слезы, дай мнѣ умиленіе, дай мнѣ память смертную».

Воздухъ былъ теплый, душный, какъ въ подземельи—тяжелый, пропитанный ладаномъ, запахомъ воска, гарью лампадъ, дыханіемъ больныхъ.

Въ тотъ день Юліанъ долженъ былъ читать Апокалипсисъ. Проносились страшные образы Откровенія: блѣдный конь въ облакахъ, имя которому Смерть; племена земныя тоскуютъ, предчувствуя кончину міра; солнце мрачно, какъ власяница; луна сдѣлалась, какъ кровь; люди говорятъ горамъ и камнямъ: падите на насъ и сокройте насъ отъ лица Сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца, ибо пришелъ великій день гнѣва Его, и кто можетъ устоять? — Повторялись пророчества: «Люди будутъ искать смерти и не найдутъ ея; пожелаютъ умереть, и смерть убѣжитъ отъ нихъ».—Раздавался вопль: «Блаженны мертвые!»— Это было кровавое избіеніе народовъ; виноградъ брошенъ въ великое точило гнѣва Божія, и ягоды истоптаны, и потекла кровь изъ точила даже до уздъ конскихъ, на тысячу шестьсотъ стадій. «И люди проклинали Бога небеснаго отъ страданій своихъ и язвъ своихъ; и не раскаялись въ дѣлахъ своихъ. И Ангелъ возопилъ: кто поклоняется Звѣрю и образу его, тотъ будетъ пить вино ярости Божіей, вино цѣльное, приготовленное въ чашѣ гнѣва Его, и будетъ мучимъ въ огнѣ и сѣрѣ, передъ святыми Ангелами и Агнцемъ. И дымъ мученій ихъ будетъ восходить во вѣки вѣковъ, и не будетъ имѣть покоя ни днемъ, ни ночью поклоняющійся Звѣрю и образу его».

Юліанъ умолкъ; въ церкви была тишина; въ испуганной толпѣ слышались только тяжелые вздохи, удары головой о плиты и звяканья цѣпей юродиваго: «Господи! Господи! дай мнѣ слезы, дай мнѣ умиленіе, дай мнѣ память смертную».

Мальчикъ взглянулъ вверхъ, на огромный полукругъ мозаики между столбами свода: это былъ аріанскій образъ

Христа — грозный, темный, исхудалый ликъ въ золотомъ сіяніи и діадемѣ, похожей на діадему византійскихъ императоровъ, почти старческій, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и строго сжатыми губами; десницей благословлялъ Онъ міръ; въ лѣвой рукѣ держалъ книгу; въ книгѣ было написано: «Міръ вамъ. Я свѣтъ міра». Онъ сидѣлъ на великолѣпномъ престолѣ, и римскій императоръ — Юліану казалось, что это Константій — цѣловалъ Ему ноги.

А между тѣмъ тамъ, внизу, въ полумракѣ, гдѣ теплилась одна лишь лампада, виднѣлся мраморный барельефъ на гробницѣ первыхъ временъ христіанства. Тамъ были изваяны маленькія нѣжныя нереиды, пантеры, веселые тритоны; и рядомъ — Моисей, Іона съ китомъ, Орфей, укрощающій звуками лиры хищныхъ звѣрей, вѣтка оливы, голубь и рыба — простодушные символы дѣтской вѣры; среди нихъ — Пастырь Добрый, несущій овцу на плечахъ, заблудшую и найденную овцу — душу грѣшника. Онъ былъ радостенъ и простъ, этотъ босоногій юноша, съ лицомъ безбородымъ, смиреннымъ и кроткимъ, какъ лица бѣдныхъ поселянъ; у него была улыбка тихаго веселія. Юліану казалось, что никто уже не знаетъ и не видитъ Добраго Пастыря; и съ этимъ маленькимъ изображеніемъ иныхъ временъ для него связанъ былъ какой-то далекій дѣтскій сонъ, который иногда хотѣлъ онъ вспомнить и не могъ. Отрокъ со овцой на плечахъ смотрѣлъ на него, на него одного, съ таинственнымъ вопросомъ. И Юліанъ шепталъ слово, слышанное отъ Мардонія: «Галилеянинъ!»

Въ это мгновеніе, упавъ изъ окна, косые лучи солнца задрожали столбомъ въ облакѣ ладана... и, тихо колеблясь, какъ будто подняло оно вспыхнувшій золотымъ сіяніемъ грозный, темный ликъ Христа. Хоръ торжественно грянулъ:

«Да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто же земное въ себѣ да помышляетъ. Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же Сему лицы Ангельскіи, со всякимъ началомъ

и властію, многоочитіи херувіми и шестокрилатіи серафіми, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: Аллилуіа! Аллилуіа! Аллилуіа!»

И пѣснь, какъ буря, проносилась надъ склоненными головами молящихся.

Образъ босоногаго юноши, Добраго Пастыря, уходилъ въ неизмѣримую даль, но все еще смотрѣлъ на Юліана съ вопросомъ. И сердце мальчика сжималось не отъ благоговѣнія, а отъ ужаса передъ этой тайной, которую во всю жизнь не суждено ему было разгадать.

V.

Изъ базилики вернулся онъ въ Мацеллумъ, захватилъ съ собой готовую, тщательно завернутую трирему и, никѣмъ не замѣченный (Евтропій уѣхалъ на нѣсколько дней), выскользнулъ изъ воротъ крѣпости и побѣжалъ мимо церкви св. Маврикія къ сосѣднему храму Афродиты.

Роща богини соприкасалась съ кладбищемъ христіанской церкви. Вражда и споры, даже тяжбы между двумя храмами никогда не прекращались. Христіане требовали разрушеніе капища. Жрецъ Олимпіодоръ жаловался на церковныхъ сторожей: по ночамъ они тайно вырубали вѣковые кипарисы заповѣдной рощи и рыли могилы для христіанскихъ покойниковъ въ землѣ Афродиты.

Юліанъ вступилъ въ рощу. Теплый воздухъ охватилъ его. Полуденный зной выжалъ изъ сѣрой волокнистой коры кипарисовъ капли смолы. Юліану казалось, что въ полумракѣ вѣетъ дыханіе Афродиты

Между деревьями бѣлѣли изваянія. Здѣсь былъ Эросъ, натягивающій лукъ; должно-быть, церковный сторожъ, издѣваясь надъ идоломъ, отбилъ мраморный лукъ; вмѣстѣ съ двумя руками бога оружіе любви покоилось въ травѣ, у подножія статуи; но безрукій мальчикъ попрежнему, выставивъ одну пухлую ножку впередъ, цѣлился съ рѣзвой улыбкой.

Юліанъ вошелъ въ домикъ жреца Олимпіодора. Комнаты были маленькія, тѣсныя, почти игрушечныя, но уютныя; никакой роскоши, скорѣе бѣдность,—ни ковровъ ни серебра; простые каменные полы, деревянные скамьи и стулья, дешевыя амфоры изъ обожженной глины. Но въ каждой мелочи было изящество. Ручка простой кухонной лампады изображала Посейдона съ трезубцемъ: это была древняя, искусная работа. Иногда Юліанъ подолгу любовался на стройныя очертанія простой глиняной амфоры съ дешевымъ оливковымъ масломъ. Всюду на стѣнахъ виднѣлась легкая живопись: то нереида, сидящая верхомъ на водяномъ чешуйчатомъ конѣ, то пляшущая молодая богиня въ длинномъ пеплумѣ съ вьющимися складками

Все смѣялось въ домикѣ, облитомъ солнечнымъ свѣтомъ: смѣялись нереиды на стѣнахъ, пляшущія богини, тритоны, даже морскіе чешуйчатые кони; смѣялся мѣдный Поссейдонъ на ручкѣ лампады; тотъ же смѣхъ былъ и на лицахъ обитателей дома; они родились веселыми; имъ довольно было двухъ дюжинъ вкусныхъ оливъ, бѣлаго пшеничнаго хлѣба, кисти винограда, нѣсколькихъ кубковъ вина, смѣшаннаго съ водою, чтобы счесть это за цѣлый пиръ и чтобы жена Олимпіодора, Діофана, въ знакъ торжества, повѣсила на двери лавровый вѣнокъ.

Юліанъ вошелъ въ садикъ атріума. Подъ открытымъ небомъ билъ фонтанъ. Рядомъ, среди нарцисовъ, аканѳовъ, тюльпановъ и миртъ, стояло небольшое бронзовое изваяніе Гермеса, крылатаго, смѣющагося, какъ все въ домѣ, готоваго вспорхнуть и улетѣть. Надъ цвѣтникомъ на солнцѣ вились пчелы и бабочки.

Подъ легкой тѣнью портика на дворѣ Олимпіодоръ и его семнадцатилѣтняя дочь Амариллисъ играли въ изящную аттическую игру — коттабу: на столбикѣ, вбитомъ въ землю, поперечная перекладина качалась подобно коромыслу вѣсовъ; къ обоимъ концамъ ея привѣшены небольшія чашечки; подъ каждой подставленъ сосудъ съ водою и съ маленькимъ мѣднымъ изваяніемъ; надо было съ нѣкотораго разстоянія плеснуть изъ кубка виномъ такъ, чтобы

попасть въ одну изъ чашекъ и чтобы, опустившись, ударилась она объ изваяніе.

– Играй, играй же. За тобой очередь! — кричала Амариллисъ.

— Разъ, два, три!

Олимпіодоръ плеснулъ и не попалъ; онъ смѣялся дѣтскимъ смѣхомъ; странно было видѣть высокаго человѣка съ просѣдью въ волосахъ, увлеченнаго игрою подобно ребенку.

Дѣвушка красивымъ движеніемъ голой руки, откинувъ лиловую тунику, плеснула виномъ—и чашечка коттабы зазвенѣла, ударившись.

Амариллисъ захлопала въ ладоши и захохотала.

Вдругъ въ дверяхъ увидѣли Юліана.

Всѣ начали цѣловать его и обнимать. Амариллисъ кричала:

— Діофана! Гдѣ же ты? Посмотри, какой гость! Скорѣе! Скорѣе!

Діофана прибѣжала изъ кухни.

— Юліанъ, мальчикъ мой милый! Что ты будто похудѣлъ? Давно мы тебя не видали...

И она прибавила, сіяющая отъ веселья:

— Радуйтесь, дѣти мои! Сегодня будетъ у насъ пиръ. Я приготовлю вѣнки изъ розъ, зажарю три окуня и сготовлю сладкія инбирныя печенья...

Въ эту минуту молодая рабыня подошла и шепнула Олимпіодору, что богатая патриціанка изъ Цезареи желаетъ его видѣть, имѣя дѣло къ жрецу Афродиты. Онъ вышелъ.

Юліанъ и Амариллисъ стали играть въ коттабу.

Тогда неслышно на порогѣ появилась десятилѣтняя, тонкая, блѣдная и бѣлокурая дѣвочка, младшая дочь Олимпіодора, Психея. У нея были голубые, огромные и печальные глаза. Одна во всемъ домѣ казалась она непосвященной Афродитѣ, чуждой общему веселью. Она жила отдѣльной жизнью, оставаясь задумчивой, когда всѣ смѣялись, и никто не зналъ, о чемъ она скорбитъ, чему радуется.

Отецъ считалъ ее жалкимъ существомъ, неисцѣлимо-больной, испорченной недобрымъ глазомъ, чарами вѣчныхъ враговъ своихъ, галилеянъ: они изъ мести отняли у него ребенка; чернокудрая Амариллисъ была любимой дочерью Олимпіодора; но мать тайкомъ баловала Психею и съ ревнивой страстностью любила больного ребенка, не понимая внутренней жизни его.

Психея, скрываясь отъ отца, ходила въ базилику св. Маврикія. Не помогали ни ласки матери, ни мольбы, ни угрозы. Жрецъ въ отчаяніи отступился отъ Психеи. Когда говорили о ней, лицо его омрачалось и принимало недоброе выраженіе. Онъ увѣрялъ, будто бы за нечестіе ребенка виноградникъ, прежде благословляемый Афродитой, сталъ приносить меньше плодовъ, ибо довольно было маленькаго золотого крестика, который дѣвочка носила на груди, для того чтобы осквернить храмъ.

— Зачѣмъ ты ходишь въ церковь?—спросилъ ее однажды Юліанъ.

— Не знаю. Тамъ хорошо. Ты видѣлъ Добраго Пастыря?

— Да, видѣлъ. Галилеянинъ! Откуда ты про Него знаешь?

— Мнѣ старушка Ѳеодула сказывала. Съ тѣхъ поръ я хожу въ церковь. И отчего это, скажи мнѣ, Юліанъ, отчего они всѣ такъ не любятъ Его?

Олимпіодоръ вернулся торжествующій и разсказалъ о своей бесѣдѣ съ патриціанкой: это была молодая знатная дѣвушка; женихъ разлюбилъ ее; она думала, что онъ околдованъ чарами соперницы; много разъ ходила она въ христіанскую церковь, усердно молилась на гробницѣ св. Мамы. Ни посты, ни бдѣнія, ни молитвы не помогли. «Развѣ христіане могутъ помочь!» заключилъ Олимпіодоръ съ презрѣніемъ и взглянулъ исподлобья на Психею, которая внимательно слушала.

— И вотъ христіанка пришла ко мнѣ: Афродита исцѣлитъ ее!

Онъ показалъ съ торжествомъ двухъ связанныхъ бѣлыхъ голубковъ: христіанка просила принести ихъ въ жертву богинѣ.

Амариллисъ, взявъ голубковъ въ руки, цѣловала нѣжные розовые клювы и увѣряла, что ихъ жалко убивать.

— Отецъ, знаешь что? Мы принесемъ ихъ въ жертву, не убивая.

— Какъ? Развѣ можетъ быть жертва безъ крови?

— А вотъ какъ. Пустимъ на свободу. Они улетятъ прямо въ небо, къ престолу Афродиты. Не правда ли? Богиня тамъ, въ небѣ. Она приметъ ихъ. Позволь, пожалуйста, милый!

Амариллисъ такъ нѣжно цѣловала его, что онъ не имѣлъ духу отказать.

Тогда дѣвушка развязала и пустила голубей. Они затрепетали бѣлыми крыльями съ радостнымъ шелестомъ и полетѣли въ небо—къ престолу Афродиты. Заслоняя глаза рукою, жрецъ смотрѣлъ, какъ исчезаетъ въ небѣ жертва христіанки. И Амариллисъ прыгала отъ восторга, хлопая въ ладоши.

— Афродита! Афродита! Прими безкровную жертву.

Олимпіодоръ ушелъ. Юліанъ торжественно и робко приступилъ къ Амариллисъ. Голосъ его дрогнулъ, щеки вспыхнули, когда тихо произнесъ онъ имя дѣвушки.

— Амариллисъ! Я принесъ тебѣ...

— Да, я уже давно хотѣла спросить, что это у тебя?

— Трирема...

— Трирема? Какая? Для чего? Что ты говоришь?

— Настоящая либурнская...

Онъ сталъ быстро развертывать подарокъ, но вдругъ почувствовалъ неодолимый стыдъ.

Амариллисъ смотрѣла въ недоумѣніи.

Онъ совсѣмъ смутился и взглянулъ на нее съ мольбою, опуская игрушечный корабль въ маленькія волны фонтана.

— Ты не думай, Амариллисъ,—трирема настоящая. Съ парусами. Видишь, плаваетъ, и руль есть...

Но Амариллисъ громко хохотала надъ подаркомъ.

— На что мнѣ трирема? Недалеко съ ней уплывешь. Это корабль для мышей или цикадъ. Подари лучше Психеѣ: она будетъ рада. Видишь, какъ смотритъ.

Юліанъ былъ оскорбленъ. Онъ старался принять равнодушный видъ, но чувствовалъ, что слезы сжимаютъ горло его, концы губъ дрожатъ и опускаются. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, удержался отъ слезъ и сказалъ:

— Я вижу, что ты ничего не понимаешь...

Подумалъ и прибавилъ:

— Ничего не понимаешь въ искусствѣ!

Но Амариллисъ еще громче засмѣялась.

Къ довершенію обиды, позвали ее къ жениху. Это былъ богатый самосскій купецъ. Онъ слишкомъ сильно душился, одѣвался безвкусно и въ разговорѣ дѣлалъ грамматическія ошибки. Юліанъ его ненавидѣлъ. Весь домъ омрачился, и радость исчезла, когда онъ узналъ, что пришелъ самосецъ.

Изъ сосѣдней комнаты доносилось радостное щебетаніе Амариллисъ и голосъ жениха.

Юліанъ схватилъ свою дорогую, настоящую «либурнскую трирему», стоившую ему столько трудовъ, сломалъ мачту, сорвалъ паруса, перепуталъ снасти, растопталъ, изуродовалъ корабль, не говоря ни слова, съ тихою яростью, къ ужасу Психеи.

Амариллисъ вернулась. На лицѣ ея были слѣды чужого счастья—тотъ избытокъ жизни, чрезмѣрная радость любви, когда молодымъ дѣвушкамъ все равно, кого обнимать и цѣловать.

— Юліанъ, прости меня; я обидѣла тебя. Ну, прости же, дорогой мой! Видишь, какъ я тебя люблю... люблю..

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, Амариллисъ, откинувъ тунику, обвила его шею голыми, свѣжими руками. Сердце его упало отъ сладкаго страха: онъ увидѣлъ такъ близко отъ себя, какъ никогда еще, большіе, влажно-черные глаза; отъ нея пахло сильно, какъ отъ цвѣтовъ. Голова мальчика закружилась. Она прижимала тѣло его къ своей груди. Онъ закрылъ глаза и почувствовалъ на губахъ поцѣлуй.

— Амариллисъ! Амариллись! Гдѣ же ты?

Это былъ голосъ самосца. Юліанъ изо всей силы оттолкнулъ дѣвушку. Сердце его сжалось отъ боли и ненависти.

Онъ закричалъ: «Оставь, оставь меня!»—вырвался и убѣжалъ.

— Юліанъ! Юліанъ!

Не слушая, бѣжалъ онъ прочь изъ дома, черезъ виноградникъ, черезъ кипарисовую рощу и остановился только у храма Афродиты.

Онъ слышалъ, какъ его звали; слышалъ веселый голосъ Діофаны, возвѣщавшей, что инбирное печенье готово, и не отвѣчалъ. Его искали. Онъ спрятался въ лавровыхъ кустахъ у подножья Эроса и переждалъ. Подумали, что онъ убѣжалъ въ Мацеллумъ: въ домѣ привыкли къ его угрюмымъ странностямъ.

Когда все утихло, онъ вышелъ изъ засады и взглянулъ на храмъ богини любви.

Храмъ стоялъ на холмѣ, открытый со всѣхъ сторонъ. Бѣлый мраморъ іоническихъ колоннъ, облитый солнцемъ, съ нѣгой купался въ лазури; и темная, теплая лазурь радовалась, обнимая этотъ мраморъ, холодный и бѣлый, какъ снѣгъ; по обоимъ угламъ фронтонъ увѣнчанъ былъ двумя акротэрами въ видѣ грифоновъ: съ поднятою когтистою лапою, съ открытыми орлиными клювами, съ круглыми женскими сосцами, вырѣзывались они гордыми строгими очертаніями на голубыхъ небесахъ.

Юліанъ по ступенямъ вошелъ въ портикъ, тихонько отворилъ незапертую мѣдную дверь и вступилъ во внутренность храма, въ священный наосъ.

На него повѣяло тишиной и прохладой.

Склонявшееся солнце еще озаряло верхній рядъ капителей съ тонкими завитками, похожими на кудри; а внизу былъ уже сумракъ. Съ треножника пахло пепломъ сожженной мирры.

Юліанъ робко поднялъ глаза, прислонившись къ стѣнѣ, притаивъ дыханіе,—и замеръ.

Это была она... Подъ открытымъ небомъ стояла посрединѣ храма, только что изъ пѣны рожденная, холодная, бѣлая Афродита-Анадіомена, во всей своей нестыдящейся наготѣ. Богиня какъ будто съ улыбкой смотрѣла на небо и море,

удивляясь прелести міра, еще не зная, что это — ея собственная прелесть, отраженная въ небѣ и морѣ, какъ въ вѣчныхъ зеркалахъ. Прикосновеніе одеждъ не оскверняло ее. Такой стояла она тамъ, вся цѣломудренная и вся нагая, какъ это безоблачное, почти черно-синее небо надъ ея головой.

Юліанъ смотрѣлъ ненасытно. Время остановилось... Вдругъ онъ почувствовалъ, что трепетъ благоговѣнія пробѣжалъ по тѣлу его. И мальчикъ въ темныхъ монашескихъ одеждахъ опустился на колѣни передъ Афродитой, поднявъ лицо, прижавъ руки къ сердцу.

Потомъ все такъ же вдали, все такъ же робко, сѣлъ на пондножіе колонны, не отводя отъ нея глазъ; щека прислонилась къ холодному мрамору. Тишина сходила въ душу. Онъ задремалъ; но и сквозь сонъ чувствовалъ ея присутствіе: она опускалась къ нему ближе и ближе; тонкія бѣлыя руки обвились вокругъ его шеи. Ребенокъ отдавался съ безстрастной улыбкой безстрастнымъ объятіямъ. До глубины сердца проникалъ холодъ бѣлаго мрамора. Эти святыя объятія не походили на болѣзненно-страстныя, тяжкія, знойныя объятія Амариллисъ. Душа его освобождалась отъ земной любви. То былъ послѣдній покой, подобный амброзійной ночи Гомера, подобный сладкому отдыху смерти...

. . . . . .

Когда онъ проснулся, было темно. Въ четырехугольникѣ открытаго неба сверкали звѣзды. Серпъ луны кидалъ сіяніе на голову Афродиты.

Юліанъ всталъ. Должно-быть, Олимпіодоръ приходилъ, но не замѣтилъ или не хотѣлъ разбудить мальчика, угадавъ его горе. Теперь на бронзовомъ треножникѣ рдѣли угли, и струйки благовоннаго дыма подымались къ лицу богини.

Юліанъ подошелъ, взялъ изъ хризолитовой чаши между ногами треножника нѣсколько зеренъ душистой смолы и бросилъ на угли алтаря: дымъ заклубился обильнѣе. И розовый отблескъ огня вспыхнулъ, какъ легкій румянецъ жизни на лицѣ богини, сливаясь съ блескомъ новорожденнаго мѣсяца. Чистая Афродита-Уранія какъ будто сходила отъ звѣздъ на землю.

Юліанъ наклонился и поцѣловалъ ноги изваянія. Онъ молился ей:

— Афродита! Афродита! Я буду любить тебя вѣчно.

И слезы падали на мраморныя ноги изваянія.

VI.

На берегу Средиземнаго моря, въ одномъ изъ грязныхъ и бѣдныхъ предмѣстій Солевкіи Сирійской, торговой гавани Великой Антіохіи, кривыя узкія улицы выходили на площадь у набережной; моря не было видно изъ-за лѣса мачтъ и снастей.

Дома состояли изъ безпорядочно нагроможденныхъ клѣтушекъ, обмазанныхъ глиной. Съ улицы прикрывались онѣ иногда истрепаннымъ ковромъ, похожимъ на грязное лохмотье, или цыновкой. Во всѣхъ этихъ углахъ, клѣтушкахъ, переулочкахъ, съ тяжелымъ запахомъ помоевъ, прачешень и бань для рабочихъ, копошился пестрый, нищій, голодный сбродъ.

Солнце, сжигавшее засухой землю, закатилось. Наступали сумерки. Зной, пыль, мгла еще тягостнѣй повисли надъ городомъ. Съ рынка вѣялъ удушливый запахъ мяса и овощей, пролежавшихъ весь день на жарѣ. Полуголые рабы съ кораблей носили по сходнямъ тюки на плечахъ; одна сторона головы была у нихъ выбрита; сквозь лохмотья виднѣлись рубцы отъ ударовъ; у многихъ чернѣли во все лицо клейма, выжженныя каленымъ желѣзомъ: двѣ латинскія буквы *C* и *F*, что̀ значило—*Cave Furem*—«Берегись вора».

Зажигались огни. Несмотря на приближеніе ночи, суетня и говоръ въ тѣсныхъ переулкахъ не утихали. Изъ сосѣдней кузницы слышались раздирающіе уши удары молота по желѣзнымъ листамъ; вспыхивало зарево горна; клубилась копоть. Рядомъ рабы-хлѣбопеки, голые, покрытые съ головы до ногъ бѣлою мучною пылью, съ красными, воспаленными отъ жара, вѣками, сажали хлѣбы въ печи. Сапожникъ въ открытой лавчонкѣ, откуда пахло клеемъ и

кожей, тачалъ сапоги при свѣтѣ лампадки, сидя на корточкахъ и во все горло распѣвая пѣсни на языкѣ варваровъ. Изъ клѣтушки въ клѣтушку, черезъ переулокъ, двѣ старухи, настоящія вѣдьмы, съ растрепанными сѣдыми волосами, кричали и бранились, протягивая руки, чтобъ сцѣпиться, изъ-за веревки, на которую вѣшали сушиться тряпье. А внизу торговецъ, спѣша издалека къ утру на рынокъ на костлявой ободранной клячѣ, въ ивовыхъ корзинахъ везъ цѣлую гору несвѣжей рыбы; прохожіе отъ невыносимаго смрада отворачивались и ругались. Толстощекій жиденокъ съ красными кудрями, наслаждаясь оглушительнымъ громомъ, колотилъ въ огромный мѣдный тазъ. Другія дѣти — крохотныя, безчисленныя, рождавшіяся и умиравшія каждый день сотнями въ этой нищетѣ, — валялись, визжа какъ поросята, вокругъ лужъ съ апельсинными корками, съ яичными скорлупами. Въ еще болѣе темныхъ и подозрительныхъ переулкахъ, гдѣ жили мелкіе воришки, гдѣ изъ кабачковъ пахло сыростью и кислымъ виномъ, корабельщики со всѣхъ концовъ свѣта ходили обнявшись и орали пьяныя пѣсни. Надъ воротами лупанара повѣшенъ былъ фонарь съ безстыднымъ изображеніемъ, посвященнымъ богу Пріапу, и когда на дверяхъ приподымали покровъ — центону, внутри виднѣлся тѣсный рядъ каморочекъ, похожихъ на стойла; надъ каждой была надпись съ цѣною; въ душной темнотѣ бѣлѣли голыя тѣла женщинъ.

И надо всѣмъ этимъ шумомъ и гамомъ, надо всей этой человѣческой грязью и бѣдностью слышались далекіе вздохи прибоя, ропотъ невидимаго моря.

У самыхъ оконъ подвальной кухни финикійскаго купца оборванцы играли въ кости и болтали. Изъ кухни долеталъ теплыми клубами чадъ кипящаго жира, запахъ пряностей и жареной дичи. Голодные вдыхали его, закрывая глаза отъ наслажденія.

Христіанинъ, красильщикъ пурпура, выгнанный съ богатой тирской фабрики за воровство, говорилъ, съ жадностью обсасывая листъ мальвы, выброшенный поваромъ:

— Что въ Антіохіи, добрые люди, дѣлается, объ этомъ и говорить-то на ночь страшно. Намедни голодный народъ растерзалъ префекта Ѳеоѳила. А за что—Богъ вѣсть. Когда дѣло сдѣлали, вспомнили, что бѣдняга былъ добрый и благочестивый человѣкъ. Говорятъ, цезарь на него указалъ народу...

Дряхлый старичокъ, очень искусный карманный воришка, произнесъ:

— Я видѣлъ однажды цезаря. Не знаю... Мнѣ понравился... Молоденькій; волоски свѣтлые, какъ ленъ; личико сытое, но добренькое. А сколько убійствъ... Господи, сколько убійствъ! Разбой. По улицамъ ходить страшно...

— Все это — не отъ цезаря, а отъ жены его, отъ Константины. Вѣдьма!

Странной наружности люди подошли къ разговаривавшимъ и наклонились, какъ будто желая принять участіе въ бесѣдѣ. Если бы свѣтъ отъ кухонной печи былъ сильнѣе, можно было бы разсмотрѣть, что лица ихъ подмалеваны, одежды замараны и разорваны неестественно, какъ у нищихъ въ театрѣ. Несмотря на лохмотья, руки, у самаго грязнаго, были бѣлыя, тонкія, съ розовыми, обточенными ногтями. Одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу тихонько на ухо:

— Слушай, Агамемнонъ, здѣсь тоже говорятъ о цезарѣ.

Тотъ, кого звали Агамемнономъ, казался пьянымъ; онъ пошатывался; борода, неестественно-густая и длинная, дѣлала его похожимъ на сказочнаго разбойника; но глаза были добрые, ясно-голубые, съ дѣтскимъ выраженіемъ. Товарищи испуганнымъ шопотомъ удерживали его.

— Осторожнѣе!

Карманный воришка заговорилъ жалобнымъ голосомъ, точно запѣлъ:

— Нѣтъ, вы только скажите мнѣ, мужи-братья, развѣ это хорошо? Хлѣбъ дорожаетъ каждый день; люди мрутъ, какъ мухи. И вдругъ... Нѣтъ, вы только разсудите, пристойно ли это? Намедни изъ Египта пріѣзжаетъ огромнѣйшій трехмачтовый корабль; обрадовались, думаемъ —

хлѣбъ. Цезарь, говорятъ, выписалъ, чтобы накормить народъ. И что же?.. Что бы это было, добрые люди, — ну, какъ вы думаете, что? Пыль изъ Александріи, особенная, розовая, ливійская, для натиранія атлетовъ, пыль — для собственныхъ придворныхъ гладіаторовъ цезаря, пыль вмѣсто хлѣба! А? Развѣ это хорошо? — заключилъ онъ, дѣлая негодующіе знаки ловкими воровскими пальцами.

Агамемнонъ подталкивалъ товарища:

— Спроси имя. Имя!

— Тише... нельзя! Потомъ...

Чесальщикъ шерсти замѣтилъ:

— У насъ, въ Селевкіи, еще спокойно. А въ Антіохіи — предательства, доносы, розыски...

Красильщикъ, который въ послѣдній разъ лизнулъ мальву и отбросилъ ее, убѣдившись, что она потеряла вкусъ, проворчалъ себѣ подъ носъ мрачно:

— А вотъ, дастъ Богъ, человѣческое мясо и кровь будутъ скоро дешевле хлѣба и вина...

Чесальщикъ шерсти, горькій пьяница и философъ, тяжело вздыхалъ:

— Охъ-охъ-охъ! Бѣдные мы людишки! Блаженные олимпійцы играютъ нами, какъ мячиками — то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ; люди плачутъ, а боги смѣются.

Товарищъ Агамемнона успѣлъ вмѣшаться въ разговоръ. Ловко, какъ будто небрежно, выспросилъ имена; подслушалъ даже то, что̀ странствующій сапожникъ сообщилъ на ухо чесальщику о заговорѣ на жизнь цезаря, предполагаемомъ среди солдатъ преторіи. Потомъ, отойдя, записалъ имена разговаривавшихъ изящнымъ стилосомъ на восковыя дощечки, гдѣ хранилось много именъ.

Въ это время съ рыночной площади донеслись хриплые, глухіе, подобные реву какого-то подземнаго чудовища, не то смѣющіеся, не то плачущіе, звуки водяного органа: слѣпой рабъ-христіанинъ за четыре обола въ день у входа въ балаганъ накачивалъ воду, производившую въ машинѣ эти смѣшные и плачевные звуки.

Агамемнонъ потащилъ спутниковъ въ балаганъ, обтянутый, наподобіе палатки, голубою тканью съ серебряными звѣздами. Фонарь озарялъ черную доску — объявленіе о предстоящемъ зрѣлищѣ, написанное мѣломъ по-сирійски и по-гречески.

Внутри было душно. Пахло чеснокомъ и копотью масляныхъ плошекъ. Въ дополненіе органа пищали двѣ пронзительныя флейты, и черный эѳіопъ, вращая бѣлками, ударялъ въ бубны.

Плясунъ прыгалъ и кувыркался на канатѣ, хлопая въ ладъ руками. Онъ пѣлъ модную пѣсенку:

Huc, huc convenite nunc
Spatolocinaedi!
Pedem tendite,
Cursum addite.

Этотъ худой курносый плясунъ былъ старъ, отвратителенъ и веселъ. Съ бритаго лба его струились капли пота, смѣшаннаго съ румянами; морщины, залѣпленныя бѣлилами, походили на трещины стѣны, у которой известка таетъ подъ дождемъ.

Когда онъ удалился, органъ и флейта умолкли. На подмостки выбѣжала пятнадцатилѣтняя дѣвочка, чтобы исполнить знаменитую, до безумія любимую народомъ пляску — кѝрдаксъ. Отцы церкви громили ее, римскіе законы воспрещали, — ничто не помогало: кѝрдаксъ плясали всюду, бѣдные и богатые, жены сенаторовъ и уличныя плясуньи.

Агамемнонъ проговорилъ съ восторгомъ:

— Что за дѣвочка!

Благодаря кулакамъ спутниковъ, онъ пробился въ первый рядъ.

Худенькое, смуглое тѣло нубіянки обвивала, только вокругъ бедеръ, почти воздушная, безцвѣтная ткань; волосы подымались надъ головой мелкими, пушисто-черными кудрями, какъ у женщинъ Эѳіопіи; лицо чистаго египетскаго облика напоминало лица сфинксовъ.

Кроталистрія начала плясать, какъ будто скучая, лѣниво и небрежно. Надъ головой, въ тонкихъ рукахъ, мѣдные бубны — кроталіи чуть слышно бряцали.

Потомъ движенія ускорились. И вдругъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ сверкнули желтые глаза, прозрачные, веселые, какъ у хищныхъ звѣрей. Она выпрямилась, и мѣдныя кроталіи зазвенѣли пронзительно, съ такимъ вызовомъ, что вся толпа дрогнула.

Тогда дѣвочка закружилась, быстрая, тонкая, гибкая, какъ змѣйка. Ноздри ея расширились. Изъ горла вырвался странный крикъ. При каждомъ порывистомъ движеніи двѣ маленькія темныя груди, какъ два спѣлыхъ плода подъ вѣтромъ, трепетали, стянутыя зеленой шелковой сѣткой, и острые, сильно нарумяненные концы ихъ алѣли, выступая изъ-подъ сѣтки.

Толпа ревѣла отъ восторга. Агамемнонъ безумствовалъ, товарищи держали его за руки.

Вдругъ дѣвочка остановилась, какъ будто въ изнеможеніи. Легкая дрожь пробѣгала съ головы до ногъ по смуглымъ членамъ. Наступила тишина. Надъ закинутой головой нубіянки съ почти неуловимымъ, замирающимъ звономъ, быстро и нѣжно, какъ два крыла пойманной бабочки, трепетали бубны. Глаза потухли; но въ самой глубинѣ ихъ мерцали двѣ искры. Лицо было строгое, грозное. А на слишкомъ толстыхъ, красныхъ губахъ, на губахъ сфинкса, дрожала слабая улыбка. И въ тишинѣ мѣдныя кроталіи замерли.

Толпа такъ закричала, захлопала, что голубая ткань съ блестками всколебалась, какъ парусъ подъ бурей, и хозяинъ думалъ, что балаганъ рухнетъ.

Спутники не могли удержать Агамемнона. Онъ бросился, приподнявъ занавѣсъ, на сцену, черезъ подмостки, въ каморку для танцовщицъ и мимовъ.

Товарищи шептали ему на ухо:

— Подожди! Завтра все будетъ сдѣлано. А теперь могутъ...

Агамемнонъ перебилъ:

— Нѣтъ, сейчасъ!

Онъ подошелъ къ хозяину, хитрому сѣдому греку Мѵ́рмексу, и сразу, почти безъ объясненій, высыпалъ ему въ полу туники пригоршню золотыхъ монетъ.

— Кроталистрія — твоя?

— Да. Что угодно моему господину?

Мѵ́рмексъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на разорванную одежду Агамемнона, то на золото.

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Фѵ́ллисъ.

Онъ и ей далъ денегъ, не считая. Грекъ что-то шепнулъ на ухо Фѵ́ллисъ. Она высоко подбросила звонкія монеты, поймала ихъ въ ладонь и, засмѣявшись, сверкнула на Агамемнона своими желтыми глазами. Онъ сказалъ:

— Пойдемъ со мною.

Фѵ́ллисъ накинула на голыя смуглыя плечи темную хламиду и выскользнула вмѣстѣ съ нимъ на улицу.

Она спросила:

— Куда?

— Не знаю.

— Къ тебѣ?

— Нельзя. Я живу въ Антіохіи.

— А я только сегодня на кораблѣ пріѣхала и ничего не знаю.

— Что же дѣлать?

— Подожди, я видѣла давеча въ сосѣднемъ переулкѣ незапертый храмъ Пріапа. Пойдемъ туда.

Фѵ́ллисъ потащила его, смѣясь. Товарищи хотѣли слѣдовать. Онъ сказалъ:

— Не надо! Оставайтесь здѣсь.

— Берегись! Возьми, по крайней мѣрѣ, оружіе. Въ этомъ предмѣстіи ночью опасно.

И, вынувъ изъ-подъ одежды короткій мечъ, въ родѣ кинжала, съ драгоцѣнной рукояткой, одинъ изъ спутниковъ подалъ его почтительно.

Спотыкаясь во мракѣ, Агамемнонъ и Фѵ́ллисъ вошли въ глубокій темный переулокъ, недалеко отъ рынка.

— Здѣсь, здѣсь! Не бойся. Входи.

Они вступили въ преддверье маленькаго пустыннаго храма; лампада на цѣпочкахъ, готовая потухнуть, слабо освѣщала грубые, старые столбы.

— Притвори дверь.

И Фѝллисъ неслышно сбросила на каменный полъ мягкую, темную хламиду. Она беззвучно хохотала. Когда Агамемнонъ сжалъ ее въ объятьяхъ, ему показалось, что вокругъ тѣла его обвилась страшная жаркая змѣя. Желтые хищные глаза сдѣлались огромными.

Но въ это мгновеніе изъ внутренности храма раздалось пронзительное гоготаніе и хлопаніе бѣлыхъ крыльевъ, поднявшихъ такой вѣтеръ, что лампада едва не потухла.

Агамемнонъ выпустилъ изъ рукъ Фѝллисъ и пролепеталъ:

— Что это?..

Въ темнотѣ мелькнули бѣлые призраки. Струсившій Агамемнонъ перекрестился.

— Да что же это? Съ нами крестная сила!..

Вдругъ что-то сильно ущипнуло его за ногу. Онъ закричалъ отъ боли и страха; схватилъ одного неизвѣстнаго врага за горло, другого—пронзилъ мечомъ. Поднялся оглушительный крикъ, визгъ, гоготаніе и хлопаніе. Лампада въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, чтобы угаснуть, вспыхнула—и Фѝллисъ закричала, смѣясь:

— Да это гуси, священные гуси Пріапа! Что ты надѣлалъ!..

Дрожащій и блѣдный побѣдитель стоялъ, держа въ одной рукѣ окровавленный мечъ, въ другой—убитаго гуся.

Съ улицы послышались громкіе голоса, и цѣлая толпа съ факелами ворвалась въ храмъ. Впереди была старая жрица Пріапа — Скабра. Она мирно, по своему обыкновенію, распивала вино въ сосѣднемъ кабачкѣ, когда услышала крики священныхъ гусей—и поспѣшила на помощь съ толпою бродягъ. Крючковатый красный носъ, сѣдые растрепанные волосы, глаза съ острымъ блескомъ, какъ два стальныхъ клинка, дѣлали ее похожей на фурію. Она вопила:

— Помогите! Помогите! Храмъ оскверненъ! Священные гуси Пріапа убиты! Видите, это—христіане-безбожники. Держите ихъ!

Фѝллисъ, закрывшись съ головой плащомъ, убѣжала. Толпа влекла на рыночную площадь Агамемнона, который такъ растерялся, что не выпускалъ изъ рукъ мертваго гуся. Скабра звала агораномовъ —рыночныхъ стражей.

Съ каждымъ мгновеніемъ толпа увеличивалась.

Товарищи Агамемнона прибѣжали на помощь. Но было поздно: изъ притоновъ, изъ кабаковъ, изъ лавокъ, изъ глухихъ переулковъ мчались люди, привлеченные шумомъ. На лицахъ было то выраженіе радостнаго любопытства, которое всегда является при уличномъ происшествіи. Бѣжалъ кузнецъ съ молотомъ въ рукахъ, сосѣдки-старухи, булочникъ, обмазанный тѣстомъ, сапожникъ мчался, прихрамывая; и за всѣми рыжеволосый, крохотный жиденокъ летѣлъ, съ визгомъ и хохотомъ, ударяя въ оглушительный мѣдный тазъ, какъ будто звоня въ набатъ.

Скабра вопила, вцѣпившись когтями въ одежду Агамемнона:

— Подожди! Доберусь я до твоей гнусной бороды! Клочка не оставлю! Ахъ ты, падаль, снѣдь воронья! Да ты и веревки не стоишь, на которой тебя повѣсятъ!

Явились, наконецъ, заспанные агораномы, болѣе похожіе на воровъ, чѣмъ на блюстителей порядка.

Въ толпѣ былъ такой крикъ, смѣхъ, брань, что никто ничего не понималъ. Кто-то вопилъ: «Убійцы!», другіе: «Ограбили!», третьи: «Пожаръ!»

Но въ это мгновеніе, побѣждая все, раздался громоподобный голосъ полуголаго, рыжаго великана съ лицомъ, покрытымъ веснушками, по ремеслу—баньщика, по призванію — рыночнаго оратора:

— Граждане! Давно уже слѣжу я за этимъ мерзавцемъ и его спутниками. Они записываютъ имена. Это—соглядатаи, соглядатаи цезаря!

Скабра, исполняя давнее намѣреніе, вцѣпилась одной рукой въ бороду, другой—въ волосы Агамемнона. Онъ хо-

тѣлъ оттолкнуть ее, но она рванула изо всей силы — и длинная, черная борода и густые волосы остались у нея въ рукахъ: старуха грохнулась навзничь. Передъ народомъ, вмѣсто Агамемнона, стоялъ красивый юноша съ вьющимися мягкими, свѣтлыми, какъ ленъ, волосами и маленькой бородкой.

Толпа умолкла въ изумленіи. Потомъ опять загудѣлъ голосъ баньщика:

— Видите, граждане, это — переодѣтые доносчики!

Кто-то крикнулъ:

— Бей! Бей!

Толпа всколыхнулась. Полетѣли камни. Товарищи обступили Агамемнона и обнажили мечи. Чесальщикъ шерсти сброшенъ былъ первымъ ударомъ; онъ упалъ, обливаясь кровью. Жиденка съ мѣднымъ тазомъ растоптали. Лица сдѣлались звѣрскими.

Въ это мгновеніе десять огромныхъ рабовъ-пафлагонцевъ съ пурпурными носилками на плечахъ раздвинули толпу.

— Спасены! — воскликнулъ бѣлокурый юноша и бросился съ однимъ изъ спутниковъ въ носилки.

Пафлагонцы подняли ихъ на плечи и побѣжали.

Разъяренная толпа остановила бы и растерзала ихъ, если бы не крикнулъ кто-то:

— Развѣ вы не видите, граждане? Это цезарь, самъ цезарь Галлъ!

Народъ остолбенѣлъ отъ ужаса.

Пурпурныя носилки, покачиваясь на спинахъ рабовъ, какъ лодка на волнахъ, исчезали въ глубинѣ неосвѣщенной улицы.

Шесть лѣтъ прошло съ того дня, какъ Юліанъ и Галлъ были заключены въ каппадокійскую крѣпость Мацеллумъ. Императоръ Констанцій возвратилъ имъ свою милость. Девятнадцатилѣтняго Юліана вызвали въ Константинополь, и потомъ позволили ему странствовать по городамъ Малой Азіи; Галла императоръ сдѣлалъ своимъ соправителемъ, цезаремъ, и отдалъ ему въ управленіе Востокъ. Впрочемъ, неожиданная милость не предвѣщала ничего добраго. Констанцій любилъ поражать враговъ, усыпивъ ихъ ласками.

— Ну, Гликонъ, какъ бы теперь ни убѣждала меня Константина, не выйду я больше на улицу съ поддѣльными волосами. Кончено!

— Мы предупреждали твое величество...

Но цезарь, лежа на мягкихъ подушкахъ носилокъ, уже забылъ недавній страхъ. Онъ смѣялся:

— Гликонъ! Гликонъ! Видѣлъ ты, какъ проклятая старуха покатилась навзничь съ бородой въ рукахъ? Смотрю—а ужъ она лежитъ!

Когда они вошли во дворецъ, цезарь приказалъ:

— Скорѣе ванну и ужинать! Проголодался.

Придворный подошелъ съ письмомъ.

— Что это? Нѣтъ, нѣтъ, дѣла до завтрашняго утра...

— Милостивый цезарь, важное письмо, прямо изъ лагеря императора Констанція.

— Отъ Констанція! Что такое? Подай...

Онъ распечаталъ, прочелъ и поблѣднѣлъ; колѣни его подкосились; если бы придворные не поддержали Галла, онъ упалъ бы.

Императоръ въ изысканныхъ, даже льстивыхъ выраженіяхъ приглашалъ своего «нѣжно-любимаго» двоюроднаго брата въ Медіоланъ; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалъ, чтобы два легіона, стоявшіе въ Антіохіи—единственная защита Галла, немедленно высланы были ему, Констанцію. Онъ, видимо, хотѣлъ обезоружить и заманить врага.

Когда цезарь пришелъ въ себя, онъ произнесъ слабымъ голосомъ:

— Позовите жену...

— Супруга милостиваго государя только что изволила уѣхать въ Антіохію.

— Какъ? И ничего не знаетъ?

— Не знаетъ.

— Господи! Господи! Да что же это такое? Безъ нея! Скажите посланному отъ императора... Да нѣтъ, не говорите ничего. Я не знаю. Развѣ я могу безъ нея? Пошлите гонца. Скажите, что цезарь умоляетъ вернуться... Господи, что же дѣлать?

Онъ ходилъ, растерянный, хватаясь за голову, крутилъ дрожащими пальцами мягкую, свѣтлую бородку и повторялъ безпомощно:

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не поѣду. Лучше смерть... О, я знаю Констанція!

Подошелъ другой придворный съ бумагой:

— Отъ супруги цезаря. Уѣзжая, просила, чтобы ты подписалъ.

— Что? Опять смертный приговоръ? — Клемацій Александрійскій! Нѣтъ, нѣтъ, это черезчуръ. Такъ нельзя. По три въ день!

— Супруга твоя изволила...

— Ахъ, все равно! Давайте перо! Теперь все равно... Только зачѣмъ уѣхала? Развѣ я могу одинъ...

И, подписавъ приговоръ, онъ взглянулъ своими голубыми дѣтскими и добрыми глазами.

— Ванна готова; ужинъ сейчасъ подаютъ.

— Ужинъ? Не надо... Впрочемъ, что такое?

— Есть трюфели.

— Свѣжіе?

— Только что съ корабля изъ Африки.

— Не подкрѣпиться ли? А? Какъ вы думаете, друзья мои? Я такъ ослабѣлъ... Трюфели? Я еще утромъ думалъ...

На растерянномъ лицѣ его промелькнула беззаботная улыбка.

Передъ тѣмъ, чтобы войти въ прохладную воду, мутно-бѣлую, опаловую отъ благовоній, цезарь проговорилъ, махнувъ рукою:

— Все равно, все равно... Не надо думать... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. Можетъ-быть, Константина какъ-нибудь и устроитъ?

Откормленное, розовое лицо его совсѣмъ повеселѣло, когда съ привычнымъ наслажденіемъ погрузился онъ въ душистую купальню.

— Скажите повару, чтобъ кислый красный соусъ къ трюфелямъ!

VII.

Въ городахъ Малой Азіи—Никомедіи, Пергамѣ, Смирнѣ — девятнадцатилѣтній Юліанъ, искавшій эллинской мудрости, слышалъ о знаменитомъ теургѣ и софистѣ, Ямвликѣ изъ Халкиды, ученикѣ Порфирія неоплатоника,—о божественномъ Ямвликѣ, какъ всѣ его называли.

Ямвликъ былъ старичокъ, маленькій, худенькій, сморщенный. Онъ любилъ жаловаться на свои недуги — подагру, ломоту, головную боль; бранилъ врачей, но усердно лѣчился; съ наслажденіемъ говорилъ о припаркахъ, настойкахъ, лѣкарствахъ, пластыряхъ; ходилъ въ мягкой и теплой двойной туникѣ, даже лѣтомъ, и никакъ не могъ согрѣться; солнце любилъ какъ ящерица.

Съ ранней юности Ямвликъ отвыкъ отъ мясной пищи и чувствовалъ къ ней отвращеніе; не понималъ, какъ люди могутъ ѣсть живое. Служанка приготовляла ему особую ячменную кашу, немного теплаго вина и меду; даже хлѣба старикъ не могъ разжевать беззубыми челюстями.

Множество учениковъ, почтительныхъ, благоговѣйныхъ — изъ Рима, Антіохіи, Карѳагена, Египта, Месопотаміи, Персіи — тѣснилось вокругъ него; всѣ вѣрили, что Ямвликъ творитъ чудеса. Онъ обращался съ ними, какъ отецъ, которому надоѣло, что у него такъ много маленькихъ безпомощныхъ дѣтей. Когда они начинали спорить или ссориться, учитель махалъ руками, сморщивъ лицо, какъ будто отъ боли. Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, и чѣмъ громче становился крикъ спорящихъ, тѣмъ Ямвликъ говорилъ тише; не выносилъ шума, ненавидѣлъ громкіе голоса, скрипучія сандаліи.

Юліанъ смотрѣлъ съ разочарованіемъ на прихотливаго зябкаго, больного старичка, не понимая, какая власть притягиваетъ къ нему людей.

Онъ припоминалъ разсказъ о томъ, какъ ученики однажды ночью видѣли божественнаго, поднятаго во время

молитвы чудесною силою надъ землею на десять локтей и окруженнаго золотымъ сіяніемъ; другой разсказъ о томъ, какъ учитель, въ Сирійскомъ городѣ Гадарѣ, изъ двухъ горячихъ источниковъ вызвалъ Эроса и Антэроса — одного радостнаго, свѣтло-кудраго, другого скорбнаго, темнаго генія любви; оба ласкались къ Ямвлику, какъ дѣти, и по его мановенію исчезли.

Юліанъ прислушивался къ тому, что говорилъ учитель, и не могъ найти власти въ словахъ его. Метафизика школы Порфирія казалась Юліану мертвой, сухой и мучительно-сложной. Ямвликъ какъ будто игралъ, побѣждая въ спорахъ діалектическія трудности. Въ его ученіи о Богѣ, о мірѣ, объ идеяхъ, о Плотиновой Тріадѣ было глубокое книжное знаніе — но ни искры жизни. Юліанъ ждалъ не того.

И все-таки ждалъ.

У Ямвлика были странные зеленые глаза, которые еще болѣе рѣзко выдѣлялись на потемнѣвшей сморщенной кожѣ лица: такого зеленоватаго цвѣта бываетъ иногда вечернее небо, между темными тучами, передъ грозой. Юліану казалось, что въ этихъ глазахъ, какъ будто нечеловѣческихъ, но еще менѣе—божественныхъ, сверкаетъ та сокровенная *змѣиная* мудрость, о которой Ямвликъ ни слова не говорилъ ученикамъ. Но вдругъ усталымъ, тихимъ голосомъ божественный спрашивалъ, почему не готова ячменная каша или припарки, жаловался на ломоту въ членахъ — и обаяніе исчезало.

Однажды гулялъ онъ съ Юліаномъ за городомъ по берегу моря. Былъ нѣжный и грустный вечеръ. Вдали, надъ гаванью Панормосъ, бѣлѣли уступы и лѣстницы храма Артемиды Эфесской, увѣнчанные изваяніями. На песчаномъ берегу Каистра (здѣсь, по преданію, Латона родила Артемиду и Аполлона) тонкій, темный тростникъ не шевелился. Дымъ многочисленныхъ жертвенниковъ изъ священной рощи Ортигіи подымался къ небу прямыми столбами. Къ югу синѣли горы Самоса. Прибой былъ тихъ, какъ дыханіе спящаго ребенка; прозрачныя волны набѣ-

гали на укатанный, черный песокъ; пахло разогрѣтой дневными лучами соленой водой и морскими травами. Заходящее солнце скрылось за тучи и позлатило ихъ громады.

Ямвликъ сѣлъ на камень; Юліанъ—у ногъ его. Учитель гладилъ его жесткіе, черные волосы.

— Грустно тебѣ?

— Да.

— Знаю. Ты ищешь и не находишь. Не имѣешь силы сказать: Онъ есть,—и не смѣешь сказать: Его нѣтъ.

— Какъ ты угадалъ, учитель?..

— Бѣдный мальчикъ! Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я страдаю той же болѣзнью. И буду страдать до смерти. Развѣ я больше знаю Его, чѣмъ ты? Развѣ я нашелъ? Это—вѣчныя муки дѣторожденія. Передъ ними всѣ остальныя муки — ничто. Люди думаютъ, что страдаютъ отъ голода, отъ жажды, отъ боли, отъ бѣдности: на самомъ дѣлѣ, страдаютъ они только отъ мысли, что, можетъ-быть, Его нѣтъ. Это — единственная скорбь міра. Кто дерзнетъ сказать: *Его нѣтъ*, и кто знаетъ, какую надо имѣть силу, чтобы сказать: *Онъ есть*.

— И ты, даже ты, никогда къ Нему не приближался?

— Три раза въ жизни испыталъ я восторгъ — полное сліяніе съ Нимъ. Плотинъ—четыре раза. Порфирій—пять. У меня было три мгновенія въ жизни, изъ-за которыхъ стоило жить.

— Я спрашивалъ объ этомъ твоихъ учениковъ: они не знаютъ...

— Развѣ они смѣютъ знать? Съ нихъ довольно и шелухи мудрости: ядро почти для всѣхъ смертельно.

— Пусть же я умру, учитель,—дай мнѣ его!

— Посмѣешь ли ты взять?

— Говори, говори же!

— Что я могу сказать? Я не умѣю... И хорошо ли говорить объ этомъ? Прислушайся къ вечерней тишинѣ: она лучше всякихъ словъ говоритъ.

Попрежнему гладилъ онъ Юліана по головѣ, какъ ребенка. Ученикъ подумалъ: «Вотъ *оно*—вотъ, чего я ждалъ!»

Онъ обнялъ колѣни Ямвлика и, поднявъ къ нему глаза съ мольбою, произнесъ:

— Учитель, сжалься! Открой мнѣ все. Не покидай меня...

Ямвликъ заговорилъ тихо, про себя, какъ будто не слыша и не видя его, устремивъ странно-неподвижные зеленые глаза свои на тучи, изнутри позлащенныя солнцемъ:

— Да, да... Мы всѣ забыли голосъ Отчій. Какъ дѣти, разлученныя съ Отцомъ отъ колыбелей, мы и слышимъ, и не узнаемъ Его. Надо, чтобы все умолкло въ душѣ, всѣ небесные и земные голоса. Тогда мы услышимъ Его... Пока сіяетъ разумъ, и какъ полуденное солнце озаряетъ душу, мы остаемся сами въ себѣ, не видимъ Бога. Но когда разумъ склоняется къ закату, на душу нисходитъ восторгъ, какъ ночная роса... Злые не могутъ чувствовать восторга; только мудрый дѣлается лирой, которая вся дрожитъ и звучитъ подъ рукою Бога. Откуда этотъ свѣтъ, озаряющій душу,— не знаю! Онъ приходитъ внезапно, когда не ждешь; его нельзя искать. Богъ недалеко отъ насъ. Надо приготовиться; надо быть спокойнымъ и ждать, какъ ждутъ глаза, чтобы солнце взошло—устремилось, по выраженію поэта, изъ темнаго Океана. Богъ не приходитъ и не уходитъ. Онъ только является. Вотъ Онъ. Онъ—отрицаніе міра, отрицаніе всего, что есть. Онъ—ничто, Онъ—все.

Ямвликъ всталъ съ камня и медленно протянулъ исхудалыя руки.

— Тише, тише, говорю я,—тише! Внимайте Ему всѣ. Вотъ—Онъ. Да умолкнетъ земля и море, и воздухъ, и даже небо. Внимайте! Это Онъ наполняетъ міръ, проникаетъ дыханіемъ атомы, озаряетъ матерію—Хаосъ, *предметъ ужаса для боговъ*,—какъ вечернее солнце позлащаетъ темную тучу...

Юліанъ слушалъ, и ему казалось, что голосъ учителя, слабый и тихій, наполняетъ міръ, достигаетъ до самаго неба, до послѣднихъ предѣловъ моря. Но скорбь Юліана была такъ велика, что вырвалась изъ груди его стономъ:

— Отецъ мой, прости, но если такъ,—зачѣмъ жизнь? Зачѣмъ эта вѣчная смѣна рожденія и смерти? зачѣмъ стра-

даніе? зачѣмъ зло? зачѣмъ тѣло? зачѣмъ сомнѣніе? зачѣмъ тоска по невозможному?.

Ямвликъ взглянулъ кротко и опять провелъ рукой по волосамъ его.

— Вотъ гдѣ тайна, сынъ мой! Зла нѣтъ, тѣла нѣтъ, міра нѣтъ, если есть Онъ. Или Онъ, или міръ. Намъ кажется, что есть зло, что есть тѣло, что есть міръ. Это—призракъ, обманъ жизни. Помни: у всѣхъ—одна душа, у всѣхъ людей и даже безсловесныхъ тварей. Всѣ мы вмѣстѣ покоились нѣкогда въ лонѣ Отца, въ свѣтѣ немерцающемъ. Но взглянули однажды съ высоты на темную мертвую матерію, и каждый увидалъ въ ней свой собственный образъ какъ въ зеркалѣ. И душа сказала себѣ: я могу, я хочу быть свободной. Я—какъ Онъ. Неужели я не дерзну отпасть отъ Него и быть всѣмъ? Душа, какъ нарциссъ въ ручьѣ, плѣнилась красотою собственнаго образа, отраженнаго въ тѣлѣ. И пала... Хотѣла пасть до конца, отдѣлиться отъ Бога навѣки, но не могла: ноги смертнаго касаются земли, чело—выше горнихъ небесъ. И вотъ по вѣчной лѣстницѣ рожденія и смерти души всѣхъ существъ восходятъ, нисходятъ къ Нему и отъ Него. Пытаются уйти отъ Отца и не могутъ. Каждой душѣ хочется самой быть Богомъ, но напрасно: она скорбитъ по Отчему лону; на землѣ ей нѣтъ покоя; она жаждетъ вернуться къ Единому. Мы должны вернуться къ Нему, и тогда всѣ будутъ Богомъ, и Богъ будетъ во всѣхъ. Развѣ ты одинъ тоскуешь о немъ? Посмотри, какая небесная грусть въ молчаніи природы. Прислушайся; развѣ ты не чувствуешь, что все груститъ о Немъ?

Солнце закатилось. Золотые, какъ будто раскаленные, края облаковъ потухали. Море сдѣлалось блѣднымъ и воздушнымъ, какъ небо, небо—глубокимъ и яснымъ, какъ море. По дорогѣ промчалась колесница. Въ ней были юноша и женщина, можетъ-быть, двое влюбленныхъ. Женскій голосъ запѣлъ грустную и знакомую пѣснь любви. Потомъ все опять затихло и сдѣлалось еще грустнѣе. Быстрая южная ночь слетала съ небесъ.

Юліанъ прошепталъ:

— Сколько разъ я думалъ: отчего такая грусть въ природѣ? Чѣмъ она прекраснѣе, тѣмъ грустнѣе...

Ямвликъ отвѣтилъ съ улыбкой:

— Да, да... Посмотри: она хотѣла бы сказать, о чемъ груститъ—и не можетъ. Она нѣмая. Спитъ и старается вспомнить Бога во снѣ, сквозь сонъ, но не можетъ, отягощенная матеріей. Она созерцаетъ Его смутно и дремотно. Всѣ міры, всѣ звѣзды, и море, и земля, и животныя, и растенія, и люди, все это—сны природы о Богѣ. То, что она созерцаетъ, рождается и умираетъ. Она создаетъ однимъ созерцаніемъ, какъ бываетъ во снѣ; создаетъ легко, не зная ни усилія ни преграды. Вотъ почему такъ прекрасны и вольны ея созданія, такъ безцѣльны и божественны. Игра сновидѣній природы подобна игрѣ облаковъ. Безъ начала, безъ конца... Кромѣ созерцанія, въ мірѣ нѣтъ ничего. Чѣмъ оно глубже, тѣмъ оно тише. Воля, борьба, дѣйствіе—только ослабленное, недоконченное или помраченное созерцаніе Бога. Природа въ своемъ великомъ бездѣйствіи создаетъ формы, подобно геометру: существуетъ то, что онъ видитъ; такъ и она роняетъ изъ своего материнскаго лона формы за формами. Но ея безмолвное, смутное созерцаніе—только образъ иного, яснѣйшаго. Природа ищетъ слова и не находитъ. Природа—спящая мать Кибела съ вѣчно закрытыми вѣждами; только человѣкъ нашелъ слово, котораго она искала и не нашла: душа человѣческая—это природа, открывшая сонныя вѣжды, проснувшаяся и готовая увидѣть Бога уже не во снѣ, а въявѣ, лицомъ къ лицу...

Первыя звѣзды выступили на потемнѣвшемъ и углубившемся небѣ—то совсѣмъ потухали, то вспыхивали, словно вращались, какъ привѣшенные къ тверди крупные алмазы; затеплились новыя и новыя, неисчислимыя. Ямвликъ указалъ на нихъ.

— Чему уподоблю міръ, всѣ эти солнца и звѣзды? Сѣти уподоблю ихъ, закинутой въ море. Богъ объемлетъ вселенную, какъ вода объемлетъ сѣть; сѣть движется, но не можетъ остановить воду; міръ хочетъ и не можетъ

уловить Бога. Сѣть движется, но Богъ спокоенъ, какъ вода, въ которую закинута сѣть. Если бы міръ не двигался, Богъ не создавалъ бы ничего, не вышелъ бы изъ покоя, ибо зачѣмъ и куда ему стремиться? Тамъ, въ царствѣ вѣчныхъ Матерей, въ лонѣ Міровой Души, таятся сѣмена, Идеи-Формы всего, что есть, и было, и будетъ; таится Логосъ-зародышъ и кузнечика, и былинки, и олимпійскаго бога...

Тогда Юліанъ воскликнулъ громко, и голосъ его раздался въ тишинѣ ночи подобно крику смертельной боли:

— Кто же Онъ? Кто Онъ? Зачѣмъ Онъ не отвѣчаетъ, когда мы зовемъ? Какъ Его имя? Я хочу знать Его, слышать и видѣть! Зачѣмъ Онъ бѣжитъ отъ моей мысли? Гдѣ Онъ?

— Дитя, что значитъ мысль передъ Нимъ? Ему нѣтъ имени: Онъ таковъ, что мы умѣемъ сказать лишь то, чѣмъ Онъ не долженъ быть, а то, что Онъ есть, мы не знаемъ. Но развѣ ты можешь страдать и не хвалить Его? Развѣ ты можешь любить и не хвалить Его? Развѣ ты можешь проклинать и не хвалить Его? Создавшій все, самъ Онъ — ничто изъ всего, что создалъ. Когда ты говоришь: *Его нѣтъ*, ты воздаешь Ему не меньшую хвалу, чѣмъ если молвишь: *Онъ есть*. О Немъ ничего нельзя утверждать, ничего — ни бытія, ни сущности, ни жизни, ибо Онъ выше всякаго бытія, выше всякой сущности, выше всякой жизни. Вотъ почему я сказалъ, что Онъ — отрицаніе міра, отрицаніе мысли твоей. Отрекись отъ сущаго, отъ всего, что есть — и тамъ, въ безднѣ безднъ, въ глубинѣ несказаннаго мрака, подобнаго свѣту, ты найдешь Его. Отдай Ему и друзей, и родныхъ, и отчизну, и небо, и землю, и себя самого, и свой разумъ. Тогда ты уже не увидишь свѣта, ты самъ будешь свѣтъ. Ты не скажешь: Онъ и я; ты почувствуешь, что Онъ и ты — одно. И душа твоя посмѣется надъ собственнымъ тѣломъ, какъ надъ призракомъ. Тогда— молчаніе; тогда не будетъ словъ. И если міръ въ это мгновеніе рушится, ты будешь радъ, потому что зачѣмъ тебѣ міръ, когда ты останешься съ Нимъ? Душа твоя не будетъ желать, потому что Онъ не желаетъ, она не будетъ жить, потому что Онъ выше жизни, она не будетъ мыслить,

потому что Онъ выше мысли. Мысль есть исканіе свѣта, а Онъ не ищетъ свѣта, потому что самъ Онъ — Свѣтъ. Онъ проникаетъ всю душу и претворяетъ ее въ Себя. И тогда, безстрастная, одинокая, покоится она выше разума, выше добродѣтели, выше царства идей, выше красоты — въ безднѣ, въ лонѣ Отца Свѣтовъ. Душа становится Богомъ или, лучше сказать, только вспоминаетъ, что во вѣки вѣковъ она была, и есть, и будетъ Богъ. . . . . .

. . . . . .

Такова, сынъ мой, жизнь олимпійцевъ, такова жизнь людей богоподобныхъ и мудрыхъ: отреченіе отъ всего, что есть въ мірѣ, презрѣніе къ земнымъ страстямъ, бѣгство души къ Богу, котораго она видитъ лицомъ къ лицу.

Онъ умолкъ, и Юліанъ упалъ къ его ногамъ, не смѣлъ прикоснуться къ нимъ, и только цѣловалъ землю, которой ноги святого касались. Потомъ ученикъ поднялъ лицо и заглянулъ въ эти странные, зеленые глаза, въ которыхъ сіяла разоблаченная тайна «змѣиной» мудрости; они казались спокойнѣе и глубже неба: какъ будто изливалась изъ нихъ святая сила. Юліанъ прошепталъ:

— Учитель, ты можешь все. Вѣрую! Прикажи горамъ— горы сдвинутся. Будь, какъ Онъ! Сдѣлай чудо! Сотвори невозможное! Помилуй меня! Вѣрую, вѣрую!..

— Бѣдный сынъ мой, о чемъ ты просишь? То чудо, которое можетъ совершиться въ душѣ твоей, развѣ не больше всѣхъ чудесъ, какія я *могу* сотворить? Дитя мое, развѣ не страшное и не благодатное чудо — та власть, во имя которой ты смѣешь сказать: Онъ есть, а если нѣтъ Его, все равно, — *Онъ будетъ*. И ты говоришь: да будетъ Онъ — я такъ хочу!

VIII.

Когда учитель и ученикъ, возвращаясь съ прогулки, проходили Панормосъ, многолюдную гавань Эфеса, они замѣтили необычайное волненіе.

Многіе бѣжали по улицамъ, махали пылающими смоляными факелами и кричали:

— Христіане разрушаютъ храмы! Горе намъ!

Другіе:

— Смерть олимпійскимъ богамъ! Астарта побѣждена Христомъ!

Ямвликъ думалъ пройти пустынными переулками. Но бѣгущая толпа увлекла ихъ по набережной Каистра, мимо капища Артемиды Эфесской. Великолѣпный храмъ, созданіе Динократа, стоялъ какъ твердыня, суровый, темный и незыблемый, выдѣляясь на звѣздномъ небѣ. Отблескъ факеловъ дрожалъ на исполинскихъ столбахъ съ маленькими каріатидами вмѣсто подножій. Не только вся Римская имперія, но и всѣ народы земли чтили эту святыню.

Кто-то въ толпѣ закричалъ неувѣренно:

— Велика Артемида Эфесская!

Ему отвѣтили сотни голосовъ:

— Смерть олимпійскимъ богамъ и твоей Артемидѣ!

Надъ чернымъ зданіемъ городской оружейной палаты подымалось кровавое зарево.

Юліанъ взглянулъ на божественнаго учителя и не узналъ его. Ямвликъ опять превратился въ робкаго, больного старика. Онъ жаловался на головную боль, высказывалъ страхъ, что ночью начнется ломота, что служанка забыла приготовить припарки. Юліанъ отдалъ учителю верхній плащъ. Но ему было все-таки холодно. Съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица затыкалъ онъ уши, чтобы не слышать уличнаго крика и хохота. Ямвликъ больше всего въ мірѣ боялся толпы; говорилъ, что нѣтъ глупѣе и отвратительнѣе бѣса, чѣмъ духъ народа.

Теперь указывалъ онъ ученику на лица пробѣгавшихъ мимо людей:

— Посмотри, какое уродство, какая пошлость и какая увѣренность въ правотѣ своей! Развѣ не стыдно быть человѣкомъ — такимъ же тѣломъ, такою же грязью, какъ эти?..

Старушка-христіанка причитала:

— И говоритъ мнѣ больной внучекъ: «Свари мнѣ, бабушка, мясной похлебки». Хорошо, говорю, милый, вотъ

ужо пойду на рынокъ, принесу мяса. Сама думаю: мясо теперь, пожалуй, дешевле пшеничнаго хлѣба. Купила на пять оболовъ; сварила похлебку. А сосѣдка-то на дворѣ кричитъ: «Что ты варишь, или не знаешь, нынче мясо на рынкѣ поганое?» Какъ, говорю, поганое? Что такое? «А такъ, говоритъ, что, на поруганіе добрымъ христіанамъ, ночью жрецы богини Демэтры весь рынокъ, всѣ лавки мясныя жертвенною водою окропили. Никто въ городѣ не ѣстъ поганаго мяса. За то жрецовъ идольскихъ побиваютъ каменьями, а бѣсовское капище Демэтры разрушатъ». Я и выплеснула похлебку собакѣ. Шутка сказать — пять оболовъ! Въ цѣлый день не наработаешь. А все-таки внучка не опоганила.

Другіе сообщили, какъ въ прошломъ году одинъ скупой христіанинъ наѣлся жертваннаго мяса, и вся утроба у него сгнила, и такой былъ смрадъ въ домѣ, что родные убѣжали.

Пришли на площадь. Здѣсь былъ маленькій храмъ Демэтры-Изиды-Астарты—трехликой Гекаты, таинственной богини земного плодородія, могучей и любвеобильной Кибелы, матери боговъ. Храмъ со всѣхъ сторонъ облѣпили монахи, какъ большія черныя мухи кусокъ медовыхъ сотъ; монахи ползли по бѣлымъ выступамъ, карабкались по лѣстницамъ съ пѣніемъ священныхъ псалмовъ, разбивали изваянія. Столбы дрожали; летѣли осколки нѣжнаго мрамора; казалось, онъ страдаетъ, какъ живое тѣло. Пытались поджечь зданіе, но не могли; храмъ весь былъ изъ мрамора.

Вдругъ раздался внутри оглушительный и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвучій звонъ. Къ небу поднялся торжествующій вопль народа.

— Веревокъ, веревокъ! За руки, за ноги!

Съ пѣніемъ молитвъ и радостнымъ хохотомъ изъ дверей храма толпа на веревкахъ повлекла внизъ по ступенямъ звенѣвшее, серебряное, блѣдное тѣло богини, матери боговъ — твореніе Скопаса.

— Въ огонь, въ огонь!

И ее потащили по грязной площади.

Монахъ-законовѣдъ провозглашалъ отрывокъ изъ недавняго закона императора Констана, брата Констанція:

Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania.

«Да прекратится суевѣріе, да будетъ уничтожено безуміе жертвоприношеній».

— Не бойтесь ничего! Бейте, грабьте все въ бѣсовскомъ капищѣ!

Другой, при свѣтѣ факеловъ, прочелъ въ пергаментномъ свиткѣ выдержку изъ книги Фирмика Матерна:

De errore profanarum religionum.

«Святые императоры! Придите на помощь къ несчастнымъ язычникамъ. Лучше спасти ихъ насильно, чѣмъ дать погибнуть. Срывайте съ храмовъ украшенія: пусть сокровища ихъ обогатятъ вашу казну. Тотъ, кто приноситъ жертву идоламъ, да будетъ исторгнутъ съ корнемъ изъ земли. Убей его, побей камнями, хотя бы это былъ твой сынъ, твой братъ, жена, спящая на груди твоей».

Надъ толпою проносился крикъ:

— Смерть, смерть олимпійскимъ богамъ!

Огромный монахъ съ растрепанными черными волосами, прилипшими къ потному лбу, занесъ надъ богиней мѣдный топоръ и выбиралъ мѣсто, чтобы ударить.

Кто-то посовѣтовалъ:

— Въ чрево, въ безстыжее чрево!

Серебряное тѣло гнулось, изуродованное. Удары звенѣли, оставляя рубцы на чревѣ матери боговъ и людей, Демэтры-кормилицы.

Старый язычникъ закрылъ лицо одеждой, чтобы не видѣть кощунства; онъ плакалъ и думалъ, что теперь все кончено—міръ погибъ; земля—Демэтра не захочетъ родить людямъ колоса.

Отшельникъ, пришедшій изъ пустынь Месопотаміи, въ овечьей шкурѣ, съ посохомъ и выдолбленной тыквой вмѣсто посуды, въ грубыхъ сандаліяхъ, подкованныхъ желѣзными гвоздями, подбѣжалъ къ богинѣ.

— Сорокъ лѣтъ не мылся я, чтобы не видѣть собственной наготы и не соблазниться. А какъ придешь, братья, въ городъ, такъ всюду только и видишь голыя тѣла боговъ окаянныхъ. Долго ли терпѣть бѣсовскій соблазнъ? Всюду поганые идолы: въ домахъ, на улицахъ, на крышахъ, въ баняхъ, подъ ногами, надъ головой. Тьфу, тьфу, тьфу! Не отплюешься!..

И съ ненавистью старикъ ударилъ сандаліей въ грудь Кибелы. Онъ топталъ эту голую грудь, и она казалась ему живой; онъ хотѣлъ бы раздавить ее подъ острыми гвоздями тяжелыхъ сандалій. Онъ шепталъ, задыхаясь отъ злости:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, гнусная, голая! Вотъ тебѣ, сука!..

Подъ ногой его уста богини попрежнему хранили спокойную улыбку.

Толпа подняла ее на руки, чтобы бросить въ костеръ. Пьяный ремесленникъ, съ дыханіемъ, пропитаннымъ чеснокомъ, плюнулъ ей прямо въ лицо.

Костеръ былъ огромный; въ него свалили всѣ деревянныя рыночныя лавки, оскверненныя жертвенной водой. Высоко надъ толпой тихія звѣзды мерцали сквозь дымъ.

Богиню бросили въ костеръ, чтобы расплавить серебряное тѣло. И опять съ нѣжнымъ, пѣвучимъ звономъ ударилась она о пылающія головни.

— Слитокъ въ пять талантовъ. Тридцать тысячъ маленькихъ серебряныхъ монетъ. Половину пошлемъ императору на жалованье солдатамъ, другую—голоднымъ. Кибела принесетъ, по крайней мѣрѣ, пользу народу. Изъ богини—тридцать тысячъ монетъ для солдатъ и для нищихъ.

— Дровъ! Дровъ!

Пламя вспыхнуло ярче, и всѣмъ стало веселѣе.

— Посмотримъ, вылетитъ ли бѣсъ. Говорятъ, въ каждомъ идолѣ по бѣсу, а въ богиняхъ—такъ по два и по три...

— Какъ начнетъ плавиться, сдѣлается лукавому жарко,—онъ и выпорхнетъ изъ поганаго рта, въ видѣ кроваваго или огненнаго змія...

— Нѣтъ, надо было раньше перекрестить, а то, пожалуй, и въ землю ужомъ уползетъ. Въ позапрошломъ году разбивали капище Афродиты; кто-то и брызни святой водой. И что же бы вы думали? Изъ-подъ одежды выскочили крохотные бѣсенята. Какъ же! Самъ видѣлъ. Смрадные, черные въ бѣлыхъ-то складкахъ, мохнатые. И запищали какъ мыши. А когда Афродитѣ голову отбили, такъ изъ шеи главный выскочилъ, вотъ съ какими рогами, а хвостъ облѣзлый, голый, безъ шерсти, какъ у паршиваго пса...

Кто-то недовѣрчиво замѣтилъ:

— Не спорю. Можетъ-быть, вы и видѣли бѣсовъ, только когда разбивали намедни въ Газѣ идола Зевса, то внутри и бѣсовъ не было, а такая пакость, что стыдно сказать. Съ виду—важный, страшный: слоновая кость, золото, въ рукахъ молніи. А внутри—паутина, крысы, пыль, ржавыя перекладины, рычаги, гвозди, вонючій деготь и еще чортъ знаетъ какая дрянь. Вотъ вамъ и боги!

Ямвликъ, блѣдный, какъ полотно, съ потухшими глазами, взялъ за руку Юліана и отвелъ его въ сторону.

— Посмотри, видишь—двое? Это доносчики Констанція. Твоего брата Галла увезли уже въ Константинополь подъ стражей. Берегись! Сегодня же пошлютъ доносъ...

— Что дѣлать, учитель? Я привыкъ. Знаю, они давно слѣдятъ за мной...

— Давно?.. Зачѣмъ же ты мнѣ не сказалъ?

И рука его дрогнула въ рукѣ Юліана.

— Чего они шепчутся? Смотрите—ужъ не безбожники ли это?.. Эй, старикашка, пошевеливайся, дровъ неси!— закричалъ имъ оборванецъ, который чувствовалъ себя побѣдителемъ.

Ямвликъ шепнулъ Юліану:

— Будемъ презирать и покоримся. Не все ли равно? Боговъ не можетъ оскорбить людская глупость.

Божественный взялъ полѣно изъ рукъ христіанина и бросилъ въ костеръ. Юліанъ не вѣрилъ глазамъ. Но доносчики смотрѣли на него съ улыбкой, пытливо и пристально.

Тогда слабость, привычка къ лицемѣрію, презрѣніе къ себѣ и къ людямъ, злорадство овладѣли душой Юліана. Чувствуя за спиной своей взоры доносчиковъ, подошелъ онъ къ связкѣ дровъ, выбралъ самое большое полѣно и послѣ Ямвлика бросилъ его въ костеръ, на которомъ уже таяло тѣло искалѣченной богини. Онъ видѣлъ, какъ расплавленное серебро струилось по лицу ея, подобно каплямъ предсмертнаго пота; а на устахъ попрежнему была непобѣдимая, спокойная улыбка.

IX.

— Посмотри на людей въ черныхъ одеждахъ, Юліанъ! Это вечернія тѣни,—тѣни смерти. Скоро не будетъ ни одной бѣлой одежды ни одного куска мрамора, озареннаго солнцемъ. Кончено!

Такъ говорилъ юный софистъ Антонинъ, сынъ египетской пророчицы Созипатры и неоплатоника Эдезія. Онъ стоялъ съ Юліаномъ на большой высокой площади передъ жертвенникомъ пергамскимъ, залитой солнцемъ, окруженной голубымъ небомъ. На подножіи храма была изваяна Гигантомахія, борьба титановъ и боговъ: боги торжествовали—копыта крылатыхъ коней попирали змѣевидныя ноги титановъ.

Антонинъ указалъ Юліану на изваянія.

— Олимпійцы побѣдили древнихъ боговъ; теперь олимпійцевъ побѣдятъ новые боги. Храмы будутъ гробницами...

Антонинъ былъ стройный юноша; нѣкоторыя очертанія тѣла и лица его напоминали Аполлона Пиѳійскаго; но уже много лѣтъ страдалъ онъ неизлѣчимымъ недугомъ; и странно было видѣть это чисто-эллинское, прекрасное лицо желтымъ, исхудалымъ, съ выраженіемъ тоски,—новой болѣзни, чуждой лицамъ древнихъ мужей.

— Объ одномъ молю я боговъ,—продолжалъ Антонинъ, — чтобы не видѣть мнѣ этой варварской ночи, чтобы раньше умереть. Риторы, софисты, ученые, поэты, худож-

ники, любители эллинской мудрости, всѣ мы—лишніе. Опоздали... Кончено!

— А если не кончено?—проговорилъ Юліанъ тихо, какъ будто про себя.

— Нѣтъ, кончено! Мы—больные, слишкомъ слабые...

Лицо девятнадцатилѣтняго Юліана казалось почти такимъ же худымъ и блѣднымъ, какъ лицо Антонина; выдающаяся нижняя губа придавала ему выраженіе угрюмой надменности; густыя брови хмурились съ злобнымъ упрямствомъ; около некрасиваго, слишкомъ большого носа выступали раннія морщины; глаза блестѣли сухимъ лихорадочнымъ блескомъ. Онъ былъ одѣтъ, какъ христіанскіе послушники. Днемъ, какъ прежде, посѣщалъ церкви, гробницы мучениковъ, читалъ съ амвона Писаніе, готовился къ постриженію въ монахи. Иногда лицемѣріе это казалось ему тщетнымъ: онъ зналъ, какая судьба постигла Галла; зналъ, что брату не миновать смерти. И самъ, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, жилъ въ постоянномъ ожиданіи смерти.

Ночи проводилъ въ книгохранилищѣ пергамскомъ, гдѣ изучалъ творенія знаменитаго врага христіанъ, ритора Либанія; посѣщалъ уроки греческихъ софистовъ — Эдезія Пергамскаго, Хризанѳія Сардійскаго, Приска изъ Ѳеспротіи, Евсевія изъ Минда, Проэрезія, Нимфидіана.

Они говорили ему о томъ, что̀ онъ уже слышалъ отъ Ямвлика: о тріединствѣ неоплатониковъ, о священномъ восторгѣ.

«Нѣтъ, все это не то, — думалъ Юліанъ: — главное скрываютъ они отъ меня».

Прискъ, подражавшій Пиѳагору, пять лѣтъ провелъ въ молчаніи; не ѣлъ ничего, имѣющаго жизнь, не употреблялъ ни шерстяной тканн, ни кожаныхъ сандалій; ткань одежды его была растительной, такъ же, какъ пища; онъ носилъ пиѳагорейскую хламиду изъ чистаго, бѣлаго льна, сандаліи— изъ пальмовыхъ вѣтвей. «Въ нашъ вѣкъ,—говорилъ онъ,— главное—умѣть молчать и думать о томъ, чтобы погибнуть съ достоинствомъ». И Прискъ съ достоинствомъ, презирая

всѣхъ, ждалъ того, что считалъ гибелью—побѣды христіанъ надъ эллинами.

Хитрый и осторожный Хризанѳій, когда рѣчь заходила о богахъ, подымалъ глаза къ небу, увѣряя что не смѣетъ о нихъ говорить, такъ какъ ничего не знаетъ, а что прежде зналъ—забылъ и другимъ совѣтуетъ забыть; о магіи, о чудесахъ, о видѣніяхъ—и слышать не хотѣлъ, утверждая, что все это обманы, воспрещенные законами Римской имперіи.

Юліанъ плохо ѣлъ, мало спалъ; кровь его кипѣла отъ страстнаго нетерпѣнія. Каждое утро, просыпаясь, онъ думалъ: «Не сегодня ли?»

Бѣднымъ, запуганнымъ теургамъ-философамъ надоѣлъ онъ своими разспросами о таинствахъ, о чудесахъ. Нѣкоторые надъ нимъ подсмѣивались, особенно Хризанѳій: у него была хитрая лисья усмѣшка и привычка соглашаться съ тѣми мнѣніями, которыя считалъ онъ за величайшія нелѣпости.

Однажды Эдезій, старикъ умный, боязливый и добрый, сжалившись надъ Юліаномъ, сказалъ:

— Дитя, я хочу умереть спокойно. Ты еще молодъ. Оставь меня; ступай къ моимъ ученикамъ, они откроютъ тебѣ все. Да, есть многое, о чемъ боимся мы говорить... Когда ты будешь посвященъ въ таинства, то, можетъ-быть, устыдишься, что родился *только человѣкомъ*, что до сей поры оставался имъ.

Евсевій изъ Минда, ученикъ Эдезія, былъ человѣкъ желчный и завистливый.

— Чудесъ больше нѣтъ, — объявилъ онъ Юліану.—И не жди. Люди надоѣли богамъ. Магія—вздоръ. Глупы тѣ, кто въ нее вѣритъ. Но если тебѣ наскучила мудрость, и ты непремѣнно хочешь быть обманутымъ, ступай къ Максиму. Онъ презираетъ нашу діалектику, а самъ... Впрочемъ, о друзьяхъ я не люблю говорить дурно. Лучше послушай, что случилось недавно въ одномъ подземномъ храмѣ Гекаты, куда насъ привелъ Максимъ показывать свое искусство. Когда мы вошли и помолились богинѣ, онъ сказалъ: «Садитесь—вы увидите чудо». Мы сѣли. Онъ бросилъ на алтарь

зерно ѳиміама, что-то пробормоталъ, должно-быть, заклятіе. И мы ясно увидѣли, какъ изваяніе Гекаты улыбнулось. Максимъ сказалъ: «Не бойтесь, сейчасъ вы увидите, какъ обѣ лампады въ рукахъ богини зажгутся. Смотрите!» Не успѣлъ онъ кончить, какъ лампады зажглись.

— Чудо совершилось!—воскликнулъ Юліанъ.

— Да, да. Мы были въ такомъ смущеніи, что упали ницъ. Но когда я вышелъ изъ храма, то подумалъ: «Что же это? Достойно ли мудрости то, что дѣлаетъ Максимъ? Читай книги, читай Пиѳагора, Платона, Порфирія—вотъ, гдѣ найдешь мудрость. Не прекраснѣе ли всякихъ чудесъ—очищеніе сердца божественной діалектикой?»

Юліанъ уже не слушалъ. Онъ взглянулъ горящими глазами на блѣдное, желчное лицо Евсевія и сказалъ, уходя изъ школы:

— Оставайтесь вы съ вашими книгами и діалектикой. Я хочу жизни и вѣры. А развѣ можетъ быть вѣра безъ чуда? Благодарю тебя, Евсевій! Ты указалъ мнѣ человѣка, котораго я давно искалъ.

Софистъ взглянулъ съ ядовитой усмѣшкой и произнесъ ему вслѣдъ:

— Ну, племянникъ Константина, недалеко же ты ушелъ отъ дяди,—Сократу, чтобы вѣрить, не надо было чудесъ.

X.

Ровно въ полночь въ преддверіи большой залы мистерій Юліанъ сложилъ одежду послушника, и мистатоги — жрецы, посвящающіе въ таинства, облекли его въ хитонъ іерофантовъ изъ волоконъ чистаго египетскаго папируса; въ руки дали ему пальмовую вѣтвь; ноги остались босыми.

Онъ вошелъ въ низкую длинную залу.

Двойной рядъ столбовъ изъ орихалка — зеленоватой мѣди—поддерживалъ своды; каждый столбъ изображалъ двухъ перевившихся змѣй; отъ орихалка отдѣлялся запахъ мѣди.

У колоннъ стояли курильницы на тонкихъ, высокихъ ножкахъ; огненные языки трепетали, и клубы бѣлаго дыма наполняли залу.

Въ дальнемъ концѣ слабо мерцали два золотыхъ крылатыхъ ассирійскихъ быка; они поддерживали великолѣпный престолъ; на немъ возсѣдалъ, подобный богу, въ длинномъ черномъ одѣяніи, затканномъ золотомъ, облитомъ потоками смарагдовъ и карбункуловъ, самъ великій іерофантъ—Максимъ Эфесскій.

Протяжный голосъ іеродула возвѣстилъ начало таинствъ.

— Если есть въ этомъ собраніи безбожникъ или христіанинъ, или эпикуреецъ,—да изыдетъ!

Юліана предупредили объ отвѣтахъ посвящаемаго. Онъ произнесъ:

— Христіане да изыдутъ!

Хоръ іеродуловъ, скрытый во мракѣ, подхватилъ унылымъ напѣвомъ:

— Двери! Двери! Христіане да изыдутъ! Да изыдутъ безбожники!

Тогда выступили изъ мрака двадцать четыре отрока; они были голы; у каждаго въ рукахъ блестѣлъ серебряный полукруглый *систръ*, похожій на серпъ новой луны; только острые концы серпа соединялись въ полную окружность, и въ нихъ были вставлены тонкія спицы, содрогавшіяся отъ малѣйшаго прикосновенія. Отроки—всѣ сразу—подняли систры надъ головою, ударили однообразнымъ движеніемъ пальцевъ въ эти продольныя палочки, и систры зазвенѣли жалобно, томно.

Максимъ подалъ знакъ.

Кто-то приблизился къ Юліану сзади и, крѣпко завязавъ ему глаза платкомъ, произнесъ:

— Иди. Не бойся ни воды, ни огня, ни духа, ни тѣла, ни жизни, ни смерти!

Его повели. Съ желѣзнымъ скрипомъ отворилась дверь, должно-быть, заржавленная; его впустили въ нее; спертый воздухъ пахнулъ ему въ лицо; подъ ногами были скользкія крутыя ступени.

Онъ началъ спускаться по безконечной лѣстницѣ. Тишина была мертвая. Пахло плѣсенью. Ему казалось, что онъ глубоко подъ землею.

Лѣстница кончилась. Теперь онъ шелъ по узкому ходу. Руки могли ощупать стѣны

Вдругъ босыми ногами почувствовалъ онъ сырость; зажурчали струйки; вода покрыла ему ступни. Онъ продолжалъ итти. Съ каждымъ шагомъ уровень воды поднимался, достигъ щиколотки, потомъ колѣна, наконецъ бедра. Зубы его стучали отъ холода. Онъ продолжалъ итти. Вода поднялась до груди. Онъ подумалъ: «Можетъ-быть, это обманъ: не хочетъ ли Максимъ умертвить меня въ угоду Констанцію?» Но онъ продолжалъ итти.

Вода уменьшилась.

Вдругъ жаръ, какъ изъ кузницы, повѣялъ въ лицо; земля стала жечь ноги; казалось, онъ приближается къ раскаленной печи; кровь стучала въ виски; иногда становилось такъ жарко, какъ будто къ самому лицу подносили факелъ или расплавленное желѣзо. Онъ продолжалъ итти.

Жаръ уменьшился. Но дыханіе сперлось отъ тяжелаго зловонія; онъ споткнулся о что-то круглое, потомъ еще и еще; онъ догадался по запаху, что это мертвые черепа и кости.

Ему показалось, что кто-то идетъ рядомъ, беззвучно скользя, какъ тѣнь. Холодная рука схватила его руку. Онъ вскрикнулъ. Потомъ уже двѣ руки стали тихонько хватать его, цѣпляться за одежду. Онъ замѣтилъ, что сухая кожа на нихъ шелушится, и сквозь нее выступаютъ голыя кости. Въ томъ, какъ эти руки цѣплялись за одежду, была игривая и отвратительная ласковость, какъ у развратныхъ женщинъ. Юліанъ почувствовалъ на щекѣ своей дыханіе: въ немъ былъ запахъ тлѣнія и могильная сырость. И вдругъ надъ самымъ ухомъ быстрый-быстрый шопотъ, подобный шуршанію осеннихъ листьевъ въ полночь.

— Это я, это я, я. Развѣ ты не узнаешь меня? Это я.

— Кто ты?—молвилъ онъ и вспомнилъ, что нарушилъ обѣтъ молчанія.

— Я, я. Хочешь, я сниму съ глазъ твоихъ повязку, и ты узнаешь все, ты увидишь меня?..

Костяные пальцы, съ той же мерзкой, веселой торопливостью, закопошились на лицѣ его, чтобы снять повязку.

Холодъ смерти проникъ до глубины сердца его, и невольно, привычнымъ движеніемъ, перекрестился онъ трижды, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, когда видѣлъ страшный сонъ.

Раздался ударъ грома, земля подъ ногами всколыхнулась; онъ почувствовалъ, что падаетъ куда-то и потерялъ сознаніе.

Когда Юліанъ пришелъ въ себя, повязки больше не было на глазахъ его; онъ лежалъ на мягкихъ подушкахъ въ огромной, слабо освѣщенной пещерѣ; ему давали нюхать ткань, пропитанную крѣпкими духами.

Противъ ложа Юліана стоялъ голый исхудалый человѣкъ съ темно-коричневой кожей; это былъ индійскій гимнософистъ, помощникъ Максима. Онъ держалъ неподвижно надъ своей головой блестящій мѣдный кругъ. Кто-то сказалъ Юліану:

— Смотри!

И онъ устремилъ глаза на кругъ, сверкавшій ослѣпительно, до боли. Онъ смотрѣлъ долго. Очертанія предметовъ слились въ туманѣ. Онъ чувствовалъ пріятную, успокоительную слабость въ тѣлѣ; ему казалось, что свѣтлый кругъ сіяетъ уже не извнѣ, а въ немъ; вѣки опускались, и на губахъ бродила усталая, покорная улыбка; онъ отдавался обаянію свѣта.

Кто-то нѣсколько разъ провелъ по головѣ его рукою и спросилъ:

— Спишь?

— Да.

— Смотри мнѣ въ глаза.

Юліанъ съ усиліемъ поднялъ вѣки и увидѣлъ, что къ нему наклоняется Максимъ.

Это былъ семидесятилѣтній старикъ; бѣлая, какъ снѣгъ, борода падала почти до пояса; волосы до плечъ были съ

легкимъ золотистымъ оттѣнкомъ сквозь сѣдину; на щекахъ и на лбу темнѣли глубокія морщины, полныя не страданіемъ, а мудростью и волей; на тонкихъ губахъ скользила двусмысленная улыбка: такая улыбка бываетъ у очень умныхъ, лживыхъ и обольстительныхъ женщинъ; но больше всего Юліану понравились глаза Максима: подъ сѣдыми, нависшими бровями, маленькіе, сверкающіе, быстрые, они были проницательны, насмѣшливы и ласковы. Іерофантъ спросилъ:

— Хочешь видѣть древняго Титана?

— Хочу,—отвѣтилъ Юліанъ.

— Смотри же.

И волшебникъ указалъ ему въ глубину пещеры, гдѣ стоялъ орихалковый треножникъ. Съ него подымалась клубящейся громадой туча бѣлаго дыма. Раздался голосъ, подобный голосу бури; вся пещера дрогнула:

— Геркулесъ, Геркулесъ, освободи меня!

Голубое небо блеснуло между разорванными тучами. Юліанъ лежалъ съ неподвижнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ полузакрытыми вѣками, смотрѣлъ на быстрые, легкіе образы, проносившіеся передъ нимъ, и ему казалось, что не самъ онъ ихъ видитъ, а кто-то другой ему приказываетъ видѣть.

Ему снились тучи, снѣжныя горы; гдѣ-то внизу, должно-быть, въ безднѣ, шумѣло море. Онъ увидѣлъ огромное тѣло; ноги и руки были прикованы обручами къ скалѣ; коршунъ клевалъ печень Титана; капли черной крови струились по бедрамъ; цѣпи звенѣли; онъ метался отъ боли.

— Освободи меня, Геркулесъ!

И Титанъ поднялъ голову; глаза его встрѣтились съ глазами Юліана.

— Кто ты? Кого ты зовешь?—съ тяжелымъ усиліемъ спросилъ Юліанъ, какъ человѣкъ, говорящій во снѣ.

— Тебя.

— Я—слабый смертный.

— Ты—мой братъ, освободи меня.

— Кто заковалъ тебя снова?

— Смиренные, кроткіе, прощающіе врагамъ изъ трусости, рабы, рабы! Освободи меня!

— Чѣмъ я могу?

— Будь, какъ я.

Тучи потемнѣли, заклубились; громъ загудѣлъ вдали; сверкнула молнія; коршунъ взвился съ крикомъ; капли крови падали съ его клюва. Но сильнѣе грома звучалъ голосъ Титана:

— Освободи меня, Геркулесъ!

Потомъ все закрыли тучи дыма, поднявшіяся съ треножника.

Юліанъ на мгновеніе очнулся. Іерофантъ спросилъ:

— Хочешь видѣть Отверженнаго?

— Хочу.

— Смотри.

Юліанъ опять полузакрылъ глаза и предался легкому очарованію сна.

Въ бѣломъ дымѣ появились слабыя очертанія головы и двухъ исполинскихъ крыльевъ; перья висѣли поникшія, какъ вѣтви плакучей ивы, и голубоватый свѣтъ дрожалъ на нихъ. Кто-то позвалъ его далекимъ слабымъ голосомъ, какъ умершій другъ:

— Юліанъ! Юліанъ! Отрекись во имя мое отъ Христа.

Юліанъ молчалъ. Максимъ прошепталъ ему на ухо:

— Если хочешь увидѣть Великаго Ангела,—отрекись.

Тогда Юліанъ произнесъ:

— Отрекаюсь.

Надъ головой видѣнія, сквозь туманъ, сверкнула утренняя звѣзда, звѣзда Денницы. И Ангелъ повторилъ:

— Юліанъ, отрекись во имя мое отъ Христа.

— Отрекаюсь.

И въ третій разъ промолвилъ Ангелъ уже громкимъ, близкимъ и торжествующимъ голосомъ: «Отрекись!»—и въ третій разъ Юліанъ повторилъ:

— Отрекаюсь.

И Ангелъ сказалъ:

— Приди ко мнѣ.

— Кто ты?

— Я—Свѣтоносный. Я—Денница. Я—Звѣзда Утренняя.

— Какъ ты прекрасенъ!

— Будь подобенъ мнѣ.

— Какая печаль въ глазахъ твоихъ!

— Я страдаю за всѣхъ живущихъ. Не надо рожденія, не надо смерти. Придите ко мнѣ. Я—тѣнь, я—покой, я—свобода.

— Какъ зовутъ тебя люди?

— Зломъ.

— Ты—зло!

— Я возсталъ.

— На кого?

— На Того, Кому я равенъ. Онъ хотѣлъ быть одинъ, но насъ двое.

— Дай мнѣ быть, какъ ты.

— Возстань, какъ я. Я дамъ тебѣ силу.

Ангелъ исчезъ. Налетѣвшій вихрь всколебалъ пламя треножника; оно приникло къ землѣ, разстилаясь по ней. Потомъ треножникъ опрокинутъ былъ вихремъ, и пламя потухло. Во мракѣ послышался топотъ, визгъ, стенанье, какъ будто невидимое неисчислимое войско, бѣгущее отъ врага, летѣло по воздуху. Юліанъ, объятый ужасомъ, палъ лицомъ на землю, и длинная, черная одежда іерофанта билась надъ нимъ по вѣтру. «Бѣгите, бѣгите,—вопили несмѣтные голоса, — врата адовы разверзаются. Это Онъ, это Онъ, это Онъ, Побѣдитель!»

Вѣтеръ свисталъ въ ушахъ Юліана. И легіоны за легіонами мчались надъ нимъ. Вдругъ, послѣ подземнаго удара, сразу воцарилась тишина, и небесное дуновеніе промчалось въ ней, какъ въ серединѣ кроткой лѣтней ночи. Тогда чей-то голосъ произнесъ:

— Савлъ! Савлъ! Зачѣмъ ты Меня гонишь?

Юліану казалось, что онъ уже слышалъ голосъ этотъ когда-то, въ незапамятномъ дѣтствѣ.

Потомъ снова, но тише, какъ будто издали:

— Савлъ! Савлъ! Зачѣмъ ты гонишь Меня?

И голосъ замеръ такъ далеко, что пронесся чуть слышнымъ дуновеніемъ:

— Савлъ! Савлъ! Зачѣмъ ты гонишь Меня?

Когда Юліанъ, очнувшись, поднялъ лицо отъ земли, онъ увидѣлъ, что одинъ изъ іеродуловъ зажигаетъ лампаду. Голова его кружилась; но онъ помнилъ все, что было съ нимъ, какъ помнятъ сновидѣнія.

Ему опять завязали глаза и дали отвѣдать прянаго вина. Онъ почувствовалъ силу и бодрость въ членахъ.

Его повели наверхъ, по лѣстницѣ. Теперь рука его была въ рукѣ Максима. Юліану казалось, что невидимая сила подымаетъ его какъ бы на крыльяхъ. Іерофантъ сказалъ:

— Спрашивай.

— Ты звалъ Его?—проговорилъ Юліанъ.

— Нѣтъ. Но когда на лирѣ дрожитъ струна—ей отвѣчаетъ другая: противное отвѣчаетъ противному.

— Зачѣмъ же такая власть въ словахъ Его, если они — ложь?

— Они—истина.

— Что ты говоришь? Значитъ слова Титана и Ангела—ложь?

— И они—истина.

— Двѣ истины?

— Двѣ.

— Ты соблазняешь...

— Не я, но полная истина соблазнительна и необычайна. Если боишься—молчи.

— Я не боюсь. Говори все. Галилеяне правы?

— Да.

— Зачѣмъ же я отрекся?

— Есть и другая правда.

— Высшая?

— Нѣтъ. Равная той, отъ которой ты отрекся.

— Но во что же вѣрить? Гдѣ Богъ?

— И тамъ и здѣсь. Служи Ариману, служи Ормузду,—какъ хочешь, но помни: оба равны; царство Дьявола равно царству Бога.

— Куда итти?

— Выбери одинъ изъ двухъ путей и не останавливайся.

— Какой?

— Если вѣришь въ Него возьми крестъ, иди за Нимъ, какъ Онъ велѣлъ. Будь смиреннымъ, будь дѣвственнымъ, будь агнцемъ безгласнымъ въ рукахъ палачей; бѣги въ пустыню; отдай Ему плоть и духъ; терпи, вѣрь. Это одинъ изъ двухъ путей: великіе страстотерпцы-галилеяне достигаютъ такой же свободы, какъ Прометей и Люциферъ.

— Я не хочу!

— Тогда избери другой путь: будь сильнымъ и свободнымъ; не жалѣй, не люби, не прощай; возстань и побѣди все; не вѣрь и познавай. И міръ будетъ твой, и ты будешь, какъ Титанъ и Ангелъ Денницы.

— Не могу я забыть, что въ словахъ Галилеянина есть тоже правда; не могу я вынести двухъ истинъ!

— Если не можешь—будешь какъ всѣ. Лучше погибнуть... Но ты можешь... Дерзай... Ты будешь кесаремъ...

— Я—кесаремъ?

— Ты будешь имѣть во власти своей то, чего не имѣлъ герой Македонскій.

Юліанъ почувствовалъ, что они выходятъ изъ подземелья: ихъ обвѣялъ свѣжій морской, должно-быть, утренній вѣтеръ; не видя, угадывалъ онъ вокругъ себя безконечность моря и неба.

Іерофантъ снялъ повязку съ глазъ его. Они стояли на высокой мраморной башнѣ; то была астрономическая башня, подобіе древне-халдейскихъ башенъ, построенная на громадномъ отвѣсномъ обрывѣ надъ самымъ моремъ; внизу были роскошные сады и виллы Максима, дворцы, Пропилеи, напоминавшія Персеполійскія колоннады; дальше, въ туманѣ,—Артемизіонъ и многоколонный Эфесъ; еще дальше, на востокѣ,—горы; тамъ должно было взойти солнце; на западѣ, на югѣ, на сѣверѣ разстилалось море, необъятное, туманное, темно-голубое, все трепещущее, все смѣющееся въ ожиданіи солнца. Они стояли на такой высотѣ, что го-

лова у Юліана закружилась; онъ долженъ былъ опереться на руку Максима.

Вдругъ восходящее солнце блеснуло изъ-за горъ; онъ зажмурилъ глаза съ улыбкой; и солнце тронуло бѣлую священную одежду Юліана первымъ, сначала блѣдно-розовымъ, потомъ краснымъ, кровавымъ лучомъ.

Іерофантъ обвелъ рукою горизонтъ, указывая на море и землю:

— Смотри, это все—твое.

— Развѣ я могу, учитель?.. Я каждый день жду смерти Я—слабый и больной...

— Солнце—богъ. Митра вѣнчаетъ тебя своимъ пурпуромъ. Это пурпуръ кесаря. Все—твое. Дерзай!

— Зачѣмъ мнѣ все, если нѣтъ единой правды—Бога, котораго ищу?

— Найди Его... Соедини, если можешь, правду Титана съ правдой Галилеянина,—и ты будешь больше всѣхъ рожденныхъ женами на землѣ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

У Максима Эфесскаго были огромныя книгохранилища, тихіе мраморные покои, уставленные научными приборами, обширныя анатомическія залы.

Въ одной изъ нихъ молодой ученый Орибазій, врачъ Александрійской школы, держа тонкій стальной ножъ въ рукахъ, производилъ вмѣстѣ съ теургомъ анатомическое разсѣченіе рѣдкаго животнаго, присланнаго Максиму изъ Индіи. Зала была круглая, безъ оконъ, съ верхнимъ свѣтомъ, устроенная наподобіе такихъ же залъ въ Александрійскомъ музеѣ; кругомъ стояли мѣдные сосуды, жаровни, математическіе приборы Эолипила и Архимеда, такъ называемая *огненная машина* Ктезибія и Герона; въ тишинѣ сосѣдняго книгохранилища звонко падали капли водяныхъ часовъ, изобрѣтенныхъ Аполлоніемъ; тамъ виднѣлись глобусы, мѣдныя географическія карты, изображеніе звѣздныхъ сферъ Гиппарха и Эратосѳена. Друзья производили разсѣченіе живого тѣла по способу великаго анатома Геро-

фила. Подъ ровнымъ свѣтомъ, падавшимъ изъ круглаго отверстія въ крышѣ, Максимъ, въ простой одеждѣ философа, смотрѣлъ съ любопытствомъ въ еще теплыя внутренности животнаго, лежавшія на широкомъ мраморномъ столѣ. Маленькіе и быстрые глаза его изъ-подъ сѣдыхъ бровей сверкали обычнымъ проницательнымъ и насмѣшливымъ блескомъ.

Орибазій говорилъ, наклоняясь надъ столомъ и разсматривая только что вынутую печень:

— Какъ можетъ философъ Максимъ вѣрить въ чудеса?

— И вѣрю и не вѣрю,—отвѣтилъ теургъ.—Развѣ природа, которую мы изслѣдуемъ, не самое чудесное изъ чудесъ? Развѣ не чудо и не тайна эти тонкіе кровяные сосуды, нервы, совершенное устройство внутреннихъ органовъ, которые мы разсматриваемъ, какъ авгуры?

— Ты знаешь, о чемъ я говорю,—возразилъ Орибазій.—Зачѣмъ ты обманываешь бѣднаго мальчика?

— Юліана?

— Да.

— Онъ самъ хочетъ быть обманутымъ.

Упрямыя тонкія брови молодого врача сдвинулись.

— Учитель, если ты любишь меня, скажи, кто ты? Какъ ты можешь терпѣть эту ложь? Развѣ я не знаю, что́ такое магія? Вы прикрѣпляете къ потолку въ темной комнатѣ свѣтящуюся рыбью чешую, и ученикъ, посвящаемый въ таинства, вѣритъ, что это—звѣздное небо, сходящее къ нему по слову іерофанта; вы лѣпите изъ кожи и воска мертвую голову, снизу приставляете къ ней журавлиную шею и, спрятавшись въ подполье, произносите въ эту костяную трубку ваши пророчества, и ученикъ думаетъ, что черепъ возвѣщаетъ ему тайны смерти; а когда нужно, чтобы мертвая голова исчезла, вы приближаете къ ней жаровню съ углями,—воскъ таетъ, и черепъ распадается; вы изъ фонаря бросаете отраженія сквозь раскрашенныя стекла на бѣлый дымъ ароматовъ, и ученикъ воображаетъ, будто бы передъ нимъ видѣнія боговъ; сквозь водоемъ, у котораго каменные края и стеклянное дно, вы по-

казываете ему живого Аполлона—переодѣтаго раба, живую Афродиту—переодѣтую блудницу. И вы называете это священными таинствами!..

На тонкихъ губахъ іерофанта появилась двусмысленная улыбка.

— Таинства наши глубже и прекраснѣе, чѣмъ ты думаешь, Орибазій! Человѣку нуженъ восторгъ. Для того, кто вѣритъ, блудница—воистину Афродита, и рыбья чешуя — воистину звѣздное небо. Ты говоришь, что люди молятся и плачутъ отъ видѣній, рожденныхъ масляной лампой съ раскрашенными стеклами. Орибазій, Орибазій, но развѣ природа, которой удивляется мудрость твоя, не такой же призракъ, вызванный чувствами, обманчивыми, какъ фонарь персидскаго мага? Гдѣ истина? Гдѣ ложь? Ты вѣришь и знаешь,—я не хочу вѣрить, не могу знать...

— Неужели Юліанъ былъ бы тебѣ благодаренъ, если бы зналъ, что ты его обманываешь?

— Юліанъ видѣлъ то, что хотѣлъ и долженъ былъ видѣть. Я далъ ему восторгъ; я далъ ему вѣру и силу жизни. Ты говоришь—я обманулъ его? Если бы это было нужно, я, можетъ-быть, и обманулъ бы и соблазнилъ бы его. Я люблю его. Я не отойду отъ него до смерти. Я сдѣлаю его великимъ и свободнымъ.

И Максимъ взглянулъ на Орибазія своими непроницаемыми глазами.

Лучъ солнца упалъ на сѣдую бороду и сѣдыя нависшія брови старика; онѣ заблестѣли, какъ серебро; морщины на лбу стали еще глубже и темнѣе; а на тонкихъ губахъ скользила двусмысленная улыбка, обольстительная, какъ у женщинъ.

XI.

Юліанъ посѣтилъ несчастнаго брата своего Галла, когда тотъ остановился проѣздомъ въ Константинополѣ.

Онъ нашелъ его окруженнымъ предательской стражей сановниковъ Констанція: здѣсь былъ хитрый, вѣжливый

ридворный щеголь, квесторъ Леонтій, который прослалился искусствомъ подслушивать у дверей, выспрашивать рабовъ; и трибунъ щитоносцевъ-скутаріевъ, молчаливый варваръ Байнобаудесъ, похожій на переодѣтаго алача; и важный церемоніймейстеръ императора, comes omesticorum, Луцилліанъ, и, наконецъ, тотъ самый Скўило, который былъ нѣкогда военнымъ трибуномъ въ Цареѣ Каппадокійской, а теперь, благодаря покровительству старыхъ женщинъ, получилъ мѣсто при дворѣ.

Галлъ, здоровый, веселый и легкомысленный, какъ всегда, угостилъ Юліана превосходнымъ ужиномъ; въ особенности хвасталъ онъ жирнымъ колхидскимъ фазаномъ, начиненнымъ фиваидскими свѣжими финиками. Онъ смѣялся, какъ ребенокъ, и вспоминалъ Мацеллумъ.

Вдругъ Юліанъ нечаянно въ разговорѣ спросилъ брата женѣ его, Константинѣ. Лицо Галла измѣнилось; онъ опустилъ пальцы съ бѣлымъ сочнымъ кускомъ фазана, который подносилъ ко рту; глаза его наполнились слезами.

— Развѣ ты не знаешь, Юліанъ? На пути къ императору—она поѣхала къ нему, чтобы оправдать меня — Константина умерла отъ лихорадки въ Ценахъ Галликійскихъ, городкѣ Виѳиніи. Я проплакалъ двѣ ночи, когда узналъ объ ея смерти...

Онъ тревожно оглянулся на дверь, наклонился къ Юліану и проговорилъ ему на ухо:

— Съ того дня я на все махнулъ рукой... Она одна могла бы еще спасти меня. Братъ! это была удивительная женщина. Нѣтъ, ты не знаешь, Юліанъ, что это была за женщина! Безъ нея я погибъ... Я не могу—я ничего не умѣю, руки опускаются. Они дѣлаютъ со мной, что хотятъ.

Онъ осушилъ однимъ глоткомъ кубокъ цѣльнаго вина.

Юліанъ вспомнилъ о Константинѣ, уже немолодой довѣ, сестрѣ Констанція, которая была злымъ геніемъ брата, о безчисленныхъ глупыхъ преступленіяхъ, которыя она заставляла его совершать, иногда изъ-за дорогой безѣлушки, изъ-за обѣщаннаго ожерелья, и спросилъ, желая угадать, какая власть подчиняла его этой женщинѣ:

— Она была красива?

— Да развѣ ты ея никогда не видалъ?.. Нѣтъ, не красива, даже совсѣмъ некрасива. Смуглая, рябая, маленькаго роста; скверные зубы; она, впрочемъ, избѣгала смѣяться. Говорили, что она мнѣ измѣняетъ — по ночамъ будто бы, переодѣтая, какъ Мессалина, бѣгаетъ въ конюшни ипподрома къ молодымъ конюхамъ... А мнѣ что за дѣло? Развѣ я не измѣнялъ ей? Она не мѣшала мнѣ жить, и я ей не мѣшалъ. Говорятъ, она была жестокой... Да, она умѣла царствовать, Юліанъ! Она не любила сочинителей уличныхъ стишковъ, въ которыхъ, бывало, мерзавцы упрекали ее за дурное воспитаніе, сравнивали съ переодѣтой кухонной рабыней. Она умѣла мстить. Но какой умъ, какой умъ, Юліанъ! Мнѣ было за ней спокойно, какъ за каменной стѣной. Ну, ужъ мы зато и пошалили, повеселились всласть!..

Улыбаясь отъ пріятныхъ воспоминаній, онъ тихонько провелъ кончикомъ языка по губамъ, еще мокрымъ отъ вина.

— Да, можно сказать, пошалили! — заключилъ онъ не безъ гордости.

Юліанъ, когда шелъ на свиданіе, думалъ пробудить въ братѣ раскаяніе, приготовлялъ въ умѣ рѣчь, во вкусѣ Либанія, о добродѣтеляхъ и доблестяхъ гражданскихъ. Онъ ожидалъ увидѣть человѣка, гонимаго бичомъ Немезиды; передъ нимъ было спокойное лицо молодого атлета. Слова замерли на устахъ Юліана. Безъ отвращенія и безъ злобы смотрѣлъ онъ на этого «добраго звѣря» — такъ мысленно называлъ онъ брата — и думалъ, что читать ему нравоученія такъ же безсмысленно, какъ откормленному жеребцу.

Онъ только спросилъ шопотомъ, оглянувшись, въ свою очередь, на дверь:

— Зачѣмъ ты ѣдешь въ Медіоланъ? Или не знаешь...

— Не говори. Знаю все. Но вернуться нельзя... Поздно.

Онъ указалъ на свою бѣлую шею.

— Мертвая петля — понимаешь? *Онъ* ее потихоньку стягиваетъ. *Онъ* изъ-подъ земли меня выкопаетъ, Юліанъ! И говорить не стоитъ. Кончено! Пошалили—и кончено.

— У тебя осталось два легіона въ Антіохіи?

— Ни одного. *Онъ* отнялъ у меня лучшихъ солдатъ, ало-по-малу, исподволь, для моего же, видишь ли, соб-твеннаго блага—все для моего блага! Какъ онъ заботится, акъ тоскуетъ обо мнѣ, какъ жаждетъ моихъ совѣтовъ... Юліанъ, это страшный человѣкъ! Ты еще не знаешь и не ай тебѣ Богъ узнать, что это за человѣкъ. Онъ все видитъ,— идитъ на пять локтей подъ землею. Она знаетъ сокровен-ѣйшія мысли мои—тѣ, о которыхъ изголовіе постели моей е знаетъ. Онъ видитъ и тебя насквозь. Я боюсь его, ратъ!..

— Бѣжать нельзя?

— Тише, тише!.. Что ты!..

Страхъ школьника выразился въ лѣнивыхъ чертахъ алла.

— Нѣтъ, кончено! Я теперь, какъ рыба на удочкѣ; онъ ащитъ потихоньку, такъ, чтобы леса не порвалась; вѣдь езарь, какой ни-на-есть, все-таки довольно тяжелъ. Но наю—съ крючка не сорвусь—рано или поздно вытащитъ!.. ижу—какъ не видѣть?—что западня, и все-таки лѣзу въ ее, самъ лѣзу отъ страха. Всѣ эти шесть лѣтъ, да и рань-ше, съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, я жилъ въ страхѣ. овольно! Погулялъ, пошалилъ—и довольно. Братъ! *онъ* арѣжетъ меня, какъ поваръ куренка. Но раньше замуч-итъ хитростями, ласками. Ужъ лучше бы рѣзалъ скорѣй!..

Вдругъ глаза его вспыхнули.

— А вѣдь если бы *она* здѣсь была, сейчасъ, со мною,— что ты думаешь, братъ, вѣдь она спасла бы меня, навѣрное спасла бы! Вотъ почему говорю я—это была удивительная необыкновенная женщина!..

Трибунъ Скудило, войдя въ триклиніумъ, съ подобо-страстнымъ поклономъ объявилъ, что завтра, въ честь при-бытія цезаря, въ ипподромѣ Константинополя назначены скачки, въ которыхъ будетъ участвовать знаменитый на-ѣздникъ Кораксъ. Галлъ обрадовался, какъ ребенокъ. Велѣлъ приготовить лавровый вѣнокъ, чтобы въ случаѣ побѣды, собственноручно вѣнчать передъ народомъ любим-

ца своего, Коракса. Начались разсказы о лошадяхъ, о скачкахъ, о ловкости наѣздниковъ.

Галлъ много пилъ; отъ недавняго страха его не было слѣда; онъ смѣялся откровеннымъ и легкомысленнымъ смѣхомъ, какъ смѣются здоровые люди, у которыхъ совѣсть покойна.

Только въ послѣднюю минуту прощанія крѣпко обнялъ Юліана и заплакалъ; голубые глаза его безпомощно заморгали.

— Дай тебѣ Богъ, дай тебѣ Богъ!..—бормоталъ онъ, впадая въ чрезмѣрную чувствительность, можетъ-быть, отъ вина.—Знаю, ты одинъ меня любилъ, ты и Константина...

И шепнулъ Юліану на ухо:

— Ты будешь счастливѣе, чѣмъ я, ты умѣешь притворяться. Я всегда завидовалъ... Ну, дай тебѣ Богъ!..

Юліану стало жаль его. Онъ понималъ, что брату уже «не сорваться съ удочки» Констанція

На слѣдующій день, подъ тою же стражею, Галлъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Недалеко отъ городскихъ воротъ встрѣтился ему вновь назначенный въ Арменію квесторъ Тавръ. Тавръ, придворный выскочка, нагло посмотрѣлъ на цезаря и не поклонился.

Между тѣмъ отъ императора приходили письма за письмами.

Съ Адріанополя Галлу оставили только десять повозокъ государственной почты: всю поклажу и прислугу, за исключеніемъ двухъ-трехъ постельныхъ и кравчихъ, надо было покинуть.

Стояла глубокая осень. Дороги испортились отъ дождя, лившаго цѣлыми днями. Цезаря торопили: не давали ему ни отдохнуть, ни выспаться; уже двѣ недѣли какъ онъ не купался. Однимъ изъ величайшихъ страданій было для него это непривычное чувство грязи: всю жизнь дорожилъ онъ своимъ здоровымъ, выхоленнымъ тѣломъ; теперь съ такою же грустью смотрѣлъ на свои невычищенные, неот-

точенные ногти, какъ и на царственный пурпуръ хламиды, запачканной пылью и грязью большихъ дорогъ.

Скѹдило ни на минуту не покидалъ его. Галлъ имѣлъ причины бояться этого слишкомъ внимательнаго спутника.

Трибунъ, только что пріѣхавъ съ порученіемъ отъ императора къ Антіохійскому двору, неосторожнымъ выраженіемъ или намекомъ оскорбилъ жену цезаря, Константину; ею овладѣлъ неожиданно одинъ изъ тѣхъ припадковъ слѣпой, почти сумасшедшей ярости, которымъ она была подвержена. Говорили, будто бы Константина велѣла посланнаго отъ императора наказать плетьми и бросить въ темницу, иные, впрочемъ, отказывались вѣрить, чтобы даже вспыльчивая супруга цезаря была способна на такое оскорбленіе величества въ лицѣ римскаго трибуна. Во всякомъ случаѣ, Константина скоро одумалась и выпустила Скѹдило изъ темницы. Онъ явился опять ко двору цезаря, какъ ни въ чемъ не бывало, пользуясь тѣмъ, что никто ничего навѣрное не зналъ; даже не написалъ доноса въ Медіоланъ, и молча проглотилъ обиду, по выраженію своихъ завистниковъ. Можетъ-быть, трибунъ боялся, что слухи о постыдномъ наказаніи повредятъ его придворной выслугѣ.

Во время путешествія Галла изъ Антіохіи въ Медіоланъ Скѹдило ѣхалъ въ одной колесницѣ съ цезаремъ, не отходилъ отъ него ни на шагъ, ухаживалъ раболѣпно, заигрывалъ, не оставляя его ни минуты въ покоѣ, и обращался, какъ съ упрямымъ, больнымъ ребенкомъ, котораго онъ, Скѹдило, такъ любитъ, что не имѣетъ силы покинуть.

При опасныхъ переѣздахъ черезъ рѣки, на трясучихъ гатяхъ иллирійскихъ болотъ съ нѣжною заботливостью крѣпко обхватывалъ станъ цезаря рукою; и ежели тотъ дѣлалъ попытку освободиться, обхватывалъ еще крѣпче, еще нѣжнѣе, увѣряя, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ дозволитъ, чтобы такая драгоцѣнная жизнь подверглась малѣйшей опасности.

У трибуна былъ особенный задумчивый взглядъ, которымъ съ молчаливой и долгой улыбкой смотрѣлъ онъ

сзади на бѣлую, какъ у молодой дѣвушки, мягкую шею Галла: цезарь чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, ему становилось неловко, и онъ оборачивался. Въ эти мгновенія хотѣлось ему дать пощечину ласковому трибуну; но бѣдный плѣнникъ скоро приходилъ въ себя и только жалобнымъ голосомъ просилъ остановиться, чтобы хоть немного перекусить: ѣлъ онъ и пилъ, несмотря ни на что, съ своей обыкновенной жадностью.

Въ Норикѣ встрѣтили ихъ еще два посланныхъ отъ императора—комесъ Барбатіонъ и Аподемъ, съ когортой собственныхъ солдатъ его величества.

Тогда личину сбросили: вокругъ дворца Галла поставили стражу на ночь, какъ вокругъ тюрьмы.

Вечеромъ Барбатіонъ, войдя къ цезарю и не оказывая никакихъ знаковъ почтенія, велѣлъ ему снять цезарскую хламиду, облечься въ простую тунику и палудаментумъ; Скѹдило при этомъ выказалъ усердіе: такъ поспѣшно на чалъ снимать съ Галла хламиду, что разорвалъ пурпуръ.

На слѣдующее утро плѣнника усадили въ почтовую деревянную повозку на двухъ колесахъ—карпенту, въ которой ѣздили по служебнымъ надобностямъ мелкіе чиновники; у карпенты не было верха. Дулъ пронзительный вѣтеръ, падалъ мокрый снѣгъ. Скѹдило, по своему обыкновенію, одной рукою обнялъ Галла, а другою началъ трогать его новую одежду.

— Хорошая одежда, пушистая, теплая. По-моему, куда лучше пурпура. Пурпуръ не согрѣетъ. А у этой подкладочка мягкая, шерстяная...

И, какъ будто для того, чтобы ощупать подкладку, запустилъ руку подъ одежду цезаря, потомъ въ тунику и вдругъ съ тихимъ вѣжливымъ смѣхомъ вытащилъ лезвее кинжала, который Галлу удалось спрятать въ складкахъ.

— Нехорошо, нехорошо,—заговорилъ Скѹдило съ ласковой строгостью.—Можно какъ-нибудь порѣзаться нечаянно. Что за игрушки!

И бросилъ кинжалъ на дорогу.

Безконечная истома и разслабленіе овладѣвали тѣломъ Галла. Онъ закрылъ глаза и чувствовалъ, какъ Скудило обнимаетъ его все съ большей нѣжностью. Цезарю казалось, что онъ видитъ отвратительный сонъ.

Они остановились недалеко отъ крѣпости Пола, въ Истріи, на берегу Адріатическаго моря. Въ этомъ самомъ городѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, совершилось кровавое злодѣяніе—убійство молодого героя, сына Константина Великаго, Криспа.

Городъ, населенный солдатами, казался унылымъ захолустьемъ. Безконечныя казармы выстроены были въ казенномъ вкусѣ временъ Діоклетіана. На крышахъ лежалъ снѣгъ; вѣтеръ завывалъ въ пустыхъ улицахъ; море шумѣло.

Галла отвезли въ одну изъ казармъ.

Посадили противъ окна, такъ что рѣзкій зимній свѣтъ падалъ ему прямо въ глаза. Самый опытный изъ сыщиковъ императора, Евсевій, маленькій, сморщенный и любезный старичокъ, съ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, какъ у исповѣдника, то и дѣло потирая руки отъ холода, началъ допросъ. Галлъ чувствовалъ смертельную усталость; онъ говорилъ все, что Евсевію было угодно; но при словѣ «государственная измѣна» поблѣднѣлъ и вскочилъ.

— Не я, не я!—залепеталъ онъ глупо и безпомощно.— Это Константина, все—Константина... Безъ нея ничего бы я не сдѣлалъ. Она требовала казни Ѳеоѳила, Домитіана, Клематія, Монтія и другихъ. Видитъ Богъ, не я... Она мнѣ ничего не говорила. Я даже не зналъ...

Евсевій смотрѣлъ на него съ тихой усмѣшкой.

— Хорошо,—проговорилъ онъ,—я такъ и донесу императору, что его собственная сестра Константина, супруга бывшаго цезаря, виновата во всемъ. Допросъ конченъ. Уведите его,—приказалъ онъ легіонерамъ.

Скоро полученъ былъ смертный приговоръ отъ императора Констанція, который счелъ за личную обиду обвиненіе покойной сестры своей во всѣхъ убійствахъ, совершонныхъ въ Антіохіи.

Когда цезарю прочли приговоръ, онъ лишился чувствъ и упалъ на руки солдатъ. Несчастный до послѣдней минуты надѣялся на помилованіе. И теперь еще думалъ, что ему дадутъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дней, нѣсколько часовъ на приготовленіе къ смерти. Но ходили слухи, что солдаты ѳиванскаго легіона волнуются и замышляютъ освобожденіе Галла. Его повели тотчасъ на казнь.

Было раннее утро. Ночью выпалъ снѣгъ и покрылъ черную липкую грязь. Холодное, мертвое солнце озаряло снѣгъ; ослѣпительный отблескъ падалъ на ярко-бѣлыя штукатуренныя стѣны большой залы въ казармахъ, куда привезли Галла.

Солдатамъ не довѣряли: они почти всѣ любили и жалѣли его. Палачомъ выбрали мясника, которому случалось на площади Пола казнить истрійскихъ воровъ и разбойниковъ. Варваръ не умѣлъ обращаться съ римскимъ мечомъ и принесъ широкій топоръ въ родѣ двуострой сѣкиры, которымъ привыкъ на бойнѣ рѣзать свиней и барановъ. Лицо у мясника было тупое, красивое и заспанное; родомъ онъ былъ славянинъ. Отъ него скрыли, что осужденный—цезарь, и палачъ думалъ, что ему придется казнить вора.

Галлъ передъ смертью сдѣлался кроткимъ и спокойнымъ. Онъ позволялъ съ собою дѣлать все, что угодно, съ безсмысленной улыбкой; ему казалось, что онъ маленькій ребенокъ: въ дѣтствѣ онъ тоже плакалъ и сопротивлялся, когда его насильно сажали въ теплую ванну и мыли, а потомъ, покорившись, находилъ, что это пріятно.

Но, увидѣвъ, какъ мясникъ съ тихимъ звономъ водитъ широкимъ лезвеемъ топора взадъ и впередъ по мокрому точильному камню, задрожалъ всѣми членами.

Его отвели въ сосѣднюю комнату; тамъ цырюльникъ тщательно, до самой кожи, обрилъ его мягкіе золотистые кудри, красу и гордость молодого цезаря. Возвращаясь изъ комнаты цырюльника, онъ остался на мгновеніе съ глазу на глазъ съ трибуномъ Скудило. Цезарь неожиданно упалъ къ ногамъ своего злѣйшаго врага.

— Спаси меня, Скȳдило! Я знаю, ты можешь! Сегодня ночью я получилъ письмо отъ солдатъ ѳиванскаго легіона. Дай мнѣ сказать имъ слово: они освободятъ меня. Въ сокровищницѣ Мизійскаго храма лежатъ моихъ собственныхъ тридцать талантовъ. Никто не знаетъ... Я тебѣ дамъ... И еще больше дамъ. Солдаты любятъ меня... Я сдѣлаю тебя своимъ другомъ, своимъ братомъ, соправителемъ, цезаремъ!..

Онъ обнялъ его колѣни, обезумѣвъ отъ надежды. И вдругъ Скȳдило, вздрогнувъ, почувствовалъ, какъ цезарь прикасается губами къ его рукѣ. Трибунъ ни слова не отвѣтилъ, неторопливо отнялъ руку и посмотрѣлъ ему въ лицо съ улыбкой.

Галлу велѣли снять одежду. Онъ не хотѣлъ развязать сандалій: ноги были грязныя. Когда онъ остался почти голымъ, мясникъ началъ привязывать ему руки веревкой за спину, какъ онъ это привыкъ дѣлать ворамъ. Скȳдило бросился помогать. Но, когда Галлъ почувствовалъ прикосновеніе пальцевъ его, имъ овладѣло бѣшенство: онъ вырвался изъ рукъ палача, схватилъ трибуна за горло обѣими руками и сталъ душить его; голый, высокій, онъ былъ похожъ на молодого сильнаго и страшнаго звѣря. Къ нему подбѣжали сзади, оттащили его отъ трибуна, связали ему руки и ноги.

Въ это время внизу, на дворѣ казармъ, раздались крики солдатъ ѳиванскаго легіона: «Да здравствуетъ цезарь Галлъ!»

Убійцы торопились. Принесли большой деревянный обрубокъ или колоду въ родѣ плахи. Галла поставили на колѣни. Барбатіонъ, Байнобаудесъ, Аподемъ держали его за руки, за ноги, за плечи. Голову пригнулъ къ деревянной колодѣ Скȳдило. Съ улыбкой сладострастья на блѣдныхъ губахъ, онъ сильно, обѣими руками, упирался въ эту безпомощно сопротивлявшуюся голову, чувствовалъ пальцами, похолодѣвшими отъ наслажденія, гладкую, только что выбритую кожу, еще влажную отъ мыла цырюльника, смотрѣлъ съ восторгомъ на бѣлую, какъ у молодыхъ дѣвушекъ, жирную, мягкую шею.

Мясникъ былъ неискусный палачъ. Опустивъ топоръ, онъ едва коснулся шеи, но ударъ былъ невѣренъ. Тогда онъ во второй разъ поднялъ сѣкиру, закричавъ Скѵдило:

— Не такъ! Правѣе! Держи правѣе голову!

Галлъ затрясся и завылъ отъ ужаса протяжнымъ нечеловѣческимъ голосомъ, какъ быкъ на бойнѣ, котораго не сумѣли убить съ одного удара.

Все ближе и явственнѣй раздавались крики солдатъ:

— Да здравствуетъ цезарь Галлъ!

Мясникъ высоко поднялъ топоръ и ударилъ. Горячая кровь брызнула на руки Скѵдило. Голова упала и ударилась о каменный полъ.

Въ это мгновеніе легіонеры ворвались.

Барбатіонъ, Аподемъ и трибунъ щитоносцевъ бросились къ другому выходу.

Палачъ остался въ недоумѣніи. Но Скѵдило успѣлъ шепнуть ему, чтобы онъ унесъ голову казненнаго цезаря: легіонеры не узнаютъ, кому принадлежитъ обезглавленный трупъ, а иначе они могутъ ихъ всѣхъ растерзать.

— Такъ это не воръ?—пробормоталъ удивленный палачъ.

Не за что было ухватить гладко выбритую голову. Мясникъ сначала сунулъ ее подъ мышку. Но это показалось неудобнымъ. Тогда воткнулъ онъ ей въ ротъ палецъ, зацѣпилъ и такъ понесъ ту голову, чье мановеніе заставляло нѣкогда склоняться столько человѣческихъ головъ.

Юліанъ, узнавъ о смерти брата, подумалъ: «Теперь очередь за мною».

XII.

Въ Аѳинахъ Юліанъ долженъ былъ принять ангельскій чинъ—постричься въ монахи.

Было весеннее утро. Солнце еще не всходило. Онъ простоялъ въ церкви заутреню и прямо отъ службы пошелъ за нѣсколько стадій по теченію заросшаго платанами и дикимъ виноградомъ Иллиса.

Онъ любилъ это уединенное мѣсто вблизи Аѳинъ, на самомъ берегу потока, тихо шелестѣвшаго, какъ шелкъ, по кремнистому дну. Отсюда видны были сквозь туманъ красноватыя выжженныя скалы Акрополя и очертанія Парѳенона, едва тронутаго свѣтомъ зари.

Юліанъ, снявъ обувь, босыми ногами вошелъ въ мелкія воды Иллиса. Пахло распускающимися цвѣтами винограда; въ этомъ запахѣ уже было предвкусіе вина—такъ въ первыхъ мечтахъ дѣтства предчувствія любви.

Онъ сѣлъ на корни платана, не вынимая ногъ изъ воды, открылъ *Федра* и сталъ читать.

Сократъ говоритъ Федру въ діалогѣ:

«Повернемъ въ ту сторону, пойдемъ по теченію Иллиса. Мы выберемъ уединенное мѣсто, чтобы сѣсть. Не кажется ли тебѣ, Федръ, что здѣсь воздухъ особенно нѣженъ и душистъ и что въ самомъ пѣніи цикадъ есть что-то сладостное, напоминающее лѣто. Но что больше всего мнѣ здѣсь нравится, это высокія травы».

Юліанъ оглянулся: все было попрежнему, какъ восемь вѣковъ назадъ; цикады начинали свои пѣсни въ травѣ.

«Этой земли касались ноги Сократа», подумалъ онъ и, спрятавъ голову въ густыя травы, поцѣловалъ землю.

— Здравствуй, Юліанъ! Ты выбралъ славное мѣсто для чтенія. Можно присѣсть?

— Садись. Я радъ. Поэты не нарушаютъ уединенія.

Юліанъ взглянулъ на худенькаго человѣка въ непомѣрно длинномъ плащѣ стихотворца Публія Оптатіана Порфирія и, невольно улыбнувшись, подумалъ: «Онъ такъ малъ, безкровенъ и тощъ, что можно повѣрить, будто бы скоро изъ человѣка превратится въ цикаду, какъ разсказывается въ миѳѣ Платона о поэтахъ».

Публій умѣлъ, подобно цикадамъ, жить почти безъ пищи, но не получилъ отъ боговъ способности не чувствовать голода и жажды: лицо его, землистаго цвѣта, давно уже не бритое, и безкровныя губы сохраняли отпечатокъ голоднаго унынія.

— Отчего это, Публій, у тебя такой длинный плащъ?— спросилъ Юліанъ.

— Чужой,—отвѣтилъ поэтъ съ философскимъ равнодушіемъ,—то-есть, пожалуй, и мой, да на время. Я, видишь ли, нанимаю комнату пополамъ съ юношей Гефестіономъ, изучающимъ въ Аѳинахъ краснорѣчіе: онъ будетъ когда-нибудь превосходнымъ адвокатомъ; пока—бѣденъ, какъ я, бѣденъ, какъ лирическій поэтъ,—этимъ все сказано! Мы заложили платье, посуду, даже чернильницу. Остался одинъ плащъ на двоихъ. Утромъ я выхожу, а Гефестіонъ изучаетъ Демосѳена; вечеромъ онъ одѣваетъ хламиду, а я дома сочиняю стихи. Къ сожалѣнію, Гефестіонъ высокаго, я низенькаго роста. Но дѣлать нечего: я хожу «длинноодѣянный», подобно древнимъ троянкамъ.

Публій Оптатіанъ разсмѣялся, и землистое лицо его напомнило лицо развеселившагося похороннаго плакальщика.

— Видишь ли, Юліанъ,—продолжалъ поэтъ,—я надѣюсь на смерть богатѣйшей вдовы римскаго откупщика: счастливые наслѣдники закажутъ мнѣ эпитафію и щедро заплатятъ. Къ сожалѣнію, вдова упрямая и здоровая, несмотря на усилія докторовъ и наслѣдниковъ, не хочетъ умирать. А то я уже давно купилъ бы себѣ плащъ. Послушай, Юліанъ, пойдемъ сейчасъ со мною.

— Куда?

— Довѣрься мнѣ. Ты будешь благодаренъ...

— Что за тайны?

— Не лѣнись, не спрашивай, вставай и пойдемъ. Поэтъ не сдѣлаетъ зла другу поэтовъ. Увидишь богиню...

— Какую богиню?

— Артемиду-Охотницу.

— Картину? Статую?

— Лучше картины и статуи. Если любишь красоту, бери плащъ и слѣдуй за мной.

У стихотворца былъ такой забавно-таинственный видъ, что Юліанъ почувствовалъ любопытство, всталъ, одѣлся и пошелъ за нимъ.

— Условіе—ничего не говорить, не удивляться. А то очарованіе исчезнетъ. Во имя Каллiопе и Эрато, довѣрься мнѣ!.. Здѣсь два шага. Чтобы не было скучно по пути, я прочту начало эпитафіи моей откупщицѣ.

Они вышли на пыльную дорогу. Въ первыхъ лучахъ солнца мѣдный щитъ Аѳины Промахосъ сверкалъ надъ розовѣвшимъ Акрополемъ; конецъ ея тонкаго копья теплился какъ зажженная свѣча въ небѣ

Цикады вдоль каменныхъ оградъ, за которыми журчали воды подъ кущами фиговыхъ деревьевъ, пѣли пронзительно, какъ будто соперничая съ охрипшимъ, но вдохновеннымъ голосомъ поэта, читавшаго стихи.

Публій Оптатіанъ Порфирій былъ человѣкъ, не лишенный дарованія; но жизнь его сложилась очень странно. Нѣсколько лѣтъ назадъ имѣлъ онъ хорошенькій домикъ, «настоящій храмъ Гермеса», въ Константинополѣ, недалеко отъ Халкедонскаго предмѣстья; отецъ торговалъ оливковымъ масломъ и оставилъ ему небольшое состояніе, которое позволило бы Оптатіану жить безбѣдно. Но кровь въ немъ кипѣла. Поклонникъ древняго эллинства, онъ возмущался тѣмъ, что́ называлъ торжествомъ христіанскаго рабства. Однажды написалъ онъ вольнолюбивое стихотвореніе, не понравившееся императору Констанцію. Констанцій счелъ бы стихи за вздоръ; но въ нихъ былъ намекъ на особу императора; этого онъ простить не могъ. Кара обрушилась на сочинителя: домикъ его и все имущество забрали въ казну, самого сослали на дикій островокъ Архипелага. На островкѣ не было ничего, кромѣ скалъ, козъ и лихорадокъ. Оптатіанъ не вынесъ испытанія, проклялъ мечты о древней римской свободѣ и рѣшился во что бы то ни стало загладить грѣхъ.

Въ безсонныя ночи, томимый лихорадкой, написалъ онъ на своемъ островѣ поэму въ прославленіе императора центонами изъ Виргилія: отдѣльные стихи древняго поэта соединялись такъ, что выходило новое произведеніе. Этотъ головоломный фокусъ понравился при дворѣ: Оптатіанъ угадалъ духъ вѣка.

Тогда приступилъ онъ къ еще болѣе удивительнымъ фокусамъ: написалъ диѳирамбъ Константію стихами различной длины, такъ что строки образовали цѣлыя фигуры, напримѣръ, многоствольную пастушью флейту, водяной органъ, жертвенникъ, при чемъ дымъ изображенъ былъ въ видѣ нѣсколькихъ неравныхъ коротенькихъ строчекъ надъ алтаремъ. Чудомъ ловкости были четырехугольныя поэмы, состоявшія изъ 20 или 40 гекзаметровъ; нѣкоторыя буквы выводились красными чернилами: при соединеніи красныя буквы, внутри четырехугольниковъ, изображали то монограмму Христа, то цвѣтокъ, то хитрый узоръ, при чемъ выходили новыя строки, съ новыми поздравленіями; наконецъ послѣдніе четыре гекзаметра въ книгѣ могли читаться на 18 различныхъ ладовъ: съ конца, съ начала, съ середины, сбоку, сверху, снизу и такъ далѣе, какъ ни читай—все выходила похвала императору.

Бѣдный сочинитель едва не сошелъ съ ума отъ этой работы. Зато побѣда была полная. Константій пришелъ въ восторгъ; ему казалось, что Оптатіанъ затмилъ поэтовъ древности. Императоръ собственноручно написалъ ему письмо, увѣряя, что всегда готовъ покровительствовать Музамъ. «Въ нашъ вѣкъ,—заключалъ онъ не безъ пышности,—за всякимъ, кто пишетъ стихи, мое благосклонное вниманіе слѣдуетъ, какъ тихое вѣяніе зефировъ». Впрочемъ, поэту не возвратили имущества, дали только немного денегъ, позволивъ уѣхать съ проклятаго острова и поселиться въ Аѳинахъ.

Здѣсь онъ велъ невеселую жизнь: помощникъ младшаго конюха въ циркѣ жилъ въ сравненіи съ нимъ роскошно. Поэту приходилось сторожить по цѣлымъ днямъ въ переднихъ тщеславныхъ вельможъ, вмѣстѣ съ гробовщиками, торговцами-евреями и устроителями свадебныхъ шествій, чтобы получить заказъ на эпиталаму, эпитафію или любовное посланіе. Платили гроши. Но Порфирій не унывалъ, надѣясь, что когда-нибудь поднесетъ императору такой фокусъ, что его простятъ окончательно.

Юліанъ чувствовалъ, что, несмотря на все униженіе Порфирія, любовь къ Элладѣ не потухала въ немъ. Онъ былъ тонкимъ цѣнителемъ древней поэзіи. Юліанъ охотно бесѣдовалъ съ нимъ.

Они свернули съ большой дороги и подошли въ высокой каменной стѣнѣ палестры.

Кругомъ было пустынно. Два черныхъ ягненка щипали траву. У запертыхъ воротъ, гдѣ изъ щелей крылечныхъ ступеней росли маки и одуванчики, стояла колесница, запряженная двумя бѣлыми конями; гривы у нихъ были стриженыя, какъ у лошадей на изваяніяхъ.

За ними присматривалъ рабъ, старичокъ съ яйцевидной лысой головой, едва подернутой сѣдымъ пухомъ. Старичокъ оказался глухонѣмымъ, но любезнымъ. Онъ узналъ Оптатіана и ласково закивалъ ему головой, указывая на запертыя ворота палестры.

— Дай кошелекъ на минуту,—сказалъ Оптатіанъ спутнику.—Я возьму динарій или два на вино этому старому шуту.

Онъ бросилъ монету, и съ раболѣпными ужимками и мычаніемъ нѣмой открылъ передъ ними дверь.

Они вошли въ полутемный длинный перистиль.

Между колоннами виднѣлись ксисты—крытые ходы, предназначенные для упражненія атлетовъ; на ксистахъ не было песку: онѣ поросли травой. Друзья вступили въ широкій внутренній дворъ.

Любопытство Юліана было возбуждено всей этой таинственностью. Оптатіанъ велъ его за руку молча.

Во второй дворъ выходили двери *экзэдръ*—крытыхъ мраморныхъ покоевъ, служившихъ нѣкогда аудиторіями для аѳинскихъ мудрецовъ и ораторовъ. Полевыя цикады стрекотали тамъ, гдѣ раздавались рѣчи славныхъ мужей; надъ сочными, какъ будто могильными, травами рѣяли пчелы; было грустно и тихо. Вдругъ откуда-то послышался женскій голосъ, ударъ, должно-быть, мѣднаго диска по мрамору, смѣхъ.

Подкравшись какъ воры, спрятались они въ полумракѣ между колоннами, въ отдѣленіи *элеофезіонъ*, гдѣ древніе борцы во время состязаній умащались елеемъ.

Изъ-за колоннъ виднѣлась продолговатая четырехугольная площадь, подъ открытымъ небомъ, предназначавшаяся для игры въ мячъ и метанія диска; она была усыпана, должно-быть недавно, свѣжимъ ровнымъ пескомъ.

Юліанъ взглянулъ и отступилъ.

Въ двадцати шагахъ стояла молодая дѣвушка, совершенно голая. Она держала мѣдный дискъ въ рукѣ.

Юліанъ сдѣлалъ быстрое движеніе, чтобы уйти, но въ простодушныхъ глазахъ Оптатіана, въ его блѣдномъ лицѣ было столько благоговѣнія, что Юліанъ понялъ, зачѣмъ поклонникъ Эллады привелъ его сюда; почувствовалъ, что ни одной грѣшной мысли не могло родиться въ душѣ поэта: восторгъ его былъ святъ. Оптатіанъ прошепталъ на ухо спутнику, крѣпко схвативъ его за руку:

— Юліанъ, мы теперь въ древней Лаконіи, девять вѣковъ назадъ. Ты помнишь стихи Проперція: *Ludi Lacoput?*

И онъ зашепталъ ему чуть слышнымъ вдохновеннымъ шопотомъ:

Multa tuae, Sparte, miramur jura palestrae.
Sed mage virginei tot bona gymnasii;
Quod non infames exerceret corpore ludos
Inter luctantes nuda puella viros.

«Спарта, дивимся мы многимъ законамъ твоихъ гимнастическихъ игръ, но болѣе всѣхъ—дѣвственной палестрѣ: ибо твои нагія дѣвы среди мужей-борцовъ предаются не безславнымъ играмъ».

— Кто это?—спросилъ Юліанъ.

— Не знаю, я не хотѣлъ узнавать...

— Хорошо. Молчи.

Теперь онъ смотрѣлъ прямо и жадно на метательницу диска, уже не стыдясь и чувствуя, что не должно, не мудро стыдиться.

Она отступила на нѣсколько шаговъ, наклонилась и, выставивъ лѣвую ногу, закинувъ правую руку съ дискомъ, сильнымъ движеніемъ размахнулась—и такъ высоко подбросила мѣдный кругъ, что онъ засверкалъ на восходящемъ солнце и, падая, звонко ударился о подножіе дальней колонны. Юліану казалось, что передъ нимъ древній Фидіевъ мраморъ.

— Лучшій ударъ!—сказала двѣнадцатилѣтняя дѣвочка въ блестящей туникѣ, стоявшая у колонны.

— Мирра, дай дискъ,—проговорила метательница.—Я могу выше, увидишь! Мероэ, отойди, а то я раню тебя, какъ Аполлонъ Гіацинта.

Мероэ, старая рабыня-египтянка, судя по пестрой одеждѣ и смуглому лицу, приготовляла въ алебастровыхъ амфорахъ благовонія для купальни. Юліанъ понялъ, что нѣмой рабъ и колесница съ бѣлыми конями принадлежатъ этимъ любительницамъ древнихъ игръ.

Кончивъ метаніе диска, взяла она отъ блѣдной черноокой Мирры изогнутый лукъ, колчанъ и вынула длинную оперенную стрѣлу. Дѣвушка мѣтила въ черный кругъ, служившій цѣлью на противоположномъ концѣ эфебэона. Тетива зазвенѣла; стрѣла порхнула со свистомъ и ударилась въ цѣль; потомъ—вторая, третья.

— Артемида-Охотница!—прошепталъ Оптатіанъ.

Вдругъ нѣжный розовый лучъ восходящаго солнца, скользнувъ между колоннами, упалъ въ лицо и на невысокую, почти отроческую грудь дѣвушки.

Отбросивъ стрѣлы и лукъ, ослѣпленная, закрыла она лицо руками.

Ласточки съ крикомъ проносились надъ палестрой и тонули въ небѣ.

Она открыла лицо, закинувъ руки надъ головой. Волосы ея на концахъ были блѣдно-золотые, какъ желтый медъ на солнцѣ, съ болѣе темнымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ у корней; губы полуоткрылись съ улыбкой дѣтской радости; солнце скользило по голому тѣлу ниже и ниже. Она стояла, чистая, облеченная свѣтомъ, какъ самою стыдливой изъ одеждъ.

— Мирра,—задумчиво и медленно проговорила дѣвушка,—посмотри, какое небо! Хотѣлось бы броситься въ него и потонуть въ немъ съ крикомъ, какъ ласточки. Помнишь, мы говорили, что нельзя быть людямъ счастливыми, потому что у нихъ нѣтъ крыльевъ? Когда смотришь на птицъ, завидно... Надо быть легкой, совсѣмъ голой, Мирра,—вотъ, какъ я теперь, — и глубоко-глубоко въ небѣ, и чувствовать, что это навсегда, что больше ничего не будетъ, не можетъ быть, кромѣ неба и солнца, вокругъ легкаго, голаго тѣла!..

Вся выпрямившись, протягивая руки къ небу, она вздохнула, какъ вздыхаютъ о томъ, что̀ навѣки утрачено.

Солнце опускалось ниже и ниже; оно достигло ея бедеръ уже пламенѣвшею ласкою. Тогда дѣвушка вздрогнула, и ей сдѣлалось стыдно, словно кто-то живой и страстный увидѣлъ ея наготу: она заслонила одной рукой грудь, другой—чресла вѣчнымъ, стыдливымъ движеніемъ, какъ Афродита Книдская.

— Мероэ, одежду, Мероэ!—вскрикнула она, оглядываясь большими, испуганными глазами.

Юліанъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ палестры; сердце его горѣло. Лицо у поэта было торжественное и грустное, какъ у человѣка, только что вышедшаго изъ храма.

— Ты не сердишься?—спросилъ онъ Юліана.

— О нѣтъ! За что?

— Можетъ-быть, для христіанина искушеніе?..

— Искушенія не было.

— Да, да. Я такъ и думалъ.

Они вышли опять на пыльную, уже знойную, дорогу и направились къ Аѳинамъ.

Оптатіанъ продолжалъ тихо, какъ будто про себя:

— О, какіе мы теперь стыдливые и уродливые! Мы боимся угрюмой и жалкой наготы своей, прячемъ ее, потому что чувствуемъ себя нечистыми. А прежде?.. Вѣдь все это когда-то было, Юліанъ! Спартанскія дѣвушки выходили на палестру голыя, гордыя, передъ всѣмъ народомъ. И никто не боялся искушенія. Чистые смотрѣли на

истыхъ. Они были, какъ дѣти, какъ боги... И знать, что этого больше никогда не будетъ, не повторится на землѣ,—эта свобода и чистота, и радость жизни,—никогда!

Онъ опустилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ. Они вышли на улицу Треножниковъ. Недалеко отъ Акрополя друзья разстались молча.

Юліанъ вошелъ въ тѣнь Пропилей. Миновалъ Стоа Пойкилэ съ картинами Парразія, изображавшими битвы Марѳона и Саламина; потомъ, мимо маленькаго храма Безкрылой Побѣды, приблизился къ Парѳенону.

Ему стоило только закрыть глаза, чтобъ увидѣть голое прекрасное тѣло Артемиды-Охотницы; а когда онъ открывалъ ихъ, мраморъ Парѳенона подъ солнцемъ казался живымъ и золотистымъ, какъ тѣло богини.

И передъ всѣми, презирая смерть, хотѣлось ему обнять руками этотъ мраморъ, согрѣтый солнцемъ, и цѣловать его, какъ живое тѣло.

Недалеко отъ него стояли два молодыхъ человѣка въ темныхъ одеждахъ, съ блѣдными, строгими лицами—Григорій изъ Назіанза и Василій изъ Цезареи. Эллины боялись ихъ, какъ самыхъ сильныхъ враговъ; христіане надѣялись, что два друга будутъ великими учителями церкви. Они смотрѣли на Юліана.

— Что съ нимъ сегодня?—сказалъ Григорій.—Развѣ это монахъ? Какія движенія! Какъ онъ закрываетъ глаза! Какая улыбка! Неужели ты вѣришь въ его благочестіе, Василій?

— Я видѣлъ самъ: онъ молился въ церкви, плакалъ...

— Лицемѣріе!

— Зачѣмъ же онъ ходитъ къ намъ, ищетъ нашей дружбы, толкуетъ Писаніе?..

— Смѣется или хочетъ соблазнить. Не вѣрь ему! Это—искуситель. Помни, братъ мой! Римская имперія питаетъ въ семъ юношѣ великое зло. Это—врагъ!

Друзья пошли рядомъ, опустивъ глаза. Ихъ не плѣняли ни строгія дѣвы-каріатиды Эрехтейона, ни смѣющійся въ лазури бѣлый храмъ Никэ Аптеры, ни Пропилеи, ни

Парѳенонъ. Лица ихъ были угрюмы. Они желали одного—разрушить всѣ эти капища демоновъ.

Солнце бросало отъ монаховъ—Григорія Назіанзинина и Василія Цезарейскаго двѣ длинныя черныя тѣни на бѣлый мраморъ.

— Я хочу ее видѣть,—думалъ Юліанъ,—я долженъ знать, кто она!

XIII.

— Боги для того послали смертныхъ въ міръ, чтобы они говорили красиво.

— Чудесно! Чудесно сказано, Мамертинъ! Повтори, пока не забылъ: я запишу,—просилъ моднаго аѳинскаго адвоката Мамертина другъ и благоговѣйный поклонникъ его, учитель краснорѣчія Лампридій. Онъ вынулъ двустворчатыя восковыя дощечки изъ кармана и заостренную стальную палочку, приготовляясь писать.

— Я говорю,—началъ опять Мамертинъ, съ жеманной улыбкой оглядывая собесѣдниковъ, возлежавшихъ за ужиномъ,—я говорю: люди посланы богами.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не такъ сказалъ, Мамертинъ,—перебилъ его Лампридій:—ты сказалъ гораздо лучше: боги послали смертныхъ.

— Ну да, я сказалъ: боги послали смертныхъ въ міръ только для того, чтобы они красиво говорили.

— Ты теперь прибавилъ «только», и вышло еще лучше. «Только для того».

И Лампридій съ благоговѣніемъ записалъ слова адвоката, какъ изреченіе оракула.

Это былъ дружескій ужинъ, который давалъ недалеко отъ Пирея, на виллѣ своей молодой и богатой воспитанницы Арсинои, римскій сенаторъ Гортензій.

Мамертинъ въ тотъ самый день произнесъ знаменитую рѣчь въ защиту банкира Варнавы. Никто не сомнѣвался, что жидъ Варнава—плутъ. Но, не говоря уже о краснорѣчіи адвоката, онъ обладалъ такимъ голосомъ, что одна

изъ безчисленныхъ влюбленныхъ въ него поклонницъ увѣряла: «Я никогда не слушаю словъ Мамертина; мнѣ не нужно знать, что̀ и о комъ онъ говоритъ; я упиваюсь только звукомъ голоса; особенно, когда онъ замираетъ на концѣ словъ,—что-то невѣроятное: не голосъ человѣка, а божественный нектаръ, вздохи эоловой арфы!»

Хотя простые грубые люди называли ростовщика Варнаву «кровопійцей, поѣдающимъ имѣнія вдовъ и сиротъ», аѳинскіе судьи съ восторгомъ оправдали Мамертинова клієнта. Адвокатъ получилъ отъ еврея пятьдесятъ тысячъ сестерцій и за маленькимъ праздникомъ, который давался въ честь его Гортензіемъ, былъ въ ударѣ. Но онъ имѣлъ привычку притворяться больнымъ, требуя, чтобы его непрестанно лелѣяли.

— Ахъ, я такъ усталъ сегодня, друзья мои,—проговорилъ онъ жалобнымъ голосомъ.—Совсѣмъ боленъ. Гдѣ же Арсиноя?

— Сейчасъ придетъ. Арсиноя только что получила изъ музея Александрійскаго новый физическій приборъ: она имъ очень занята. Но я велю позвать,—предложилъ Гортензій.

— Нѣтъ, не надо,—проговорилъ адвокатъ небрежно.—Не надо. Но какой вздоръ! Молодая дѣвушка—и физика! Что можетъ быть общаго? Еще Аристофанъ и Еврипидъ смѣялись надъ учеными женщинами. И подѣломъ! Прихотница твоя Арсиноя, Гортензій! Если бы она не была такъ хороша, право, со своимъ ваяніемъ и математикой она казалась бы...

Онъ не докончилъ и оглянулся на открытое окно.

— Что же дѣлать?—отвѣчалъ Гортензій.—Балованный ребенокъ. Сирота—ни отца ни матери. Я вѣдь только опекунъ и не хочу стѣснять ее ни въ чемъ.

— Да, да...

Адвокатъ уже не слушалъ.

— Друзья мои, чувствую...

— Что такое?—проговорило нѣсколько голосовъ озабоченно.

— Чувствую... мнѣ кажется, сквознякъ!..

— Хочешь, затворимъ ставни?—предложилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не надо. Будетъ душно. Но я такъ утомилъ свое горло. Послѣзавтра у меня опять защита. Дайте нагрудникъ и коврикъ подъ ноги. Я боюсь, что охрипну отъ ночной свѣжести.

Гофестіонъ, молодой человѣкъ, тотъ самый, который жилъ съ поэтомъ Оптатіаномъ, ученикъ Лапридія и самъ Лампридій бросились со всѣхъ ногъ, чтобы подать Мамертину нагрудникъ.

Это былъ красиво вышитый кусокъ пушистой бѣлой шерсти, съ которымъ адвокатъ никогда не разлучался, чтобы при малѣйшей опасности простуды обертывать имъ свое драгоцѣнное горло.

Мамертинъ ухаживалъ за собою, какъ любовникъ за избалованной женщиной. Всѣ къ этому привыкли. Онъ любилъ себя такъ простодушно и нѣжно, что и другихъ людей заставлялъ любить себя.

— Нагрудникъ этотъ вышивала мнѣ матрона Фабіола,— сообщилъ онъ съ улыбкой.

— Жена сенатора?—спросилъ Гортензій.

— Да. Я разскажу вамъ про нее анекдотъ. Однажды написалъ я небольшое письмецо—правда, довольно изящное, но, конечно, пустякъ, пять строкъ по-гречески—другой дамѣ, тоже моей поклонницѣ, которая прислала мнѣ корзину съ вишнями: благодарилъ шутливо, подражая слогу Плинія. Представьте же себѣ, друзья мои! Фабіолѣ такъ захотѣлось поскорѣе прочесть мое письмо и переписать въ свое собраніе знаменитыхъ писемъ, что она отправила двухъ рабовъ на дорогу сторожить моего посланнаго. И вотъ нападаютъ на него ночью въ дикомъ ущельи: онъ думаетъ—разбойники, но ему не дѣлаютъ никакого зла, даютъ денегъ, отнимаютъ письмо,—и Фабіола прочла-таки первая и даже выучила его наизусть!

— Какъ же, знаю, знаю! О, это замѣчательная женщина,—подхватилъ Лампридій.—Я видѣлъ самъ, всѣ твои письма лежатъ у нея въ рѣзной шкатулкѣ изъ лимоннаго

дерева, какъ настоящія драгоцѣнности. Она учитъ ихъ наизусть и увѣряетъ, что они лучше всякихъ стиховъ. Фабіола разсуждаетъ справедливо: «Если Александръ Великій хранилъ поэмы Гомера въ кедровомъ ящикѣ, почему же я не могу хранить писемъ Мамертина въ лимонной шкатулкѣ?»

— Друзья мои, эта гусиная печенка подъ шафраннымъ соусомъ—чудо совершенства! Совѣтую попробовать. Кто ее готовилъ, Гортензій?

— Старшій поваръ Дедалъ.

— Слава Дедалу! Твой поваръ—истинный поэтъ.

— Любезный Гаргиліанъ, можно ли назвать повара поэтомъ? — усомнился учитель краснорѣчія. — Не оскорбляешь ли ты этимъ божественныхъ Музъ, нашихъ покровительницъ?

— Музы должны быть польщены, Лампридій! Я полагаю, что гастрономія такое же искусство, какъ всякое другое. Пора оставить предразсудки!

Гаргиліанъ, римскій чиновникъ изъ канцеляріи префекта, былъ тучный, упитанный человѣкъ, съ тройнымъ кадыкомъ, тщательно выбритымъ и надушеннымъ, съ коротко остриженными сѣдыми волосами, сквозь которые просвѣчивали багровыя складки жира, съ умнымъ лицомъ. Онъ считался уже много лѣтъ необходимымъ участникомъ всѣхъ изящныхъ собраній въ Аѳинахъ. Гаргиліанъ любилъ въ жизни только двѣ вещи: хорошій столъ и хорошій стиль. Гастрономія и поэзія сливались для него въ одно наслажденіе.

— Положимъ, я беру устрицу, — говорилъ онъ, поднося ко рту раковину своими жирными пальцами, покрытыми громадными аметистами и рубинами. — Я беру устрицу и глотаю...

Онъ проглотилъ, зажмуривъ глаза, и слегка причмокнулъ верхней губой; у губы этой было особенное лакомое выраженіе: выдающаяся впередъ, заостренная, изогнутая, казалась она чѣмъ-то въ родѣ маленькаго хоботка; оцѣнивая звучный стихъ Анакреона или Мосха, шевелилъ онъ ею

такъ же сладострастно, какъ за ужиномъ, когда наслаждался соусомъ изъ соловьиныхъ язычковъ.

— Глотаю и сейчасъ же чувствую, — продолжалъ Гаргиліанъ, не торопясь, глубокомысленно, — чувствую, устрица съ береговъ Британіи, да, а отнюдь, друзья мои, не остійская и не тарентская. Хотите, я закрою глаза и сразу отличу, изъ какого именно моря устрица или рыба?

— При чемъ же тутъ поэзія? — нѣсколько нетерпѣливо перебилъ его Мамертинъ, которому не нравилось, когда въ его присутствіи слушали другого.

— Представьте же себѣ, друзья мои, — продолжалъ гастрономъ невозмутимо, — что я давно уже не былъ на берегу океана и люблю его, и скучаю по немъ. Могу васъ увѣрить, у хорошей устрицы есть такой соленый, свѣжій запахъ моря, что достаточно проглотить ее, чтобы вообразить себя на берегу океана; закрываю глаза и вижу волны, вижу скалы, чувствую вѣяніе моря «туманнаго», по выраженію Гомера. Нѣтъ, вы только скажите мнѣ по совѣсти, ну, какой стихъ изъ Одиссеи пробудитъ во мнѣ съ такою ясностью воспоминаніе о морѣ, какъ запахъ свѣжей устрицы? Или, положимъ, разрѣзаю персикъ, пробую благовонный сокъ. Отчего, скажите мнѣ, запахъ фіалки и розы лучше вкуса персика? Поэты описываютъ формы, цвѣта, звуки. Почему вкусъ не можетъ быть такъ же прекрасенъ, какъ цвѣтъ, звукъ или форма? Предразсудокъ, друзья мои, предразсудокъ! Вкусъ — величайшій и еще непонятый даръ боговъ. Соединеніе вкусовъ образуетъ высокую и утонченную гармонію, какъ соединеніе звуковъ. Я утверждаю, что есть десятая Муза — Муза Гастрономіи.

— Ну, персики, устрицы, куда ни шло, — возразилъ учитель краснорѣчія. — Но какая можетъ быть красота въ гусиной печенкѣ подъ шафраннымъ соусомъ?

— А для тебя вѣдь есть красота, Лампридій, не только въ идилліяхъ Ѳеокрита, но и въ комедіяхъ Плавта, въ самыхъ грубыхъ площадныхъ шуткахъ его рабовъ?

— Есть, пожалуй.

— Видишь, другъ мой; ну, а для меня есть красота и въ гусиной печенкѣ. Воистину, готовъ я вѣнчать за нее позара Дедала лавровымъ вѣнкомъ такъ же, какъ Пиндара за олимпійскую оду!

Въ дверяхъ появились два новыхъ гостя: то былъ Юліанъ и стихотворецъ Публій. Гортензій уступилъ Юліану почетное мѣсто. Голодные глаза Публія загорѣлись при видѣ множества лакомыхъ блюдъ. Поэтъ былъ въ новой хламидѣ, которая приходилась ему впору. Должно-быть, откупщица умерла, и онъ получилъ деньги за эпитафію.

Бесѣда продолжалась.

Теперь учитель краснорѣчія Лампридій разсказывалъ, какъ изъ любопытства зашелъ онъ однажды въ Римѣ послушать христіанскаго проповѣдника, говорившаго «прогивъ языческихъ грамматиковъ». «Грамматики,— увѣрялъ христіанинъ, — почитаютъ людей не за добродѣтель, а за хорошій слогъ. Они думаютъ, что менѣе преступно убить человѣка, чѣмъ произнести слово homo съ невѣрнымъ придыханіемъ». Лампридій возмущался этими насмѣшками; онъ утверждалъ, что христіанскіе проповѣдники такъ ненавидятъ хорошій слогъ риторовъ потому, что знаютъ, что у нихъ самихъ слогъ варварскій; они губятъ древнее краснорѣчіе, — смѣшиваютъ невѣжество съ добродѣтелью; для нихъ подозрителенъ всякій, кто умѣетъ говорить. По мнѣнію Лампридія, въ тотъ день, когда погибнетъ краснорѣчіе, погибнетъ Эллада и Римъ, люди превратятся въ безсловесныхъ животныхъ. И христіанскіе проповѣдники дѣлаютъ все, чтобы довести людей до такого бѣдствія.

— Кто знаетъ? — замѣтилъ Мамертинъ въ раздумьи.— Можетъ-быть, хорошій слогъ важнѣе добродѣтели. Добродѣтельны бываютъ и рабы и варвары.

Гефестіонъ объяснялъ сосѣду своему, Юнію Маврику, что, именно, значитъ совѣтъ Цицерона: causam mendaciunculis adspergere.

— Mendaciunculis значитъ «маленькія лжи». Цицеронъ позволяетъ и даже совѣтуетъ усѣивать рѣчь выдумками—

mendaciunculis. Онъ допускаетъ ложь, если она украшаетъ слогъ.

Тогда начался споръ о томъ, какъ слѣдуетъ оратору начинать свою рѣчь: съ анапеста или съ дактиля.

Юліану было скучно

Всѣ обратились къ нему, спрашивая его мнѣнія относительно дактилей и анапестовъ.

Онъ откровенно признался, что объ этомъ никогда не думалъ и полагаетъ, что оратору слѣдуетъ болѣе заботиться о содержаніи рѣчи, чѣмъ о такихъ мелочахъ.

Мамертинъ, Лампридій, Гефестіонъ вознегодовали: по ихъ мнѣнію, содержаніе рѣчи безразлично; оратору должно быть все равно, говорить за или противъ; не только смыслъ имѣетъ мало значенія, но даже сочетаніе словъ — второстепенное дѣло, главное — звуки, музыка рѣчи, новыя сладкогласныя сочетанія буквъ; надо, чтобы и варваръ, который ни слова не понимаетъ по-гречески, чувствовалъ прелесть рѣчи.

— Вотъ два стиха Проперція, — сказалъ Гаргиліанъ,— вы увидите, что значатъ звуки въ поэзіи, и какъ ничтоженъ смыслъ. Слушайте:

Et Veneris dominae volucres, mea turba, columbae
Tinguunt Gorgoneo punica rostra lacu.

Какое очарованіе! Какое пѣніе! Что мнѣ за дѣло до смысла? Вся красота—въ звукахъ, въ подборѣ гласныхъ и согласныхъ. За эти звуки я отдалъ бы добродѣтель Ювенала, мудрость Лукреція. Нѣтъ, вы только обратите вниманіе, какая сладость, какое журчаніе:

Et Veneris dominae, mea turba, columbae!

И онъ причмокнулъ верхней губой отъ удовольствія.

Всѣ повторяли два стиха Проперція, не могли насытиться ихъ прелестью. Глаза у нихъ загорѣлись. Они другъ друга возбуждали къ словесной оргіи.

— Вы только послушайте, — шепталъ Мамертинъ своимъ мягкимъ, замирающимъ голосомъ, похожимъ на эолову арфу:—Tinguunt Gorgoneo...

— Tinguunt Gorgoneo! — повторялъ чиновникъ префекта. — Клянусь Палладой, самому небу пріятно: точно глотаешь струю густого теплаго вина, смѣшаннаго съ аттическимъ медомъ:

Tinguunt Gorgoneo...

— Замѣтьте, сколько подрядъ буквъ g, — это воркованіе горлицы. И дальше:

punica rostra lacu...

— Удивительно, неподражаемо! — шепталъ Лампридій, закрывая глаза отъ наслажденія.

Юліану было совѣстно и вмѣстѣ съ тѣмъ забавно смотрѣть на это сладострастное опьянѣніе звуками.

— Надо, чтобы слова были слегка безсмысленны, — заключилъ Лампридій съ важностью: — чтобы они текли, журчали, пѣли, не задѣвая ни слуха, ни сердца, — тогда только возможно полное наслажденіе звуками.

Въ дверяхъ, на которыя все время смотрѣлъ Юліанъ, словно ожидая кого-то, неслышно, никѣмъ не замѣченный, появился, какъ тѣнь, бѣлый и стройный человѣческій обликъ.

Ставни были широко открыты; въ комнату падалъ чистый лунный свѣтъ и смѣшивался съ краснымъ отблескомъ свѣтильниковъ на мозаикѣ пола, блестѣвшаго какъ зеркало, на стѣнахъ съ живописью, изображавшей соннаго Эндиміона подъ лаской Луны.

Бѣлое видѣніе не двигалось, какъ изваяніе; древнеаѳинскій пеплумъ изъ мягкой серебристой шерсти падалъ длинными, прямыми складками, удержанный подъ грудью тонкимъ поясомъ; лунный свѣтъ озарялъ пеплумъ; лицо оставалось въ полумракѣ. Вошедшая смотрѣла на Юліана; Юліанъ смотрѣлъ на нее. Они улыбались другъ другу, зная, что эта улыбка не замѣчена никѣмъ. Она положила палецъ на губы и прислушивалась къ тому, что говорили за столомъ.

Вдругъ Мамертинъ, который оживленно разсуждалъ съ Лампридіемъ о грамматическихъ отличіяхъ перваго и второго аориста, воскликнулъ:

— Арсиноя! Наконецъ-то! Ты рѣшилась для насъ покинуть физическій приборъ и статуи?

Она вошла и съ простою улыбкой привѣтствовала всѣхъ. Это была та самая метательница диска, которую мѣсяцъ назадъ Юліанъ видѣлъ въ покинутой палестрѣ. Стихотворецъ Публій Оптатіанъ, знавшій все и всѣхъ въ Аѳинахъ, познакомился съ Гортензіемъ и Арсиноей и ввелъ Юліана въ ихъ домъ.

Отецъ Арсинои, старый римскій сенаторъ Гельвидій Прискъ, умеръ въ послѣдніе годы царствованія Константина Великаго. Двухъ дочерей отъ одной германской плѣнницы, Арсиною и Мирру, Гельвидій, умирая, оставилъ на попеченіе старому другу Квинту Гортензію, уважаемому имъ за любовь къ древнему Риму и ненависть къ христіанству. Дальній родственникъ Арсинои, обладатель огромныхъ заводовъ пурпура въ Сидонѣ, завѣщалъ ей несмѣтныя богатства.

Ее окружала толпа поклонниковъ. По тому, какъ она одѣвалась, причесывалась, держала себя съ безукоризненной простотой, можно было принять ее за настоящую гречанку, какихъ оставалось уже немного. Но въ неправильныхъ чертахъ ея лица видна была новая сѣверная кровь.

Одно время Арсиноя увлекалась науками, работала въ Александрійскомъ музеѣ у знаменитыхъ ученыхъ; ее плѣняла физика Эпикура, Демокрита, Лукреція; ей нравилось это ученіе, освобождавшее душу «отъ страха боговъ». Потомъ съ такою же почти болѣзненной и торопливой страстностью отдалась она ваянію. Въ Аѳины пріѣхала, чтобы изучать лучшіе древніе образцы Фидія, Скопаса и Праксителя.

— А вы все о грамматикѣ? — съ усмѣшкой обратилась дочь Гельвидія Приска къ собесѣдникамъ, входя въ залу.— Не стѣсняйтесь, продолжайте. Я не буду спорить—хочу ѣсть. Цѣлый день работала. Мальчикъ, налей вина!

- Друзья мои,—продолжала Арсиноя, — вы несчастные люди со всѣми вашими цитатами Демосѳена, пра-

вилами Квинтилліана. Берегитесь, краснорѣчіе погубитъ васъ! Хотѣлось бы мнѣ увидѣть, наконецъ, человѣка, которому дѣла нѣтъ до Гомера и Цицерона, который говоритъ, не думая о придыханіяхъ и аористахъ. Юліанъ, пойдемъ послѣ ужина къ морю: я сегодня не могу слушать споровъ о дактиляхъ и анапестахъ...

— Ты угадала мою мысль, Арсиноя! — пробормоталъ Гаргиліанъ, злоупотребившій гусиной печенкой подъ шафраннымъ соусомъ: почти всегда къ самому концу ужина вмѣстѣ съ тяжестью въ желудкѣ чувствовалъ онъ возмущеніе противъ словесности.

— *Litterarum intemperantia laboramus,*—какъ выразился учитель Нерона, хитрый Сенека. Да, да, вотъ наше горе! *Мы страдаемъ отъ словесной невоздержанности.* Мы сами себя отравляемъ...

И, впадая въ задумчивость, онъ вынулъ зубочистку мастиковаго дерева. На жирномъ умномъ лицѣ его выражалось отвращеніе и скука.

XIV.

Юліанъ и Арсиноя спустились по кипарисовой аллеѣ къ морю. Серебряный лунный путь уходилъ до края неба. Слышался прибой о мѣловыя глыбы прибрежья. Здѣсь была полукруглая скамья. Надъ нею Артемида-Охотница, въ короткой туникѣ, съ полумѣсяцемъ въ кудряхъ, съ лукомъ и колчаномъ, съ двумя остромордыми псами, казалась живой въ лунномъ сіяніи. Они сѣли.

Она указала ему на холмъ Акрополя съ едва бѣлѣвшимися столбами Парѳенона и возобновила разговоръ, который уже не разъ бывалъ у нихъ прежде:

— Посмотри, какъ хорошо! И ты хотѣлъ бы все это разрушить, Юліанъ?..

Не отвѣчая, онъ потупилъ взоръ.

— Я много думала о томъ, что̀ ты мнѣ говорилъ въ прошлый разъ,—о вашемъ смиреніи, — продолжала Арсиноя тихо, какъ будто про себя. — Былъ ли Александръ,

сынъ Филипповъ, смиреннымъ?.. А развѣ въ немъ нѣтъ добродѣтели?

Юліанъ молчалъ.

— А Брутъ, Брутъ, убійца Юлія Цезаря? Если бы Брутъ подставлялъ лѣвую щеку, когда его ударяли по правой,— думаешь ли ты, онъ былъ бы прекраснѣе? Или считаете вы Брута злодѣемъ, галилеяне? Отчего мнѣ кажется порою, что ты лицемѣришь, Юліанъ, что эта темная одежда не пристала тебѣ?..

Она вдругъ обернула къ нему свое лицо, озаренное луною, и посмотрѣла ему прямо въ глаза пристальнымъ взоромъ.

— Чего ты хочешь, Арсиноя?—произнесъ онъ, блѣднѣя.

— Хочу, чтобы ты былъ моимъ врагомъ! — воскликнула дѣвушка страстно.—Ты не можешь такъ пройти, не сказавъ, кто ты. Знаешь, я иногда думаю: ужъ пусть бы лучше Аѳины и Римъ лежали въ развалинахъ; лучше сжечь трупъ, чѣмъ оставить не погребеннымъ. А всѣ эти друзья наши, грамматики, риторы, стихотворцы, сочинители панегириковъ императорамъ—тлѣющій трупъ Эллады и Рима. Страшно съ ними, какъ съ мертвыми. О, да, вы можете торжествовать, галилеяне! Скоро на землѣ ничего не останется, кромѣ мертвыхъ костей и развалинъ. И ты, Юліанъ... Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть. Я не вѣрю, что ты съ ними—противъ меня, противъ Эллады!..

Юліанъ стоялъ передъ нею, блѣдный и безмолвный. Онъ хотѣлъ уйти. Она схватила его за руку.

— Скажи, скажи, что ты мнѣ врагъ!—проговорила она съ вызовомъ и отчаяніемъ въ голосѣ.

— Арсиноя! Зачѣмъ?..

— Говори все! Я хочу знать. Развѣ ты не чувствуешь, какъ мы близки? Или ты боишься?..

— Черезъ два дня я уѣзжаю изъ Аѳинъ, — прошепталъ Юліанъ.—Прости...

— Изъ Аѳинъ? Зачѣмъ? Куда?

— Письмо отъ Констанція. Императоръ вызываетъ меня ко двору; можетъ-быть, на смерть. Мнѣ кажется, я вижу тебя въ послѣдній разъ.

— Юліанъ, ты не вѣришь въ Него? — воскликнула Арсиноя, стараясь уловить взоръ монаха.

— Тише, тише! Что ты?..

Онъ всталъ со скамьи, отошелъ, ступая чуть слышно, оглянулся во всѣ стороны: на дорожку, залитую луннымъ свѣтомъ, на черныя тѣни кустовъ, даже на море, какъ будто вездѣ могли скрываться доносчики. Потомъ вернулся и присѣлъ, все еще не успокоенный. Опираясь рукой на мраморъ, наклонился къ самому уху ея, такъ что она почувствовала его горячее дыханіе, и зашепталъ быстрымъ шопотомъ, какъ въ бреду:

— Да, да, еще бы я вѣрилъ въ Него!.. Слушай, дѣвушка, я говорю теперь то, чего и самъ не смѣлъ сказать себѣ никогда. Я ненавижу Галилеянина! Но я лгалъ съ тѣхъ поръ, какъ помню себя. Ложь проникла въ душу мою, прилипла къ ней, какъ эта черная одежда къ тѣлу моему; помнишь,—отравленная одежда кентавра Нисса. Гераклъ срывалъ ее съ кусками кожи и тѣла, но не сорвалъ и задохся. Такъ и я задохнусь во лжи галилейской...

Онъ выговаривалъ каждое слово съ усиліемъ. Арсиноя взглянула на него: лицо, искаженное страданіемъ и ненавистью, показалось ей чуждымъ, почти страшнымъ.

— Успокойся, другъ!—молвила она.—Скажи мнѣ все: я пойму тебя, какъ никто изъ людей.

— Хочу сказать и не умѣю, — усмѣхнулся онъ злобно. — Слишкомъ долго молчалъ. Видишь ли, Арсиноя, кто разъ попался имъ въ лапы — кончено! Такъ изуродуютъ, смиренномудрые, такъ пріучатъ лгать и пресмыкаться, что уже не выпрямиться, не поднять ему головы никогда!..

Кровь бросилась въ лицо его; на лбу выступили жилы; и, стиснувъ зубы въ безсильной ярости, онъ прошепталъ:

— Подлость, подлость, воистину галилейская подлость—ненавидѣть врага своего, какъ я ненавижу Константія, и прощать, пресмыкаться у ногъ его по-змѣиному, по смиренному христіанскому обычаю, выпрашивая ми-

лости: «Еще годокъ, только одинъ годокъ жизни худоумному рабу твоему, монаху Юліану; потомъ, — какъ тебѣ и скопцамъ, твоимъ совѣтникамъ, угодно будетъ, боголюбивѣйшій!» О подлость!..

— Нѣтъ, Юліанъ,—воскликнула Арсиноя,—если такъ,— ты побѣдишь! Ложь—сила твоя. Помнишь, въ баснѣ Эзопа,— оселъ въ львиной шкурѣ? Здѣсь, наоборотъ, левъ въ шкурѣ осла, герой въ одеждѣ монаха!..

Она засмѣялась.

— И какъ они испугаются, глупые, когда ты вдругъ покажешь имъ свои львиные когти. Вотъ будетъ смѣхъ и ужасъ! Скажи, ты хочешь власти, Юліанъ?

— Власти!..—онъ всплеснулъ руками, упиваясь звукомъ этого слова, полною грудью вдыхая воздухъ:— Власти!.. О, если бы одинъ годъ, нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько дней власти,—научилъ бы я смиренныхъ, ползучихъ и ядовитыхъ тварей, именующихъ себя христіанами, что значитъ мудрое слово ихъ собственнаго Учителя: «кесарево—кесарю». Да, клянусь Богомъ Солнца, воздали бы они у меня кесарево кесарю!

Онъ поднялъ голову; глаза сверкнули злобою; лицо озарилось, точно помолодѣло. Арсиноя смотрѣла на него съ улыбкой.

Но скоро голова Юліана снова поникла. Пугливо озираясь, опустился онъ на скамью; невольнымъ движеніемъ сложилъ руки крестообразно на груди, по обычаю монаховъ, и прошепталъ:

— Зачѣмъ обманывать себя? Никогда этого не будетъ. Я погибну. Злоба задушитъ меня... Слушай: каждую ночь, послѣ дня, проведеннаго на колѣняхъ въ церкви надъ гробами галилейскихъ мертвецовъ, я возвращаюсь домой разбитый, усталый, бросаюсь на постель, лицомъ въ изголовье, и рыдаю,—рыдаю и грызу его, чтобы не кричать отъ боли и ярости. О, ты не знаешь еще, Арсиноя, ужаса и смрада галилейскаго, въ которыхъ вотъ уже двадцать лѣтъ какъ я умираю и все не могу умереть, потому что, видишь ли, мы, христіане, живучи какъ змѣи: разсѣкутъ

надвое — срастаемся! Прежде я искалъ утѣшенія въ добродѣтели теурговъ и мудрецовъ. Тщетно... Не добродѣтеленъ я и не мудръ. Я—золъ, и хотѣлъ бы быть еще злѣе, быть сильнымъ и страшнымъ, какъ дьяволъ, единственный братъ мой! Но зачѣмъ, зачѣмъ я не могу забыть, что есть иное, что есть красота, зачѣмъ я увидѣлъ тебя!..

Внезапнымъ движеніемъ закинувъ прекрасныя, голыя руки свои, Арсиноя обвила его шею, привлекла къ себѣ такъ сильно, такъ близко, что онъ почувствовалъ сквозь одежду невинную свѣжесть тѣла ея, и прошептала:

— А что, если я пришла къ тебѣ, юноша, какъ вѣщая Сибилла, чтобы напророчить славу? Ты одинъ живой среди мертвыхъ. Ты силенъ. Какое мнѣ дѣло, что у тебя не бѣлыя, лебединыя, а страшныя, черныя крылья,—кривые, злые когти, какъ у хищныхъ птицъ? Я люблю всѣхъ отверженныхъ,—слышишь, Юліанъ, я люблю одинокихъ и гордыхъ орловъ больше, чѣмъ бѣлыхъ лебедей. Только будь еще сильнѣе, еще злѣе! Смѣй быть злымъ до конца. Лги, не стыдись: лучше лгать, чѣмъ смириться. Не бойся ненависти: это—буйная сила крыльевъ твоихъ. Хочешь, заключимъ союзъ: ты дашь мнѣ силу, я дамъ тебѣ красоту? Хочешь, Юліанъ?..

Сквозь легкія складки древняго пеплума теперь снова, какъ нѣкогда въ палестрѣ, видѣлъ онъ стройныя очертанія голаго тѣла Артемиды-Охотницы, и ему казалось, что все оно просвѣчиваетъ, нѣжное и золотистое, сквозь воздушную ткань.

Голова его закружилась. Въ лунномъ сумракѣ, окутавшемъ ихъ, онъ замѣтилъ, что къ его губамъ приближаются дерзкія, смѣющіяся губы.

Въ послѣдній разъ подумалъ:

«Надо уйти. Она не любитъ меня и никогда не полюбитъ, хочетъ только власти. Это — обманъ...

Но тотчасъ же прибавилъ съ безсильной улыбкой:

— Пусть, пусть обманъ!

И холодъ слишкомъ чистаго неутоляющаго поцѣлуя проникъ до глубины его сердца, какъ холодъ смерти.

Ему казалось, что сама дѣвственная Артемида въ прозрачномъ сумракѣ мѣсяца спустилась и лобзаетъ его обманчивымъ лобзаніемъ, подобнымъ холодному свѣту луны.

. . . . . .

. . . . . .

На слѣдующее утро оба друга—Василій изъ Назіанза, Григорій изъ Цезареи встрѣтили Юліана въ одной аѳинской базиликѣ.

Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ иконой и молился. Друзья смотрѣли съ удивленіемъ: никогда еще не видѣли они въ чертахъ его такого смиренія, такой ясности.

— Братъ,—шепнулъ Василій на ухо другу,—мы согрѣшили: осудили въ сердцѣ своемъ праведнаго.

Григорій покачалъ головою:

— Да проститъ мнѣ Господь, если я ошибся,—произнесъ онъ медленно, не спуская пытливаго взора съ Юліана.—Вспомни только, братъ Василій, сколь часто въ образѣ свѣтлѣйшихъ ангеловъ являлся людямъ самъ сатана, отецъ лжи.

XV.

На подставки лампады, имѣвшей форму дельфина, положены были щипцы для подвиванія волосъ. Пламя казалось блѣднымъ, потому что утренніе лучи, ударявшіе прямо въ занавѣски, наполняли уборную густымъ, багрово-фіолетовымъ отблескомъ. Шелкъ занавѣсокъ былъ окрашенъ самымъ дорогимъ изъ всѣхъ родовъ пурпура—гіацинтовымъ, тирскимъ, трижды крашенымъ.

— Ипостаси? Что такое божественныя ипостаси Троицы, — этого постигнуть не можетъ никто изъ человѣковъ. Я сегодня всю ночь не спалъ и думалъ, ибо имѣю къ тому превеликую страсть. Но ничего не придумалъ, только голова заболѣла. Отрокъ, дай сюда утиральникъ и мыло.

Это говорилъ человѣкъ важнаго вида, съ митрой на головѣ, похожій на верховнаго жреца или азіатскаго владыку — старшій брадобрей священной особы императора Кон-

станція. Бритва въ искусныхъ рукахъ его летала съ волшебною легкостью. Цырюльникъ какъ будто совершалъ таинственный обрядъ.

По обѣимъ сторонамъ, кромѣ Евсевія, сановника августѣйшей опочивальни, самаго могущественнаго человѣка въ имперіи, кромѣ безчисленныхъ постельниковъ — кубикуларіевъ, съ различными сосудами, притираніями, полотенцами и умывальниками, стояли два отрока—вѣероносца; во все время таинства брадобритія, обвѣвали они императора широкими тонкими опахалами въ видѣ серебряныхъ шестикрылыхъ серафимовъ, сдѣланныхъ наподобіе тѣхъ рипидъ, коими діаконы отгоняютъ мухъ отъ св. Даровъ во время литургіи.

Цырюльникъ только что окончилъ правую щеку императора и принимался за лѣвую, намыливъ ее тщательно мыломъ съ аравійскими духами, называвшимися Афродитовой Пѣной. Онъ шепталъ, наклоняясь къ самому уху Констанція, такъ, чтобы никто не могъ слышать:

— О, боголюбивѣйшій государь, твой всеобъемлющій умъ одинъ только можетъ рѣшить, что такое три ипостаси— Отца, Сына и Духа Святого. Не слушай епископовъ. Не какъ имъ, а какъ тебѣ угодно! Аѳанасія, патріарха александрійскаго, должно казнить, какъ строптиваго и богохульнаго мятежника. Самъ Богъ и Создатель нашъ откроетъ твоей святынѣ, во что и какъ именно должно вѣровать рабамъ твоимъ. По моему мнѣнію, Арій вѣрно утверждаетъ, что было время, когда Сына не было. Также и объ единосущіи...

Но тутъ Констанцій заглянулъ въ огромное зеркало изъ отполированнаго серебра и, ощупавъ рукою только что выбритую шелковистую поверхность правой щеки, перебилъ цырюльника.

— Какъ будто бы не совсѣмъ гладко? А? Можно бы еще разъ пройтись? Что ты тамъ говорилъ объ Единосущіи?

Цырюльникъ, получившій талантъ золота отъ придворныхъ епископовъ Урзакія и Валента за то, чтобы подгото-

вить кесаря къ новому исповѣданію вѣры, быстро и вкрадчиво зашепталъ на ухо Констанція, водя бритвой, какъ будто лаская.

Въ эту минуту къ императору подошелъ нотарій Павелъ по прозванію «Катэна», то-есть «цѣпь»: называли его «цѣпью» за то, что страшные доносы, какъ неразрывныя звенья, опутывали избранную жертву. Лицо у Павла было женоподобное, безбородое, нѣжное; судя по наружности, можно было предположить въ немъ ангельскую кротость; глаза тусклые, черные, съ поволокой; поступь неслышная, съ кошачьей прелестью въ мягкихъ движеніяхъ. На верхнемъ плащѣ, черезъ плечо нотарія была перекинута широкая темно-синяя лента, или перевязь—особый знакъ императорской милости.

Павелъ Катэна мягкимъ, властнымъ движеніемъ отстранилъ брадобрея и, наклонившись къ уху Констанція, шепнулъ:

— Письмо Юліана. Перехватилъ сегодня ночью. Угодно распечатать?

Констанцій съ жадностью вырвалъ письмо изъ рукъ Павла, открылъ и сталъ читать, но разочаровался.

— Пустяки,—проговорилъ онъ,—упражненіе въ краснорѣчіи. Посылаетъ въ подарокъ сто винныхъ ягодъ ученому софисту, пишетъ похвалу виннымъ ягодамъ и числу сто.

— Это хитрость!—замѣтилъ Катэна.

— Неужели,—спросилъ Констанцій,—неужели никакихъ доказательствъ?

— Никакихъ.

— Или онъ очень искусенъ, или же...

— Что хотѣла сказать твоя вѣчность?

— ...Или невиненъ.

— Какъ тебѣ будетъ угодно,—прошепталъ Павелъ.

— Какъ мнѣ угодно? Я хочу быть справедливымъ, только справедливымъ, развѣ ты не знаешь?.. Мнѣ нужны доказательства.

— Подожди, будутъ.

Появился другой доносчикъ, молодой персъ, по имени Меркурій, по должности придворный стольникъ, почти мальчикъ, желтолицый, черноглазый. Его боялись не менѣе, чѣмъ Павла Катэны, и шутя называли «сановникомъ сонныхъ видѣній»: если пророческій сонъ могъ имѣть дурное значеніе для священной особы кесаря, Меркурій, подслушавъ его, спѣшилъ донести. Уже многіе поплатились за то, что имѣли неосторожность видѣть во снѣ, чего не слѣдовало видѣть. Придворные стали увѣрять, что они страдаютъ неизлѣчимой безсонницей и завидовали жителямъ сказочной Атлантиды, которые спятъ, по увѣренію Платона, не видя сновъ.

Персъ, отстранивъ двухъ эѳіопскихъ скопцовъ, завязывавшихъ шнурки на вышитыхъ золотыми орлами башмакахъ императора изъ ярко-зеленой кожи—цвѣтъ, присвоенный только августѣйшей обуви,—обнималъ ноги повелителя, цѣловалъ ихъ и смотрѣлъ въ глаза, какъ собака, ласкаясь и виляя хвостомъ, смотритъ въ глаза господину.

— Да проститъ мнѣ твоя вѣчность! — шепталъ маленькій Меркурій, съ дѣтской и простодушной преданностью.— Я не могъ утерпѣть,—скорѣе прибѣжалъ къ тебѣ; Гауденцій видѣлъ нехорошій сонъ. Ты представился ему въ разорванной одеждѣ, въ вѣнкѣ изъ пустыхъ колосьевъ, обращенныхъ долу.

— Что это значитъ?

— Пустые колосья предвѣщаютъ голодъ, а разорванный пурпуръ... я не смѣю...

— Болѣзнь?

— Можетъ-быть, хуже. Жена Гауденція призналась мнѣ, что онъ совѣщался съ гадателями: Богъ знаетъ, что они сказали ему...

— Хорошо, потомъ поговоримъ. Приходи вечеромъ.

— Нѣтъ, сейчасъ! Дозволь пытку, легкую, безъ огня. Еще дѣло о скатертяхъ...

— О какихъ скатертяхъ?

— Развѣ забылъ? На одномъ пиру въ Аквитаніи столъ накрытъ былъ двумя скатертями, окаймленными пурпуромъ

такъ широко, что онѣ образовали какъ бы царскую хламиду.

— Шире двухъ пальцевъ? Я по закону допустилъ каймы въ два пальца.

— О, гораздо шире! Настоящая, говорю, императорская хламида. Подумай, на скатерти такое святотатственное украшеніе!..

Меркурій не успѣвалъ высказывать всѣхъ накопившихся доносовъ.

— Въ Дафнэ родился уродъ, — бормоталъ онъ, спѣша и запинаясь. — Четыре уха, четыре глаза, два клыка, весь въ шерсти; прорицатели говорятъ, дурной знакъ—къ раздѣленію священной имперіи.

— Посмотримъ. Напиши все по порядку и представь.

Императоръ кончалъ утренній нарядъ. Онъ глянулъ еще разъ въ зеркало и тонкой кисточкой захватилъ немного румянъ изъ серебрянаго ковчежца филигранной работы, подобія маленькой раки для мощей съ крестикомъ на крышкѣ: Константій былъ набоженъ; безчисленные финифтяные крестики и начальныя буквы имени Христова виднѣлись во всѣхъ углахъ, на всѣхъ бездѣлушкахъ; особый родъ драгоцѣннѣйшихъ румянъ, называвшихся «пурпуриссима», приготовляли изъ розовой пѣны, которую снимали съ кипящаго въ котлахъ сока пурпурныхъ раковинъ; кисточкой съ этими румянами Константій искусно провелъ по своимъ смуглымъ и сухимъ щекамъ. Изъ комнаты, называемой «порфирія», гдѣ въ особомъ пятибашенномъ шкапу, «пентапиргіонѣ», хранились царскія одежды, евнухи вынесли императорскую далматику, жесткую, почти не гнущуюся, тяжелую, отъ драгоцѣнныхъ камней и золота, съ вытканными по аметистовому пурпуру крылатыми львами и змѣями.

Въ тотъ день въ главной залѣ медіоланскаго дворца долженъ былъ происходить церковный соборъ.

Туда направился императоръ по сквозному мраморному ходу. Дворцовые стражи — палатины стояли въ два ряда, нѣмые, какъ изваянія, съ поднятыми копьями въ четыр-

надцать локтей длины. Предносимая сановникомъ августѣйшихъ щедротъ, Comes Sacrarum Largitionum — золототканная Константинова хоругвь — лабарумъ, съ монограммой Христа, блистала и шелестѣла. Стражи — безмолвники, silentiarii, бѣжали впереди и мановеніемъ рукъ призывали всѣхъ къ благоговѣйной тишинѣ.

Въ галлереѣ императоръ встрѣтился со своей супругой Евсевіей Авреліей. Это была женщина уже немолодая, съ блѣднымъ и усталымъ лицомъ, съ тонкими и благородными чертами; иногда злая насмѣшка вспыхивала въ ея проницательныхъ глазахъ.

Императрица, сложивъ руки на омофорѣ, усыпанномъ рубинами и сапфирами, ограненными наподобіе сердецъ, склонила голову и произнесла обычное утреннее привѣтствіе:

— Я пришла насладиться твоимъ лицезрѣніемъ, боголюбезнѣйшій супругъ мой! Какъ изволила почивать твоя святость?

Потомъ, по ея знаку, поддерживавшія ее подъ руки двѣ придворныя матроны, Евфросинія и Θеофанія, немного отошли, и она тихо сказала супругу:

— Сегодня долженъ представиться тебѣ Юліанъ. Будь съ нимъ милостивъ. Не вѣрь доносчикамъ. Это—несчастный и невинный отрокъ. Господь тебя наградитъ, если ты помилуешь его, государь!

— Ты просишь за него?

Жена и мужъ обмѣнялись быстрыми взглядами.

— Я знаю, — молвила она, — ты вѣришь мнѣ всегда: повѣрь и на этотъ разъ. Юліанъ — твой вѣрный рабъ. Не откажи, будь съ нимъ ласковъ...

И она подарила мужа одной изъ тѣхъ улыбокъ, которыя все еще сохраняли власть надъ сердцемъ его.

Въ портикѣ, отдѣленномъ отъ главной залы ковровой завѣсой, за которой императоръ любилъ подслушивать то, что происходило на соборѣ, подошелъ къ нему монахъ съ крестообразнымъ гуменцомъ на головѣ, въ туникѣ съ куколемъ изъ грубой темной ткани. То былъ Юліанъ.

Онъ склонилъ колѣни передъ Констанціемъ, сотворилъ земное метаніе и, поцѣловавъ край императорской далматики, сказалъ:

— Привѣтствую благодѣтеля моего, побѣдоноснаго, великаго, вѣчнаго кесаря августа Констанція! Да помилуетъ меня твоя святость!

— Мы рады тебя видѣть, сынъ нашъ!

Двоюродный братъ Юліана милостиво приблизилъ свою руку къ самымъ губамъ его. Юліанъ прикоснулся къ этой рукѣ, на которой была кровь его отца, брата — всѣхъ родныхъ.

Монахъ всталъ, блѣдный, съ горящими глазами, устремленными на врага. Онъ сжималъ рукоять кинжала, скрытаго подъ складками одежды.

Маленькіе свинцово-сѣрые глазки Констанція свѣтились тщеславіемъ, и только изрѣдка хитрая осторожность вспыхивала въ нихъ. Онъ былъ невысокаго роста, головой ниже Юліана, широкоплечъ, повидимому силенъ и крѣпокъ, но съ ногами уродливо выгнутыми, какъ у старыхъ наѣздниковъ; смуглая кожа на гладкихъ вискахъ и скулахъ непріятно лоснилась; тонкія губы были строго сжаты, какъ у людей, любящихъ больше всего въ жизни порядокъ и точность: такое выраженіе бываетъ у старыхъ школьныхъ учителей. Юліану все это казалось ненавистнымъ. Онъ чувствовалъ, какъ слѣпое животное бѣшенство овладѣваетъ имъ; не въ силахъ произнести слова, потупилъ глаза и тяжело дышалъ.

Констанцій усмѣхнулся, подумавъ, что юноша не вынесъ царственнаго взора его — смущенъ неземнымъ величіемъ римскаго кесаря. Онъ произнесъ напыщенно и милостиво:

— Не бойся, отрокъ! Иди съ миромъ. Наше доброголюбіе не причинитъ тебѣ зла и впредь не покинетъ твоего сиротства благодѣяніями.

Юліанъ вошелъ въ залу церковнаго собора, а императоръ сталъ около самаго ковра, приложилъ къ нему ухо, и съ хитрой усмѣшкой началъ прислушиваться.

Онъ узналъ голосъ главнаго начальника государственной почты, Гауденція, того самаго, который видѣлъ дурной сонъ.

— Соборъ за соборомъ!—жаловался Гауденцій какому-то вельможѣ.—То въ Сиріи, то въ Сардикѣ, то въ Антіохіи, то въ Константинополѣ. Спорятъ и не могутъ согласиться объ единосущіи. Но надо же и почтовыхъ лошадей пожалѣть! Епископы скачутъ, сломя голову, съ казенными подорожными. То впередъ, то назадъ, то съ востока, то съ запада. А за ними цѣлыя тучи пресвитеровъ, діаконовъ, церковныхъ служителей, писцовъ. Разореніе! На десять почтовыхъ клячъ едва ли и одна найдется, не заморенная епископами. Еще пять соборовъ,—и всѣ мои лошади поколѣютъ, а отъ государственныхъ подводъ колеса отвалятся. Право! И замѣть, что епископы все-таки не придутъ къ соглашенію объ ипостасяхъ и единосущіи!

— Зачѣмъ же, славнѣйшій Гауденцій, не составишь ты объ этомъ донесенія кесарю?

— Боюсь не повѣрятъ и обвинятъ въ безбожіи, въ неуваженіи къ нуждамъ церкви.

Въ огромной круглой залѣ, съ круглымъ сводомъ и столбами изъ зеленовато-жилистаго фригійскаго мрамора, было душно. Косые лучи падали въ окна, находившіяся подъ сводомъ. Шумъ голосовъ напоминалъ жужжаніе пчелинаго улья.

На возвышеніи приготовленъ былъ тронъ императора—sella aurea, со львиными лапами изъ слоновой кости, которыя перекрещивались, какъ на складныхъ курульныхъ креслахъ древне-римскихъ консуловъ.

Около трона пресвитеръ Пафнутій съ простодушнымъ лицомъ, разгорѣвшимся отъ спора, утверждалъ:

— Я, Пафнутій, какъ пріялъ отъ отцовъ, такъ и содержу въ мысляхъ! По символу, иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія, патріарха александрійскаго, должно воздавать поклоненіе Единицѣ въ Троицѣ и Троицѣ въ Единицѣ. Отецъ—Богъ, Сынъ—Богъ, Духъ Святой—Богъ, впрочемъ, не три Бога, но единъ.

И, точно сокрушая невидимаго врага, со всего размаха ударилъ онъ огромнымъ кулакомъ правой руки въ лѣвую ладонь и обвелъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ.

— Какъ пріялъ, такъ и содержу въ мысляхъ!

— А? Что? Что онъ такое говоритъ?—спрашивалъ Озій, столѣтній старецъ, современникъ великаго Никейскаго собора.—Гдѣ мой рожокъ?

Безпомощное недоумѣніе выражалось на лицѣ его. Онъ былъ глухъ, почти слѣпъ, съ длинной сѣдой бородой. Діаконъ приставилъ слуховой рожокъ къ уху старика.

За стихарь Пафнутія съ умоляющимъ видомъ цѣплялся блѣдный и худенькій монахъ-постникъ.

— Отче Пафнутій!—старался онъ перекричать его.— Что же это такое?.. Изъ-за одного, все изъ-за одного слова: подобносущный или единосущный!

И, хватаясь за одежду Пафнутія, монахъ разсказалъ ему объ ужасахъ, которые видѣлъ въ Александріи и Константинополѣ.

Аріане тѣмъ, кто не хочетъ принимать св. Тайнъ въ еретическихъ церквахъ, открываютъ ротъ деревянными снарядами, состоящими изъ двухъ соединенныхъ палокъ, наподобіе рогатины, и насильно вкладываютъ Причастіе; дѣтей пытаютъ; женамъ раздавливаютъ въ тискахъ или выжигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ сосцы; въ церкви св. Апостоловъ произошла такая драка между аріанами и православными, что кровь наполнила дождевую цистерну и со ступеней паперти лилась на площадь; въ Александріи правитель Себастіанъ избилъ колючими пальмовыми вѣтвями православныхъ дѣвственницъ, такъ что многія умерли, и непогребенныя, обезчещенныя тѣла лежали передъ городскими воротами. И все это даже не изъ-за одного слова, а изъ-за одной буквы, изъ-за одной *іоты*, отличающей греческое слово *единосущный*, ὁμοούσιος, отъ *подобносущный*, ὁμοιούσιος.

— Отче Пафнутій,—твердилъ кроткій блѣдный монахъ,— изъ-за одной *іоты*! И главное, въ священномъ-то Писаніи нѣтъ даже слова *узія*—сущность! Изъ-за чего же мы сдо-

римъ и терзаемъ другъ друга? Подумай, отче, какъ ужасно такое наше злонравіе!..

— Такъ что же?—перебилъ его Пафнутій нетерпѣливо.— Неужели примириться съ окаянными богохульниками, псами, изблевавшими изъ еретическаго сердца, что было время, когда Сына не было?

— Единъ Пастырь, едино стадо,—робко защищался монахъ.—Уступимъ...

Но Пафнутій не слушалъ его. Онъ кричалъ такъ, что жилы напрягались на шеѣ и вискахъ его, покрытыхъ каплями пота.

— Да умолкнутъ богоненавистники! Да не будетъ, да не будетъ сего! Аріанскую гнусную ересь анаѳематствую! Какъ пріялъ отъ отцовъ, такъ и содержу въ мысляхъ!

Столѣтній Озій одобрительно и безпомощно кивалъ сѣдой головой.

— Что ты какъ будто притихъ, авво Дороѳей? Мало сегодня споришь? Или прискучило?—спрашивалъ желчнаго, юркаго старичка высокій, блѣдный и красивый, съ волнистыми, необыкновенно длинными, черными, какъ смоль, волосами, пресвитеръ Фива.

— Охрипъ, братъ Фива! И хочу говорить, да голоса нѣтъ. Натрудилъ себѣ горло намедни, какъ низлагали проклятыхъ акакіанъ: второй день хриплю.

— Ты бы, отче, сѣрымъ яйцомъ горло пополоскалъ, весьма облегчаетъ.

Въ другомъ концѣ залы спорилъ Аэтій, діаконъ антіохійскій, самый крайній изъ учениковъ Арія; его называли безбожнымъ—аѳеемъ за кощунственное ученіе о Св. Троицѣ. Лицо у него было веселое и насмѣшливое. Жизнь Аэтія отличалась разнообразіемъ: онъ былъ поочередно рабомъ, мѣдникомъ, поденщикомъ, риторомъ, лѣкаремъ, ученикомъ александрійскихъ философовъ и, наконецъ, діакономъ.

— Богъ Отецъ по сущности чуждъ Богу Сыну,—проповѣдывалъ Аэтій, наслаждаясь ужасомъ слушателей.—Есть Троица. Но ипостаси различествуютъ въ славѣ. Богъ не-

изреченъ для Сына, потому что несказанно то, что Онъ есть Самъ въ Себѣ. Даже Сынъ не знаетъ сущности Своей, ибо имѣющему начало невозможно представить или объять умомъ Безначальнаго.

— Не богохульствуй! — въ негодованіи воскликнулъ Ѳеона, епископъ мармарикскій.— Доколѣ же простретсяся, братья мои, сатанинская дерзость еретиковъ?

— Сладкорѣчіемъ своимъ, — добавилъ наставительно Софроній, епископъ Помпеополиса,—не вводи въ заблужденіе простодушныхъ.

— Укажите мнѣ на какіе-нибудь философскіе доводы— и я соглашусь. Но крики и ругательства доказываютъ только безсиліе,—возразилъ Аэтій спокойно.

— Въ Писаніи сказано...—началъ было Софроній.

— Какое мнѣ дѣло до Писанія? Богъ далъ разумъ людямъ, чтобы познавать Его. Я вѣрю въ діалектику, а не въ букву Писанія. Разсуждайте со мной, придерживаясь категорій и силлогизмовъ Аристотеля.

И съ презрительной улыбкой завернулся онъ въ свой діаконскій стихарь, какъ Діогенъ въ циническій плащъ.

Нѣкоторые епископы уже начали приходить къ общему исповѣданію, другъ другу уступая, какъ вдругъ вмѣшался въ разговоръ ихъ аріанинъ Нарциссъ изъ Нероніады, знатокъ всѣхъ соборныхъ постановленій, символовъ и каноновъ, человѣкъ, котораго не любили, обвиняли въ прелюбодѣяніи, лихоимствѣ, но все-таки уважали за ученость.

— Ересь!—объявилъ онъ епископамъ кратко и невозмутимо.

— Какъ ересь? Почему ересь?—произнесло нѣсколько голосовъ.

— Объявлено сіе ересью еще на соборѣ въ Ганграхъ Пафлагонскихъ.

У Нарцисса были маленькіе косые глаза, сверкавшіе злобнымъ блескомъ, такая же злобная и кривая улыбка на тонкихъ губахъ; волосы, съ просѣдью, жесткіе, какъ щетина; казалось, всѣ черты лица его перекосились отъ злобы.

— Въ Ганграхъ Пафлагонскихъ!—повторили епископы въ отчаяніи.—А мы и забыли объ этомъ соборѣ... Что же дѣлать, братья?

Нарциссъ, обводя всѣхъ косыми глазами, торжествовалъ.

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ! — восклицалъ добрый и простодушный епископъ Евзой.—Ничего не разумѣю. Запутался. Голова кругомъ идетъ: ὁμοούσιος, ὁμοιούσιος, единосущный, неединосущный, подобья, Ипостаси — въ ушахъ звенитъ отъ греческихъ словъ. Хожу какъ въ туманѣ, и самъ не знаю, во что вѣрю, во что не вѣрю, гдѣ ересь гдѣ не ересь. Господи Іисусе Христе, помоги намъ! Погибаемъ въ сѣтяхъ дьявольскихъ!

Въ это мгновеніе шумъ и крики умолкли. На амвонъ взошелъ одинъ изъ придворныхъ любимцевъ императора, епископъ Урзакій сингидонскій; въ рукахъ держалъ онъ длинную пергаментную хартію. Два скорописца передъ раскрытыми книгами приготовились записывать пренія собора, очинивъ тонкія перья изъ египетскаго тростника—каламуса. Урзакій читалъ повелѣніе императора, обращенное къ епископамъ.

«Констанцій Побѣдитель Тріумфаторъ, досточтимый и вѣчный Августъ—всѣмъ собравшимся въ Медіоланѣ епископамъ».

Онъ требовалъ отъ собора низложенія Аѳанасія, патріарха александрійскаго, въ грубыхъ и непристойныхъ словахъ; называлъ всѣми чтимаго святого старца «негоднѣйшимъ изъ людей, измѣнникомъ, сообщникомъ буйнаго и гнуснаго Максенція».

Придворные льстецы—Валентъ, Евсевій, Аксентій стали подписывать хартію. Но въ толпѣ послышался ропотъ:

— Окаянная прелесть, велемудрыя ухищренія аріанскихъ христоборцевъ! Не дадимъ патріарха въ обиду!

— Кесарь называетъ себя *вѣчнымъ*. Никто не вѣченъ, кромѣ Бога. Кощунство!

Послѣднія слова явственно услышалъ Констанцій, стоявшій за ковромъ.

Вдругъ отдернулъ онъ завѣсу и вступилъ въ залу собора. Копьеносцы окружали его. Лицо императора было гнѣвно. Наступило молчаніе.

— Что̀ это? Что̀ это?—повторялъ слѣпой старецъ Озій; на лицѣ его были недоумѣніе и тревога.

— Отцы!—началъ императоръ, сдерживая гнѣвъ.—Позвольте мнѣ, служителю Всеблагого, довести подъ Промысломъ Его ревность мою до конца. Аѳанасій—мятежникъ, первый нарушитель вселенскаго мира...

Опять послышался ропотъ въ толпѣ.

Константій умолкъ и съ удивленіемъ обвелъ глазами епископовъ. Чей-то голосъ произнесъ:

— Гнусную аріанскую ересь анаѳематствуемъ!

— Вѣра, на которую возстаете вы,—возразилъ императоръ,—наша вѣра. Если она еретическая, почему же Господь Вседержитель даровалъ намъ побѣду надъ всѣми нашими супостатами — Констаномъ, Ветраніономъ, Галломъ, буйнымъ и гнуснымъ Максенціемъ? Почему самъ Богъ вложилъ въ нашу священную десницу державу міра?

Отцы безмолвствовали. Тогда придворный льстецъ Валентъ, епископъ мурзійскій, наклонился съ подобострастнымъ смиреніемъ.

— Богъ откроетъ истину мудрости твоей, боголюбезнѣйшій владыка! То, во что̀ ты вѣруешь, не можетъ быть ересью. Не даромъ Кириллъ Іерусалимскій видѣлъ чудотворное знаменіе на небѣ въ день твоей побѣды надъ Максенціемъ,—крестъ, окруженный радугой.

— Я такъ хочу!—прервалъ его Константій, подымаясь.—Аѳанасій будетъ низложенъ властью, данной намъ отъ Бога. Молитесь, дабы прекратились, наконецъ, всякія распри и словопренія, уничтожена была злоименная и человѣкоубійственная ересь сабелліанъ, приверженцевъ негоднѣйшаго Аѳанасія, возсіяла же въ сердцахъ у всѣхъ истина...

Вдругъ лицо его поблѣднѣло; слова замерли на губахъ.

— Что это? Какъ пустили?..

Константій указывалъ на высокаго старика съ лицомъ суровымъ и величественнымъ: то былъ гонимый и низло-

женный за вѣру пиктавійскій епископъ Иларій, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ императора-аріанина. Онъ самовольно пришелъ на соборъ, можетъ-быть думая найти мученическую смерть.

Старикъ поднялъ руку къ небу, какъ будто призывая проклятіе на голову императора, и громкій голосъ его раздался въ тишинѣ собора:

— Братіе, се грядетъ Христосъ, ибо Антихристъ уже побѣдилъ. Антихристъ—Констанцій! Не по хребту ударяетъ насъ, а ласкаетъ по чреву; не въ темницы бросаетъ, а прельщаетъ въ царскихъ чертогахъ. Кесарь, слушай! Говорю тебѣ то, что̀ сказалъ бы Нерону, Декію, Максиміану, явнымъ гонителямъ церкви: ты—убійца не человѣковъ, а самой Любви Божественной! Неронъ, Декій, Максиміанъ болѣе служили Богу, чѣмъ ты: при нихъ мы побѣждали дьявола; при нихъ лилась кровь мучениковъ, очистившая землю, и мертвыя кости творили чудеса. А ты, свирѣпѣйшій, убиваешь, но не даешь намъ славы смерти! Господи, пошли намъ явнаго мучителя, нелицемѣрнаго врага, подобнаго Нерону и Декію, дабы благодатное и страшное орудіе гнѣва Твоего воскресило церковь, растленную лобзаніями Іуды-Констанція!..

Императоръ поднялъ руку въ ярости:

— Схватить, схватить его и мятежниковъ!—проговорилъ онъ, задыхаясь и указывая на Иларія.

Палатины и щитоносцы бросились на епископовъ. Произошло смятеніе. Сверкнули мечи.

Иларія, съ грубыми оскорбленіями, срывая омофоръ, епитрахиль и фелонь, потащили воины.

Многіе въ ужасѣ, устремляясь къ дверямъ, падали, давили и топтали другъ друга.

Одинъ изъ юношей-скорописцевъ вскочилъ на окно, желая выпрыгнуть на дворъ, но воинъ уцѣпился за длинную одежду его и не пускалъ. Столъ съ чернильницами опрокинули, и красныя чернила разлились по синему яшмовому полу. При видѣ этой багровой лужи стали кричать:

— Кровь! Кровь! Бѣгите!

Другіе вопили:

— Смерть врагамъ благочестивѣйшаго августа!

Пафнутій громовымъ голосомъ возглашалъ, увлекаемый двумя легіонерами:

— Признаю соборъ Никейскій; ересь аріанскую анаѳе матствую!

Многіе продолжали кричать:

— Единосущный!

Другіе:

— Да не будетъ сего!—Подобносущный!

Третьи:

— Несходный, сирѣчь, аномэонъ, аномэонъ!—Умолкните, богоненавистники!—Анаѳема!—Да извергнется!—Соборъ въ Никеѣ!—Соборъ въ Сардикѣ!—Въ Ганграхъ Пафлагонскихъ!—Анаѳема!

Слѣпой Озій сидѣлъ неподвижно, всѣми забытый, на своемъ почетномъ епископскомъ креслѣ и шепталъ чуть слышно:

— Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Что же это, братья?..

Но напрасно протягивалъ онъ свои слабыя руки къ мятущимся и обезумѣвшимъ людямъ; напрасно твердилъ: «братья, братья, что же это?»—никто не видѣлъ и не слышалъ старика. И слезы текли по его столѣтнимъ морщинамъ.

Юліанъ смотрѣлъ на соборъ съ злорадной усмѣшкой и молча торжествовалъ.

Въ тотъ же день, позднимъ вечеромъ, въ пустынной тишинѣ, среди зеленой равнины, къ востоку отъ Медіолана, шли два монаха-отшельника изъ Месопотаміи, посланные на соборъ дальними сирійскими епископами.

Едва спаслись они изъ рукъ придворной стражи и теперь съ радостью направляли путь къ Равеннѣ, чтобы поскорѣе сѣсть на корабль и вернуться въ пустыню. Усталость и уныніе выражались въ ихъ лицахъ. Эфраимъ, одинъ изъ нихъ, былъ старикъ; другой, Пименъ,—юноша. Эфраимъ сказалъ Пимену:

— Пора въ пустыню, братъ мой! Лучше слушать вой шакаловъ и львовъ, чѣмъ то, что сегодня мы слышали въ царскихъ чертогахъ. О, сладкое чадо мое! Блаженны безмолвные! Блаженны оградившіе себя стѣною тишины пустынной, за которую не долетятъ къ нимъ споры учителей церковныхъ! Блаженны понявшіе ничтожество словъ! Блаженны не спорящіе! Блаженъ, кто не испытываетъ Божьихъ тайнъ, но поетъ предъ лицомъ Твоимъ, Господи, какъ лира! Блаженъ, кто постигъ, какъ трудно знать, какъ сладко любить Тебя, Господи!

Эфраимъ умолкъ, и Пименъ произнесъ: «Аминь».

Великая тишина ночи обняла ихъ. И бодро, по звѣздамъ, направили они путь свой къ востоку, радуясь молчанію пустыни.

XVI.

Въ солнечное утро по всѣмъ улицамъ Медіолана стремились толпы народа на главную площадь.

Раздался гулъ привѣтствій—и въ тріумфальной колесницѣ, запряженной стаей бѣлыхъ, какъ лебеди, коней, появился императоръ.

Онъ стоялъ на такой высотѣ, что люди снизу должны были смотрѣть на него закинувъ головы. Одежда, усыпанная драгоцѣнными каменьями, горѣла ослѣпительно. Въ правой рукѣ держалъ онъ скипетръ, въ лѣвой—державу, увѣнчанную крестомъ.

Неподвижный, какъ изваяніе, сильно нарумяненный и набѣленный, онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, не поворачивая головы, какъ будто она была сжата въ тискахъ; во все продолженіе пути, даже при толчкахъ и сотрясеніяхъ колесницы, не сдѣлалъ ни одного движенія—не шевельнулъ пальцемъ, не кашлянулъ, не моргнулъ глазомъ. Эту окаменѣлую неподвижность пріобрѣлъ Константій многолѣтними усиліями, гордился ею и считалъ ее необходимымъ знакомъ божескаго величія римскихъ императоровъ. Въ такія минуты скорѣе согласился бы онъ умереть, чѣмъ,

проявляя смертную природу, отереть потъ съ лица, чихнуть, высморкаться или плюнуть.

Кривоногій, маленькаго роста, самому себѣ казался исполиномъ. Когда колесница въѣзжала подъ арку тріумфальныхъ воротъ, недалеко отъ термъ Максиміана Геркула, наклонилъ голову, какъ будто могъ ею задѣть за ворота, въ которыя свободно прошелъ бы циклопъ.

По обѣимъ сторонамъ пути стояли палатины. У нихъ были золотые шлемы, золотые панцыри; на солнцѣ два ряда почетной стражи сверкали какъ двѣ молніи.

Вокругъ императорской колесницы развѣвались пышныя знамена въ видѣ драконовъ. Пурпурная ткань, раздутая вѣтромъ, врывавшимся въ открытыя пасти драконовъ, издавала пронзительный свистъ, подобный змѣиному шипѣнію, и длинные багровые хвосты чудовищъ клубились по вѣтру.

На площади собраны были всѣ легіоны, стоявшіе въ Медіоланѣ.

Громъ привѣтствій встрѣтилъ императора. Константій былъ доволенъ: самый звукъ этихъ привѣтствій, не слишкомъ слабый, не слишкомъ сильный, установленъ былъ заранѣе и подчиненъ строжайшему порядку; солдатъ и гражданъ учили искусству умѣренно и благоговѣйно кричать отъ восторга.

Придавая каждому движенію, каждому шагу своему напыщенную торжественность, императоръ спустился съ колесницы и взошелъ на помостъ, возвышавшійся надъ площадью, сверху донизу увѣшанный побѣдоносными лохмотьями древнихъ знаменъ и мѣдными римскими орлами.

Опять раздался трубный звукъ,—знакъ того, что полководецъ желаетъ говорить съ войскомъ, и на площади воцарилась тишина.

— Optimi reipublicae defensores!—началъ Константій.— Превосходнѣйшіе защитники республики!

Рѣчь его была растянута и переполнена цвѣтами школьнаго краснорѣчія.

Юліанъ, въ придворной одеждѣ, взошелъ по ступенямъ помоста, и братоубійца облекъ послѣдняго потомка Констан-

ція Хлора священною цезарскою порфирою. Сквозь легкій шелкъ проникли лучи солнца въ то время, когда императоръ подымалъ пурпуръ, чтобы возложить его на колѣнопреклоненнаго Юліана,—и кровавый отблескъ упалъ на лицо новаго цезаря, покрытое смертною блѣдностью. Мысленно повторилъ онъ стихъ Иліады, казавшійся ему пророчествомъ:

«Ἔσλαβε πορφυρεὸς θανατὸς καὶ Μοῖρα κραταίη».
«Очи смежила багровая смерть и могучая Мойра»

А между тѣмъ Констанцій привѣтствовалъ его:

— Recepisti primaevus originis tuae splendidum florem, amatissime mihi omnium frater! — Еще столь юный, ты уже пріемлешь блистательный цвѣтъ твоего царственнаго рода, возлюбленнѣйшій братъ мой!

Тогда по всѣмъ легіонамъ пролетѣлъ крикъ восторга. Констанцій нахмурился: крикъ превзошелъ установленную мѣру: должно-быть, лицо Юліана понравилось воинамъ.

— Да здравствуетъ цезарь Юліанъ!—кричали они все громче и громче и не хотѣли умолкнуть.

Новый цезарь отвѣтилъ имъ братской улыбкой.

Каждый изъ легіонеровъ ударялъ мѣднымъ щитомъ по колѣну, что было знакомъ радости.

Юліану казалось, что надъ нимъ совершается воля не кесаря, а самихъ боговъ . . . . . .
. . . . . .

Каждый вечеръ Констанцій имѣлъ обыкновеніе посвящать четверть часа отдѣлкѣ и обтачиванію ногтей: это была единственная забава, которую позволялъ онъ себѣ, неприхотливый, воздержанный и скорѣе грубый, чѣмъ изнѣженный, во всѣхъ своихъ привычкахъ.

Обтачивая ногти тонкими напилочками, гладя ихъ щеточками, съ веселымъ видомъ спросилъ онъ въ тотъ вечеръ любимаго евнуха, сановника августѣйшей опочивальни, Евсевія:

— Какъ тебѣ кажется,—скоро побѣдитъ онъ галловъ?

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ Евсевій,—что мы скоро получимъ извѣстіе о пораженіяхъ и смерти Юліана.

— Мнѣ было бы очень жаль,—продолжалъ Констанцій.— Я, впрочемъ, сдѣлалъ все, что могъ: ему теперь придется обвинять себя самого...

Онъ улыбнулся и, склонивъ голову набокъ, посмотрѣлъ на свои отточенные ногти.

— Ты побѣдилъ Максенція, — прошепталъ евнухъ, — побѣдилъ Ветраніона, Констана, Галла, побѣдишь и Юліана. Тогда будетъ единъ пастырь, едино стадо. Богъ— и ты!

— Да, да... Но, кромѣ Юліана, есть Аѳанасій. Я не успокоюсь, пока, живой или мертвый, не будетъ онъ въ моихъ рукахъ.

— Юліанъ страшнѣе Аѳанасія, а ты сегодня облекъ его пурпуромъ смерти. О, мудрость Божескаго Промысла! Какъ низвергаетъ она путями неисповѣдимыми всѣхъ враговъ твоей вѣчности. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!

— Аминь,—заключилъ императоръ, покончивъ съ ногтями и бросивъ послѣднюю щеточку.

Онъ подошелъ къ древней Константиновой хоругви — лабаруму, всегда стоявшему въ опочивальнѣ кесаря, опустился передъ нимъ на колѣни и, смотря на монограмму Іисуса Христа, составленную изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, блиставшую при свѣтѣ неугасимой лампады, началъ молиться. Прочелъ уставныя молитвы и сотворилъ назначенное число земныхъ поклоновъ. Къ Богу обращался онъ съ невозмутимою вѣрою, какъ люди, никогда не сомнѣвавшіеся въ своей добродѣтели.

Когда обычные три четверти часа вечерней молитвы кончились, онъ всталъ съ легкимъ сердцемъ.

Евнухи раздѣли его. Онъ легъ на величественное ложе, которое поддерживали серебряные херувимы распростертыми крыльями.

Императоръ заснулъ съ невинною улыбкою на устахъ.

XVII.

Въ Аѳинахъ, въ одномъ изъ многолюдныхъ портиковъ, выставлено было изваяніе Арсинои—*Побѣдитель Октавій съ мертвою головою Брута*. Аѳиняне привѣтствовали дочь сенатора Гельвидія Приска, какъ возобновительницу древняго искусства.

Особые чиновники, обязанные тайно слѣдить за настроеніемъ умовъ въ имперіи, получившіе откровенное имя *испытующихъ*, донесли куда слѣдуетъ, что изваяніе это можетъ пробудить въ народѣ вольнолюбивыя чувства: въ мертвой головѣ Брута находили сходство съ головой Юліана и видѣли въ этомъ преступный намекъ на недавнюю казнь Галла; въ Октавіи старались найти сходство съ Констанціемъ.

Дѣло разрослось въ цѣлое слѣдствіе объ оскорбленіи величества и едва не попало въ руки Павла Катэны. Къ счастію, изъ придворной канцеляріи отъ магистра оффицій полученъ былъ строжайшій приказъ—не только унести статую изъ портика, но и уничтожить ее въ присутствіи императорскихъ чиновниковъ.

Арсиноя хотѣла ее скрыть. Гортензій былъ въ такомъ страхѣ, что грозилъ выдать воспитанницу доносчикамъ.

Ею овладѣло отвращеніе къ человѣческой низости: она позволила дѣлать со своимъ произведеніемъ все, что Гортензію было угодно. Статую разбили каменщики.

Арсиноя поспѣшно уѣхала изъ Аѳинъ. Опекунъ убѣдилъ ее сопровождать его въ Римъ, гдѣ друзья давно обѣщали ему выгодное мѣсто императорскаго квестора.

Они поселились недалеко отъ Палатинскаго Холма. Дни проходили въ бездѣйствіи. Художница поняла, что прежняго великаго и свободнаго искусства уже быть не можетъ.

Арсиноя помнила свой разговоръ съ Юліаномъ въ Аѳинахъ; это была единственная связь ея съ жизнью. Ожиданіе въ бездѣйствіи казалось ей невыносимымъ. Въ минуты отчаянія хотѣлось кончить сразу, покинуть все, немедленно

ѣхать въ Галлію къ молодому цезарю, съ нимъ достигнуть власти или погибнуть.

Но въ это время она тяжело заболѣла. Въ долгіе тихіе дни выздоровленія успокоивалъ и утѣшалъ ее самый измѣнчивый и вѣрный изъ поклонниковъ ея, центуріонъ придворныхъ щитоносцевъ, сынъ богатаго родосскаго купца, Анатолій.

Онъ былъ римскимъ центуріономъ, какъ самъ выражался, только по недоразумѣнію; на военную службу поступилъ, удовлетворяя тщеславной прихоти отца, который считалъ за верхъ благополучія видѣть сына въ золотыхъ доспѣхахъ придворнаго щитоносца. Откупаясь отъ службы взятками, Анатолій проводилъ жизнь въ изящной праздности, среди рѣдкихъ произведеній искусства и книгъ, въ пирахъ, въ лѣнивыхъ и роскошныхъ путешествіяхъ. Но глубокой ясности души, какъ у прежнихъ эпикурейцевъ, у него уже не было. Онъ жаловался друзьямъ:

— Я боленъ смертельной болѣзнью.

— Какой?—спрашивали они съ улыбкой недовѣрія.

— Тѣмъ, что̀ вы называете моимъ остроуміемъ и что мнѣ самому кажется порою плачевнымъ и страннымъ безуміемъ.

Въ слишкомъ мягкихъ, женоподобныхъ чертахъ его было выраженіе усталости и лѣни.

Иногда какъ будто просыпался: то предпринималъ во время бури безцѣльную опасную прогулку въ открытомъ морѣ съ рыбаками, то уѣзжалъ въ лѣса Калабріи охотиться на кабановъ и медвѣдей; мечталъ объ участіи въ заговорѣ на жизнь кесаря или о военныхъ подвигахъ; искалъ посвященія въ таинства Митры и Адонаи. Въ такія минуты онъ способенъ былъ поразить даже людей, не знавшихъ его обычной жизни, неутомимостью и отвагой.

Но скоро возбужденіе проходило, и онъ возвращался къ праздности, еще болѣе вялый и сонный, еще болѣе грустный и насмѣшливый.

— Ничего съ тобой не подѣлаешь, Анатолій!—говорила ему Арсиноя съ ласковой укоризной.—Весь ты мягкій, точно безъ костей.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала въ природѣ этого послѣдняго эпикурейца эллинскую прелесть; любила въ усталыхъ глазахъ его грустную насмѣшку надо всѣмъ въ жизни и надъ самимъ собою, когда онъ говорилъ:

— Мудрецъ умѣетъ находить долю сладости въ самыхъ печальныхъ мысляхъ своихъ, подобно пчеламъ Гиметта, которыя изъ самыхъ горькихъ травъ извлекаютъ медъ.

Тихія бесѣды его убаюкивали и утѣшали Арсиною. Шутя называла она его своимъ врачомъ.

Арсиноя выздоровѣла, но уже болѣе не возвращалась въ мастерскую; самый видъ мрамора вызывалъ въ ней тягостное чувство.

Въ это время Гортензій устраивалъ для народа, въ честь своего прибытія въ Римъ, великолѣпныя игры въ амфитеатрѣ Флавія. Онъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ и хлопотахъ, получалъ каждый день изъ различныхъ странъ свѣта лошадей, львовъ, иберійскихъ медвѣдей, шотландскихъ собакъ, нильскихъ крокодиловъ, безстрашныхъ охотниковъ, искусныхъ наѣздниковъ, мимовъ, отборныхъ гладіаторовъ.

Приближался день праздника, а львовъ еще не привозили изъ Тарента, куда они прибыли моремъ. Медвѣди пріѣхали исхудалые, заморенные и смирные, какъ овцы. Гортензій не спалъ ночей отъ безпокойства.

За два дня саксонскіе плѣнники-гладіаторы, люди гордые и неустрашимые, за которыхъ далъ онъ огромныя деньги, передушили другъ друга въ тюрьмѣ, ночью, къ великому негодованію сенатора, считая позоромъ служить потѣхой римской черни. Гортензій при этомъ неожиданномъ извѣстіи едва не лишился чувствъ.

Теперь вся надежда была на крокодиловъ.

— Пробовалъ ли ты давать имъ рубленое поросячье мясо?—спрашивалъ онъ раба, приставленнаго къ драгоцѣннымъ крокодиламъ.

— Давалъ. Не ѣдятъ.

— А сырой телятины?

— И телятины не ѣдятъ.

— А пшеничнаго хлѣба, моченаго въ сливкахъ?

— И не нюхаютъ. Отворачиваютъ морды и спятъ. Должно-быть, больные или очень томные. Мы имъ ужъ пасти открывали шестами, насильно всовывали пищу — выплевываютъ.

— Клянусь Юпитеромъ, уморятъ себя и меня эти подлыя твари! Пустить ихъ въ первый же день на арену, а то еще подохнутъ съ голоду,—простоналъ бѣдный Гортензій, падая въ кресло.

Арсиноя смотрѣла на него съ нѣкоторою завистью: ему, по крайней мѣрѣ, не было скучно.

Она прошла въ уединенный покой, выходившій окнами въ садъ. Здѣсь, въ тихомъ лунномъ сіяніи, шестнадцатилѣтняя сестра ея Мирра, худенькая, стройная дѣвочка, перебирала струны на лирѣ. Въ тишинѣ лунной ночи звуки падали какъ слезы. Арсиноя молча обняла сестру. Мирра отвѣтила ей улыбкой, не переставая играть.

За стѣною сада послышался свистъ.

— Это онъ!—сказала Мирра, вставая и прислушиваясь.— Пойдемъ скорѣе.

Она крѣпко сжала руку Арсинои своей дѣтской и сильной рукой.

Обѣ дѣвушки накинули на себя темные плащи и вышли. Вѣтеръ гналъ облака; луна то выглядывала, то пряталась за нихъ.

Арсиноя отперла небольшую калитку въ садовой оградѣ.

Ихъ встрѣтилъ юноша, закутанный въ шерстяную монашескую кàзулу.

— Не опоздали, Ювентинъ?—спросила Мирра.—Я такъ боялась, что ты не придешь...

Они шли долго, сперва по узкому и темному переулку, потомъ по винограднику и вышли, наконецъ, въ голое поле, начало римской Кампаніи. Шелестѣлъ сухой бурьянъ. На свѣтлой лунной дали виднѣлись пролеты кирпичнаго акведука временъ Сервія Туллія.

Ювентинъ оглянулся и произнесъ:

— Кто-то идетъ.

Обѣ дѣвушки также обернулись. Свѣтъ луны упалъ на ихъ лица, и человѣкъ, слѣдовавшій за ними, воскликнулъ радостно:

— Арсиноя! Мирра! Наконецъ-то я нашелъ васъ! Куда вы?

— Къ христіанамъ,—отвѣчала Арсиноя.—Пойдемъ съ нами, Анатолій! Ты увидишь много любопытнаго.

— Къ христіанамъ? Не можетъ быть... Ты всегда ихъ такъ ненавидѣла!—удивился центуріонъ.

— Съ лѣтами, другъ мой, становишься добрѣе и равнодушнѣе ко всему,—возразила дѣвушка.—Это суевѣріе не лучше и не хуже другихъ. И потомъ,—чего только не дѣлаешь отъ скуки? Я хожу къ нимъ для Мирры. Ей нравится...

— Гдѣ же церковь,—мы въ пустомъ полѣ?—спросилъ Анатолій, съ недоумѣніемъ оглядываясь.

— Церкви христіанъ осквернены или разрушены ихъ же собственными братьями, аріанами, которые иначе вѣрятъ во Христа, чѣмъ они. При дворѣ ты долженъ былъ наслушаться объ единосущіи и подобносущіи. Теперь противники аріанъ молятся тайно въ тѣхъ же самыхъ подземеліяхъ, какъ во времена первыхъ гоненій.

Мирра и Ювентинъ немного отстали, такъ что Анатолій и Арсиноя могли говорить наединѣ.

— Кто это?—произнесъ центуріонъ, указывая на Ювентина.

— Потомокъ древняго патриціанскаго рода Фуріевъ,—отвѣчала Арсиноя.—Мать хочетъ сдѣлать изъ него консула, а онъ мечтаетъ уйти, противъ ея воли, въ пустыню, чтобы молиться Богу... Любитъ мать и скрывается отъ нея, какъ отъ врага.

— Потомки Фуріевъ — монахи. О время! — вздохнулъ эпикуреецъ.

Въ это время подошли они къ аренаріямъ—древнимъ копямъ разсыпчатаго туфа и спустились по узкимъ ступенямъ на самое дно каменоломни. Луна озаряла глыбы красноватой вулканической земли. Ювентинъ взялъ изъ полу-

круглаго углубленія въ стѣнѣ маленькую глиняную лампаду съ ручкой, выбилъ огонь и зажегъ. Длинное колеблющееся пламя вспыхнуло въ остромъ горлышкѣ, въ которомъ плавала свѣтильня. Они углубились въ одинъ изъ боковыхъ ходовъ аренарія. Прорытый еще древними римлянами, очень широкій и просторный, спускался онъ въ глубину по довольно крутому наклону. Его пересѣкали другіе подземные ходы, служившіе работникамъ для перевозки туфа.

Ювентинъ велъ спутницъ по лабиринту. Наконецъ остановился передъ колодцемъ и снялъ деревянную крышку. Пахнуло сыростью. Они спустились осторожно по крутымъ ступенямъ.

Въ самой глубинѣ была небольшая дверь. Ювентинъ постучался.

Дверь отворилась, и сѣдой монахъ-привратникъ впустилъ ихъ въ узкій и высокій подземный ходъ, прорытый уже не въ разсыпчатомъ, а зернистомъ туфѣ, достаточно рыхломъ для удобнаго прокапыванія галлерей.

Обѣ стѣны покрыты были отъ земли до потолка мраморными досками или тонкими плоскими черепицами, которыми задѣлывались безчисленныя гробницы.

Иногда встрѣчались имъ люди съ лампадами. При мерцающемъ свѣтѣ Анатолій, остановившись на минуту, прочелъ надпись, вырѣзанную на одной изъ плитъ: «Дороѳей, сынъ Феликса, покоится въ мѣстѣ прохладномъ, въ мѣстѣ свѣтломъ, въ мѣстѣ мирномъ»—«...requiscit in loco refrigii, luminis, pacis»; на другой плитѣ: «Братья, не тревожьте сладчайшаго сна моего».

Смыслъ этихъ надписей былъ любовный и радостный. «Софронія,—говорилось въ одной,—милая, будь вѣчно живою въ Богѣ»—«Sophronia dulcis, semper vivis Deo», и немного дальше: «Sophronia, vivis»—«Софронія, ты жива», какъ будто писавшій окончательно постигъ, что смерти нѣтъ.

Нигдѣ не говорилось: «онъ погребенъ», а только «положенъ сюда»—«depositus». Казалось, что тысячи и тысячи людей, поколѣнія за поколѣніями, лежатъ здѣсь не умер-

шіе, а уснувшіе легкимъ сномъ, полные таинственнымъ ожиданіемъ.

Въ углубленіяхъ стѣнъ стояли лампады, горѣвшія недвижнымъ длиннымъ пламенемъ въ спертомъ воздухѣ, и красивыя амфоры съ благовоніями. Только запахъ гнилыхъ костей изъ щелей гробовъ напоминалъ о смерти.

Подземные ходы шли въ нѣсколько ярусовъ, спускаясь все ниже и ниже. Кое-гдѣ въ потолкѣ виднѣлось широкое отверстіе отдушины—луминарія, выходившаго въ Кампанію.

Иногда слабый лучъ мѣсяца, скользя въ луминарій, озарялъ мраморную доску съ надписью.

Въ концѣ одного хода увидѣли они могильщика за работою. Съ веселымъ лицомъ, напѣвая, ударялъ онъ желѣзною киркою въ зернистый туфъ, который округлялся и принималъ видъ свода надъ его головой.

Вокругъ главнаго надзирателя могильщиковъ—фòссора, человѣка въ роскошной одеждѣ, съ хитрымъ и жирнымъ лицомъ, стояло нѣсколько христіанъ. Фòссоръ, получивъ въ наслѣдство цѣлую галлерею катакомбъ, имѣлъ право за деньги уступать мѣста, свободныя для погребенія, въ принадлежавшемъ ему участкѣ; участокъ былъ очень выгоденъ, потому что здѣсь покоились мощи св. Лаврентія. Могильщикъ нажилъ себѣ состояніе. Теперь торговался онъ съ богатымъ и скупымъ кожевникомъ Симономъ. Арсиноя на минуту остановилась, прислушиваясь.

— А далеко ли мѣсто отъ св. Лаврентія?—спрашивалъ Симонъ недовѣрчиво, думая объ огромныхъ деньгахъ, которыя требовалъ фòссоръ.

— Недалеко: шесть локтей.

— Вверху или внизу?—не унимался покупщикъ.

— Одесную, одесную, такъ — наискосокъ. Говорю тебѣ мѣсто отличное, лишняго не беру. Сколько бы ни нагрѣшилъ, все отпустится! Такъ прямо и войдешь со святыми въ царствіе небесное.

И фòссоръ привычной рукой сталъ снимать съ него мѣрку для могилы, какъ портной для платья. Кожевникъ убѣ-

дительно просилъ устроить ее попросторнѣе, чтобы лежать было не тѣсно.

Въ это время подошла къ могильщику бѣдно одѣтая старушка:

— Что тебѣ, бабушка?

— Деньги принесла добавочныя.

— Какія добавочныя?

— За прямую могилу.

— А, помню. Что же, въ кривой не хочешь?

— Не хочу, отецъ мой, и безъ того уже ноютъ кости...

Въ катакомбахъ, особенно поближе къ мощамъ святыхъ, такъ дорожили каждымъ свободнымъ уголкомъ, что приходилось устраивать немного искривленныя могилы тамъ, гдѣ расположеніе стѣнъ не позволяло другого устройства; кривыя могилы покупались только бѣдными.

— Богъ вѣсть, думаю, сколько времени лежать до воскресенія,—объяснила старушка.—Въ кривую попадешь, сначала-то оно, пожалуй, и ничего, а потомъ, какъ устанешь,—плохо...

Анатолій слушалъ и восхищался:

— Это гораздо любопытнѣе, чѣмъ таинства Митры,—увѣрялъ онъ Арсиною съ легкомысленной улыбкой.—Жаль, что я раньше не зналъ. Никогда не видывалъ я болѣе веселаго кладбища!

Они вступили въ довольно просторную усыпальницу. Здѣсь горѣли безчисленныя лампады. Пресвитеръ отправлялъ службу. Алтаремъ была верхняя плита гробницы мученика, которая находилась подъ дугообразнымъ сводомъ.

Было много молящихся въ бѣлыхъ длинныхъ одеждахъ. Всѣ лица казались радостными.

Мирра стала на колѣни. Она смотрѣла со слезами дѣтской любви на изображеніе Пастыря Добраго на потолкѣ усыпальницы.

Здѣсь, въ катакомбахъ, возобновленъ былъ давно уже оставленный церковью обычай первыхъ временъ христіанства: по окончаніи службы братья и сестры привѣтствовали

другъ друга «лобзаніемъ мира». Арсиноя, слѣдуя общему примѣру, поцѣловала Анатолія.

Потомъ направились они всѣ четверо изъ нижнихъ ярусовъ въ верхніе, откуда былъ ходъ въ тайное убѣжище Ювентина—покинутую языческую гробницу, *колумбарій*, въ сторонѣ отъ Аппіевой дороги.

Здѣсь, въ ожиданіи корабля, который долженъ былъ увезти его въ Египетъ, скрывался онъ отъ преслѣдованій матери, доносившей на него чиновникамъ префекта, и жилъ съ богоугоднымъ старцемъ Дидимомъ изъ нижней Ѳиваиды. Ювентинъ былъ въ строгомъ послушаніи у старца.

Дидимъ, сидя на корточкахъ въ колумбаріи, плелъ изъ ивовыхъ прутьевъ корзину. Лучъ мѣсяца, падая въ узкую отдушину, озарялъ его сѣдые, пушистые кудри и длинную бороду.

Сверху донизу въ стѣнахъ гробницы были сдѣланы небольшія углубленія, похожія на гнѣзда въ голубятнѣ; въ каждомъ изъ этихъ гнѣздъ стояла урна съ пепломъ усопшаго.

Мирра, которую старикъ очень любилъ, благоговѣйно поцѣловала его морщинистую руку и попросила, чтобы онъ разсказалъ что-нибудь объ отцахъ-пустынникахъ.

Ничего ей такъ не нравилось, какъ эти странные и чудные разсказы. Съ нѣжной старческой улыбкой тихонько гладилъ онъ Мирру по волосамъ. Всѣ расположились вокругъ старца.

Онъ разсказывалъ имъ легенды о великихъ отшельникахъ Ѳиваиды, Нитріи, Месопотаміи. Мирра смотрѣла на него горящими глазами, прижавъ къ груди свои тонкіе пальцы. Улыбка слѣпого полна была дѣтской нѣжности, и шелковистыя, мягкія сѣдины окружали голову его, какъ сіяніе.

Всѣ молчали. Слышался немолчный гулъ Рима.

Вдругъ во внутреннюю дверь колумбарія, сообщавшуюся съ катакомбами, раздался тихій стукъ. Ювентинъ всталъ, подошелъ къ двери и спросилъ, не отпирая:

— Кто тамъ?

Ему не отвѣтили; но стукъ повторился еще болѣе слабый, какъ будто молящій.

Онъ осторожно пріотворилъ дверь, отступилъ—и высокая женщина вошла въ колумбарій. Длинная, бѣлая одежда окутывала ее съ головы до ногъ и опускалась на лицо. Она двигалась какъ больная или очень старая. Всѣ молча смотрѣли на вошедшую.

Однимъ движеніемъ руки откинула она длинныя складки, свѣсившіяся на лицо, и Ювентинъ вскрикнулъ:

— Мать!

Женщина бросилась къ ногамъ сына и обняла ихъ.

Пряди сѣдыхъ волосъ, выбившись, падали на лицо, исхудалое, блѣдное, жалкое, но все еще гордое.

Ювентинъ обнялъ голову матери и цѣловалъ ее.

— Ювентинъ!—позвалъ старецъ.

Юноша не отвѣтилъ.

Мать говорила ему быстрымъ, радостнымъ шопотомъ, какъ будто они были одни:

— Я думала, что никогда не увижу тебя, сынъ мой! Хотѣла ѣхать въ Александрію,—о, я нашла бы тебя и тамъ, въ пустынѣ, но теперь, не правда ли, кончено? Скажи, что ты не уйдешь. Подожди, пока я умру. Потомъ, какъ хочешь...

Старецъ повторилъ:

— Ювентинъ, слышишь ли меня?

— Старикъ,—произнесла женщина, взглянувъ на слѣпого,—ты не отнимешь сына у матери! Слушай, если надо, я отрекусь отъ вѣры отцовъ моихъ, увѣрую въ Распятаго, сдѣлаюсь монахиней...

— Ты не разумѣешь закона Христова, женщина! Мать не можетъ быть монахиней, монахиня не можетъ быть матерью.

— Я родила его въ мукахъ!..

— Ты любишь не душу, а тѣло его.

Женщина бросила на Дидима взглядъ, полный безконечной ненависти:

— Будьте же вы прокляты съ вашими хитрыми, лживыми словами!—воскликнула она.—Будьте прокляты, отни-

мающіе дѣтей у матери, соблазняющіе невинныхъ, люди въ черныхъ одеждахъ, боящіеся свѣта небеснаго, слуги Распятаго, ненавидящіе жизнь, разрушители всего, что въ мірѣ есть святого и великаго!..

Лицо ея исказилось. Еще крѣпче прижалась она всѣмъ тѣломъ своимъ къ ногамъ сына и проговорила, задыхаясь:

— Я знаю, дитя мое... ты не уйдешь... ты не можешь...

Старецъ Дидимъ съ посохомъ въ рукахъ стоялъ у открытой внутренней двери колумбарія, той, которая вела въ катакомбы.

— Именемъ Бога живаго, повелѣваю тебѣ, сынъ мой, иди за мною, оставь ее!—произнесъ онъ громко и торжественно.

Тогда женщина сама выпустила сына изъ объятій своихъ и пролепетала чуть слышно:

— Ну, оставь... иди... если можешь...

Слезы перестали струиться изъ глазъ ея; руки безпомощно упали на колѣни.

Она ждала.

— Помоги мнѣ, Господи! — прошепталъ Ювентинъ, блѣдный, подымая глаза къ небу.

— «Если кто хочетъ итти за Мною и не возненавидитъ отца и мать свою, и жену, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и самую жизнь свою, тотъ не можетъ быть ученикомъ Моимъ»,—произнесъ Дидимъ и, ощупью войдя въ дверь, въ послѣдній разъ обернулся къ послушнику:—Оставайся въ мірѣ, сынъ мой, и помни: ты отрекся отъ Христа.

— Отче! я—съ тобой... Господи, вотъ я!—воскликнулъ Ювентинъ и пошелъ за учителемъ.

Она не сдѣлала ни одного движенія, чтобы остановить его, ни одна черта въ ея лицѣ не дрогнула.

Но, когда шаги ихъ умолкли,—безъ звука, безъ стона, упала, какъ подкошенная.

— Отворите! Именемъ благочестиваго императора Констанція—отворите!

То были воины, посланные префектомъ по доносу Ювентиновой матери, чтобы отыскать мятежныхъ сабелліанъ, исповѣдниковъ единосущія, враговъ императора.

Солдаты ударяли желѣзнымъ ломомъ въ двери колумбарія. Зданіе дрожало. Стеклянныя и серебряныя урны съ пепломъ умершихъ звенѣли жалобно. Воины уже сорвали половину дверей.

Анатолій, Мирра и Арсиноя бросились во внутреннія галлереи катакомбъ. Христіане бѣгали по узкимъ подземнымъ ходамъ, какъ муравьи въ разрытомъ муравейникѣ, устремляясь къ потайнымъ дверямъ и лѣстницамъ, сообщавшимся съ каменоломней.

Арсиноя и Мирра не знали въ точности расположенія катакомбъ. Онѣ заблудились и попали въ самый нижній ярусъ, находившійся въ глубинѣ пятидесяти локтей подъ землею. Здѣсь трудно было дышать. Подъ ногами выступала болотная вода. Изнеможенное пламя лампадъ тускнѣло. Зловоніе отравляло воздухъ. Голова у Мирры закружилась; она потеряла сознаніе.

Анатолій взялъ ее на руки. Каждое мгновеніе опасались они натолкнуться на воиновъ. Была и другая опасность: выходы могли завалить, и они остались бы подъ землею заживо погребенными.

Наконецъ Ювентинъ окликнулъ ихъ:

— Сюда! Сюда!

Согнувшись, несъ онъ на плечахъ своихъ старца Дидима.

Черезъ нѣсколько минутъ они достигли тайнаго выхода въ каменоломню и оттуда—въ Кампанію.

Вернувшись домой, Арсиноя поспѣшно раздѣла и уложила въ постель Мирру, все еще не приходившую въ себя.

Въ слабомъ мерцаніи зари, стоя на колѣняхъ, старшая сестра долго цѣловала неподвижныя, худыя и желтыя, какъ воскъ, руки дѣвочки. Странное выраженіе было на лицѣ спящей. Никогда еще не дышало оно такою непорочною

прелестью. Все ея маленькое тѣло казалось прозрачнымъ и хрупкимъ, какъ слишкомъ тонкія стѣнки алебастровой амфоры, изнутри озаренной огнемъ. Этотъ огонь долженъ былъ потухнуть только съ жизнью Мирры.

XVIII.

Поздно вечеромъ, въ болотистомъ дремучемъ лѣсу, недалеко отъ Рейна, между военнымъ укрѣпленіемъ Tres Tabernae и римскимъ городомъ Аргенторатумъ, недавно завоеваннымъ аламанами, пробирались два заблудившихся воина: одинъ — неуклюжій исполинъ съ волосами огненнаго цвѣта и ребячески-простодушнымъ лицомъ, сарматъ на римской службѣ, Арагарій, другой—худенькій, сморщенный, загорѣлый сиріецъ, Стромбикъ.

Среди стволовъ, покрытыхъ мохомъ и грибными наростами, было темно; въ тепломъ воздухѣ падалъ беззвучный дождь; пахло свѣжими листьями березъ и мокрыми хвойными иглами; гдѣ-то вдали куковала кукушка. При каждомъ шелестѣ или трескѣ сухихъ вѣтокъ Стромбикъ въ ужасѣ вздрагивалъ и хватался за руку спутника.

— Дядя, а дядя!

Арагарія называлъ онъ дядей не по родству, а изъ дружбы: они были взяты въ римское войско съ двухъ противоположныхъ концовъ міра; сѣверный прожорливый и цѣломудренный варваръ презиралъ сирійца, трусливаго, сладострастнаго и умѣреннаго въ пищѣ и питьѣ; но, издѣваясь, жалѣлъ его, какъ ребенка.

— Дядя!—захныкалъ Стромбикъ еще жалобнѣе.

— Чего скулишь? Отстань.

— Есть въ этомъ лѣсу медвѣди? Какъ ты думаешь, дядя?

— Есть,—отвѣчалъ Арагарій угрюмо.

— А что, ежели мы встрѣтимъ? А?

— Убьемъ, сдеремъ кожу, продадимъ и пропьемъ.

— Ну, а если не мы его, а онъ насъ?

— Трусишка! Сейчасъ видно, что христіанинъ.

— Почему же христіанинъ непремѣнно долженъ быть трусомъ?—обидѣлся Стромбикъ.

— Да вѣдь ты самъ мнѣ говорилъ, что въ вашей книжкѣ сказано: «Ударятъ тебя въ лѣвую щеку — подставь правую».

— Сказано.

— Ну, вотъ видишь. А ежели такъ, то и воевать не надо: врагъ тебя въ одну щеку, а ты ему—другую. Трусы вы всѣ, вотъ что!

— Цезарь Юліанъ — христіанинъ, а не трусъ, — защищался Стромбикъ.

— Знаю, племянничекъ,—продолжалъ Арагарій, — что вы умѣете прощать врагамъ, когда дѣло дойдетъ до сраженія. Эхъ, мокрыя курицы! У тебя и весь животъ-то не больше моего кулака. Луковицу съѣшь—сытъ на цѣлый день. Оттого у тебя кровь какъ болотная жижа.

— Ахъ, дядя, дядя!—промолвилъ Стромбикъ укоризненно,—зачѣмъ ты напомнилъ о ѣдѣ! Опять засосало подъ ложечкой. Миленькій, дай головку чесноку: я знаю, у тебя осталась въ мѣшкѣ.

— Если я тебѣ послѣднее отдамъ, завтра мы въ этомъ лѣсу оба съ голоду подохнемъ.

— Ой, тошно, тошно! Если сейчасъ не дашь,—ослабѣю, упаду и тебѣ придется меня на плечахъ нести.

— Ну тебя къ чорту,—ѣшь!

— И хлѣбца, хлѣбца!—молилъ Стромбикъ.

Арагарій отдалъ другу послѣдній кусокъ солдатскаго сухаря съ проклятіемъ. Самъ онъ вчера вечеромъ наѣлся, по крайней мѣрѣ, на два дня свинымъ саломъ и бобовою квашнею.

— Тише,—проговорилъ онъ, останавливаясь. — Труба! Недалеко отъ лагеря. Надо держать къ сѣверу. Не медвѣдей боюсь, — продолжалъ Арагарій задумчиво, немного помолчавъ,—а центуріона.

Воины прозвали въ шутку этого ненавистнаго центуріона «Cedo Alteram»—«Подай-Новую»,—потому что онъ кричалъ съ радостнымъ видомъ каждый разъ, когда въ рукахъ

его лоза, которою онъ сѣкъ провинившагося солдата, ломалась: «Cedo Alteram!»—эти два слова сдѣлались кличкою.

— Я увѣренъ,—произнесъ варваръ,—«Подай Новую» сдѣлаетъ съ моей спиною то же, что дубильщикъ съ бычачей кожей. Скверно, племянничекъ, скверно!

Они отстали отъ войска, потому что Арагарій, по своему обыкновенію, напился пьянъ до безчувствія въ ограбленномъ селеніи, а Стромбика избили: маленькій сиріецъ хотѣлъ насильно добиться благосклонности красивой франкской дѣвушки; шестнадцатилѣтняя красавица, дочь убитаго варвара, дала ему такихъ двѣ пощечины, что онъ упалъ навзничь,—и потомъ истоптала его своими бѣлыми, могучими ногами. «Это не дѣвка, а дьяволъ, — разсказывалъ Стромбикъ;—я только ущипнулъ ее, а она мнѣ едва всѣхъ реберъ не переломала».

Звукъ трубы становился явственнѣе.

Арагарій нюхалъ вѣтеръ, какъ ищейка. Потянуло дымомъ: должно-быть, близко были костры римскаго лагеря.

Сдѣлалось такъ темно, что они едва различали дорогу; тропинка исчезла въ болотѣ; они прыгали съ кочки на кочку. Подымался туманъ. Вдругъ съ огромной ели, у которой вѣтви увѣшены были мохомъ, похожимъ на пряди длинныхъ сѣдыхъ волосъ, что-то вспорхнуло съ крикомъ и шелестомъ. Стромбикъ присѣлъ отъ испуга. То былъ тетеревъ.

Они совсѣмъ заблудились.

Стромбикъ взлѣзъ на дерево.

— Костры къ сѣверу. Недалеко. Тамъ большая рѣка.

— Рейнъ! Рейнъ!—воскликнулъ Арагарій. — Идемъ скорѣе!

Они начали пробираться между вѣковыми березами и елями.

— Дядя, тону!—захныкалъ Стромбикъ.—Кто-то меня за ноги тащитъ. Гдѣ ты?

Арагарій съ большимъ трудомъ помогъ ему выйти изъ болота и, ругаясь, взялъ себѣ на плечи. Сарматъ ощупалъ ногами старыя полусгнившія бревна гати, проложенной римлянами.

Гать привела ихъ къ большой дорогѣ, недавно прорубленной въ лѣсу войсками Севера, полководца Юліана.

Варвары, чтобы пересѣчь дорогу, завалили ее, по своему обыкновенію, срубленными стволами.

Пришлось перелѣзать черезъ нихъ; эти огромныя, безпорядочно наваленныя деревья, иногда гнилыя, только сверху покрытыя мохомъ и разсыпàвшіяся отъ прикосновенія ноги, иногда твердыя, вымокшія отъ дождя и скользкія, затрудняли каждый шагъ. И по такимъ дорогамъ, подъ вѣчнымъ страхомъ нападенія, должно было двигаться тринадцатитысячное войско Юліана, котораго всѣ полководцы императора, кромѣ Севера, измѣннически покинули.

Стромбикъ хныкалъ, привередничалъ и проклиналъ товарища:

— Не пойду дальше, язычникъ! Лягу въ болото и сдохну, по крайней мѣрѣ, лица твоего окаяннаго не увижу. У, нехристь! Сейчасъ видно, что креста на тебѣ нѣтъ. Христіанское ли дѣло шляться по такимъ дорогамъ ночью? И куда лѣземъ? Прямо подъ розги богопротивному центуріону. Не пойду я дальше!..

Арагарій потащилъ его насильно и, какъ только дорога стала ровнѣе, опять понесъ на плечахъ товарища, который сопротивлялся, ругалъ и щипалъ его.

Черезъ нѣкоторое время Стромбикъ уснулъ невиннымъ сномъ на спинѣ «язычника».

Въ полночь пришли они къ воротамъ римскаго стана. Все было тихо. Подъемный мостъ черезъ глубокій ровъ давно сняли.

Друзьямъ пришлось ночевать въ лѣсу у заднихъ «декуманскихъ» воротъ.

На зарѣ прозвучала труба. Въ туманномъ лѣсу, пахнувшемъ гарью, еще пѣлъ соловей; онъ умолкъ, испуганный воинственнымъ звукомъ. Арагарій, проснувшись, почувствовалъ запахъ горячей солдатской похлебки и разбудилъ Стромбика. Обоимъ такъ хотѣлось ѣсть, что, несмотря на сучковатую лозу, которой успѣлъ вооружиться ненавистный

центуріонъ «Подай Новую», вошли они въ лагерь и присѣли къ общему котлу.

Въ главной палаткѣ, у преторіанскихъ воротъ, цезарь Юліанъ бодрствовалъ.

Съ того дня, какъ онъ въ Медіоланѣ нареченъ былъ цезаремъ, благодаря покровительству императрицы Евсевіи,—съ ревностью предавался онъ военнымъ упражненіямъ; не только изучалъ подъ руководствомъ вождя Севера военное искусство, но хотѣлъ знать въ совершенствѣ то, что составляло ремесло простыхъ солдатъ: подъ звуки мѣдной трубы, въ унылыхъ казармахъ, на марсовомъ полѣ, вмѣстѣ съ новобранцами, по цѣлымъ днямъ учился ходить въ строю правильнымъ шагомъ, стрѣлять изъ лука и пращи, бѣгать подъ тяжестью полнаго вооруженія, перепрыгивать плетни и рвы. Преодолѣвая монашеское лицемѣріе, пробуждалась въ юношѣ кровь Константинова рода—цѣлаго ряда поколѣній суровыхъ, упрямыхъ воиновъ.

— Увы, божественный Ямвликъ и Платонъ, если бы видѣли вы, что сталось съ вашимъ питомцемъ!—восклицалъ онъ иногда, вытирая потъ съ лица.

И, указывая на тяжелые мѣдные доспѣхи, говорилъ учителю:

— Не правда ли, Северъ, оружіе это такъ же мало пристало мнѣ, мирному ученику философовъ, какъ сѣдло коровѣ?

Северъ, ничего не отвѣчая, лукаво усмѣхался: онъ зналъ, что эти вздохи и жалобы—притворство; на самомъ дѣлѣ цезарь радовался своимъ быстрымъ успѣхамъ въ военной наукѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ такъ измѣнился онъ, выросъ и возмужалъ, что многіе съ трудомъ узнавали въ немъ прежняго захудалаго «маленькаго Грека», какъ нѣкогда, въ насмѣшку, звали его при дворѣ Констанція; только глаза Юліана горѣли все тѣмъ же страннымъ, слишкомъ острымъ, какъ будто лихорадочнымъ огнемъ, который дѣлалъ ихъ памятными для всякаго даже послѣ мгновенной встрѣчи.

Онъ чувствовалъ себя съ каждымъ днемъ сильнѣе, не только тѣломъ, но и духомъ. Первый разъ въ жизни испы-

тывалъ счастье простой любви простыхъ людей. Легіонерамъ сначала понравилось то, что настоящій цезарь, двоюродный братъ августа, учится военному ремеслу въ казармахъ, не стыдясь грубой солдатской жизни. Суровыя лица старыхъ воиновъ озарялись нѣжной улыбкой, когда любовались они возрастающей ловкостью цезаря,—и, вспоминая собственную молодость, удивлялись быстрымъ успѣхамъ Юліана. Онъ подходилъ, заговаривалъ съ ними, выслушивалъ разсказы о старыхъ походахъ, совѣты, какъ подвязывать панцырь, чтобы не терли ремни, какъ ставить ногу, чтобы не уставать при большихъ переходахъ. Распространялась молва о томъ, что императоръ Констанцій послалъ неопытнаго юношу въ Галлію къ варварамъ на-смерть, «на убой», чтобы освободиться отъ соперника,—что полководцы, по наущенію придворныхъ евнуховъ, измѣняютъ цезарю. Это еще усилило любовь солдатъ къ Юліану.

Съ осторожною вкрадчивостью, съ умѣніемъ заискивать, которымъ одарило его монашеское воспитаніе, дѣлалъ онъ все, чтобъ укрѣпить въ войскахъ любовь къ себѣ, вражду къ императору. Говорилъ имъ о своемъ братѣ Констанціи, съ двусмысленнымъ, лукавымъ смиреніемъ потупляя взоры, принимая видъ жертвы.

Плѣнять, влюблять въ себя воиновъ безстрашіемъ тѣмъ легче было цезарю, что смерть въ бою казалась ему завидною, сравнительно съ тою безславною казнью, которая постигла брата его,—которую, быть-можетъ, и ему готовилъ августъ.

Юліанъ устроилъ свою жизнь по образцу древнихъ римскихъ полководцевъ; стоическая мудрость евнуха Мардонія помогла ему съ ранняго дѣтства отучиться отъ роскоши.

Онъ спалъ меньше простого солдата, и то не на постели, а на жесткомъ коврѣ съ длинною шерстью—субуррѣ. Первую часть ночи посвящалъ отдыху, вторую — дѣламъ военнымъ и государственнымъ, третью — музамъ.

Любимыя книги не покидали его въ походахъ. Онъ вдохновлялся то Маркомъ Авреліемъ, то Плутархомъ, то

Светоніемъ, то Катономъ Цензоромъ. Днемъ старался исполнить то, о чемъ мечталъ ночью надъ книгами.

Въ то памятное утро, передъ Аргенторатскимъ сраженіемъ, услышавъ зорю, Юліанъ поспѣшно облекся въ полное вооруженіе и велѣлъ привести коня.

Затѣмъ удалился въ самое скрытое мѣсто палатки. Здѣсь было маленькое изваяніе Меркурія съ кадуцеемъ, бога движенія, удачи и веселія,—окрыленнаго, летящаго. Юліанъ сталъ передъ нимъ на колѣни и бросилъ на жертвенный треножникъ нѣсколько зеренъ ѳиміама. По направленію дыма цезарь, гордившійся познаніями въ искусствѣ прорицателей, старался угадать, счастливый или несчастный день предстоитъ. Ночью слышалъ онъ трижды крикъ ворона съ правой стороны,—зловѣщая примѣта.

Онъ былъ такъ убѣжденъ, что его неожиданныя военныя удачи въ Галліи—дѣло рукъ не человѣческихъ, что съ каждымъ днемъ становился суевѣрнѣе.

Выходя изъ шатра, споткнулся о деревянную перекладину, служившую порогомъ. Лицо его омрачилось. Всѣ предзнаменованія были неблагопріятныя. Втайнѣ онъ рѣшилъ отложить сраженіе до слѣдующаго дня.

Войско выступило. Дорога черезъ лѣсъ была трудная; наваленные стволы преграждали ее.

День обѣщалъ быть жаркимъ. Римляне сдѣлали только половину пути, и до войска варваровъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу Рейна на большой пустынной равнинѣ близъ города Аргенторатума, оставалось еще двадцать одна тысяча шаговъ, когда наступилъ полдень.

Солдаты утомились.

Какъ только вышли они изъ лѣсу, цезарь собралъ ихъ и расположилъ кругами, какъ зрителей въ амфитеатрѣ, такъ, что онъ самъ находился въ средоточіи круговъ, а центуріи и когорты расходились отъ него, какъ лучи: это былъ обычный порядокъ, разсчитанный на то, чтобы наибольшее число людей могло слышать рѣчь полководца.

Въ простыхъ, краткихъ словахъ объяснилъ онъ имъ, что время дня уже позднее, и утомленіе можетъ помѣшать

успѣху, что благоразумнѣе расположиться лагеремъ въ томъ мѣстѣ, которое они заняли, отдохнуть и на слѣдующее утро со свѣжими силами вступить въ сраженіе.

Въ войскѣ поднялся ропотъ. Солдаты ударяли копьями въ щиты—что было знакомъ нетерпѣнія—и требовали криками, чтобы онъ велъ ихъ немедленно въ битву. Цезарь по выраженію лицъ понялъ, что не должно противиться. Онъ чувствовалъ въ толпѣ тотъ знакомый ему грозный трепетъ, который необходимъ для побѣдъ и при малѣйшей неосторожности можетъ превратиться въ возмущеніе.

Онъ вскочилъ на коня и подалъ знакъ: войско снова выступило.

Когда послѣполуденное солнце начало склоняться, достигли они равнины Аргенторатума. Между невысокими холмами свѣтлѣлъ Рейнъ. Къ югу чернѣли покрытые лѣсомъ Вогезы. Стрижи носились надъ поверхностью величественной и пустынной Германской рѣки; ивы наклоняли къ ней блѣдныя вѣтви.

Вдругъ на ближнемъ холмѣ появились три всадника: то были варвары.

Римляне остановились и начали строиться въ боевой порядокъ. Юліанъ, окруженный шестьюстами закованныхъ въ желѣзо всадниковъ—клибанаріевъ, предводительствовалъ конницей на правомъ крылѣ; на лѣвомъ—старый, опытный полководецъ Северъ, котораго молодой цезарь слушался во всемъ, управлялъ пѣхотою. Противъ Юліана варвары выставили конницу. Во главѣ былъ самъ король Хнодомаръ. Противъ Севера—молодой Хнодомаровъ племянникъ, Агенарикъ, съ пѣхотой.

Военные роги, мѣдныя трубы, загнутыя букцины—грянули; значки съ именами когортъ, пурпурные драконы, римскіе мѣдные орлы во главѣ легіоновъ—сдвинулись; впереди со спокойными и суровыми лицами выступали мѣрными, тяжелыми шагами, отъ которыхъ земля дрожала и гудѣла, привыкшіе къ побѣдамъ, сѣкироносцы и примопиларіи.

Вдругъ пѣхота Севера на лѣвомъ крылѣ остановилась. Варвары, спрятавшіеся во рву, неожиданно выскочили изъ

засады и напали на римлянъ. Юліанъ издали увидѣлъ смятеніе и бросился на помощь. Онъ старался успокоить солдатъ и обращался то къ одной, то къ другой когортѣ, подражая сжатому и сильному слогу Юлія Цезаря. Когда произносилъ онъ «exurgamus, viri fortes» или «advenit, socii, jusfum pugnandi jam tempus»,—этотъ двадцатишестилѣтній юноша думалъ съ гордостью: «Теперь я похожъ на такого-то или такого древняго героя!» Онъ былъ мысленно и въ самомъ пылу сраженія окруженъ книгами, радуясь, что все происходитъ именно такъ, какъ описываютъ Титъ-Ливій, Плутархъ, Саллюстій. Опытный Северъ умѣрялъ его пылъ своимъ мудрымъ спокойствіемъ и, давая цезарю нѣкоторую свободу, не выпускалъ изъ рукъ своихъ главнаго управленія войскомъ.

Засвистѣли стрѣлы, варварскія копья, бросаемыя на длинныхъ арканахъ, огромные камни изъ боевыхъ метательныхъ снарядовъ.

Римляне увидѣли, наконецъ, лицомъ къ лицу этихъ страшныхъ и таинственныхъ людей сѣвера, обитателей дремучихъ зарейнскихъ лѣсовъ, о которыхъ ходило столько невѣроятныхъ слуховъ. Здѣсь были чудовищныя вооруженія; у нѣкоторыхъ громадныя голыя спины вмѣсто одежды покрыты были медвѣжьими шкурами, а вмѣсто шлема надъ косматой головой возвышалась открытая пасть звѣря съ бѣлыми клыками; у другихъ надъ касками торчали рога оленей и быковъ. Аламаны такъ презирали смерть, что кидались въ битву совершенно голые, только съ мечомъ и копьемъ; рыжіе волосы ихъ связывались узломъ на макушкѣ и ниспадали сзади на шею огромнымъ чубомъ или косою, похожею на гриву; бѣлые усы, выдѣляясь на красныхъ лицахъ, висѣли двумя длинными концами. Многіе были такъ дики, что, не вѣдая употребленія желѣза, сражались копьями съ наконечниками изъ рыбьей кости, смоченными смертоноснымъ ядомъ, который дѣлалъ ихъ опаснѣе желѣза: достаточно было одного укола этихъ страшныхъ иглъ, чтобы человѣкъ умеръ медленною смертью въ невыразимыхъ мукахъ; вмѣсто латъ покрыты они были съ голо-

вы до ногъ тонкими роговыми слоями изъ лошадиныхъ копытъ, крѣпко пришитыми къ льняной ткани, — въ такомъ уборѣ казались эти невѣдомые дикари странными чудовищами, покрытыми птичьими перьями и рыбьей чешуей. Тутъ былъ и Саксъ съ блѣдно голубыми глазами: его не устрашало никакое море, но онъ боялся земли, по которой ступалъ; и старый Сикамбръ: онъ обстригъ себѣ волосы послѣ пораженія въ знакъ горя и теперь снова ихъ отращивалъ; и Герулъ, съ глазами мутно-зелеными, почти такого же цвѣта, какъ воды океана, на отдаленномъ заливѣ котораго онъ обиталъ; и Бургундъ, и Батавъ, и Сарматъ; и еще— безыменные, полузвѣри, полулюди: ужасныя лица ихъ римляне видѣли только передъ смертью.

Примопиларіи, соединивъ щиты, образовали мѣдную сплошную стѣну, несокрушимую ни для какихъ ударовъ, медленно двигавшуюся. Аламаны бросились на нее съ криками, подобными реву медвѣдей. Начался рукопашный бой — грудь съ грудью, щитъ со щитомъ. Пыль поднялась надъ равниной, заслоняя солнце.

Въ это мгновеніе на правомъ крылѣ войска желѣзная конница клибанаріевъ дрогнула и обратилась въ бѣгство. Она могла растоптать задніе легіоны. Тамъ, сквозь тучи стрѣлъ и копій, на пыльномъ солнцѣ сверкала огненная головная повязка исполинскаго короля Хнодомара.

Юліанъ прискакалъ туда во-время. Онъ понялъ хитрость: пѣхотинцы варваровъ, нарочно поставленные между конями всадниковъ, подползали подъ ноги римскихъ коней и распарывали имъ животы короткими мечами; кони падали и увлекали за собой желѣзныхъ катафрактовъ, которые не могли подняться, удрученные тяжестью латъ.

Юліанъ сталъ поперекъ дороги, чтобы или остановить бѣжавшую конницу или быть ею растоптаннымъ. Съ конемъ цезаря столкнулся конь бѣжавшаго трибуна клибанаріевъ. Онъ узналъ Юліана и остановился, блѣднѣя отъ стыда и страха. Вся кровь бросилась въ лицо Юліану. Вдругъ забылъ онъ свои книжныя правила, наклонился, схватилъ

бѣглеца за горло и закричалъ голосомъ, который ему самому показался чужимъ и дикимъ: «Трусъ!»

И цезарь повернулъ его лицомъ къ врагамъ.

Тогда всѣ катафракты остановились, узнали разорваннаго въ сраженіяхъ цезарскаго пурпурнаго дракона — и устыдились. Въ одно мгновеніе желѣзная громада съ грохотомъ отхлынула и устремилась назадъ, къ варварамъ.

Все смѣшалось. Копье ударило Юліана въ грудь; его спасъ лишь панцырь; стрѣла просвистѣла надъ ухомъ, такъ что перьями задѣла ему щеку.

Въ одно мгновеніе на помощь слабѣвшей конницѣ Северъ послалъ страшные легіоны корнутовъ и браккатовъ, полудикихъ римскихъ союзниковъ. У нихъ былъ обычай пѣть военный гимнъ—барритъ только въ послѣднемъ смертномъ ужасѣ и опьянѣніи битвы.

Корнуты и браккаты затянули пѣсню глухо и жалобно: первые звуки были тихи, какъ ночной шелестъ листьевъ, но мало-по-малу пѣсня становилась громче, торжественнѣе и грознѣе; наконецъ превратилась въ неистовый ревъ, подобный реву разъяренныхъ волнъ океана, разбивающихся объ утесы. Этой пѣсней они опьянили себя до изступленія.

Юліанъ пересталъ видѣть и понимать; чувствовалъ только сильную жажду и боль отъ усталости въ правой рукѣ, державшей мечъ; время для него исчезло. Но Северъ, не теряя присутствія духа, управлялъ сраженіемъ съ мудростью.

Съ недоумѣніемъ и отчаяніемъ замѣтилъ цезарь огненно-желтую повязку тучнаго Хнодомара въ самой серединѣ, въ сердцѣ войска: варварская конница врѣзалась въ него клиномъ. Юліанъ подумалъ: «Кончено,—погибло все!» Вспомнилъ зловѣщія предзнаменованія утра и обратился съ послѣдней молитвой къ богамъ: «Помогите, ибо, если не я, то кто же возстановитъ на землѣ вашу власть, олимпійцы?»

Въ сердцѣ войска были старые воины легіона петулантовъ—«кипящихъ», названныхъ такъ за отвагу; Северъ

разсчитывалъ на нихъ и не ошибся. Одинъ изъ петулантовъ воскликнулъ:

— Viri fortissimi! Мужи храбрѣйшіе! Не выдадимъ Рима и цезаря. Умремъ за Юліана!

— Да здравствуетъ цезарь Юліанъ! За Римъ! За Римъ!

И старики, посѣдѣвшіе подъ знаменами, еще разъ пошли на смерть, суровые и спокойные.

Юліанъ со слезами восторга бросился къ нимъ, чтобы умереть вмѣстѣ съ ними. И опять почувствовалъ онъ, какъ сила простой любви, сила народа подымаетъ его.

Ужасъ пронесся надъ полчищами варваровъ: они дрогнули и побѣжали.

И мѣдные орлы легіоновъ съ хищными клювами, съ распростертыми крыльями, грозно сверкавшими на солнцѣ сквозь пыль, полетѣли еще разъ, возвѣщая бѣгущимъ племенамъ побѣду Вѣчнаго Города.

Аламаны и франки умирали, сражаясь до послѣдняго вздоха.

Варваръ, стоя однимъ колѣномъ въ лужѣ крови, все еще подымалъ ослабѣлой рукой притупленный мечъ или обломокъ копья; въ потухавшихъ глазахъ не было ни страха, ни отчаянія, а только жажда мести.

Даже тѣ, которыхъ считали убитыми, вставали съ земли, полурастоптанные, хватали зубами ноги враговъ и впивались въ нихъ съ такою силою, что римляне волочили ихъ по землѣ.

Шесть тысячъ сѣверныхъ мужей пало на полѣ сраженія или потонуло въ Рейнѣ.

Въ тотъ вечеръ, когда цезарь Юліанъ стоялъ на холмѣ, окруженный, какъ ореоломъ, лучами заходящаго солнца, привели къ нему пойманнаго на правомъ берегу короля Хнодомара; онъ тяжело дышалъ, тучный, потный и блѣдный; руки были связаны за спиною; онъ сталъ на колѣни передъ своимъ побѣдителемъ—и двадцатишестилѣтній римскій цезарь положилъ свою маленькую руку на косматую рыжую гриву короля-варвара.

XIX.

Было время жатвы винограда. Цѣлый день звучали пѣсни богу Вакху по веселому побережью Партенопеи.

Въ любимомъ загородномъ мѣстѣ римлянъ, Байяхъ, близъ Неаполя, знаменитыхъ своими цѣлебными сѣрными ваннами,—Байяхъ, о которыхъ еще поэты временъ Августа пѣли: «Nullus in orbe locus Baiis praeucet amoeniss,—праздные люди наслаждались природою, такою же лѣнивою и сладострастною, какъ сами они.

Ни одна тѣнь монашескаго вѣка не легла еще на залитое солнцемъ побережье между Везувіемъ и Мизенскимъ мысомъ; христіанства не отрицали здѣсь, но отдѣлывались отъ него шуткою; блудницы здѣсь не каялись,—скорѣе, честныя женщины стыдились добродѣтели своей, какъ устарѣвшаго обычая. Когда долетали сюда слухи о пророчествахъ сибиллъ, грозившихъ кончиною міра, о ханжествѣ и злодѣйствахъ Константія, о персахъ, надвигавшихся съ востока, о тучахъ варваровъ, растущихъ съ сѣвера, о затворникахъ, потерявшихъ образъ человѣческій въ пустыняхъ Ѳиваиды,—счастливые обитатели этихъ мѣстъ, закрывъ глаза, вдыхали тонкій ароматъ фалернскихъ гроздій и утѣшались эпиграммами во вкусѣ Тибулла и Проперція, которыя посылали другъ другу въ подарокъ:

Calet unda, friget aethra,
Simul innatat choreis
Amathusium renidens,
Salis arbitra et vaporis
Flos siderum, Dione.

Что-то старческое и вмѣстѣ съ тѣмъ ребяческое было на самыхъ веселыхъ лицахъ этихъ послѣднихъ эпикурейцевъ. Ни свѣжая соленая вода морскихъ волнъ, ни кипящія сѣрныя струи байяскихъ источниковъ не давали исцѣленія дряблымъ, зябкимъ тѣламъ этихъ молодыхъ людей, лысыхъ, беззубыхъ въ двадцать лѣтъ, состарившихся отъ разврата своихъ предковъ, пресыщенныхъ словесно-

стью, мудростью, женщинами, древними подвигами и новыми пороками, остроумныхъ и безсильныхъ, у которыхъ въ жилахъ была блѣдная кровь запоздалыхъ поколѣній.

Въ одномъ изъ самыхъ уютныхъ и цвѣтущихъ уголковъ, между Байями и Путэоли, среди плоскихъ черныхъ вершинъ южныхъ сосенъ, бѣлѣли мраморныя стѣны виллы.

У открытаго окна, выходившаго на море, такъ что изъ комнаты не было видно ничего, кромѣ неба и моря, лежала на постели Мирра.

Врачи не понимали ея болѣзни. Арсиноя, видя, какъ день ото дня сестра ея чахнетъ, увезла ее изъ Рима на берегъ моря.

Несмотря на болѣзнь, Мирра, подражая монахинямъ, соблюдала строгій постъ, сама убирала комнату, носила воду, даже пробовала мыть бѣлье и стряпать; долго не соглашалась лечь; проводила ночи въ молитвахъ и бдѣніи. Однажды Арсиноя узнала случайно, что больная носитъ на голомъ тѣлѣ власяницу. Изъ маленькой спальни своей велѣла она вынести все, кромѣ ложа съ простымъ деревяннымъ крестомъ въ изголовьи. Комната съ голыми стѣнами сдѣлалась похожей на келью. Невозможно было бороться съ кроткимъ упорствомъ больной.

Скука исчезла изъ жизни Арсинои, отъ надежды переходила она къ отчаянію, и хотя любила сестру не больше, чѣмъ прежде, но только теперь, казалось ей, подъ страхомъ вѣчной разлуки, поняла всю силу этой любви.

Иногда смотрѣла подолгу на тонкое исхудалое лицо Мирры, дышавшее неземною прелестью, на маленькое тѣло ея, сгоравшее отъ внутренняго жара. Когда больная упорно отказывалась отъ лѣкарствъ и пищи, предписанныхъ врачами, Арсиноя говорила съ досадою:

— Развѣ я не вижу, Мирра? Ты хочешь умереть...

— Не все ли равно, жить или умереть?—отвѣчала дѣвушка съ такою ясностью, что Арсиноя не знала, что́ отвѣтить.

— Ты не любишь меня!—упрекала она сестру, удерживая слезы обиды.

Но Мирра ласкалась къ ней съ безконечною нѣжностью.

— Ты не знаешь, какъ я тебя люблю. О, если бы ты только могла...

Она не договаривала и молча смотрѣла на нее долгимъ, пристальнымъ взоромъ, какъ будто хотѣла сказать ей что-то и не смѣла: Арсиноя чувствовала въ этомъ взорѣ непреклонную мольбу и все-таки не говорила съ ней о вѣрѣ, не имѣла духа открыть ей свои сомнѣнія, отнять у нея, можетъ-быть, безумную надежду.

Мирра ослабѣвала съ каждымъ днемъ, таяла, какъ воскъ горящей свѣчи, но становилась, чѣмъ слабѣе, тѣмъ радостнѣе.

Иногда посѣщалъ ихъ Ювентинъ, который бѣжалъ изъ Рима, боясь преслѣдованій матери, и ждалъ вмѣстѣ со старцемъ Дидимомъ въ Неаполѣ отплытія корабля въ Александрію.

Онъ читалъ Евангеліе, разсказывалъ легенды объ отцахъ-пустынникахъ, о трехъ женахъ, которыя много лѣтъ, не видя лица человѣческаго, жили голыя, какъ въ раю, подъ сѣнью зеленыхъ вѣтвей, на днѣ оврага, на берегу студенаго ключа; вѣчно радостныя, днемъ и ночью славя Бога, питались онѣ плодами, приносимыми птицами; зимою не боялись стужи, ни лѣтомъ—зноя; Господь покрывалъ и грѣлъ ихъ Своею благодатью.

Съ дѣтскимъ веселіемъ слушала Мирра сказаніе о преподобномъ Герасимѣ, который жилъ во львиномъ логовѣ; левъ такъ подружился съ нимъ, что водилъ осла его на водопой, лизалъ ему руки, когда онъ гладилъ его по гривѣ; а послѣ смерти Герасима звѣрь долго блуждалъ, тоскуя, испуская жалобный ревъ; когда же привели его къ могилѣ святого, обнюхалъ ее, легъ и уже не вставалъ съ нея, не принимая пищи, пока не издохъ.

Мирру трогало сказаніе и о другомъ отшельникѣ, исцѣлившемъ отъ слѣпоты щенятъ гіэны, которыхъ мать принесла въ своей пасти къ ногамъ его.

Какъ хотѣлось ей туда, въ темныя, безмолвныя пещеры, къ этимъ святымъ людямъ! Пустыня казалась ей цвѣтущей, какъ рай.

Иногда, въ жару, томимая жаждою пустыни, слѣдила она за бѣлыми парусами, исчезавшими въ морѣ, и протягивала къ нимъ свои руки. О, если бы могла она полетѣть за ними, надышаться воздухомъ пустыни!.. Иногда она пробовала встать съ постели, увѣряя, что ей лучше, что теперь она уже скоро выздоровѣетъ, и втайнѣ надѣясь, что ее отпустятъ вмѣстѣ съ Дидимомъ и Ювентиномъ, когда придетъ александрійскій корабль.

Въ это время центуріонъ Анатолій жилъ въ Байяхъ. Онъ устраивалъ прогулки на вызолоченныхъ лодкахъ изъ Авернскаго озера въ заливъ съ веселыми товарищами и красивыми женщинами; наслаждался видомъ остроконечныхъ пурпурныхъ парусовъ на зеркалѣ спящаго моря, переливами вечернихъ красокъ на скалистой Капреѣ и туманной Исхіи, похожихъ на прозрачные аметисты; радовался насмѣшкамъ друзей надъ вѣрою въ боговъ, благоуханію вина, продажнымъ и все-таки сладкимъ лобзаніямъ блудницъ.

Но каждый разъ, вступая въ монашескую келью Мирры, чувствовалъ, что и другая половина жизни доступна ему: цѣломудренная прелесть блѣднаго лица ея трогала его; ему хотѣлось вѣрить во все, во что она вѣритъ; онъ слушалъ разсказы Ювентина объ отшельникахъ, и жизнь ихъ казалась ему блаженною.

Однажды вечеромъ уснула Мирра передъ открытымъ окномъ. Проснувшись, сказала она Ювентину съ улыбкою:

— Я видѣла сонъ.

— Какой?

— Не помню. Только счастливый. Какъ ты думаешь, всѣ ли спасутся?

— Всѣ праведные.

— Праведные, грѣшные!.. Нѣтъ, я думаю,—отвѣчала Мирра все съ той же радостной и задумчивой улыбкой, какъ будто стараясь припомнить сонъ,—Ювентинъ, знаешь,

я думаю: всѣ, всѣ спасутся, всѣ до единаго—и не будетъ у Бога ни одного погибшаго!

— Такъ училъ Оригенъ: «Salvator meus laetari non potest donec ego in iniquitate permaneo».—«Спаситель мой не возрадуется, пока я пребуду въ погибели». Но это—ересь.

— Да, да, такъ должно быть,—продолжала Мирра, не слушая.—Я теперь поняла: всѣ спасутся, всѣ до единаго! Богъ не попуститъ, чтобы погибла какая-либо тварь.

— И мнѣ иногда хочется думать такъ,—проговорилъ Ювентинъ.—Но я боюсь...

— Не надо бояться: если есть любовь, то нѣтъ страха. Я не боюсь.

— А какъ же *онъ*?—спросилъ Ювентинъ.

— Кто?

— Кого не должно называть *непокорный?*

— И *онъ* и *онъ*! — воскликнула Мирра съ безстрашною вѣрою.—Пока останется хоть одна душа, не достигшая спасенія, никакое созданіе не будетъ блаженно. Если нѣтъ предѣла любви, то можетъ ли быть иначе? Когда соединятся всѣ въ единой любви, то все будетъ въ Богѣ, и Богъ будетъ во всемъ. Милый мой, какая радость—жизнь! Мы этого пока еще не знаемъ. Но надо все благословить, понимаешь ли ты, братъ мой, что̀ значитъ—все благословить?

— А зло?

— Зла нѣтъ, если смерти нѣтъ.

Въ окно доносились веселыя пѣсни товарищей Анатолія съ пиршественныхъ лодокъ, блиставшихъ пурпуромъ и остроконечными парусами на потемнѣвшемъ вечернемъ заливѣ.

Мирра указала на нихъ:

— И это хорошо, и это надо благословить,—молвила она тихо, какъ будто про себя.

— Языческія пѣсни?..—спросилъ Ювентинъ съ робкимъ недоумѣніемъ.

Мирра наклонила голову:

— Да, да! Все. Все благо, все свято. Красота—свѣтъ Божій. Чего ты боишься, милый? О, какая нужна свобода,

чтобы любить. Люби Его и не бойся! Люби все. Ты еще не знаешь, какое счастье—жизнь!

И, глубоко вздохнувъ, какъ будто въ ожиданіи великаго отдыха, она прибавила:

— И какое счастье—смерть!

Это была ихъ послѣдняя бесѣда. Нѣсколько дней лежала она молча, неподзижно, не открывая глазъ; должно-быть, очень страдала: тонкія брови иногда трепетно сжимались, но тотчасъ же выступала прежняя, слабая и кроткая улыбка,—и ни одинъ стонъ, ни одна жалоба не вылетали изъ устъ ея. Разъ въ серединѣ ночи едва слышно позвала она Арсиною, сидѣвшую рядомъ. Больная съ трудомъ могла говорить.

— День?—спросила она, не открывая глазъ.

— Еще ночь; но скоро утро...—отвѣчала Арсиноя.

— Я не слышу—кто ты?—проговорила Мирра еще тише.

— Я—Арсиноя.

Больная открыла вдругъ глаза и пристально взглянула на сестру.

— А мнѣ показалось,—произнесла она съ усиліемъ,—что это не ты, что я—одна.

И медленно, съ большимъ трудомъ, едва двигаясь, сложила Мирра свои тонкія прозрачно-блѣдныя руки, ладонь къ ладони, съ робкою мольбою; концы губъ ея дрогнули; брови поднялись.

— Не покидай меня, Арсиноя! Когда умру, не думай, что меня нѣтъ...

Сестра наклонилась; но больная была слишкомъ слаба, чтобы обнять ея шею,—попробовала и не могла. Тогда Арсиноя приблизила къ ея глазамъ свою щеку, и та тихонько, пушистыми, длинными рѣсницами стала прикасаться къ ея лицу, опуская, подымая ихъ какъ будто гладила ее: это была обычная у нихъ, еще въ дѣтствѣ придуманная Миррою ласка; казалось, что на щекѣ бьется тонкими крыльями бабочка.

Послѣдняя дѣтская ласка эта вдругъ напомнила Арсиноѣ всю ихъ жизнь вмѣстѣ, всю ихъ любовь. Она упала

на колѣни и въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ зарыдала вольно и сладостно; сердце ея, казалось ей, таяло, изливалось въ этихъ слезахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—рыдала она все неудержимѣе.— Не покину тебя; буду съ тобой всегда, вездѣ!..

Глаза умирающей блеснули радостью; она прошептала:

— Значитъ, ты...

— Да, вѣрю—хочу и буду вѣрить!—воскликнула Арсиноя, и сама вдругъ удивилась этимъ неожиданнымъ словамъ: они показались ей чудомъ, но не обманомъ, и она уже не хотѣла взять ихъ назадъ.

— Пойду въ пустыню, Мирра, какъ ты, вмѣсто тебя!— продолжала она съ почти безумнымъ порывомъ.—И если есть Богъ, Онъ долженъ сдѣлать такъ, чтобы смерти не было, чтобы мы были вмѣстѣ всегда!

Мирра, слушая сестру, съ улыбкою безконечнаго успокоенія закрыла глаза.

— Теперь хорошо. Я усну,—прошептала она.

И съ тѣхъ поръ уже не открывала глазъ, не говорила. Лицо ея было спокойно и строго, какъ у мертвыхъ. Но она еще дышала нѣсколько дней.

Когда къ закрытымъ губамъ ея подносили чашу съ виномъ, она глотала нѣсколько капель.

Если же дыханіе становилось неровнымъ и тяжелымъ, Ювентинъ, наклонившись, вполголоса читалъ молитву или пѣлъ церковный гимнъ,—и Мирра опять начинала дышать тише, ровнѣе, какъ будто убаюканная.

Однажды, въ ясный вечеръ, когда солнце превратило Исхію и Капрею въ прозрачные аметисты,—неподвижное море сливалось съ небомъ, и первая звѣзда еще не мерцала, а только предчувствовалась въ высотѣ недосягаемой,— Ювентинъ запѣлъ вечерній гимнъ надъ умирающей:

Deus, creator omnium
Polique rector vestiens
Diem decore lumine,
Noctem sopora gratia...

Богъ, Творецъ всего сущаго,
Царь небесъ, одѣвающій
Дни лучами прекрасными,
Ночи сонною прелестью,
Чтобъ возвратить утомленные
Члены труду, послѣ отдыха,
Духъ укрѣпить слабѣющій,
Скорбь разрѣшить боязливую...

Подъ звуки этой пѣсни Мирра испустила послѣдній вздохъ. Никто не замѣтилъ, какъ она перестала дышать. Жизнь и смерть были для нея одно и то же: жизнь слилась съ вѣчностью, какъ теплота вечера съ ночною свѣжестью.

Арсиноя похоронила сестру въ катакомбахъ и собственной рукой вывела на мраморной плитѣ: «Мугга, vivis»—«Мирра, ты жива».

Она почти не плакала; въ душѣ ея было безстрастіе, презрѣніе къ міру и, подобная отчаянію, рѣшимость, если не повѣрить въ Бога, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать все, чтобы въ Него повѣрить.

Она хотѣла, раздавъ имѣніе, пойти въ пустыню.

Въ тотъ самый день, какъ Арсиноя, къ негодованію опекуна своего Гортензія, сказала ему объ этомъ,—получила она загадочное и краткое письмо изъ Галліи отъ цезаря Юліана:

«Юліанъ благороднѣйшей Арсиноѣ—радоваться.

«Помнишь ли, что говорили мы съ тобой въ Аѳинахъ передъ изваяньемъ Артемиды-Охотницы? Помнишь ли союзъ нашъ?—Сильна моя ненависть, еще сильнѣе любовь. Можетъ-быть, скоро левъ сброситъ ослиную шкуру. А пока будемъ чисты, какъ голуби, мудры, какъ змѣи, по слову Галилеянина».

XX.

Придворные сочинители эпиграммъ, называвшіе нѣкогда Юліана «victorinus»—«побѣдительчикъ», теперь съ удивленіемъ получали извѣстія о побѣдахъ цезаря въ Галліи.

Смѣшное превращалось въ страшное. Многіе говорили о магіи, о таинственныхъ силахъ, помогающихъ другу Максима Эфесскаго.

Юліанъ отвоевалъ и возвратилъ имперіи — Аргенторатумъ, Брокомагумъ, Три-Табэрны, Сализонъ, Немэтъ, Вангіонъ, Могунтіакъ.

Солдаты боготворили его. Съ каждымъ шагомъ все больше убѣждался онъ, что боги Олимпа ему покровительствуютъ. Но продолжалъ посѣщать церкви христіанскія, и въ городѣ Віэннѣ, на рѣкѣ Роданѣ, участвовалъ нарочно въ торжественномъ богослуженіи.

Въ серединѣ декабря побѣдоносный цезарь возвращался послѣ долгаго похода на зимнія квартиры въ излюбленный имъ маленькій городокъ Паризіевъ, на рѣкѣ Сенѣ, Лютецію-Парижъ.

Былъ вечеръ. Сѣверное небо удивляло жителей юга страннымъ блѣдно-зеленымъ отливомъ. Только что выпавшій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами воиновъ.

Парижъ-Лютеція, расположенный посрединѣ рѣки на маленькомъ островѣ, со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ водою. Два деревянныхъ моста соединяли городъ съ берегами. Дома были особаго галло-римскаго зодчества со стеклянными обширными сѣнями, замѣнявшими открытые портики южныхъ странъ. Столбы дыма изъ множества трубъ подымались надъ городомъ. Деревья были увѣшаны инеемъ. Въ садахъ, у стѣнъ, обращенныхъ къ полдню, какъ южныя зябкія дѣти, жались рѣдкія, привезенныя сюда римлянами фиговыя деревья, тщательно обвитыя соломою для предохраненія отъ морозовъ. Въ тотъ годъ зима стояла суровая, несмотря на западные вѣтры съ океана, приносящіе оттепель. Огромныя бѣлыя льдины, сталкиваясь и съ трескомъ ломаясь, плыли по Сенѣ. Римскіе и греческіе воины смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ. Юліанъ, любуясь на прозрачныя, не то голубыя, не то зеленыя глыбы, сравнивалъ ихъ съ плитами фригійскаго бѣлаго мрамора, слегка подернутаго зелеными жилками

Что-то было во всей печальной, таинственной прелести сѣвера, что̀ плѣняло и трогало сердце его, какъ воспоминаніе о далекой родинѣ.

Подъѣхали ко дворцу—огромному зданію, чернѣвшему тяжелыми кирпичными дугами и башнями на вечернемъ свѣтломъ небѣ.

Юліанъ вошелъ въ книгохранилище. Здѣсь было сыро и холодно. Развели огонь въ огромномъ очагѣ.

Ему подали нѣсколько писемъ, полученныхъ въ Лютеціи во время его отсутствія; одно—изъ Малой Азіи отъ божественнаго Ямвлика.

Поднялась метель. Вѣтеръ вылъ въ трубѣ очага. Казалось, что въ закрытые ставни стучатся. Юліанъ прочелъ письмо Ямвлика. На него пахнуло югомъ, Элладою; онъ закрылъ глаза, и ему казалось, что мраморныя Пропилеи, объятыя тьмою, проносятся и таютъ передъ нимъ, какъ видѣнія, какъ золотыя облака на небѣ.

Онъ вздрогнулъ и всталъ. Огонь потухъ. Мышь грызла пергаментный свитокъ. Ему захотѣлось увидѣть живое лицо человѣческое. Вдругъ вспомнилъ о своей женѣ, и странная усмѣшка искривила губы его.

Это была родственница императрицы Евсевіи, по имени Елена, которую императоръ насильно выдалъ замужъ за Юліана незадолго до его отъѣзда въ Галлію. Онъ ея не любилъ; несмотря на то, что со дня ихъ свадьбы прошло болѣе года, почти не видѣлъ и не зналъ ея: она оставалась дѣвственницей. Съ отроческихъ лѣтъ мечтала Елена сдѣлаться «невѣстой Христовой»; мысль о бракѣ внушала ей ужасъ; выйдя замужъ, считала себя погибшей. Но потомъ, видя, что Юліанъ не требуетъ супружескихъ ласкъ, успокоилась и стала жить во дворцѣ, какъ монахиня, всегда одинокая, блѣдная, тихая, закутанная съ головы до ногъ въ черныя христіанскія одежды. Въ своихъ тайныхъ молитвахъ дала она обѣтъ цѣломудрія.

Злое любопытство заставило его въ ту ночь направиться по темнымъ, пустыннымъ проходамъ къ башнѣ дворца, гдѣ жила Елена.

Онъ открылъ дверь, не постучавшись, и вошелъ въ слабо освѣщенную келью. Дѣвушка стояла на колѣняхъ передъ аналоемъ и большимъ крестомъ.

Онъ подошелъ къ ней, закрывая рукою пламя лампады, и нѣкоторое время смотрѣлъ молча. Она такъ погружена была въ молитву, что не замѣтила его. Онъ произнесъ:

— Елена!

Она вскрикнула и обернула къ нему блѣдное лицо.

Онъ устремилъ долгій, пристальный взглядъ на крестъ, Евангеліе, аналой,

— Все молишься?

— Да, молюсь—и за тебя, боголюбивѣйшій цезарь...

— И за меня? Вотъ какъ. Ты считаешь меня великимъ грѣшникомъ, Елена?

Она потупила глаза, не отвѣчая. Онъ опять усмѣхнулся все тою же странною, тихою усмѣшкою.

— Не бойся. Говори. Не думаешь ли ты, что я въ чемъ-нибудь особенно грѣшенъ?

Онъ подошелъ къ ней и заглянулъ ей прямо въ глаза. Она произнесла чуть слышно:

— Особенно?—Да. Я думаю—не сердись на меня...

— Скажи въ чемъ. Я покаюсь.

— Не смѣйся,—промолвила она еще тише и строже, не подымая глазъ.—Я дамъ отвѣтъ за душу твою передъ Богомъ.

— Ты... за меня?

— Мы навѣки связаны.

— Чѣмъ?

— Таинствомъ.

— Церковнымъ бракомъ? Но вѣдь мы пока чужіе, Елена!

— Я боюсь за душу твою, Юліанъ!—повторила она, смотря прямо въ глаза его своими ясными, невинными глазами.

Положивъ руку на плечо ея, взглянулъ онъ съ усмѣшкой на безкровное лицо монахини. Дѣвственнымъ холодомъ вѣяло отъ этого лица; только нѣжно-розовыя губы

очень красиваго маленькаго рта, полуоткрытаго, съ выраженіемъ дѣтскаго страха и вопроса странно выдѣлялись на немъ.

Онъ вдругъ наклонился и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, поцѣловалъ ее въ губы.

Она вскочила, бросилась въ противоположный уголъ кельи и закрыла лицо руками; потомъ отвела ихъ медленно и, взглянувъ на него глазами, обезумѣвшими отъ страха, вдругъ начала торопливо крестить себя и его:

— Прочь, прочь, прочь, окаянный! Мѣсто наше свято! Именемъ честнаго Креста заклинаю—сгинь, пропади! Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!..

Злость овладѣла имъ. Онъ подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ. Потомъ снова вернулся къ женѣ.

— Успокойся, Елена! Ты приняла меня за *другого*, но я такой же человѣкъ, какъ ты. Духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видишь у меня. Я—мужъ твой. Церковь Христова благословила нашъ союзъ.

Медленно провела она рукой по глазамъ:

— Прости... Мнѣ почудилось... Ты вошелъ такъ внезапно... Мнѣ уже были видѣнія... Онъ бродитъ здѣсь по ночамъ... Я его видѣла два раза; онъ говорилъ мнѣ о тебѣ... Съ тѣхъ поръ я боюсь... Онъ говорилъ, что на лицѣ твоемъ... Зачѣмъ ты такъ смотришь, Юліанъ?..

Какъ пойманная птица дрожала она, прижимаясь къ стѣнѣ. Онъ подошелъ и обнялъ ее.

— Что ты, что ты?.. Оставь!..

Она пробовала закричать, позвать служанку:

— Елевферія! Елевферія!

— Глупая, развѣ я не мужъ твой?..

Она вдругъ тихо и безпомощно заплакала.

— Братъ мой, этого не должно быть. Я дала обѣтъ Богу; я—невѣста Христова. Я думала, что ты...

— Невѣста римскаго цезаря не можетъ быть невѣстой Христовой!

— Юліанъ, если вѣришь въ Него...

Онъ засмѣялся.

Съ послѣднимъ усиліемъ пыталась она оттолкнуть его.

— Прочь, дьяволъ, дьяволъ!.. Зачѣмъ Ты покинулъ меня, Господи?..

Продолжая смѣяться, онъ покрывалъ ея бѣлую тонкую шею тамъ, гдѣ начинались волосы, злыми, жадными поцѣлуями.

Ему казалось, что онъ совершаетъ убійство. Она такъ ослабѣла, что едва сопротивлялась ему, но все еще шептала съ безконечною мольбою: «Сжалься, сжалься, братъ мой!»

Кощунственными руками срывалъ онъ черныя христіанскія одежды. Душа его была объята ужасомъ, но никогда въ жизни не испытывалъ онъ такого упоенія. Вдругъ сквозь разорванную ткань сверкнула нагота. Тогда съ усмѣшкой и вызовомъ римскій цезарь посмотрѣлъ въ противоположный уголъ кельи, гдѣ лампада мерцала на молитвенномъ аналоѣ передъ чернымъ крестомъ.

XXI.

Прошло болѣе года со времени побѣды при Аргенторатумѣ. Юліанъ освободилъ Галлію отъ варваровъ.

Раннею весною, еще на зимнихъ квартирахъ, въ Лютеціи, получилъ онъ важное письмо отъ императора, привезенное трибуномъ нотаріевъ Деценціемъ.

Каждая побѣда въ Галліи оскорбляла Констанція, была новымъ ударомъ его тщеславію: этотъ мальчишка, эта «болтливая сорока», «обезьяна въ пурпурѣ», смѣшной «побѣдительчикъ», къ негодованію придворныхъ шутниковъ, превращался въ настоящаго грознаго побѣдителя.

Констанцій завидовалъ Юліану и въ то же время самъ терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ въ азіатскихъ провинціяхъ отъ персовъ.

Онъ худѣлъ, не спалъ, терялъ охоту къ пищѣ. Два раза дѣлалось у него разлитіе желчи. Придворные врачи были въ тревогѣ.

Иногда, въ безсонныя ночи, съ открытыми глазами лежалъ онъ на своемъ великолѣпномъ ложѣ подъ священной Константиновой хоругвью—лабарумомъ и думалъ:

«Евсевія обманула меня. Если бы не она, я исполнилъ бы совѣтъ Павла и Меркурія: придушилъ бы этого мальчишку, змѣеныша изъ дома Флавіевъ. Глупецъ! Самъ отогрѣлъ его на груди своей. И кто знаетъ,—можетъ-быть, Евсевія была его любовницей!..

Запоздалая ревность дѣлала зависть его еще болѣе жгучей: отомстить Евсевіи онъ уже не могъ—она умерла; вторая супруга его, Фаустина, была глупенькой красивой дѣвочкой, которую онъ презиралъ.

Констанцій хватался въ темнотѣ за свои жидкіе волосы, такъ тщательно подвиваемые каждое утро цырюльникомъ, и плакалъ злыми слезами.

Онъ ли не защищалъ церкви, не заботился объ искорененіи всѣхъ ересей? Онъ ли не строилъ и не украшалъ церквей, не творилъ каждое утро, каждый вечеръ установленныхъ молитвъ и колѣнопреклоненій? И что же? Какая награда? Первый разъ въ жизни владыка земной возмущался противъ Владыки Небеснаго. Молитва замирала на устахъ его.

Чтобы утолить хоть немного свою зависть, рѣшилъ онъ прибѣгнуть къ чрезвычайному средству. По всѣмъ большимъ городамъ имперіи разосланы были «тріумфальныя» письма, обвитыя лаврами, возвѣщавшія о побѣдахъ, дарованныхъ Божьей милостью императору Констанцію; письма читались на площадяхъ. Судя по этимъ письмамъ, можно было думать, что четыре раза переходилъ черезъ Рейнъ не Юліанъ, а Констанцій, который, однако, въ это же самое время на другомъ краю свѣта терпѣлъ пораженія въ безславныхъ битвахъ съ персами; что не Юліанъ былъ раненъ при Аргенторатумѣ и взялъ въ плѣнъ короля Хнодомара,—а Констанцій; не Юліанъ проходилъ болота и дремучіе лѣса, прорывалъ дороги, осаждалъ крѣпости, терпѣлъ голодъ, жажду, зной, уставалъ больше простыхъ солдатъ, спалъ меньше ихъ,—а Констанцій. Не упоминалось даже имени

Юліана въ этихъ лавровѣнчанныхъ посланіяхъ, какъ будто никакого цезаря вовсе не было. Народъ привѣтствовалъ побѣдителя Галліи—Констанція, и во всѣхъ церквахъ пресвитеры, епископы, патріархи служили молебны, испрашивая долгоденствія и здравія императору, благодаря Бога за побѣды надъ варварами, дарованныя Констанцію.

Но зависть, пожиравшая сердце императора, не утолилась.

Тогда задумалъ онъ отнять у Юліана лучшій цвѣтъ легіоновъ, незамѣтно, исподволь обезсилить его, какъ нѣкогда Галла, завлечь тихонько въ сѣти свои и потомъ уже безоружному нанести послѣдній ударъ.

Съ этой цѣлью посланъ былъ въ Лютецію опытный чиновникъ, трибунъ нотаріевъ Деценцій, который долженъ былъ немедленно извлечь изъ цезаревыхъ войскъ лучшіе вспомогательные легіоны — геруловъ, батавовъ, петулантовъ, кельтовъ—и направить ихъ въ Азію, къ императору; кромѣ того, предоставлено ему было выбрать изъ каждаго легіона по триста самыхъ храбрыхъ воиновъ; а трибунъ Синтула получилъ приказаніе, соединивъ отборныхъ щитоносцевъ и гентилей, стать во главѣ ихъ и также вести къ императору.

Юліанъ, предостерегая Деценція, указывалъ на опасность бунта среди легіоновъ, состоявшихъ изъ варваровъ, которые скорѣе согласились бы умереть, чѣмъ покинуть родину. Деценцій не обратилъ вниманія на эти предостереженія, сохраняя невозмутимую чиновничью важность на бритомъ и желтомъ хитромъ лицѣ.

Около одного изъ деревянныхъ мостовъ, соединявшихъ островъ Лютецію съ берегомъ, тянулось длинное зданіе главныхъ казармъ.

Волненіе въ войскѣ распространялось съ утра. Только строгій порядокъ, введенный Юліаномъ, еще сдерживалъ солдатъ.

Первые когорты петулантовъ и геруловъ выступили ночью. Братья ихъ, кельты и батавы, также собирались въ путь.

Синтула отдавалъ приказанія увѣреннымъ голосомъ, когда вдругъ послышался ропотъ. Одного непокорнаго солдата уже засѣкли розгами до-полусмерти. Всюду шнырялъ Деценцій съ перомъ за ухомъ, съ бумагами въ рукахъ.

На дворѣ и на дорогѣ, подъ вечернимъ пасмурнымъ небомъ, стояли крытыя полотнами повозки, съ огромными колесами, для солдатскихъ женъ и дѣтей. Женщины причитали, прощаясь съ родиной. Иныя протягивали руки къ дремучимъ лѣсамъ и пустыннымъ равнинамъ; иныя падали на землю и съ жалобнымъ воемъ цѣловали ее, называли своею матерью, скорбѣли о томъ, что кости ихъ сгніютъ въ чужой землѣ; иныя въ покорномъ и молчаливомъ горѣ завязывали въ тряпочку горсть родной земли на память. Тощая сука съ ребрами, выступавшими отъ худобы, лизала колесную ось, смазанную саломъ. Вдругъ, отойдя въ сторону и уткнувъ морду въ пыль, она завыла. Всѣ, обернувшись, вздрогнули. Легіонеръ сердито ударилъ ее ногой. Поджавъ хвостъ, съ визгомъ убѣжала она въ поле, и тамъ, остановившись, завыла еще жалобнѣе, еще громче. И страшенъ былъ въ чуткой тишинѣ пасмурнаго вечера этотъ протяжный вой.

Сарматъ Арагарій принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые должны были покинуть сѣверъ. Онъ прощался со своимъ вѣрнымъ другомъ Стромбикомъ.

— Дядюшка, миленькій, на кого ты меня покидаешь!.. — хныкалъ Стромбикъ, глотая солдатскую похлебку: ему уступилъ ее Арагарій, который отъ горя не могъ ѣсть; у Стромбика лились слезы въ похлебку, но все-таки онъ ѣлъ ее съ жадностью.

— Ну, ну, молчи, дуракъ! — утѣшалъ его Арагарій, по своему обыкновенію презрительной и въ то же время ласковой руганью.—И безъ тебя довольно бабьяго воя!.. Лучше скажи-ка мнѣ толкомъ—вѣдь ты изъ тамошнихъ мѣстъ,—что за лѣсъ въ этихъ странахъ: дубовый больше или березовый?

— Что ты, дядюшка? Богъ съ тобой! Какой тамъ лѣсъ? Песокъ да камень!

— Ну? Куда же отъ солнца прячутся люди?

— Некуда, дядюшка, и спрятаться. Одно слово—пустыня. Жарко, примѣрно сказать, какъ надъ плитою. И воды нѣтъ.

— Какъ нѣтъ воды? Ну, а пиво есть?

— Какое пиво! И не слыхали о пивѣ.

— Врешь!

— Лопни глаза мои, дядюшка, если во всей Азіи, Месопотаміи, Сиріи найдешь ты хоть одинъ боченокъ пива или меда!

— Ну, братъ, плохо! Жарко, да еще ни воды, ни пива, ни меда. Гонятъ насъ, видно, на край свѣта, какъ быковъ на убой.

— Къ чорту на рога, дядюшка, прямо къ чорту на рога!

И Стромбикъ захныкалъ еще жалобнѣе.

Въ это время послышался далекій шумъ и гулъ голосовъ. Оба друга выбѣжали изъ казармъ.

На островъ Лютецію черезъ пловучій мостъ бѣжали толпы солдатъ. Крики приближались. Тревога охватила казармы. Воины выходили на дорогу, собирались и кричали, несмотря на приказанія, угрозы, даже удары центуріоновъ.

— Что случилось?—спрашивалъ ветеранъ, который несъ въ солдатскую поварню вязанку хвороста.

— Еще, говорятъ, двадцать человѣкъ засѣкли.

— Какой двадцать—сто!

— Всѣхъ по очереди сѣчь будутъ,—такой приказъ!

Вдругъ въ толпу вбѣжалъ солдатъ въ разорванной одеждѣ, съ блѣднымъ, обезумѣвшимъ лицомъ и закричалъ:

— Бѣгите, бѣгите во дворецъ! Юліана зарѣзали!

Слова эти упали, какъ искра въ сухую солому. Давно тлѣвшее пламя бунта вспыхнуло неудержимо. Лица сдѣлались звѣрскими. Никто ничего не понималъ, никто никого не слушалъ. Всѣ вмѣстѣ кричали:

— Гдѣ злодѣи?

— Бейте мерзавцевъ!

— Кого?

— Посланныхъ императора Констанція!

— Долой императора!

— Эхъ вы, трусы,—такого вождя предали!

Двухъ первыхъ попавшихся, ни въ чемъ неповинныхъ центуріоновъ, повалили на землю, растоптали ногами, хотѣли разорвать на части. Брызнула кровь, и при видѣ ея солдаты разсвирѣпѣли еще больше.

Толпа, хлынувшая черезъ мостъ, приближалась къ зданію казармъ. Вдругъ сдѣлался явственнымъ оглушительный крикъ:

— Слава императору Юліану, слава августу Юліану

— Убили! Убили!

— Молчите, дураки! Августъ живъ—сами только что видѣли!

— Цезарь живъ!

— Не цезарь,—императоръ!

— Кто же сказалъ, что убили?

— Гдѣ негодяй?

— Хотѣли убить!

— Кто хотѣлъ?

— Констанцій!

— Долой Констанція! Долой проклятыхъ евнуховъ

Кто-то на конѣ проскакалъ въ сумеркахъ такъ быстро что едва успѣли его узнать

— Деценцій! Деценцій! Ловите разбойника!

Канцелярское перо все еще торчало у него за ухомъ, походная чернильница болталась за поясомъ. Провожаемый хохотомъ и руганью, онъ исчезъ.

Толпа росла. Въ темнотѣ вечера бунтующее войско грозно волновалось и гудѣло. Ярость смѣнилась ребячески восторгомъ, когда увидѣли, что легіоны геруловъ и петулантовъ, отправленныхъ утромъ, повернули назадъ тоже возмутившись. Многіе обнимали земляковъ, женъ и дѣтей, какъ послѣ долгой разлуки. Иные плакали отъ радости. Другіе съ крикомъ ударяли мечами въ звонкіе щиты. Разложили костры. Явились ораторы. Стромбикъ

бывшій въ молодости балаганнымъ шутомъ въ Антіохіи, почувствовалъ приливъ вдохновенія. Товарищи подняли его на руки, и, дѣлая театральныя движенія руками, онъ началъ: «Nos quidem ad or bis terrarum extrema ut noxii pellimur et damnati,—насъ отсылаютъ на край свѣта, какъ осужденныхъ, какъ злодѣевъ; семьи наши, которыя цѣною крови мы выкупили изъ рабства, снова подпадутъ подъ иго аламановъ».

Не успѣлъ онъ кончить, какъ изъ казармъ послышались пронзительные вопли, какъ будто рѣзали поросенка, и вмѣстѣ съ ними хорошо знакомые солдатамъ удары лозы по голому тѣлу: воины сѣкли ненавистнаго центуріона «Cedo Alteram». Солдатъ, бившій своего начальника, отбросилъ окровавленную лозу и при всеобщемъ хохотѣ закричалъ, подражая веселому голосу центуріона: «Давай новую!»—«Cedo Alteram!»

— Во дворецъ! Во дворецъ!—загудѣла толпа.—Провозгласимъ Юліана августомъ, вѣнчаемъ діадемой!

Всѣ устремились, бросивъ на дворѣ полумертваго центуріона, лежавшаго въ лужѣ крови. Рѣдкія звѣзды мерцали сквозь тучи. Сухой порывистый вѣтеръ подымалъ пыль.

Ворота, двери, ставни дворца были наглухо заперты: зданіе казалось необитаемымъ.

Предчувствуя бунтъ, Юліанъ никуда не выходилъ, почти не показывался солдатамъ и былъ занятъ гаданіями. Два дня, двѣ ночи ждалъ чудесъ и явленій.

Въ длинной бѣлой одеждѣ пиѳагорейцевъ, съ лампадой въ рукахъ, онъ подымался по узкой лѣстницѣ на самую высокую башню дворца. Тамъ уже стоялъ, наблюдая звѣзды, въ остроконечной войлочной тіарѣ персидскій магъ, помощникъ Максима Эфесскаго, посланный имъ Юліану,—тотъ самый Ногодаресъ, который нѣкогда въ кабачкѣ Сиракса, у подошвы Аргейской горы, предсказалъ трибуну Скудило его судьбу.

— Ну, что?—спросилъ Юліанъ съ тревогою, обозрѣвая темный сводъ неба.

— Не видно,—отвѣчалъ Ногодаресъ:—облака мѣшаютъ.

Юліанъ сдѣлалъ рукою нетерпѣливое движеніе:

— Ни одного знаменья! Точно небо и земля сговорились...

Промелькнула летучая мышь.

— Смотри, смотри,—можетъ-быть, по ея полету ты что-нибудь предскажешь.

Она почти коснулась лица Юліана холоднымъ, таинственнымъ крыломъ и скрылась.

— Душа, тебѣ родная,—прошепталъ Ногодаресъ.—Помни: сегодня ночью должно совершиться великое...

Послышались крики войска, неясные,—вѣтеръ заглушалъ ихъ.

— Если что-нибудь узнаешь, приходи,—сказалъ Юліанъ и спустился въ книгохранилище.

Онъ началъ ходить по огромной залѣ изъ угла въ уголъ быстрыми, неровными шагами. Иногда останавливался, насторожившись. Ему казалось, что кто-то слѣдуетъ за нимъ, и странный сверхъестественный холодъ въ темнотѣ вѣялъ ему въ затылокъ. Онъ быстро оборачивался—никого не было, только тяжело и смутно волновавшаяся кровь стучала въ виски. Опять начиналъ ходить—и опять казалось ему, что кто-то быстро-быстро шепчетъ ему на ухо слова, которыя не успѣваетъ онъ разобрать.

Вошелъ слуга съ извѣстіемъ, что старикъ, пріѣхавшій изъ Аѳинъ по очень важному дѣлу, желаетъ видѣть его. Юліанъ, вскрикнувъ отъ радости, бросился навстрѣчу. Онъ думалъ что это Максимъ, но ошибся: то былъ великій іерофантъ елевзинскихъ таинствъ, котораго онъ также съ нетерпѣніемъ ждалъ.

— Отецъ,—воскликнулъ цезарь,—спаси меня! Я долженъ знать волю боговъ. Пойдемъ скорѣе, все готово.

Въ это мгновеніе вокругъ дворца раздались уже близкіе, подобные раскату грома, оглушительные крики войска; старыя кирпичныя стѣны дрогнули.

Вбѣжалъ трибунъ придворныхъ щитоносцевъ, блѣдный отъ ужаса:

— Бунтъ! Солдаты ломаютъ ворота!

Юліанъ сдѣлалъ повелительный знакъ рукою:

— Не бойтесь! Потомъ, потомъ! Не впускать сюда никого...

И, схвативъ іерофанта за руку, повлекъ его по крутой лѣстницѣ въ темный погребъ и заперъ за собою тяжелую кованую дверь.

Въ погребѣ готово было все: свѣточи, пламя которыхъ отражалось въ серебряномъ изваяніи Геліоса-Митры—бога солнца, курильницы, священные сосуды съ водою, виномъ и медомъ для возліянія, съ мукою и солью для посыпанія жертвъ; въ клѣткахъ—различныя птицы для гаданія: утки, голуби, куры, гуси, орелъ; бѣлый ягненокъ, связанный, жалобно блеявшій.

— Скорѣе, скорѣе! Я долженъ знать волю боговъ,—торопилъ Юліанъ іерофанта, подавая остро отточенный ножъ.

Запыхавшійся старикъ совершилъ наскоро молитвы и возліянія. Закололъ ягненка; часть мяса и жира положилъ на угли жертвенника и съ таинственными заклинаніями началъ осматривать внутренности; привычными руками вынималъ окровавленную печень, сердце, легкія, изслѣдуя ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Сильный будетъ низверженъ, — проговорилъ іерофантъ, указывая на сердце ягненка, еще теплое. — Страшная смерть...

— Кто?—спрашивалъ Юліанъ.—Я или онъ?

— Не знаю.

— И ты не знаешь?..

— Цезарь,—произнесъ старикъ, — не торопись. Сегодня ночью не рѣшайся ни на что. Подожди до утра: предзнаменованія сомнительны и даже...

Не договоривъ, принялся онъ за другую жертву—за гуся, потомъ за орла. Сверху доносился шумъ толпы, подобный шуму наводненія. Раздавались удары лома по желѣзнымъ воротамъ. Юліанъ ничего не слышалъ и съ жаднымъ любопытствомъ разсматривалъ окровавленныя внутренности: въ почкахъ зарѣзанной курицы надѣялся увидѣть тайны боговъ.

Старый жрецъ, качая головой, повторилъ:

— Ни на что не рѣшайся: боги молчатъ.

— Что это значитъ?—воскликнулъ цезарь съ негодованіемъ.—Нашли время молчать!..

Вошелъ Ногодаресъ съ торжествующимъ видомъ:

— Юліанъ, радуйся! Эта ночь рѣшитъ судьбу твою. Спѣши, дерзай, иначе будетъ поздно...

Магъ взглянулъ на іерофанта, іерофантъ—на мага.

— Берегись!—проговорилъ елевзинскій жрецъ, нахмурившись.

— Дерзай!—молвилъ Ногодаресъ.

Юліанъ, стоя между ними, смотрѣлъ то на того, то на другого, въ недоумѣніи. Лица обоихъ авгуровъ были непроницаемы; они ревновали его другъ къ другу.

— Что же дѣлать? Что же дѣлать? — прошепталъ Юліанъ.

Вдругъ о чемъ-то вспомнилъ и обрадовался:

— Подождите: у меня есть древняя сибиллова книга: *О противорѣчіи въ аруспиціяхъ*. Справимся!

Онъ побѣжалъ наверхъ въ книгохранилище. Въ одномъ изъ проходовъ встрѣтился ему епископъ Дороѳей въ облаченіи, съ крестомъ и св. Дарами.

— Что это?—спросилъ Юліанъ, невольно отступая.

— Св. Тайны умирающей женѣ твоей, цезарь!

Дорсѳей пристально взглянулъ на пиѳагорейскую одежду Юліана, на блѣдное лицо его съ горящими глазами и окровавленныя руки.

— Твоя супруга,—продолжалъ епископъ,—желала бы видѣть тебя передъ смертью.

— Хорошо, хорошо, только не сейчасъ, потомъ... О боги! Еще дурное знаменаніе. И въ такую минуту... Все, что дѣлаетъ она, некстати!..

Онъ вбѣжалъ въ книгохранилище, началъ шарить въ пыльныхъ свиткахъ. Вдругъ послышалось ему, что чей-то голосъ явственно прошелестѣлъ ему на ухо: «Дерзай! дерзай! дерзай!»

— Максимъ! Ты?—вскрикнулъ Юліанъ и обернулся.

Въ темной комнатѣ не было никого. Сердце его такъ сильно билось, что онъ приложилъ къ нему руку; холодный потъ выступилъ на лбу.

— Вотъ чего я ждалъ,—проговорилъ Юліанъ.—Это былъ голосъ *его*. Теперь иду. Все кончено. Жребій брошенъ!

Желѣзныя ворота рухнули съ оглушающимъ грохотомъ. Солдаты ворвались въ атріумъ. Слышался ревъ толпы, подобный реву звѣря, и топотъ безчисленныхъ ногъ. Багровый свѣтъ факеловъ блеснулъ сквозь щели ставней какъ зарево. Нельзя было медлить. Юліанъ сбросилъ бѣлую пиѳагорейскую одежду, облекся въ броню, въ цезарскій палудаментумъ, шлемъ, подвязалъ мечъ, побѣжалъ по главной лѣстницѣ къ выходнымъ дверямъ, открылъ ихъ и вдругъ явился передъ войскомъ съ торжественно яснымъ лицомъ.

Всѣ сомнѣнія исчезли: въ дѣйствіи воля его окрѣпла; никогда еще въ жизни не испытывалъ онъ такой внутренней силы, ясности духа и трезвости. Толпа это сразу почувствовала. Блѣдное лицо его казалось царственнымъ и страшнымъ. Онъ подалъ знакъ рукою—всѣ притихли.

Онъ говорилъ, убѣждалъ солдатъ успокоиться, увѣрялъ, что не покинетъ ихъ, не позволитъ увести на чужбину, умолитъ своего «достолюбезнаго брата», императора Констанція.

— Долой Констанція! — перебили солдаты дружнымъ крикомъ.—Долой братоубійцу! Ты—императоръ, не хотимъ другого. Слава Юліану, августу непобѣдимому!

Онъ искусно разыгралъ роль человѣка, изумленнаго, даже испуганнаго: потупилъ глаза, отвернулъ лицо въ сторону и выставилъ руки впередъ, поднявъ ладони, какъ будто отталкивая преступный даръ и защищаясь отъ него. Крики усилились.

— Что вы дѣлаете? — воскликнулъ Юліанъ съ притворнымъ ужасомъ.—Не губите себя и меня! Неужели думаете, что я могу измѣнить благочестивому?

— Убійца твоего отца, убійца Галла!—кричали солдаты.

— Молчите, молчите!—замахалъ онъ руками и вдругъ по ступенямъ лѣстницы бросился въ толпу.—Или вы не знаете? Передъ лицомъ самого Бога клялись мы...

Каждое движеніе Юліана было хитрымъ, глубокимъ притворствомъ. Солдаты окружили его. Онъ вырвалъ мечъ изъ ноженъ, поднялъ его и направилъ противъ собственной груди:

— Мужи храбрѣйшіе! Цезарь умретъ скорѣе, чѣмъ измѣнитъ...

Они схватили его за руки, насильно отняли мечъ. Многіе падали къ ногамъ его, обнимали ихъ со слезами и прикасались къ своей груди обнаженнымъ остреемъ меча.

— Умремъ,—кричали они,—умремъ за тебя!

Другіе протягивали къ нему руки съ жалобнымъ воплемъ:

— Помилуй насъ, помилуй насъ, отецъ!

Сѣдые ветераны становились на колѣни и, хватая руки вождя, какъ будто желая поцѣловать ихъ, вкладывали его пальцы въ свой ротъ, заставляли щупать беззубыя десны; они говорили о несказанной усталости, о непосильныхъ трудахъ, перенесенныхъ за долгую службу; многіе снимали платье и показывали ему голое старческое тѣло, раны, полученныя въ сраженіяхъ, спины съ ужасными рубцами отъ розогъ.

— Сжалься! Сжалься! Будь нашимъ августомъ!

На глазахъ Юліана навернулись искреннія слезы: онъ любилъ эти грубыя лица, этотъ знакомый казарменный воздухъ, этотъ необузданный восторгъ, въ которомъ чувствовалъ свою силу. Что бунтъ опасный—замѣтилъ онъ по особому признаку: солдаты не перебивали другъ друга, а кричали всѣ сразу, вмѣстѣ, какъ будто сговорившись, и такъ же сразу умолкали: то раздавался дружный крикъ, то наступала внезапная тишина.

Наконецъ, какъ будто неохотно, побѣжденный насиліемъ, произнесъ онъ тихо:

— Братья возлюбленные! Дѣти мои! Видите—я вашъ на жизнь и смерть; не могу ни въ чемъ отказать...

— Вѣнчать его, вѣнчать діадемой!—закричали они, торжествуя.

Но діадемы не было. Находчивый Стромбикъ предложилъ:

— Пусть августъ велитъ принести одно изъ жемчужныхъ ожерелій супруги своей.

Юліанъ возразилъ, что женское украшеніе непристойно и было бы дурнымъ знакомъ для начала новаго правленія.

Солдаты не унимались: имъ непремѣнно нужно было видѣть блестящее украшеніе на головѣ избранника, чтобы повѣрить, что онъ—императоръ.

Тогда грубый легіонеръ сорвалъ съ боевого коня нагрудникъ изъ мѣдныхъ бляхъ—фалеру и предложилъ вѣнчать августа ею.

Это не понравилось: отъ кожи нагрудника пахло потомъ лошадинымъ.

Всѣ стали нетерпѣливо искать другого украшенія. Знаменоносецъ легіона петулантовъ, сарматъ Арагарій, снялъ съ шеи мѣдную чешуйчатую цѣпь, присвоенную званію его. Юліанъ два раза обернулъ ее вокругъ головы: эта цѣпь сдѣлала его римскимъ августомъ.

— На щитъ, на щитъ!—кричали солдаты.

Арагарій подставилъ ему круглый щитъ, и сотни рукъ подняли императора. Онъ увидѣлъ море головъ въ мѣдныхъ шлемахъ, услышалъ, подобный бурѣ, торжественный крикъ:

— Да здравствуетъ августъ Юліанъ, августъ божественный! Divus Augustus!

Ему казалось, что совершается воля рока.

Факелы померкли. На востокѣ появились блѣдныя полосы. Неуклюжія кирпичныя башни дворца чернѣли угрюмо. Только въ одномъ окнѣ краснѣлъ огонь. Юліанъ догадался, что это окно тѣхъ покоевъ, гдѣ умирала жена его Елена.

Когда на разсвѣтѣ утомленное войско утихло, онъ пошелъ къ ней.

Было поздно. Усопшая лежала на узкой дѣвичьей постели. Всѣ стояли на колѣняхъ. Губы ея были строго сжаты. Отъ высохшаго монашескаго тѣла вѣяло цѣломудреннымъ холодомъ. Юліанъ, безъ угрызенія, но съ тяжелымъ любопытствомъ, посмотрѣлъ на блѣдное успокоенное лицо жены своей и подумалъ: «Зачѣмъ желала она видѣть меня передъ смертью? Что хотѣла, что могла она сказать мнѣ?»

XXII.

Императоръ Констанцій проводилъ печальные дни въ Антіохіи. Всѣ ждали недобраго.

По ночамъ видѣлъ онъ страшные сны: въ опочивальнѣ до зари горѣли пять или шесть яркихъ лампадъ,—и все-таки боялся онъ мрака. Долгіе часы просиживалъ одинъ въ неподвижной задумчивости, оборачиваясь и вздрагивая отъ всякаго шороха.

Однажды приснился ему отецъ его, Константинъ Великій, державшій на рукахъ дитя, злое и сильное; Констанцій, будто бы взявъ отъ него ребенка, посадилъ его на правую руку свою, въ лѣвой стараясь удержать огромный стеклянный шаръ; но злое дитя столкнуло шаръ: онъ упалъ, разбился, и колючія иглы стекла съ невыносимою болью стали впиваться въ тѣло Констанція—въ глаза, въ сердце, въ мозгъ—сверкали, звенѣли, трескались, жгли.

Императоръ проснулся въ ужасѣ, обливаясь холоднымъ потомъ.

Онъ сталъ совѣтоваться съ прорицателями, знаменитыми волшебниками, угадчиками снова.

Въ Антіохію собраны были войска и дѣлались приготовленія къ походу противъ Юліана. Иногда императоромъ, послѣ долгой неподвижности, овладѣвала жажда дѣйствія. Многіе при дворѣ находили поспѣшность его неразумною; шопотомъ повѣряли другъ другу слухи о новыхъ подозрительныхъ странностяхъ и причудахъ кесаря.

Была поздняя осень, когда онъ выступилъ изъ Антіохіи.

Въ полдень, на дорогѣ, въ трехъ тысячахъ шагахъ отъ города, близъ деревни, называвшейся Гиппокефалъ, увидѣлъ императоръ обезглавленный трупъ неизвѣстнаго человѣка; тѣло, обращенное къ западу, оказалось лежащимъ по правую руку отъ Констанція, ѣхавшаго на конѣ; голова отдѣлена была отъ туловища. Кесарь поблѣднѣлъ и отвернулся. Никто изъ приближенныхъ не сказалъ ни слова, но всѣ подумали, что это дурная примѣта.

Въ городѣ Тарсѣ Киликійскомъ онъ почувствовалъ легкій ознобъ и слабость, но не обратилъ на нихъ вниманія и даже съ врачами не посовѣтовался, надѣясь, что верховая ѣзда по труднымъ горнымъ дорогамъ на солнечномъ припекѣ вызоветъ испарину.

Онъ направился къ небольшому городу Мопсукренамъ, расположенному у подножія Тавра, послѣдней стоянкѣ при выѣздѣ изъ Киликіи.

Нѣсколько разъ во время дороги дѣлалось у него сильное головокруженіе. Наконецъ онъ долженъ былъ сойти съ коня и сѣсть въ носилки. Впослѣдствіи евнухъ Евсевій разсказывалъ, что, лежа въ носилкахъ, императоръ вынималъ изъ-подъ одежды драгоцѣнный камень съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ покойной императрицы Евсевіи Аврелiи, и цѣловалъ его съ нѣжностью.

На одномъ изъ перекрестковъ онъ спросилъ, куда ведетъ другой путь; ему отвѣчали, что эта дорога въ покинутый дворецъ каппадокійскихъ царей—Мацеллумъ.

При этомъ имени Констанцій нахмурился.

Въ Мопсукрены пріѣхали къ вечеру. Онъ былъ утомленъ и пасмуренъ.

Только что вошелъ въ приготовленный домъ, какъ одинъ изъ придворныхъ, по неосторожности, несмотря на запретъ Евсевія, сообщилъ императору, что его ожидаютъ два вѣстника изъ западныхъ провинцій.

Констанцій велѣлъ ихъ привести.

Евсевій умолялъ отложить дѣло до утра. Но императоръ возразилъ, что ему лучше, ознобъ прошелъ, и онъ чувствуетъ теперь только легкую боль въ затылкѣ.

Впустили перваго вѣстника, дрожащаго и блѣднаго.

— Говори сразу!—воскликнулъ Констанцій, испуганный выраженіемъ лица его.

— Вѣстникъ разсказалъ о неслыханной дерзости Юліана: цезарь передъ войсками разорвалъ августѣйшее письмо; Галлія, Паннонія, Аквитанія передались ему; измѣнники выступили противъ Констанція со всѣми легіонами, расположенными въ этихъ странахъ.

Императоръ вскочилъ, съ лицомъ, искаженнымъ яростью, бросился на вѣстника, повалилъ его и схватилъ за горло:

— Лжешь, лжешь, лжешь, мерзавецъ! Есть еще Богъ, Царь Небесный, покровитель земныхъ царей. Онъ не допуститъ,—слышите вы всѣ, измѣнники!—не допуститъ Онъ...

Вдругъ ослабѣлъ и закрылъ глаза рукою. Вѣстникъ, ни живой, ни мертвый, успѣлъ юркнуть въ дверь.

— Завтра, — бормоталъ Констанцій глухо и растерянно, — завтра въ путь... прямо, черезъ горы... ускореннымъ ходомъ, въ Константинополь...

Евсевій, подойдя къ нему, склонился раболѣпно:

— Блаженный августъ, Господь даровалъ тебѣ, Своему помазаннику, одолѣніе надъ всѣми врагами и супостатами: ты побѣдилъ буйнаго Максенція, Констана, Ветраніона, Галла. Ты побѣдишь и богопротивнаго...

Но Констанцій, не слушая, прошепталъ, качая головой съ безсмысленной улыбкой:

— Значитъ, нѣтъ Бога. Если только все это правда, значитъ, Бога нѣтъ; я — одинъ. Пусть кто-нибудь осмѣлится сказать, что Онъ есть, когда творятся такія дѣла на землѣ. Я уже давно объ этомъ думалъ...

Вопросительно обвелъ онъ всѣхъ мутными глазами и прибавилъ безсвязно:

— Позвать другого.

Къ нему приступилъ врачъ, придворный щеголь с бритымъ розовымъ наглымъ лицомъ, съ бѣгающими рысьими глазками, еврей, притворявшійся римскимъ патриціемъ. Подобострастно замѣтилъ онъ императору, что чрезмѣрное волненіе можетъ быть ему вредно, что необходим

отдыхъ. Констанцій только отмахнулся отъ него, какъ отъ надоѣдливой мухи.

Ввели другого вѣстника. Это былъ трибунъ цезарскихъ конюшенъ, Сиптула, бѣжавшій изъ Лютеціи. Онъ сообщилъ еще болѣе страшную вѣсть: ворота города Сирміумъ открылись передъ Юліаномъ, и жители приняли его радостно, какъ спасителя отечества; черезъ два дня онъ долженъ выйти на большую римскую дорогу въ Константинополь.

Послѣднихъ словъ вѣстника императоръ какъ будто не разслышалъ или не понялъ. Лицо его сдѣлалось странно-неподвижнымъ. Онъ подалъ знакъ, чтобы всѣ удалились. Остался Евсевій, съ которымъ хотѣлъ онъ заняться дѣлами.

Черезъ нѣкоторое время, почувствовавъ утомленіе, приказалъ, чтобы отвели его въ спальню, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Но вдругъ тихо простоналъ, поднесъ обѣ руки къ затылку, какъ будто почувствовалъ сильную мгновенную боль, и пошатнулся. Придворные едва успѣли его поддержать.

Онъ не потерялъ сознанія: по лицу, по всѣмъ движеніямъ, по жиламъ, напрягавшимся на лбу, замѣтно было, что онъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы говорить; наконецъ произнесъ медленно, выговаривая каждое слово шопотомъ, какъ будто сдавили ему горло:

— Хочу говорить—и не могу.

То были послѣднія слова его: онъ лишился языка; ударъ поразилъ всю правую сторону тѣла; правая рука и нога безжизненно повисли.

Его перенесли на постель.

Въ глазахъ была тревога и напряженная, не потухавшая мысль. Онъ усиливался сказать что-то, отдать, можетъ-быть, важное приказаніе, но изъ губъ вырывались неясные звуки, походившіе на слабое, непрерывное мычаніе. Никто не могъ понять, чего онъ хочетъ, и больной поочередно обводилъ всѣхъ ясными глазами. Евнухи, придворные, военачальники, рабы толпились вокругъ умирающаго, хотѣли и не знали, чѣмъ услужить ему въ послѣдній разъ.

Порою злоба вспыхивала въ разумномъ, пристальномъ взорѣ; тогда мычаніе казалось сердитымъ.

Наконецъ Евсевій догадался и принесъ навощенныя дощечки. Радость блеснула въ глазахъ императора. Крѣпко и неуклюже, какъ маленькія дѣти, лѣвою рукою ухватился онъ за мѣдный стилосъ. Послѣ долгихъ усилій удалось ему вывести на мягкомъ слоѣ желтаго воска нѣсколько каракуль. Придворные съ трудомъ разобрали слово «креститься».

Онъ устремилъ на Евсевія неподвижный взоръ. Всѣ удивились, что раньше не поняли: императору угодно было креститься передъ смертью, такъ какъ, по примѣру отца своего Константина Равноапостольнаго, откладывалъ онъ великое таинство до послѣдней минуты, вѣря, что оно можетъ сразу очистить душу отъ всѣхъ грѣховъ—«обѣлить ее паче снѣга».

Бросились отыскивать епископа. Оказалось, что въ Мопсукренахъ епископа нѣтъ. Позвали аріанскаго пресвитера бѣдной городской базилики. Это былъ робкій, забитый человѣкъ, съ птичьимъ лицомъ, острымъ краснымъ носомъ, похожимъ на клювъ, и острой бородкой. Когда пришли за нимъ, отецъ Нимфидіанъ—такъ звали его—приступалъ къ десятому кубку дешеваго краснаго вина и казался слишкомъ веселымъ. Никакъ не могли ему втолковать, въ чемъ дѣло; онъ думалъ, что надъ нимъ смѣются. Но когда убѣдили его, что предстоитъ крестить императора, онъ едва не лишился разсудка.

Пресвитеръ вошелъ въ комнату больного. Императоръ взглянулъ на блѣднаго, растерянnаго и дрожащаго отца Нимфидіана такимъ радостнымъ, смиреннымъ взоромъ, какимъ еще не смотрѣлъ ни на одного человѣка во всю свою жизнь. Поняли, что онъ боится умереть и торопитъ совершеніе таинства.

По городу искали золотой или, по крайней мѣрѣ, серебряной купели, но не нашли; правда, былъ роскошный сосудъ съ драгоцѣнными каменьями, но весьма подозрительнаго употребленія: предполагали, что онъ служилъ

для вакхическихъ таинствъ бога Діониса. Предпочли все-таки несомнѣнную христіанскую купель, хотя старую, мѣдную, съ грубо вдавленными краями.

Купель приставили къ ложу, влили теплой воды, при чемъ врачъ-еврей хотѣлъ попробовать ее рукою; императоръ сдѣлалъ яростное движеніе и замычалъ: должно-быть, боялся онъ, что еврей опоганитъ воду.

Съ умирающаго сняли нижнюю тунику. Сильные молодые щитоносцы легко, какъ ребенка, подняли его на руки и погрузили въ воду.

Теперь онъ безъ всякаго умиленія, съ осунувшимся, безжизненнымъ лицомъ смотрѣлъ широко открытыми, неподвижными глазами на ярко блестѣвшій крестъ изъ драгоцѣнныхъ камней надъ золотой Константиновой хоругвью—лабарумомъ; взоръ былъ пристальный, безсмысленный, какъ у грудныхъ дѣтей, когда они смотрятъ на блестящій предметъ и не могутъ оторвать глазъ.

Обрядъ, повидимому, не успокоилъ больного; онъ какъ будто забылъ о немъ. Въ послѣдній разъ воля вспыхнула въ глазахъ его, когда Евсевій опять подалъ ему дощечки и стилосъ. Констанцій не могъ писать—онъ только вывелъ первыя буквы имени «Юліанъ».

Что это значило? Хотѣлъ ли онъ простить врага или завѣщалъ месть?

Онъ мучился въ продолженіе трехъ дней. Придворные шопотомъ говорили другъ другу, что онъ хочетъ и не можетъ умереть, что это—особое наказаніе Божіе. Впрочемъ, все еще, по старой привычкѣ, называли они умирающаго «блаженнымъ августомъ», «святостью», «вѣчностью».

Должно-быть, онъ страдалъ. Мычаніе превратилось въ долгій, ни днемъ, ни ночью не прекращавшійся хрипъ. Звуки эти были такіе ровные, непрерывные, что, казалось, не могли вылетать изъ человѣческой груди.

Придворные приходили и уходили, ожидая конца.

Только евнухъ Евсевій ни днемъ, ни ночью не покидалъ умирающаго.

Сановникъ августѣйшей опочивальни лицомъ и нравомъ походилъ на старую, сварливую, злую и хитрую бабу; на совѣсти его было много злодѣйствъ: всѣ запутанныя нити доносовъ, предательствъ, церковныхъ распрей и придворныхъ происковъ сходились въ рукахъ его; но, можетъ-быть, онъ одинъ во всемъ дворцѣ любилъ своего повелителя какъ вѣрный рабъ.

По ночамъ, когда всѣ засыпали или расходились, утомленные видомъ слишкомъ долгихъ страданій, Евсевій не отходилъ отъ ложа: поправлялъ подушку, смачивалъ засыхавшія губы больного ледянымъ напиткомъ; порой становился на колѣни въ ногахъ императора и, должно-быть, молился. Когда никто не видѣлъ, Евсевій, тихонько отворачивая край пурпурнаго одѣяла, со слезами цѣловалъ жалкія, блѣдныя, окоченѣлыя ноги умирающаго кесаря.

Разъ показалось ему, что Констанцій замѣтилъ эту ласку и отвѣчалъ на нее взоромъ: что-то братское и нѣжное пронеслось между этими людьми—злыми, несчастными и одинокими.

Евсевій закрылъ глаза императору и увидалъ, какъ на лицѣ его, на которомъ столько лѣтъ было мнимое величіе власти, воцарилось истинное величіе смерти.

Надъ Констанціемъ должны были прозвучать слова, которыя, по обычаю, церковь возглашала передъ опусканіемъ въ могилу останковъ римскихъ императоровъ:

«Возстань, о царь земли, гряди на зовъ Царя царей, да судитъ Онъ тебя».

XXIII.

Недалеко отъ горныхъ тѣснинъ Суккосъ, на границѣ между Иллиріей и Ѳракіей, въ буковомъ лѣсу, по узкой дорогѣ, ночью, шли два человѣка. То былъ императоръ Юліанъ и волшебникъ Максимъ.

Полная луна сіяла въ ясномъ небѣ и страннымъ свѣтомъ озаряла осеннее золото и пурпуръ листьевъ. Изрѣдка, съ шелестомъ, падалъ желтый листъ. Вѣяло особенной

сыростью, запахомъ поздней осени, невыразимо-сладостнымъ, свѣжимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ унылымъ, напоминающимъ смерть. Мягкіе сухіе листья шуршали подъ ногами путниковъ. Кругомъ въ тихомъ лѣсу царило пышное похоронное великолѣпіе.

— Учитель, — проговорилъ Юліанъ, — отчего нѣтъ у меня божественной легкости жизни—этого веселья, которое дѣлаетъ такими прекрасными мужей Эллады?

— Ты не эллинъ?

Юліанъ вздохнулъ:

— Увы! Предки наши—дикіе варвары, мидійцы. Въ жилахъ моихъ тяжелая, сѣверная кровь. Я не сынъ Эллады...

— Другъ, Эллады никогда не было, — промолвилъ Максимъ со своей обычной, двусмысленной улыбкой.

— Что это значитъ?

— Не было той Эллады, которую ты любишь.

— Вѣра моя тщетна?

— Вѣрить,—отвѣчалъ Максимъ,—можно только въ то, чего нѣтъ, но что будетъ. Твоя Эллада будетъ, будетъ царство богоподобныхъ людей.

— Учитель, ты обладаешь могучими чарами, освободи мою душу отъ страха!

— Передъ чѣмъ?

— Не знаю... Я съ дѣтства боюсь,—боюсь всего: жизни, смерти, самого себя, тайны, которая вездѣ, мрака... У меня была старая няня Лабда, похожая на парку; она мнѣ разсказывала страшныя преданія о домѣ Флавіевъ; она запугала меня. Глупыя бабьи сказки все звучатъ съ тѣхъ поръ въ ушахъ моихъ по ночамъ, когда я одинъ; глупыя, страшныя сказки погубятъ меня... Я хочу быть радостнымъ, какъ древніе мужи Эллады, и не могу! Мнѣ кажется иногда, что я трусъ. Учитель! учитель! спаси меня. Освободи меня отъ этого вѣчнаго мрака и ужаса!

— Пойдемъ. Я знаю, что тебѣ нужно, — произнесъ Максимъ торжественно.—Я очищу тебя отъ галилейскаго плѣна, отъ тѣни Голгоѳы лучезарнымъ сіяніемъ Митры; я со-

грѣю тебя отъ воды крещенія горячею кровью бога солнца. О сынъ мой, радуйся! Я дамъ тебѣ великую свободу и веселье, какихъ еще ни одинъ человѣкъ не имѣлъ на землѣ.

Они вышли изъ лѣсу и вступили на узкую каменистую тропинку, высѣченную въ скалѣ надъ пропастью. Внизу шумѣлъ потокъ. Камень иногда срывался изъ-подъ ноги и, пробуждая грозное сонное эхо, падалъ въ бездну. Снѣга бѣлѣли на вершинѣ Родо́па.

Юліанъ и Максимъ вошли въ пещеру. Это былъ храмъ Митры, гдѣ совершались таинства, воспрещенныя римскими законами. Здѣсь не было роскоши, только въ голыхъ каменныхъ стѣнахъ изваяны были таинственные знаки Зороастровой мудрости — треугольники, созвѣздья, крылатыя чудовища, переплетающіеся круги. Факелы горѣли тускло, и жрецы-іерофанты въ длинныхъ странныхъ одеждахъ двигались, какъ тѣни.

Юліана также облекли въ олимпійскую сто́лу—одежду съ вышитыми индійскими драконами, звѣздами, солнцами и гиперборейскими грифонами; въ правую руку дали ему факелъ.

Максимъ предупредилъ его объ установленныхъ обрядныхъ словахъ, которыми посвящаемый долженъ отвѣчать на вопросы іерофанта. Юліанъ, приготовляясь къ мистеріи, выучилъ отвѣты наизусть, хотя значеніе ихъ должно было открыться ему только во время самаго таинства.

По ступенямъ, вырытымъ въ землѣ, спустились въ глубокую и узкую продолговатую яму; въ ней было душно и сыро; сверху прикрывалась она крѣпкимъ деревяннымъ помостомъ со многими отверстіями, какъ въ рѣшетѣ.

Раздался стукъ копытъ по дереву: жрецы поставили на помостъ трехъ черныхъ, трехъ бѣлыхъ тельцовъ и одного огненно-рыжаго, съ позолоченными рогами и копытами. Іерофанты запѣли гимнъ. Къ нему присоединилось жалобное мычаніе животныхъ, поражаемыхъ двуострыми сѣкирами. Они падали на колѣни, издыхали, и помостъ дрожалъ подъ ихъ тяжестью. Своды пещеры гудѣли отъ

рева огнецвѣтнаго быка, котораго жрецы называли богомъ Митрой.

Кровь, просачиваясь въ скважины деревяннаго рѣшета, падала на Юліана алой теплой росой.

Это было величайшее изъ языческихъ таинствъ—Тавроболія—закланіе быковъ, посвященныхъ солнцу.

Юліанъ сбросилъ верхнюю одежду и подставилъ нижнюю бѣлую тунику, голову, руки, лицо, грудь, всѣ члены подъ струившуюся кровь, подъ капли живого, страшнаго дождя.

Тогда Максимъ, верховный жрецъ, потрясая факеломъ, произнесъ:

— Душа твоя омывается искупительною кровью бога солнца, чистѣйшею кровью вѣчно-радостнаго сердца бога солнца, вечернимъ и утреннимъ сіяніемъ бога солнца!—Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

— Боюсь жизни,—отвѣтилъ Юліанъ.

— Душа твоя освобождается,—продолжалъ Максимъ,—отъ всякой тѣни, отъ всякаго ужаса, отъ всякаго рабства виномъ божественныхъ веселій, краснымъ виномъ буйныхъ веселій Митры-Діониса! — Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

— Боюсь смерти.

— Душа твоя становится частью бога солнца,—воскликнулъ іерофантъ.—Митра, неизреченный, неуловимый, усыновляетъ тебя кровь отъ крови, плоть отъ плоти, духъ отъ духа, свѣтъ отъ свѣта!—Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

— Я ничего не боюсь,—отвѣчалъ Юліанъ, съ ногъ до головы окровавленный.—Я—какъ онъ.

— Прими же радостный вѣнецъ...—И Максимъ бросилъ ему остреемъ меча на голову аканѳовый вѣнокъ.

— Только солнце мой вѣнецъ!—воскликнулъ посвящаемый, срывая съ головы вѣнокъ.

Онъ бросилъ его на землю и опять произнесъ:

— Только солнце мой вѣнецъ!

Растопталъ его ногами и въ третій разъ, подымая руки къ небу, воскликнулъ:

— Отнынѣ и до смерти только солнце мой вѣнецъ.

Таинство было кончено. Максимъ обнялъ посвященнаго. На губахъ старика скользила все та же двусмысленная, невѣрная улыбка.

Когда они возвращались по лѣсной дорогѣ, императоръ обратился къ волшебнику:

— Максимъ, мнѣ кажется иногда, что о самомъ главномъ ты молчишь...

И онъ обернулъ свое лицо, блѣдное, съ красными пятнами таинственной крови, которой, по обычаю, нельзя было стирать.

— Что ты хочешь знать, Юліанъ?

— Что будетъ со мною?

— Ты побѣдишь.

— А Констанцій?

— Констанція нѣтъ.

— Что ты говоришь?..

— Подожди. Солнце озаритъ твою славу.

Юліанъ не посмѣлъ разспрашивать. Они молча вернулись въ лагерь.

Въ палаткѣ Юліана ожидалъ вѣстникъ изъ Малой Азіи. То былъ трибунъ Синтула.

Онъ сталъ на колѣни и поцѣловалъ край императорскаго полудаментума.

— Слава блаженному августу Юліану!

— Ты отъ Констанція, Синтула?

— Констанція нѣтъ.

— Какъ?

Юліанъ вздрогнулъ и взглянулъ на Максима, сохранявшаго невозмутимое спокойствіе.

— Изволеніемъ Божьяго Промысла,—продолжалъ Синтула,—твой врагъ скончался въ городѣ Мопсукренахъ, недалеко отъ Мацеллума.

На слѣдующій день вечеромъ собраны были войска. Они уже знали о смерти Констанція.

Августъ Клавдій-Флавій-Юліанъ взошелъ на обрывъ, такъ что всѣ войска могли его видѣть,—безъ вѣнца, безъ

меча и брони, облеченный только въ пурпуръ съ головы до ногъ; чтобы скрыть слѣды крови, которую не должно было смывать, пурпуръ натянутъ былъ на голову, падалъ на лицо. Въ этой странной одеждѣ походилъ онъ скорѣй на первосвященника, чѣмъ на императора.

За нимъ, по склону Гэма, начинаясь съ того обрыва, гдѣ онъ стоялъ, краснѣлъ увядающій лѣсъ; надъ самой головой императора пожелтѣвшій кленъ въ голубыхъ небесахъ шелестѣлъ и блестѣлъ, какъ золотая хоругвь.

До самаго края неба распростиралась равнина Ѳракійская; по ней шла древняя римская дорога, выложенная широкими плитами бѣлаго мрамора, ровная, залитая солнцемъ, какъ будто тріумфальная, бѣжала она до самыхъ волнъ Пропонтиды, до Константинополя, второго Рима.

Юліанъ смотрѣлъ на войско. Когда легіоны двигались, по мѣднымъ шлемамъ, бронямъ и орламъ отъ заходящаго солнца вспыхивали багровыя молніи, концы копій надъ когортами теплились какъ свѣчи.

Рядомъ съ императоромъ стоялъ Максимъ. Наклонившись къ уху Юліана, шепнулъ онъ ему:

— Смотри, какая слава! Твой часъ пришелъ. Не медли.

Онъ указалъ на христіанское знамя—лабарумъ—Священную хоругвь, сдѣланную для римскаго воинства по образцу того огненнаго знамени, съ надписью *Симъ побѣдиши*, которое Константинъ Равноапостольный видѣлъ на небѣ.

Трубы умолкли. Юліанъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Дѣти мои! труды наши кончены. Благодарите олимпійцевъ, даровавшихъ намъ побѣду.

Слова эти разслышали только первые ряды войска, гдѣ было много христіанъ; среди нихъ произошло смятеніе.

— Слышали? Не Господа благодаритъ, а боговъ олимпійскихъ,—говорилъ одинъ солдатъ.

— Видишь—старикъ съ бѣлой бородой?—указывалъ другой товарищу.

— Кто это?

— Самъ дьяволъ въ образѣ Максима-волхва: онъ-то и соблазнилъ императора.

Но отдѣльные голоса христіанскихъ воиновъ были только шопотомъ. Изъ дальнихъ когортъ, стоявшихъ сзади, не разслышавшихъ словъ Юліана, подымался восторженный крикъ:

— Слава божественному августу! Слава, слава!

И все громче и громче, съ четырехъ концовъ равнины, покрытой легіонами, подымался крикъ:

— Слава! Слава! Слава!

Горы, земля, воздухъ, лѣсъ дрогнули отъ голоса толпы.

— Смотрите, смотрите, наклоняютъ лабарумъ,—ужасались христіане.

— Что́ это? Что́ это?

Древнюю военную хоругвь, одну изъ тѣхъ, которыя были освящены Константиномъ Великимъ, склонили къ ногамъ императора.

Изъ лѣсу вышелъ солдатъ-кузнецъ съ походной жаровней, закоптѣлыми щипцами и котелкомъ, въ которомъ носили олово; все это, съ неизвѣстной цѣлью, приготовлено было заранѣе.

Императоръ, блѣдный, несмотря на отблескъ пурпура и солнца, сорвалъ съ древка лабарума золотой крестъ и монограмму Христа изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Войско замерло. Жемчужины, изумруды, рубины разсыпались, и тонкій крестъ, вдавленный въ сырую землю, погнулся подъ сандаліей римскаго кесаря.

Максимъ вынулъ изъ великолѣпнаго ковчежца обернутое въ шелковыя голубыя пелены маленькое серебряное изваяніе бога солнца—Митры-Геліоса.

Кузнецъ подошелъ, въ нѣсколько мгновеній искусно выправилъ щипцами погнувшіеся крючки на древкѣ лабарума и припаялъ оловомъ изваяніе Митры.

Прежде чѣмъ войска опомнились отъ ужаса, Священная хоругвь Константина зашелестѣла и взвилась надъ головой императора, увѣнчанная кумиромъ Аполлона.

Старый воинъ, набожный христіанинъ, отвернулся и закрылъ глаза рукою, чтобы не видѣть этой мерзости.

— Кощунство!—пролепеталъ онъ, блѣднѣя.

— Горе!—шепнулъ третій на ухо товарищу.—Императоръ отступилъ отъ церкви Христовой.

Юліанъ сталъ на колѣни передъ знаменемъ и, простирая руки къ серебряному изваянію, воскликнулъ:

— Слава непобѣдимому Солнцу, владыкѣ боговъ! Нынѣ поклоняется августъ вѣчному Геліосу, богу свѣта, богу разума, богу веселія и красоты олимпійской!

Послѣдніе лучи солнца отразились на безпощадномъ ликѣ Дельфійскаго идола; голова его окружена была серебряными острыми лучами; онъ улыбался.

Легіоны безмолвствовали. Наступила такая тишина, что слышно было, какъ въ лѣсу, шелестя, одинъ за другимъ, падаютъ мертвые листья.

И въ кровавомъ отблескѣ вечера, и въ багряницѣ послѣдняго жреца, и въ пурпурѣ увядшаго лѣса—во всемъ была зловѣщая, похоронная пышность, великолѣпіе смерти.

Кто-то изъ солдатъ въ переднихъ рядахъ произнесъ такъ явственно, что Юліанъ услышалъ и вздрогнулъ:

— Антихристъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Рядомъ съ конюшнями, въ ипподромѣ Константинополя находилось помѣщеніе въ родѣ уборной для конюховъ, наѣздницъ, мимовъ и кучеровъ. Здѣсь даже днемъ коптѣли подвѣшенныя къ сводамъ лампады. Удушливый воздухъ, пропитанный запахомъ навоза, вѣялъ теплотою конюшенъ.

Когда завѣса на дверяхъ откидывалась, врывался ослѣпительный свѣтъ утра. Въ солнечной дали виднѣлись пустыя скамьи для зрителей, величественная лѣстница, соединявшая императорскую ложу съ внутренними покоями Константинова дворца, каменныя стрѣлы египетскихъ обелисковъ и посреди желтаго гладкаго песка исполинскій жертвенникъ изъ трехъ перевившихся мѣдныхъ змѣй: плоскія головы ихъ поддерживали дельфійскій треножникъ великолѣпной работы.

Иногда съ арены доносилось хлопаніе бича, крики наѣздниковъ, фырканье разгоряченныхъ коней и шуршаніе колесъ по мягкому песку, подобное шуршанію крыльевъ.

Это была не скачка, а только подготовительное упражненіе къ настоящимъ играмъ, назначеннымъ въ ипподромѣ черезъ нѣсколько дней.

Въ одномъ углу конюшни голый атлетъ, натертый масломъ, покрытый гимнастической пылью, съ кожанымъ поясомъ по бедрамъ, подымалъ и опускалъ желѣзныя гири; закидывая курчавую голову, онъ такъ выгибалъ спину, что

кости въ суставахъ трещали, лицо синѣло, и бычачьи жилы напрягались на толстой шеѣ.

Сопутствуемая рабынями, подошла къ нему молодая женщина въ нарядной утренней стóлѣ, натянутой на голову, опущенной складками на тонкое, родовитое и уже отцвѣтавшее лицо. Это была усердная христіанка, любимая всѣми клириками и монахами за щедрые вклады въ монастыри, за обильныя милостыни—пріѣзжая изъ Александріи вдова римскаго сенатора. Сперва скрывала она свои похожденія, но скоро увидѣла, что соединять любовь къ церкви съ любовью къ цирку считается новымъ свѣтскимъ изяществомъ. Всѣ знали, что Стратоника ненавидитъ константинопольскихъ щеголей, завитыхъ и нарумяненныхъ, изнѣженныхъ, прихотливыхъ, какъ она сама. Такова была ея природа: она соединяла драгоцѣннѣйшіе аравійскіе духи съ раздражающей теплотою конюшни и цирка; послѣ горячихъ слезъ раскаянія, послѣ потрясающей исповѣди искусныхъ духовниковъ этой маленькой женщинѣ, хрупкой какъ вещица, выточенная изъ слоновой кости, нужны были грубыя ласки прославленнаго конюха.

Стратоника смотрѣла на упражненіе атлета съ видомъ тонкой цѣнительницы. Сохраняя тупоумную важность на бычачьемъ лицѣ, гимнастъ не обращалъ на нее вниманія. Она что-то шептала рабынѣ на ухо и съ простодушнымъ удивленіемъ, заглядѣвшись на могучую голую спину атлета, любовалась тѣмъ, какъ страшные геркулесовскіе мускулы двигаются подъ жестокой краснокоричневой кожей на огромныхъ плечахъ, когда, разгибаясь и медленно вбирая воздухъ въ легкія, какъ въ кузнечные мѣха, подымалъ онъ желѣзныя гири надъ звѣроподобной, безсмысленно красивой головою.

Занавѣска откинулась, толпа зрителей отхлынула, и двѣ молодыя каппадокійскія кобылы, бѣлая и черная, впорхнули въ конюшню вмѣстѣ съ молодой наѣздницей, которая ловко, съ особымъ гортаннымъ крикомъ, перепрыгивала съ одной лошади на другую. Въ послѣдній разъ перевернулась она въ воздухѣ и соскочила на землю, такая же крѣпкая, гладкая, веселая, какъ ея кобылица; на голомъ тѣлѣ вид-

нѣлись маленькія капли пота. Къ ней подскочилъ съ любезностью молодой щегольски одѣтый иподіаконъ изъ базилики св. Апостоловъ, Зефиринъ, большой любитель цирка, знатокъ лошадей и завсегдатай скачекъ, ставившій огромные заклады за партію «голубыхъ» противъ «зеленыхъ». У него были сафьянные скрипучіе полусапожки на красныхъ каблукахъ. Съ подведенными глазами, набѣленный и тщательно завитой, Зефиринъ болѣе походилъ на молодую дѣвушку, чѣмъ на церковнослужителя. За нимъ стоялъ рабъ, нагруженный всевозможными свертками, узелками, ящиками тканей—покупками изъ модныхъ лавокъ.

— Крòкала, вотъ тѣ самые духи, которые ты третьяго дня просила.

Съ вѣжливымъ поклономъ подалъ иподіаконъ наѣздницѣ изящную баночку, запечатанную голубымъ воскомъ.

— Цѣлое утро бѣгалъ по лавкамъ. Едва нашелъ. Чистѣйшій нардъ! Вчера привезли изъ Апамеи.

— А это что за покупки?—полюбопытствовала Крòкала.

— Шелкъ съ моднымъ рисункомъ—разныя дамскія бездѣлушки

— Все для твоей?..

— Да, да, все для моей благочестивой сестры, для набожной матроны Блезиллы. Надо же помогать ближнимъ. Она полагается на мой вкусъ при выборѣ тканей. Съ разсвѣта бѣгаю по ея порученіямъ. Совсѣмъ съ ногъ сбился. Но не ропщу,—нѣтъ, нѣтъ, не ропщу! Блезилла такая, право, добрая, такая, можно сказать, святая женщина!..

— Да, но, къ сожалѣнію, старая,—засмѣялась Крòкала.—Эй, мальчикъ, вытри поскорѣе потъ съ вороной кобылы свѣжими фиговыми листьями.

— И у старости есть свои преимущества,—возразилъ иподіаконъ, самодовольно потирая бѣлыя холеныя руки съ драгоцѣнными перстнями; потомъ спросилъ ее шопотомъ, на ухо:

— Сегодня вечеромъ?

— Не знаю, право... Можетъ-быть... А ты мнѣ хочешь что-нибудь принести?

— Не бойся, Крòкала: не приду съ пустыми руками. Есть кусочекъ тирскаго лиловаго пурпура. Что за узоръ, если бы ты знала!

Онъ зажмурился, поднесъ къ губамъ два пальца, поцѣловалъ ихъ и причмокнулъ:

— Ну, просто заглядѣнье!

— Гдѣ взялъ?

— Конечно, въ лавкѣ Сирмика у Константіевыхъ бань,— за кого ты меня принимаешь? Можно бы сдѣлать изъ этого длинный тарантинидіонъ. Ты только представь себѣ, что̀ вышито на подолѣ! Ну, какъ ты думаешь,—что̀?

— Почемъ я знаю. Цвѣты, звѣри?

— Не цвѣты и не звѣри, а золотомъ съ разноцвѣтными шелками — вся исторія циника Діогена, нищаго мудреца, жившаго въ бочкѣ!

— Ахъ, должно-быть, красиво!—воскликнула наѣздница.—Приходи, приходи непремѣнно. Буду ждать.

Зефиринъ взглянулъ на водяные часы—клепсидру, стоявшую въ углубленіи стѣны, и заторопился.

— Опоздалъ! Еще забѣжать къ ростовщику по дѣлу другой матроны, къ ювелиру, къ патріарху, въ церковь, на службу. Прощай, Крòкала!

— Смотри же, не обмани,—закричала она ему вслѣдъ и погрозила пальцемъ:—шалунъ!

Иподіаконъ съ своимъ рабомъ, нагруженнымъ покупками, исчезъ, поскрипывая сафьянными полусапожками.

Вбѣжала толпа конюховъ, наѣзниковъ, танцовщицъ, гимнастовъ, кулачныхъ бойцовъ, укротителей хищныхъ звѣрей. Съ желѣзною сѣткой на лицѣ гладіаторъ Мирмиллонъ накаливалъ на жаровнѣ толстый желѣзный прутъ для укрощенія только что полученнаго африканскаго льва; изъ-за стѣны слышалось рыканіе звѣря.

— Доведешь ты меня до гроба, внучка, и себя до вѣчной погибели. О-хо-хо! поясница болитъ. Мочи нѣтъ!

— Это ты, дѣдушка Гнифонъ? Чего ты все хнычешь?— промолвила Крòкала съ досадою.

Гнифонъ былъ старичокъ съ хитрыми слезящимися глазками, сверкавшими изъ-подъ сѣдыхъ бровей, которыя шевелились, какъ двѣ бѣлыя мыши, съ носомъ темно-сизымъ, какъ спѣлая слива; на ногахъ у него пестрѣли заплатанные лидійскіе штаны; на головѣ болталась фригійская войлочная шапка, въ видѣ колпака, съ перегнутой напередъ остроконечной верхушкой и двумя лопастями для ушей.

— За деньгами приплелся? — сердилась Крòкала.— Опять пьянъ!

— Грѣхъ тебѣ такъ говорить, внучка! Ты за мою душу отвѣтъ Богу дашь. Подумай только, до чего ты меня довела! Живу я теперь въ предмѣстіи Смоковницъ, нанимаю подвальчикъ у дѣлателя идоловъ. Каждый день вижу, какъ изъ мрамора высѣкаетъ онъ, прости Господи, образины окаянныя. Думаешь, легко это для добраго христіанина? А? Утромъ глазъ не продерешь,—ужъ слышишь: тукъ, тукъ, тукъ,—колотитъ хозяинъ молоткомъ по камню — и выходятъ, одни за другими, гнусные бѣлые черти, проклятые боги, точно смѣются надо мною, корчатъ безстыдныя хари! Какъ же тутъ не согрѣшить, съ горя въ кабакъ не зайти да не выпить? О-хо-хо! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Валяюсь я въ скверно языческой, какъ свинья во гноищѣ. И вѣдь знаю, все съ насъ взыщется, все до послѣдняго кадранта. А кто, спрашивается, виноватъ? Ты! У тебя, внучка, куры денегъ не клюютъ, а ты для бѣднаго старика...

— Врешь, Гнифонъ,—возразила дѣвушка,—вовсе ты не бѣденъ, скряга! У тебя подъ кроватью кубышка...

Гнифонъ въ ужасѣ замахалъ руками:

— Молчи, молчи!

— Знаешь ли, куда я иду? — прибавилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Должно-быть, опять въ кабакъ.

— А вотъ и не въ кабакъ, кое-куда похуже,—въ капище самого Діониса! Храмъ со времени блаженнаго Константина заваленъ мусоромъ. А завтра, по августѣйшему повелѣнію кесаря Юліана, открывается вновь. Я и нанялся

чистить. Знаю, что душу погублю и ввержен буду въ геенну. А все-таки соблазнился. Потому нагъ есмь и нищъ и гладенъ. Поддержки отъ собственной внучки не имѣю. Вотъ до чего дожилъ!

— Отстань, Гнифонъ, надоѣлъ, вотъ на — и убирайся. Не смѣй больше приходить ко мнѣ пьянымъ!

Она бросила ему нѣсколько мелкихъ монетъ, потомъ вскочила на рыжаго полудикаго иллирійскаго жеребца и, стоя на спинѣ его, хлопая длиннымъ бичомъ, снова полетѣла въ ипподромъ.

Гнифонъ, указывая на нее и прищелкивая языкомъ отъ удовольствія, воскликнулъ гордо:

— Самъ своими руками вспоилъ и вскормилъ!

Крѣпкое голое тѣло наѣздницы сверкало на утреннемъ солнцѣ, и развѣвающіеся рыжіе волосы были такого же цвѣта, какъ шерсть жеребца.

— Эй, Зотикъ!—крикнулъ Гнифонъ старому рабу, подбиравшему навозъ въ плетеную корзину.—Пойдемъ-ка со мною чистить храмъ Діониса. Ты въ этомъ дѣлѣ мастеръ. Три обола дамъ.

— Пожалуй, пойдемъ,—отвѣчалъ Зотикъ,—только вотъ сейчасъ я лампадку богинѣ заправлю.

Это была Гиппона, богиня конюховъ, конюшенъ и навоза. Грубо высѣченная изъ дерева, закоптѣлая, безобразная, похожая на обрубокъ, стояла она въ сыромъ, темномъ углубленіи стѣны. Рабъ Зотикъ, выросшій среди лошадей, чтилъ ее свято, молился ей со слезами, украшалъ ея грубыя черныя ноги свѣжими фіалками, вѣрилъ, что она исцѣляетъ всѣ его недуги, сохранитъ его въ жизни и смерти.

Гнифонъ и Зотикъ вышли на площадь—форумъ Константина, круглый, съ двойными рядами столбовъ и тріумфальными воротами. Посреди площади на мраморномъ подножіи возвышался исполинскій порфировый столбъ; на вершинѣ его, на высотѣ болѣе чѣмъ сто двадцать локтей, сверкало бронзовое изваяніе Аполлона, произведеніе Фидія, похищенное изъ одного города Фригіи. Голова древняго бога солнца была отбита, и съ варварскимъ безвкусіемъ

къ туловищу эллинскаго идола приставили голову христіанскаго императора Константина Равноапостольнаго; чело его окружалъ вѣнецъ изъ золотыхъ лучей; въ правой рукѣ Аполлонъ-Константинъ держалъ скипетръ, въ лѣвой — державу. У подножія коллоса виднѣлась маленькая христіанская часовня въ родѣ Палладіума. Еще недавно, при Констанціи, совершалось въ ней богослуженіе. Христіане оправдывались тѣмъ, что въ бронзовомъ туловищѣ Аполлона, въ самой груди солнечнаго бога, заключенъ талисманъ, кусокъ Честнѣйшаго Креста Господня, привезеннаго св. Еленой изъ Іерусалима. Императоръ Юліанъ закрылъ эту часовню.

Зотикъ и Гнифонъ вступили въ узкую длинную улицу, которая вела прямо къ Халкедонскимъ Лѣстницамъ, недалеко отъ Гавани. Многія зданія еще строились, другія перестраивались, потому что были воздвигнуты изъ угоды Константину, строителю города, съ такой поспѣшностью, что обвалились. Внизу сновали прохожіе, толпились у лавокъ покупатели, рабы, носильщики; гремѣли колесницы. А вверху, на деревянныхъ плотничьихъ лѣсахъ, стучали молотки скрипѣли блоки, визжали острыя пилы по твердому бѣлому камню; рабочіе на веревкахъ подымали огромныя бревна или четырехугольныя глыбы Проконезскаго, блистающаго въ лазури, мрамора; пахло сыростью новыхъ домовъ, невысохшей известкой; на головы сыпалась мелкая бѣлая пыль; и кое-гдѣ, среди ослѣпительно-яркихъ, залитыхъ солнцемъ, только что выбѣленныхъ стѣнъ, искрились вдали, въ глубинѣ переулковъ, воздушно-голубыя смѣющіяся волны Пропонтиды, съ парусами, подобными крыльямъ чаекъ.

Гнифонъ услышалъ мимоходомъ отрывокъ изъ разговора двухъ рабочихъ, съ ногъ до головы запачканныхъ алебастровой замазкой, которую мѣсили они въ большомъ чанѣ.

— Зачѣмъ ты принялъ вѣру галилеянъ?—спрашивалъ одинъ.

— Самъ посуди, — отвѣтилъ товарищъ, — у христіанъ не вдвое, а впятеро больше праздниковъ. Никто себѣ не врагъ. И тебѣ совѣтую. Съ христіанами—куда вольнѣе!

На перекресткѣ толпа народа прижала Гнифона и Зотика къ стѣнѣ. Посрединѣ улицы столпились колесницы, и не было ни проѣзду, ни проходу; слышались брань, крики, хлопаніе бичей, понуканіе погонщиковъ. Двадцать паръ сильныхъ воловъ, сгибая головы подъ ярмомъ, тащили на огромной повозкѣ съ тяжелыми каменными колесами, похожими на жернова, яшмовую колонну. Отъ грохота земля гудѣла.

— Куда везете? — спросилъ Гнифонъ.

— Изъ базилики св. Павла въ храмъ богини Гэры. Христіане похитили эту колонну; теперь возвращаютъ ее на старое мѣсто.

Гнифонъ оглянулся на грязную стѣну, у которой стоялъ; уличные мальчишки изъ язычниковъ нарисовали на ней углемъ кощунственную карикатуру на христіанъ: человѣка съ ослиною головою, распятаго на крестѣ.

Гнифонъ съ негодованіемъ плюнулъ.

Близъ одного многолюднаго рынка замѣтили они на стѣнѣ изображеніе Юліана со всѣми знаками кесарской власти; изъ облаковъ спускался къ нему крылатый богъ Гермесъ съ кадуцеемъ; картина была новая: краски еще не высохли.

По римскому закону, каждый, кто проходилъ мимо священнаго изображенія августа, долженъ былъ почтить его склоненіемъ головы.

Рыночный надзиратель, агораномъ, задержалъ старушку съ корзиной свеклы и капусты.

— Я богамъ не кланяюсь,—плакала старушка.—Еще отецъ и мать мои были христіанами...

— Ты должна была поклониться не богу, а кесарю,— возражалъ надзиратель.

— Да вѣдь кесарь вмѣстѣ съ богомъ. Какъ же я ему поклонюсь отдѣльно?

— А мнѣ какое дѣло! Сказано — кланяйся. И богу поклонишься,—голова не отвалится.

Гнифонъ потащилъ Зотика скорѣе прочь.

— Бѣсовская хитрость! — ворчалъ старикъ. — Либо окаянному Гермесу поклоняйся, либо повиннымъ будь въ

оскорбленіи величества. Ни туда, ни сюда. О-хо-хо, антихристовы времена! Воздвигаетъ дьяволъ бурю гоненія лютаго. Того и гляди согрѣшишь... Смотрю я на тебя, Зотикъ, и зависть беретъ: живешь ты со своей навозной богиней Гиппоной, и горя тебѣ мало.

Они подошли къ Діонисову храму. Рядомъ съ капищемъ находилась обитель христіанскихъ монаховъ, у которой окна и ворота заперты были наглухо замками и желѣзными засовами, какъ будто передъ нашествіемъ враговъ; язычники обвиняли монаховъ въ разграбленіи и осквернеиіи храма.

Гнифонъ и Зотикъ, когда вступили въ него, увидѣли слесарей, плотниковъ, каменщиковъ, занятыхъ очисткою и поправкою поврежденныхъ частей зданія.

Ломали полусгнившія доски, которыми заколочено было четырехугольное отверстіе въ крышѣ. Солнечный лучъ упалъ въ темный воздухъ.

— Паутины, смотрите, паутины-то сколько!

Между коринѳскими вѣнцами мраморныхъ столбовъ висѣли цѣлыя сѣтки прозрачной пыльно-сѣрой ткани. Насадили метлы на длинные шесты и начали сметать паутину. Потревоженная летучая мышь выпорхнула изъ щели и заметалась, не зная, куда спрятаться отъ свѣта, тыкаясь во всѣ углы, шурша голыми крыльями.

Зотикъ разгребалъ на полу кучи мусора и выносилъ его въ плетеной корзинѣ.

— Вишь ты, проклятые, какой пакости навалили! — ворчалъ старикъ себѣ подъ носъ, браня христіанъ, осквернителей храма.

Принесли связку тяжелыхъ заржавленныхъ ключей и отперли сокровищницу. Все цѣнное разграбили монахи; дорогіе камни съ жертвенныхъ чашъ были вынуты; золотыя и пурпурныя нашивки сорваны съ одеждъ. Когда развернули одну великолѣпную жреческую ризу, туча золотистосоломенной моли вылетѣла изъ складокъ. На днѣ желѣзной курильницы увидѣлъ Гнифонъ горсть пепла — остатокъ мирры, сожженной, до побѣды Галилеянина, послѣднимъ

жрецомъ во время послѣдняго жертвоприношенія. Отъ всей этой священной рухляди—бѣдныхъ тряпокъ и сломанныхъ сосудовъ вѣяло запахомъ смерти, вѣковою плѣсенью и еще какимъ-то нѣжнымъ, грустнымъ благоуханіемъ—ѳиміамомъ обезчещенныхъ боговъ. Сладкое унынie проникло въ сердце Гнифона: онъ что-то вспомнилъ и улыбнулся; можетъ-быть, вспомнилъ дѣтство, вкусныя ячменныя лепешки съ медомъ и тминомъ, бѣлыя полевыя маргаритки и желтые одуванчики, которые приносилъ со своею матерью на скромный алтарь деревенской богини; вспомнилъ лепетанie дѣтскихъ молитвъ—не далекому небесному Богу, а маленькимъ земнымъ, лоснящимся отъ прикосновенія рукъ человѣческихъ, выточеннымъ изъ простого буковаго дерева, домашнимъ, родимымъ пенатамъ. И жаль ему стало умершихъ боговъ; онъ тяжело вздохнулъ, но тотчасъ опомнился и прошепталъ, крестясь: «Наваждeніе бѣсовское!»

Рабочіе принесли тяжелую мраморную плиту, древній барельефъ, похищенный много лѣтъ назадъ и найденный въ сосѣдней лачугѣ еврейскаго сапожника. Барельефъ, вставленный среди кирпичей, послужилъ сапожнику для поправки полуразвалившейся кухонной печи. Старая Филумена, жена сосѣдняго суконщика, набожная христіанка, ненавидѣла жену сапожника: проклятая жидовка то и дѣло пускала осла своего въ капустный огородъ суконщицы. Много лѣтъ продолжалась война между сосѣдями. Наконецъ христіанка побѣдила: по ея указанію, рабочіе ворвались въ домъ сапожника и, чтобы вынуть барельефъ изъ кухоннаго очага, должны были сломать печь. Это былъ жестокій ударъ для сапожницы. Бѣдная стряпуха, потрясая ухватомъ, призывала мщeніе Іеговы на нечестивыхъ, рвала себѣ жидкіе сѣдые волосы и жалобно выла надъ опрокинутыми кастрюлями и разрушеннымъ очагомъ. Жиденята пищали, какъ птенцы въ разоренномъ гнѣздѣ. Но барельефъ перенесли все-таки на прежнее мѣсто.

Филумена мыла его; онъ весь почернѣлъ отъ зловонной копоти; жирныя струи еврейскихъ похлебокъ оскверняли бѣлый пентеликонскій мраморъ. Суконщица усердно терла

мокрой тряпкой нѣжный камень, и мало-по-малу изъ-подъ смрадной кухонной сажи выступали строгіе, божественные лики древняго изваянія: Діонисъ, юный, нагой, дѣвственный, полулежа опустилъ руку съ чашей, какъ будто утомленный пиршествомъ; пантера лизала остатки вина; и богъ, дарующій всему живому веселіе, съ благосклонной и мудрой улыбкой взиралъ, какъ силу дикаго звѣря укрощаетъ святая сила вина.

Каменщики подымали на веревкахъ плиту, чтобы укрѣпить ее на прежнемъ мѣстѣ.

Передъ самымъ кумиромъ Діониса на складной деревянной лѣстницѣ стоялъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и въ темныя глазныя впадины на лицѣ бога вставлялъ два прозрачно-голубыхъ сапфира: то были глаза Діониса.

— Что это?—спросилъ Гнифонъ съ робкимъ любопытствомъ.

— Развѣ не видишь? Глаза.

— Такъ, такъ... А откуда же эти камешки?

— Изъ монастыря.

— Да какъ же монахи позволили?

— Еще бы не позволить! Самъ блаженный августъ Юліанъ повелѣлъ. Свѣтлыя очи бога служили украшеніемъ одеждѣ Распятаго. То-то и есть: толкуютъ о милосердіи, о справедливости, а сами же первые разбойники. Смотрика, камешки точь въ точь пришлись на старое мѣсто!

Прозрѣвшій богъ взглянулъ на Гнифона блестящими сапфирными очами. Старикъ отошелъ и перекрестился, охваченный ужасомъ. Раскаяніе мучило его. Сметая пыль, по старой привычкѣ разговаривалъ онъ самъ съ собою:

— Гнифонъ, Гнифонъ, жалкій ты человѣчишка, песъ непотребный! Ну, что ты съ собою сдѣлалъ на старости лѣтъ? За что себя погубилъ? Попуталъ лукавый, соблазнилъ окаянною мздою. И пойдешь ты въ огонь вѣчный, и нѣтъ тебѣ больше спасенія. Осквернилъ ты свое тѣло и душу, Гнифонъ, идольскою мерзостью. Лучше бы тебѣ и свѣта Божьяго не видѣть!..

— Чего ты ворчишь, дѣдушка?—спросила его суконщица Филумена.

— Скорбитъ мое сердце, охъ, скорбитъ!

— Христіанинъ, что ли?

— Какой христіанинъ, хуже всякаго жида; не христіанинъ я, а христопродавецъ!

Но онъ все-таки продолжалъ съ усердіемъ сметать пыль.

— А хочешь я съ тебя грѣхъ сниму, и не будетъ на тебѣ никакой скверны? Я вѣдь и сама христіанка, а вотъ не боюсь. Развѣ пошла бы на такое дѣло, если бы не знала, какъ очиститься?

Гнифонъ посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ.

Суконщица оглянулась и, убѣдившись, что ихъ никто не услышитъ, прошептала съ таинственнымъ видомъ:

— Есть такое средство! Да. Надо тебѣ сказать, что нѣкій старецъ святой подарилъ мнѣ кусочекъ египетскаго древа, именуемаго персисъ; растетъ сіе древо въ Гермополисѣ Ѳиваидскомъ. Когда младенецъ Іисусъ съ Пресвятою Дѣвою на ослицѣ въѣзжали въ городскія ворота, древо персисъ склонилось передъ ними до земли, и съ тѣхъ поръ стало оно чудотворнымъ — исцѣляетъ болящихъ. Отъ онаго древа есть у меня малая щепочка, и отъ щепочки той отдѣлю я тебѣ порошинку. Такая въ немъ благодать, такая благодать, что какъ положишь на ночь самый маленькій кусочекъ въ большой чанъ воды, къ утру вся вода освятится, и будетъ въ ней сила чудодѣйственная. Той водицею вымоешься съ ногъ до головы, и мерзости идольской на тебѣ какъ не бывало: во всѣхъ суставахъ почувствуешь легкость и чистоту. И въ Писаніи сказано: очистишься банею водною и убѣлишься паче снѣга.

— Благодѣтельница!—возопилъ Гнифонъ.—Спаси меня, окаяннаго, дай ты мнѣ этого древа!

— Только оно дорогое. Ну, да ужъ куда ни шло, уступлю тебѣ за драхму.

— Что ты, мать моя, помилосердствуй! У меня отроду не водилось драхмы. Хочешь за пять оболовъ?

— Эхъ ты, скряга!—съ негодованіемъ плюнула суконщица.—Драхмы пожалѣлъ. Неужели душа твоя драхмы не стоитъ?

— Да полно, очищусь ли?—усомнился Гнифонъ.—Можетъ-быть, скверна такъ прилипла, что уже не отстанетъ?

— Очистишься!—возразила старуха съ несокрушимой увѣренностью.—Теперь ты какъ смрадный песъ. А брызнешь на себя святою водицею,—струпья съ души твоей спадутъ, и просіяетъ она чистотою голубиною.

II.

Юліанъ устроилъ въ Константинополѣ вакхическое шествіе. Онъ сидѣлъ на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями; въ одной рукѣ его былъ золотой тирсъ, увѣнчанный кедровою шишкой—символомъ плодородія, въ другой—чаша, обвитая плющомъ; солнечные лучи, падая на хрустальное дно, отражались ослѣпительно, и казалось, что чаша до краевъ полна, какъ виномъ, солнечнымъ свѣтомъ. Рядомъ съ колесницей шли ручныя пантеры, присланныя ему съ острова Серендиба. Вакханки пѣли, ударяя въ тимпаны, потрясая зажженными факелами; и сквозь облако дыма видно было, какъ юноши съ приставленными ко лбу козлиными рогами фавновъ наливали въ чаши вино изъ кувшиновъ: они толкали другъ друга смѣясь, и часто алая струя, падая мимо кубка на голое, круглое плечо вакханки, разлеталась брызгами. На ослѣ ѣхалъ толстобрюхій старикъ, придворный казначей, большой плутъ и взяточникъ, изображавшій Силена.

Вакханки пѣли, указывая на молодого императора:

Вакхъ, ты сидишь окруженный
Облакомъ вѣчно блестящимъ!

Тысячи голосовъ подхватывали пѣснь хора изъ Антигоны:

Къ намъ, о чадо Зевеса!
Къ намъ, о богъ предводитель
Пламенѣющихъ хоровъ
Полуночныхъ свѣтилъ!
Съ шумомъ, пѣснями, крикомъ
И съ безумной толпою
Дѣвъ, объятыхъ восторгомъ,
Вакха славящихъ пляской,—
Къ намъ, о радостный богъ!

Вдругъ Юліанъ услышалъ смѣхъ, женскій визгъ и дребезжащій старческій голосъ.

— Ахъ ты, цыпочка моя!..

Это жрецъ, шаловливый старичокъ, ущипнулъ хорошенькую вакханку за голый бѣлый локоть. Юліанъ нахмурился и подозвалъ къ себѣ стараго шута. Тотъ подбѣжалъ къ нему, подплясывая и прихрамывая.

— Другъ мой, — шепнулъ Юліанъ ему на ухо,—сохраняй пристойную важность, какъ возрасту и сану твоему приличествуетъ.

Но жрецъ посмотрѣлъ на него съ такимъ удивленнымъ выраженіемъ, что Юліанъ невольно умолкъ.

— Я человѣкъ простой, неученый,—осмѣлюсь доложить твоему величеству, философію мало разумѣю. Но боговъ чту. Спроси, кого угодно. Во дни лютыхъ гоненій христіанскихъ остался я вѣренъ богамъ. Ну, уже зато—хэ-хэ-хэ! — какъ увижу хорошенькую дѣвочку,—не могу, вся кровь взыграетъ! Я вѣдь старый козелъ...

Видя недовольное лицо императора, онъ вдругъ остановился, принялъ важный видъ и сдѣлался еще глупѣе.

— Кто эта дѣвушка?—спросилъ Юліанъ.

— Та, что несетъ корзину со священными сосудами на головѣ?

— Да.

— Гетера изъ Халкедонскаго предмѣстья.

— Какъ? Ужели допустилъ ты, чтобы блудница касалась нечистыми руками священнѣйшихъ сосудовъ бога?

— Но вѣдь ты же самъ, благочестивый августъ, повелѣлъ устроить шествіе. Кого было взять? Всѣ знатныя

женщины—галилеянки. И ни одна изъ нихъ не согласилась бы итти полуголой на такое игрище.

— Такъ, значитъ, всѣ онѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Здѣсь есть и плясуньи, и комедіантки, и наѣздницы изъ ипподрома. Посмотри, какія веселыя,—и не стыдятся! Народъ это любитъ. Ужъ ты мнѣ повѣрь, старику. Имъ только этого и нужно... А вотъ и знатная.

Это была христіанка, старая дѣва, искавшая жениховъ. На головѣ ея возвышался парикъ въ видѣ шлема *галеріонъ* изъ знаменитыхъ въ то время германскихъ волосъ, пересыпанныхъ золотою пудрою; вся, какъ идолъ, увѣшанная драгоцѣнными каменьями, натягивала она тигровую шкуру на свою изсохшую старушечью грудь, безстыдно набѣленную, и улыбалась жеманно.

Юліанъ съ отвращеніемъ всматривался въ лица.

Канатные плясуны, пьяные легіонеры, продажныя женщины, конюхи изъ цирка, акробаты, кулачные бойцы, мимы бѣсновались вокругъ него.

Шествіе вступило въ переулокъ. Одна изъ вакханокъ забѣжала по дорогѣ въ грязную харчевню; оттуда пахнуло тяжелымъ запахомъ рыбы, жареной на прогорклomъ маслѣ. Вакханка вынесла изъ харчевни на три обола жирныхъ лепешекъ и начала ихъ ѣсть съ жадностью, облизываясь; потомъ, окончивъ, вытерла руки о пурпурный шелкъ одежды, выданной для празднества изъ придворной сокровищницы.

Хоръ Софокла надоѣлъ. Хриплые голоса затянули площадную пѣсню.

Юліану все это казалось гадкимъ и глупымъ сномъ.

Пьяный кельтъ споткнулся и упалъ; товарищи стали его подымать. Въ толпѣ изловили двухъ карманныхъ воришекъ, которые отлично разыгрывали роль фавновъ; воришки защищались; началась драка. Лучше всѣхъ вели себя пантеры, и онѣ были красивѣе всѣхъ.

Наконецъ шествіе приблизилось къ храму. Юліанъ сошелъ съ колесницы.

«Неужели,—подумалъ онъ,— предстану я передъ жертвенникъ бога со всей этой сволочью?»

Холодъ отвращенія пробѣгалъ по его тѣлу. Онъ смотрѣлъ на звѣрскія лица, одичалыя, истощенныя развратомъ, казавшіяся мертвыми сквозь бѣлила и румяна, на жалкую наготу человѣческихъ тѣлъ, обезображенныхъ малокровіемъ, золотухой, постами, ужасомъ христіанскаго ада; воздухъ лупанаровъ и кабаковъ окружалъ его; въ лицо ему вѣяло сквозь ароматъ куреній дыханіе черни, пропитанное запахомъ вяленой рыбы и кислаго вина. Просители со всѣхъ сторонъ протягивали къ нему папирусные свитки.

— Обѣщали мѣсто конюха, — я отрекся отъ Христа и не получилъ!

— Не покидай насъ, блаженный кесарь, защити, помилуй! Мы отступили отъ вѣры отцовъ, чтобы тебѣ угодить. Если покинешь—куда пойдемъ?

— Попали къ чорту въ лапы!—завопилъ кто-то въ отчаяніи.

— Молчи, дуракъ, чего глотку дерешь!

А хоръ снова запѣлъ:

Съ шумомъ, пѣснями, крикомъ
И съ безумной толпою
Дѣвъ, объятыхъ восторгомъ,
Вакха славящихъ пляской,—
Къ намъ, о радостный богъ!

Юліанъ вошелъ въ храмъ и взглянулъ на мраморное изваяніе Діониса: глаза его отдохнули отъ человѣческаго уродства на чистомъ обликѣ божественнаго тѣла.

Онъ уже не замѣчалъ толпы; ему казалось, что онъ — одинъ, какъ человѣкъ, попавшій въ стадо звѣрей.

Императоръ приступилъ къ жертвоприношенію. Народъ смотрѣлъ съ удивленіемъ, какъ римскій кесарь, великій первосвященникъ, Pontifex Maximus, изъ усердія дѣлалъ то, что должны бы дѣлать слуги и рабы — кололъ дрова, носилъ вязанки хвороста на плечахъ, черпалъ воду въ родникѣ, чистилъ жертвенникъ, выгребалъ золу, раздувалъ огонь.

Канатный плясунъ замѣтилъ шопотомъ на ухо сосѣду:

— Смотри, какъ суетится. Любитъ своихъ боговъ!

— Еще бы,—замѣтилъ кулачный боецъ, переодѣтый въ сатира, поправляя козлиные рога на лбу,—иной отца съ матерью такъ не любитъ, какъ онъ боговъ.

— Видите, раздуваетъ огонь, щеки надулъ,—тихонько смѣялся другой.—Дуй, дуй, голубчикъ, ничего не выйдетъ. Поздно: твой дядюшка Константинъ потушилъ!

Пламя вспыхнуло и озарило лицо императора. Обмакнувъ священное кропило изъ конскихъ волосъ въ серебряную плоскую чашу, брызнулъ онъ въ толпу жертвенной водою. Многіе поморщились, иные вздрогнули, почувствовавъ на лицѣ холодныя капли.

Когда всѣ обряды были кончены, онъ вспомнилъ, что приготовилъ для народа философскую проповѣдь.

— Люди!—началъ онъ.—Богъ Діонисъ — великое начало свободы въ вашихъ сердцахъ. Діонисъ расторгаетъ всѣ цѣпи земныя, смѣется надъ сильными, освобождаетъ рабовъ...

Но онъ увидѣлъ на лицахъ такое недоумѣніе, такую скуку, что слова замерли на губахъ его; въ сердцѣ подымалась смертельная тошнота и отвращеніе.

Онъ подалъ знакъ, чтобы копьеносцы окружили его. Толпа расходилась недовольная.

— Пойду прямо въ церковь и покаюсь! Можетъ-быть, простятъ,—говорилъ одинъ изъ фавновъ, срывая со злостью приклеенную бороду и рога.

— Не за что было и душу губить!—замѣтила блудница съ негодованіемъ.

— Кому-то душа твоя нужна,—трехъ оболовъ за нее не дадутъ!

— Обманули!—завопилъ какой-то пьяница.—Только по губамъ помазали. У, черти окаянные!

Въ сокровищницѣ храма императоръ умылъ лицо, руки, сбросилъ великолѣпный нарядъ Діониса и одѣлся въ простую, свѣжую, бѣлую, какъ снѣгъ, тунику пиѳагорейцевъ.

Солнце заходило. Онъ ожидалъ, когда стемнѣетъ, чтобы незамѣченнымъ вернуться во дворецъ.

Изъ заднихъ дверей храма Юліанъ вошелъ въ заповѣдную рощу Діониса. Здѣсь царствовала тишина; жужжали только пчелы, звенѣла тонкая струйка ключа.

Послышались шаги. Юліанъ обернулся. То былъ другъ его, одинъ изъ любимыхъ учениковъ Максима, молодой александрійскій врачъ Орибазій. Они пошли вмѣстѣ по заросшей тропинкѣ. Солнце пронизывало широкіе золотистые листья винограда.

— Посмотри, — сказалъ Юліанъ съ улыбкою, — здѣсь еще живъ великій Панъ.

Потомъ онъ прибавилъ тише, опуская голову:

— Орибазій, ты видѣлъ?..

— Да,—отвѣтилъ врачъ,—но, можетъ-быть, ты самъ виноватъ, Юліанъ? Чего ты хотѣлъ?

Императоръ молчалъ.

Они подошли къ обвитой плющомъ развалинѣ: это былъ маленькій, разрушенный христіанами храмъ Силена. Обломки валялись въ густой травѣ. Уцѣлѣла лишь одна неопрокинутая колонна съ нѣжною капителью, похожей на бѣлую лилію. Отблескъ заходящаго солнца потухалъ на ней.

Они сѣли на плиты. Благоухала мята, полынь и тминъ. Юліанъ раздвинулъ травы и указалъ на древній, сломанный барельефъ:

— Орибазій, вотъ чего я хотѣлъ!..

На барельефѣ была изображена древняя эллинская ѳеорія—священное праздничное шествіе аѳинянъ.

— Вотъ чего я хотѣлъ—этой красоты! Почему день ото дня люди становятся все безобразнѣе? Гдѣ они, гдѣ эти богоподобные старцы, суровые мужи, гордые отроки, чистыя жены въ бѣлыхъ развѣвающихся одѣяніяхъ? Гдѣ эта сила и радость? Галилеяне, галилеяне, что вы сдѣлали?..

Глазами, полными безконечной грусти и любви, онъ смотрѣлъ на барельефъ, раздвинувъ густыя травы.

— Юліанъ, — спросилъ Орибазій тихо, — ты вѣришь Максиму?

— Вѣрю.

— Во всемъ?

— Что ты хочешь сказать?

Юліанъ поднялъ на него удивленные глаза.

— Я всегда думалъ, Юліанъ, что ты страдаешь тою же самою болѣзнью, какъ и враги твои, христіане.

— Какою?

— Вѣрою въ чудеса.

Юліанъ покачалъ головою.

— Если нѣтъ ни чудесъ, ни боговъ, вся моя жизнь—безуміе. Но не будемъ говорить объ этомъ. А за мою любовь къ обрядамъ и гаданіямъ древности не суди меня слишкомъ строго. Какъ тебѣ это объяснить—не знаю. Старыя, глупыя пѣсни трогаютъ меня до слезъ. Я люблю вечеръ больше утра, осень—больше весны. Я люблю все уходящее. Я люблю благоуханіе умирающихъ цвѣтовъ. Что же дѣлать, другъ мой? Такимъ меня создали боги. Мнѣ нужна эта сладкая грусть, этотъ золотистый и волшебный сумракъ. Тамъ, въ далекой древности, есть что-то несказанно прекрасное и милое, чего я больше нигдѣ не нахожу. Тамъ—сіяніе вечерняго солнца на пожелтѣвшемъ отъ старости мраморѣ. Не отнимай у меня этой безумной любви къ тому, чего нѣтъ! То, что̀ было, прекраснѣе всего, что̀ есть. Надъ моею душою воспоминаніе имѣетъ бо̀льшую власть, чѣмъ надежда...

Онъ умолкъ и задумчиво съ нѣжной улыбкой смотрѣлъ вдаль, опираясь головой на уцѣлѣвшую колонну съ нѣжной капителью, похожею на сломанную бѣлую лилію; на ней уже потухъ послѣдній лучъ.

— Ты говоришь какъ художникъ, — отвѣтилъ Орибазій.—Но грезы поэта опасны, когда судьбы міра въ рукахъ его. Тотъ, кто царствуетъ надъ людьми, не долженъ ли быть больше, чѣмъ поэтъ?

— Что можетъ быть больше?

— Создатель новой жизни.

— Новое, новое! — воскликнулъ Юліанъ. — Право, я иногда боюсь вашего новаго! Оно кажется мнѣ холоднымъ

и жестокимъ, какъ смерть. Я говорю тебѣ, въ старомъ — мое сердце! Галилеяне тоже ищутъ новаго, попирая древнія святыни. Вѣрь мнѣ—новое только въ старомъ, но не старѣющемъ; въ умершемъ, но безсмертномъ; въ поруганномъ—въ прекрасномъ!

Онъ поднялся во весь ростъ съ блѣднымъ и гордымъ лицомъ, съ горящими глазами:

— Они думаютъ—Эллада умерла! Вотъ со всѣхъ концовъ свѣта черные монахи, какъ вороны, слетаются на бѣлое мраморное тѣло Эллады и жадно клюютъ его, какъ падаль, и веселятся и каркаютъ: «Эллада умерла!» Но Эллада не можетъ умереть. Эллада — здѣсь, въ нашихъ сердцахъ. Эллада — богоподобная красота человѣка на землѣ. Она проснется,—и горе тогда галилейскимъ воронамъ!

— Юліанъ, — проговорилъ Орибазій,— мнѣ страшно за тебя: ты хочешь совершить невозможное. Живого тѣла вороны не клюютъ, а мертвые не воскресаютъ. Кесарь, что, если чудо не совершится?

— Я ничего не боюсь: гибель моя будетъ торжествомъ моимъ,—воскликнулъ императоръ съ такою радостью, что Орибазій невольно содрогнулся, какъ будто чудо готово было совершиться.—Слава отверженнымъ, слава побѣжденнымъ! Но передъ тѣмъ, чтобы погибнуть, — прибавилъ онъ съ высокомѣрной улыбкой,—мы еще поборемся! Я хотѣлъ бы, чтобы враги мои были достойны моей ненависти, а не презрѣнія. Воистину люблю я враговъ моихъ за то, что могу побѣждать ихъ. Въ сердцѣ моемъ Діонисова радость. Нынѣ возстаетъ древній Титанъ и разрываетъ цѣпи и еще разъ Прометеевъ огонь зажигается на землѣ. Титанъ—противъ Галилеянина. Вотъ я иду, чтобы дать людямъ такую свободу, такое веселіе, о какихъ они и мечтать не дерзали. Галилеянинъ, царство Твое исчезаетъ какъ тѣнь. Радуйтесь, племена и народы земные. Я—вѣстникъ жизни, я—освободитель, я—антихристъ!

III.

Въ сосѣднемъ монастырѣ съ наглухо запертыми ставнями и воротами раздавались моленія иноковъ; издали доносился гулъ вакхическаго веселія: чтобы заглушить его, монахи соединяли голоса въ жалобный вопль.

«Вскую, Боже, отринулъ еси до конца, разгнѣвася ярость Твоя на овцы пажити Твоея».

«Положилъ еси насъ въ прекаиніе и поношеніе сосѣдомъ нашимъ, въ притчу во языцѣхъ, въ поруганіе всѣмъ человѣкомъ».

Новый неожиданный смыслъ принимали древнія слова пророка Даніила: «Предалъ еси насъ Господь царю отступнику, лукавѣйшему паче всея земли».

Позднею ночью, когда на улицѣ все утихло, иноки разошлись по кельямъ.

Братъ Парѳеній не могъ уснуть. У него было блѣдное, ласковое лицо; когда онъ говорилъ съ людьми, въ большихъ, чистыхъ, какъ у молодой дѣвушки, глазахъ его выражалось печальное недоумѣніе; онъ, впрочемъ, говорилъ мало, невнятно, какъ будто съ тяжелымъ усиліемъ, и притомъ почти всегда такое дѣтское, неожиданное, что его не могли слушать безъ улыбки; порой безпричинно смѣялся, и когда суровые монахи спрашивали: «чего зубы скалишь, дьявола тѣшишь?», объяснялъ имъ робко, что смѣется «собственнымъ мыслямъ»; это еще болѣе убѣждало всѣхъ, что онъ юродивый.

Но братъ Парѳеній обладалъ великимъ искусствомъ—расписывать заглавныя буквы книгъ хитрыми узорами. Искусство его доставляло не только деньги, но почетъ и славу монастырю даже въ отдаленныхъ земляхъ. Самъ онъ этого не зналъ, и если бы даже могъ понять, что́ значитъ людская слава, то скорѣе испугался бы, чѣмъ обрадовался.

Живопись, которая иногда стоила ему тяжелаго труда, такъ какъ мельчайшія подробности доводилъ онъ до по-

слѣднихъ предѣловъ совершенства,—считалъ не работой, а отдыхомъ; не говорилъ: «я пойду работать», а всегда просилъ настоятеля Памфила, старика, нѣжно его любившаго: «отче, благослови отдохнуть».

Окончивъ какую-нибудь подробность, тончайшій завитокъ рисунка, хлопалъ въ ладоши и хвалилъ себя. Такъ любилъ уединеніе и тишину ночи, что научился работать даже при огнѣ; краски выходили странныя, но это не вредило сказочнымъ узорамъ.

Въ маленькой келейкѣ съ нависшими сводами Парѳеній зажегъ глиняную лампаду и поставилъ ее на полку рядомъ съ баночками, тонкими кистями, ящиками для красокъ, для киновари, для жидкаго серебра и золота. Перекрестился осторожно, обмакнулъ кисть и началъ выводить хвосты двухъ павлиновъ на челѣ заглавнаго листа; золотые павлины на изумрудномъ полѣ пили изъ бирюзоваго ключа; они подняли клювы и вытянули шеи, какъ дѣлаютъ птицы, когда пьютъ.

Кругомъ лежали другіе пергаментные свитки съ недоконченными узорами.

Это былъ цѣлый міръ сверхъестественный: вокругъ исписанныхъ страницъ обвивались воздушныя, волшебныя строенія, деревья, лозы, животныя. Парѳеній ни о чемъ не думалъ, когда создавалъ ихъ, но ясность и веселіе сходили на блѣдное лицо его. Эллада, Ассирія, Персія, Индія и Византія и смутныя вѣянія будущихъ міровъ—всѣ народы и вѣка простодушно соединялись въ монашескомъ раю, блиставшемъ переливами драгоцѣнныхъ камней вокругъ заглавныхъ буквъ священнаго Писанія.

Іоаннъ Креститель лилъ воду на голову Христа, а рядомъ языческій богъ Іорданъ съ наклоненной амфорой, струящей воду, любезно, какъ древній хозяинъ этихъ мѣстъ, держалъ полотенце наготовѣ, дабы предложить его Спасителю послѣ крещенія.

Братъ Парѳеній въ простотѣ сердца не боялся древнихъ боговъ, они увеселяли его, казались давно обращенными въ христіанство. На вершинѣ холмовъ помѣщалъ онъ

горнаго бога въ видѣ нагого юноши; когда же писалъ переходъ іудеевъ черезъ Чермное море, женщина съ весломъ въ рукѣ изображала Море, а голый мужчина Βυθός мужского рода по-гречески — долженъ былъ означать Бездну, поглощающую фараона; на берегу сидѣла Пустыня въ видѣ печальной женщины въ туникѣ желто-песочнаго цвѣта.

Кое-гдѣ, въ изогнутой шеѣ коня, въ складкѣ длинной одежды, въ томъ, какъ простодушный горный богъ, лежа, опирался на локоть, или богъ Іорданъ подавалъ Христу полотенце, сквозило эллинское изящество, красота обнаженнаго тѣла.

Въ ту ночь «игра» не забавляла художника.

Всегда неутомимые пальцы дрожали; на губахъ не было обычной улыбки. Онъ прислушался, открылъ ящикъ въ кипарисовомъ поставцѣ, вынулъ острое шило для переплетныхъ работъ, перекрестился, и, заслоняя рукою пламя лампады, тихонько вышелъ изъ кельи.

Въ проходѣ было тихо и душно; слышалось жужжаніе мухи, попавшей въ паутину.

Парѳеній спустился въ церковь. Единственная лампада мерцала передъ стариннымъ двустворчатымъ образомъ изъ слоновой кости. Два крупныхъ продолговатыхъ сапфира въ ореолѣ младенца Іисуса на рукахъ Божіей Матери вынуты были язычниками и возвращены на прежнее мѣсто въ храмъ Діониса.

Черныя безобразныя впадины въ слоновой кости, которая отъ древности слегка была тронута желтизною, казались Парѳенію язвами въ живомъ тѣлѣ, и эти кощунственныя язвы возмущали сердце художника. «Господи, помоги!» прошепталъ онъ, касаясь руки Младенца Іисуса.

Въ углу церкви отыскалъ веревочную лѣстницу: иноки употребляли ее для зажиганія лампадъ въ куполѣ храма. Онъ взялъ эту лѣстницу и направился въ узкій темный проходъ, кончавшійся наружною дверью. На соломѣ храпѣлъ краснощекій толстый братъ-келарь Хоріцій. Парѳеній проскользнулъ мимо него, какъ тѣнь. Замокъ на

двери отомкнулся съ пѣвучимъ звономъ. Хориційй приподнялся, захлопалъ глазами и опять повалился на солому.

Парѳеній перелѣзъ черезъ невысокую ограду. Улица глухого предмѣстья была пустынной. На небѣ сіялъ полный мѣсяцъ. Море шумѣло.

Онъ подошелъ къ той сторонѣ храма Діониса, гдѣ была тѣнь, и закинулъ вверхъ веревочную лѣстницу такъ, чтобы одинъ конецъ зацѣпился за мѣдную акротеру на углу храма. Лѣстница повисла на поднятой когтистой лапѣ сфинкса. Монахъ взлѣзъ на крышу.

Гдѣ-то очень далеко запѣли ранніе пѣтухи, залаяла собака. Потомъ опять настала тишина; только море шумѣло. Онъ перекинулъ лѣстницу и спустился во внутренность храма.

Здѣсь царствовало безмолвіе. Зрачки бога, два прозрачно-голубыхъ продолговатыхъ сапфира, сіяли страшною жизнью при мѣсячномъ блескѣ прямо устремленные на монаха.

Парѳеній вздрогнулъ и перекрестился.

Онъ взлѣзъ на жертвенникъ. Недавно верховный жрецъ Юліанъ раздувалъ на немъ огонь. Ступни Парѳенія почувствовали теплоту не простывшаго пепла. Онъ вынулъ изъ-за пазухи шило. Очи бога сверкали близко, у самаго лица его. Художникъ увидѣлъ безпечную улыбку Діониса, все его мраморное тѣло, облитое луннымъ сіяніемъ, и залюбовался на древняго бога.

Потомъ началъ работу, стараясь остреемъ шила вынуть сапфиры. Часто рука его противъ воли щадила нѣжный мраморъ.

Наконецъ работа была кончена. Ослѣпленный Діонисъ грозно и жалобно взглянулъ на него черными впадинами глазъ. Ужасъ охватилъ Парѳенія: ему показалось, что кто-то подсматриваетъ. Онъ соскочилъ съ жертвенника, подбѣжалъ къ веревочной лѣстницѣ, вскарабкался, свѣсилъ ее на другую сторону, даже не закрѣпивъ какъ слѣдуетъ, такъ что, слѣзая съ нижнихъ ступенекъ, сорвался и упалъ. Блѣдный, растрепанный, въ запачканной одеждѣ,

но все-таки крѣпко сжимая сапфиры въ рукѣ, бросился онъ, какъ воръ, черезъ улицу къ монастырю.

Привратникъ не просыпался. Парѳеній, пріотворивъ дверь, проскользнулъ и вошелъ въ церковь. Взглянувъ на образъ, онъ успокоился. Попробовалъ вложить сапфировыя очи Діониса въ темныя впадины,—они пришлись какъ нельзя лучше на старое мѣсто и опять затеплились кротко въ сіяніи Младенца Іисуса.

Парѳеній вернулся въ келью, потушилъ огонь и легъ въ постель. Вдругъ въ темнотѣ, весь съежившись и закрывая лицо руками, засмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ, какъ нашалившія дѣти, которыя и радуются шалости и боятся, чтобы старшіе не узнали. Онъ заснулъ съ этимъ смѣхомъ въ душѣ.

Утреннія волны Пропонтиды сверкали сквозь рѣшетки маленькаго окна, когда Парѳеній проснулся. Голуби на подоконникѣ, воркуя, хлопали сизыми крыльями. Смѣхъ еще оставался въ душѣ его.

Онъ подошелъ къ рабочему столу и съ радостью взглянулъ на недоконченную маленькую картину въ заглавной буквѣ. Это былъ рай Божій: Адамъ и Ева сидѣли на лугу.

Лучъ восходящаго солнца упалъ сквозь окно прямо на картину, и она заблестѣла райской славою—золотомъ, пурпуромъ, лазурью.

Парѳеній, работая, не замѣчалъ, что онъ придаетъ голому тѣлу Адама древнюю олимпійскую прелесть бога Діониса.

IV.

Знаменитый софистъ, придворный учитель краснорѣчія, Гэкеболій началъ съ низкихъ ступеней восхожденіе свое по лѣстницѣ государственныхъ чиновъ. Онъ былъ служкой при гіерапольскомъ храмѣ Астарты. Шестнадцати лѣтъ, укравъ нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей, бѣжалъ изъ храма въ Константинополь, прошелъ черезъ всѣ мытарства, шлялся по большимъ дорогамъ и съ благочести-

выми странниками, и съ разбойничьею шайкой оскопленныхъ жрецовъ Диндимены, многогрудой богини, любимицы черни, развозимой по деревнямъ на ослѣ.

Наконецъ попалъ въ школу ритора Проэрезія и скоро сдѣлался самъ учителемъ краснорѣчія.

Въ послѣдніе годы Константина Великаго, когда христіанская вѣра стала придворною модою, Гэкеболій принялъ христіанство. Люди духовнаго званія питали къ нему особенную склонность; онъ платилъ имъ тѣмъ же.

Часто—и всегда во-время—мѣнялъ Гэкеболій исповѣданіе вѣры, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ: то изъ аріанства переходилъ въ православіе, то опять изъ православія въ аріанство; и каждый разъ такой переходъ былъ новою ступенью въ лѣстницѣ чиновъ государственныхъ. Лица духовнаго званія тихонько подталкивали его, и онъ въ свою очередь помогалъ имъ карабкаться.

Голова его умащалась сѣдинами; дородность дѣлалась все болѣе пріятной, умныя рѣчи все болѣе вкрадчивыми и увѣтливыми, а щеки украшались старческою свѣжестью. Глаза были ласковые; но изрѣдка вспыхивала въ нихъ злая, пронзительная насмѣшливость, умъ дерзкій и холодный, тогда поспѣшно опускалъ онъ рѣсницы—и вспыхнувшая искра потухала. Вся наружность знаменитаго софиста пріобрѣла оттѣнокъ церковнаго благолѣпія.

Онъ былъ строгимъ постникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ гастрономомъ: лакомыя постныя блюда стола его были изысканнѣе самыхъ роскошныхъ скоромныхъ, такъ же какъ монашескія шутки Гэкеболія были острѣе самыхъ откровенныхъ языческихъ. На столъ подавали у него прохладительное питье изъ свекловичнаго сока съ пряностями: многіе увѣряли, что оно вкуснѣе вина; вмѣсто обыкновеннаго пшеничнаго хлѣба изобрѣлъ онъ особыя постныя лепешки изъ пустынныхъ сѣмянъ, которыми, по преданію, св. Пахомій питался въ Египтѣ.

Злые языки утверждали, что Гэкеболій—женолюбецъ. Разсказывали, будто бы, однажды молодая женщина призналась на исповѣди, что измѣнила мужу. «Великій грѣхъ!

А съ кѣмъ же, дочь моя?» спросилъ ее духовникъ. «Съ Гэкеболіемъ, отецъ!» Лицо священника просвѣтлѣло: «Съ Гэкеболіемъ! Ну, это—мужъ святой и къ церкви усердный. Покайся, дочь моя, Господь тебя проститъ».

При императорѣ Констанціи получилъ онъ мѣсто придворнаго ритора съ прекраснымъ жалованьемъ, сенаторскій латиклавъ и почетную голубую перевязь черезъ плечо—отличіе высшихъ чиновниковъ.

Но какъ разъ въ то мгновеніе, когда приготовлялся онъ сдѣлать послѣдній шагъ, разразился неожиданный ударъ: Констанцій умеръ; на престолъ вступилъ Юліанъ, ненавистникъ церкви. Гэкеболій не потерялъ присутствія духа; онъ сдѣлалъ то, что̀ дѣлали другіе, но умнѣе другихъ и, главное, во-время, не слишкомъ поздно, не слишкомъ рано.

Однажды Юліанъ, еще въ первые дни власти, устроилъ богословское состязаніе во дворцѣ. Молодой философъ и врачъ, человѣкъ всѣми чтимый за свою прямоту и благородство, Цезарій Каппадокійскій, братъ знаменитаго учителя церкви, Василія Великаго, выступилъ защитникомъ христіанской вѣры противъ императора. Юліанъ допускалъ въ такихъ ученыхъ спорахъ свободу, любилъ, чтобы ему самому возражали, забывая придворную чинность.

Споръ былъ жаркій; собраніе софистовъ, риторовъ, священниковъ, церковныхъ учителей—многолюдное.

Спорящій поддавался обыкновенно если не доводамъ эллинскаго философа, то величію римскаго кесаря Юліана—и уступалъ.

На этотъ разъ дѣло произошло иначе: Цезарій не уступалъ. Это былъ юноша съ дѣвичьей прелестью въ движеньяхъ, съ шелковистыми кудрями, съ невозмутимою ясностью невинныхъ глазъ. Философію Платона называлъ онъ «хитросплетенною мудростью змія» и противопоставлялъ ей небесную мудрость Евангелія. Юліанъ хмурилъ брови, отворачивался, кусалъ губы и едва сдерживался.

Споръ, какъ всѣ искренніе споры, кончился ничѣмъ.

Императоръ вышелъ изъ собранія съ философскою шуткою, принявъ ласковый видъ, какъ бы съ легкимъ оттѣнкомъ всепрощающей грусти, на самомъ дѣлѣ,—съ жаломъ въ сердцѣ.

Въ это мгновеніе подошелъ къ нему придворный риторъ Гэкеболій; Юліанъ считалъ его врагомъ.

Гэкеболій упалъ на колѣни и началъ покаянную исповѣдь: давно уже колебался онъ, но доводы императора убѣдили его окончательно; онъ проклялъ мрачное галилейское суевѣріе; сердце его вернулось къ воспоминаніямъ дѣтства—къ свѣтлымъ олимпійскимъ богамъ.

Императоръ поднялъ старика, не могъ отъ волненія говорить, только изо всей силы прижалъ его къ своей груди и поцѣловалъ въ бритыя мягкія щеки, въ сочныя, красныя губы.

Онъ искалъ глазами Цезарія, чтобы насладиться побѣдою.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Юліанъ не отпускалъ отъ себя Гэкеболія, разсказывалъ кстати и некстати о чудесномъ обращеніи, гордился имъ, какъ жрецъ праздничною жертвою, какъ дитя новою игрушкою.

Онъ хотѣлъ дать ему почетное мѣсто при дворѣ, но Гэкеболій отказался, считая себя недостойнымъ такой почести и намѣреваясь приготовить душу свою къ эллинскимъ добродѣтелямъ долгимъ искусомъ и покаяніемъ, очистить сердце отъ нечестія галилейскаго служеніемъ кому-нибудь изъ древнихъ боговъ. Юліанъ назначилъ его верховнымъ жрецомъ Виѳиніи и Пафлагоніи. Лица, носившія этотъ санъ, назывались у язычниковъ «архіереями».

Архіерей Гэкеболій управлялъ двумя многолюдными азіатскими провинціями и шелъ по новому пути съ такимъ же успѣхомъ, какъ по старому. Содѣйствовалъ обращенію многихъ галилеянъ въ эллинскую вѣру.

Онъ сдѣлался главнымъ жрецомъ знаменитаго храма финикійской богини Астарты-Атагартисъ, той самой, которой служилъ въ дѣтствѣ. Храмъ былъ расположенъ на половинѣ пути между Халкедономъ и Никомидіей, на вы-

сокомъ уступѣ, вдающемся въ волны Пропонтиды; мѣсто называлось Гаргарія. Сюда стекались богомольцы со всѣхъ концовъ свѣта, почитатели Афродиты-Астарты — богини смерти и сладострастія.

V.

Въ одной изъ обширныхъ залъ Константинопольскаго дворца Юліанъ занимался государственными дѣлами.

Между порфировыхъ столбовъ крытаго хода сіяло блѣдно-голубое море. Онъ сидѣлъ передъ круглымъ мраморнымъ столомъ, заваленнымъ папирусными и пергаментными свитками. Скорописцы, наклонивъ головы, поскрипывали египетскими тростниками — перьями. Лица у чиновниковъ были заспанныя; они не привыкли вставать такъ рано. Немного поодаль ногый архіерей Гэкеболій и чиновникъ Юній Маврикъ, придворный щеголь съ желчнымъ, сухимъ и умнымъ лицомъ, съ брезгливыми складками вокругъ тонкихъ губъ—разговаривали шопотомъ.

Юній Маврикъ среди всеобщаго суевѣрія былъ однимъ изъ послѣднихъ поклонниковъ Лукіана, великаго насмѣшника Самозатскаго, творца язвительныхъ діалоговъ, который издѣвался надо всѣми святынями Олимпа и Голгоѳы, надъ всѣми преданіями Эллады и Рима.

Ровнымъ голосомъ диктовалъ Юліанъ посланіе верховному жрецу Галати—Арзакію:

«Не дозволяй жрецамъ посѣщать зрѣлища, пить въ кабакахъ, заниматься унизительными промыслами; послушныхъ награждай, непослушныхъ наказывай. Въ каждомъ городѣ учреди странноприимные дома, гдѣ пользовались бы нашими щедротами не только эллины, но и христіане, и іудеи, и варвары. Для ежегодной раздачи бѣднымъ въ Галатіи назначаемъ тридцать тысячъ мѣръ пшеницы, шестьдесятъ тысячъ ксэстовъ вина; пятую часть раздавай бѣднымъ, живущимъ при храмахъ, остальное—странникамъ и нищимъ: стыдно лишать эллиновъ пособій, когда у іудеевъ нѣтъ вовсе нищихъ, а безбожные галилеяне кормятъ

и своихъ и нашихъ, хотя поступаютъ, какъ люди, обманывающіе дѣтей лакомствами: начинаютъ съ гостепріимства, съ милосердія, съ приглашеній на вечери любви, называемыя у нихъ Тайнами, и мало-по-малу вовлекая вѣрующихъ въ богопротивное нечестіе, кончаютъ постами, биченіями, истязаніями плоти, ужасомъ ада, безумiемъ и лютою смертью; таковъ обычный путь этихъ человѣконенавистниковъ, именующихъ себя братолюбцами. Побѣди ихъ милосердіемъ во имя вѣчныхъ боговъ. Объяви по всѣмъ городамъ и селамъ, что такова моя воля; объясни гражданамъ, что я готовъ прійти къ нимъ на помощь во всякомъ дѣлѣ, во всякій часъ. Но если хотятъ они стяжать особую милость мою, да преклонятъ умы и сердца единодушно передъ матерью боговъ,—Диндименою Пессинунтскою, да воздадутъ ей честь и славу во вѣки вѣковъ».

Послѣднія слова приписалъ онъ собственной рукою.

Между тѣмъ подали завтракъ — простой пшеничный хлѣбъ, свѣжія оливки, легкое бѣлое вино. Юліанъ пилъ и ѣлъ, не отрываясь отъ работы; но вдругъ обернулся и, указывая на золотую тарелку съ оливками, спросилъ стараго любимаго раба своего, привезеннаго изъ Галліи, который всегда прислуживалъ ему за столомъ:

— Зачѣмъ золото? Гдѣ прежняя, глиняная?

— Прости, государь,—разбилась.

— Вдребезги?

— Нѣтъ, только самый край.

— Принеси же.

Рабъ побѣжалъ и принесъ глиняную тарелку съ отбитымъ краемъ.

— Ничего, еще долго прослужитъ,—сказалъ Юліанъ и улыбнулся доброю улыбкою.

— Я замѣтилъ, друзья мои, что сломанныя вещи служатъ дольше и лучше новыхъ. Признаюсь, это слабость моя: я привыкаю къ старымъ вещамъ; въ нихъ есть для меня особая прелесть, какъ въ старыхъ друзьяхъ. Я боюсь новизны, ненавижу перемѣны; стараго всегда жаль, даже плохого; старое—уютно и любезно...

Онъ разсмѣялся собственнымъ словамъ:

— Видите, какія размышленія приходятъ иногда по поводу разбитой глиняной посуды!

Юній Маврикъ дернулъ Гэкеболія за край одежды:

— Слышалъ? Тутъ вся природа его: одинаково бережетъ и свои разбитыя тарелки и своихъ полумертвыхъ боговъ. Вотъ что рѣшаетъ судьбы міра!..

Юліанъ увлекся; отъ эдиктовъ и законовъ перешелъ онъ къ замысламъ будущаго: во всѣхъ городахъ имперіи предполагалъ завести училища, каѳедры, чтенія, толкованія эллинскихъ догматовъ, установленные образцы молитвъ, эпитимьи, философскія проповѣди, убѣжища для любителей цѣломудрія, для посвятившихъ себя размышленіямъ.

— Каково?—прошепталъ Маврикъ на ухо Гэкеболію:— монастыри въ честь Афродиты и Аполлона. Часъ отъ часу не легче!..

— Да, все это, друзья мои, исполнимъ мы съ помощью боговъ,—заключилъ императоръ.—Галилеяне желаютъ увѣрить міръ, что имъ однимъ принадлежитъ милосердіе; но милосердіе принадлежитъ всѣмъ философамъ, какихъ бы боговъ ни чтили они. Я пришелъ, чтобы проповѣдывать міру новую любовь, не рабскую и суевѣрную, а вольную и радостную, какъ небо олимпійцевъ!..

Онъ обвелъ всѣхъ испытующимъ взглядомъ. На лицахъ чиновниковъ не было того, чего онъ искалъ.

Въ залу вошли выборные отъ христіанскихъ учителей риторики и философіи. Недавно былъ объявленъ эдиктъ, воспрещавшій галилейскимъ учителямъ преподаваніе эллинскаго краснорѣчія; христіанскіе риторы должны были или отречься отъ Христа или покинуть школы.

Со свиткомъ въ рукахъ подошелъ къ августу одинъ изъ выборныхъ, худенькій, растерянный человѣкъ, похожій на стараго облѣзлаго попугая, въ сопровожденіи двухъ неуклюжихъ и краснощекихъ школьниковъ.

— Помилосердствуй, боголюбивѣйшій!

— Какъ тебя зовутъ?

— Папиріанъ, римскій гражданинъ.

— Ну вотъ, видишь ли, Папиріанъ любезный, я нежелаю вамъ зла. Напротивъ... Оставайтесь галилеянами.

Старикъ упалъ на колѣни и обнялъ ноги императора.

— Сорокъ лѣтъ учу грамматикѣ. Не хуже другихъ знаю Гомера и Гезіода...

— О чемъ ты просишь?—произнесъ августъ, нахмурившись.

— Шесть человѣкъ дѣтей, государь,—малъ мала меньше. Не отнимай послѣдняго куска. Ученики любятъ меня. Разспроси ихъ... Развѣ я чему-нибудь дурному...

Папиріанъ не могъ продолжать отъ волненія; онъ указывалъ на двухъ учениковъ, которые не знали, куда спрятать руки, и стояли, выпучивъ глаза, сильно и густо краснѣя.

— Нѣтъ, друзья мои!—перебилъ императоръ тихо и твердо. — Законъ справедливъ. Я считаю нелѣпымъ, чтобы христіанскіе учители ритѳрики, объясняя Гомера, отвергали тѣхъ самыхъ боговъ, которыхъ чтилъ Гомеръ. Если думаете, что наши мудрецы сплетали только басни, ступайте лучше въ церкви объяснять Матѳея и Луку! Замѣтьте, галилеяне, я дѣлаю это для вашего же собственнаго блага...

Въ толпѣ риторовъ кто-то проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Для собственнаго блага поколѣемъ съ голоду!

— Вы боитесь осквернить себя жертвеннымъ мясомъ или жертвенной водою, учители христіанскіе,—продолжалъ императоръ невозмутимо,—какъ же не боитесь вы осквернить себя тѣмъ, что̀ опаснѣе всякаго мяса и воды,—ложною мудростью? Вы говорите: «Блаженны нищіе духомъ». Будьте же нищими духомъ. Или вы думаете, я не знаю вашего ученія? О, знаю лучше, чѣмъ кто-либо изъ васъ! Я вижу въ галилейскихъ заповѣдяхъ такія глубины, какія вамъ не снились. Но каждому свое: оставьте намъ нашу суетную мудрость, нашу бѣдную эллинскую ученость. На что вамъ эти зараженные источники? У васъ есть мудрость высшая. У насъ царство земное, у васъ—небесное. Подумайте, царство небесное—это не мало для такихъ смиренныхъ и нестя-

жательныхъ людей, какъ вы. Діалектика возбуждаетъ только охоту къ вольнодумнымъ ересямъ. Право, будьте просты, какъ дѣти. Не выше ли всѣхъ Платоновыхъ діалоговъ благодатное невѣжество капернаумскихъ рыбаковъ? Вся мудрость галилеянъ состоитъ въ одномъ: вѣруй! Если бы вы были настоящими христіанами, то благословили бы мой законъ. Нынѣ же возмущается въ васъ не духъ, а плоть, для коей грѣхъ сладокъ. Вотъ все, что я имѣлъ вамъ сказать, и надѣюсь, вы извините меня и согласитесь, что римскій императоръ больше заботится о спасеніи вашихъ душъ, чѣмъ вы сами.

Онъ прошелъ черезъ толпу риторовъ, спокойный и довольный своею рѣчью.

Папиріанъ попрежнему, стоя на колѣняхъ, рвалъ свои жидкіе сѣдые кудри.

— За что? Матерь Небесная, за что такое попущеніе?

Оба ученика, видя горе наставника, вытирали выпученные глаза неуклюжими красными кулаками.

VI.

Кесарь помнилъ безконечныя распри православныхъ и аріанъ, которыя происходили на Миланскомъ соборѣ при Констанціи. Онъ задумалъ воспользоваться этой враждою для своихъ цѣлей и рѣшилъ созвать подобно своимъ христіанскимъ предшественникамъ, Константину Великому и Констанцію, церковный соборъ.

Однажды въ откровенной бесѣдѣ объявилъ удивленнымъ друзьямъ, что вмѣсто всякихъ насилій и гоненій хочетъ дать галилеянамъ свободу исповѣданія, возвратить изъ ссылки донатистовъ, семіаріанъ, маркіонитовъ, монтанистовъ, цециліанъ и другихъ еретиковъ, изгнанныхъ постановленіями соборовъ при Константинѣ и Констанціи. Онъ былъ увѣренъ, что нѣтъ лучшаго средства погубить христіанъ. «Увидите, друзья мои,—говорилъ императоръ,—когда всѣ они вернутся на прежнія мѣста, такая распря возгорится между братолюбцами, что они растерзаютъ

другъ друга, какъ хищные звѣри, и предадутъ безславію имя Учителя своего скорѣе, чѣмъ я могъ бы этого достигнуть самыми лютыми казнями!»

Во всѣ концы Римской имперіи разослалъ онъ указы и письма, разрѣшая изгнаннымъ клирикамъ возвратиться безбоязненно. Объявлялась свобода вѣроисповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мудрѣйшіе учители галилейскіе приглашались ко двору въ Константинополь для нѣкотораго совѣщанія по дѣламъ церковнымъ. Большая часть приглашенныхъ не вѣдала въ точности ни цѣли, ни состава, ни полномочій собранія, такъ какъ все это было означено въ письмахъ съ преднамѣренной неясностью. Многіе, угадывая хитрость богоотступника, подъ предлогомъ болѣзни или дальняго разстоянія вовсе не явились на зовъ.

Утреннее голубое небо казалось темнымъ по сравненію съ ослѣпительно-бѣлымъ мраморомъ двойного ряда столбовъ, окружавшаго большой дворъ—Константиновъ атріумъ. Бѣлые голуби съ радостнымъ шелковымъ шелестомъ крыльевъ исчезали въ небѣ, какъ хлопья снѣга. Посрединѣ двора, въ свѣтлыхъ брызгахъ фонтана, виднѣлась Афродита Каллипига; влажный мраморъ серебрился какъ живое тѣло. Монахи, проходя мимо нея, отвертывались и старались не видѣть; но она была среди нихъ, лукавая и нѣжная.

Не безъ тайнаго намѣренія выбралъ Юліанъ такое странное мѣсто для церковнаго собора. Темныя одежды иноковъ казались здѣсь еще темнѣе, истощенныя лишеніями, озлобленныя лица еретиковъ-изгнанниковъ—еще болѣе скорбными; какъ черныя, безобразныя тѣни скользили они по солнечному мрамору.

Всѣмъ было неловко; каждый старался принять видъ равнодушный, даже самонадѣянный, притворяясь, что не узнаетъ сосѣда - врага, которому онъ или который ему испортилъ жизнь, а между тѣмъ украдкой кидали они другъ на друга злые, пытливые взоры.

— Пречистая Матерь Божья! Что же это такое? Куда мы попали?—волновался престарѣлый, дородный епископъ себастійскій, Евстаѳій. Пустите, пустите меня!..

— Тише, другъ мой,—уговаривалъ его начальникъ придворныхъ копьеносцевъ, варваръ Дагалаифъ, вѣжливо отстраняя отъ двери.

— Не участникъ я въ соборѣ еретическомъ. Пустите!

— По волѣ всемилостивѣйшаго кесаря, всѣ пришедшіе на соборъ...—возражалъ Дагалаифъ, удерживая епископа съ непреклонною ласкою.

— Не соборъ, а вертепъ разбойничій! — негодовалъ Евстаѳій.

Среди христіанъ нашлись веселые люди, которые подсмѣивались надъ провинціальной наружностью, одышкой и сильнымъ армянскимъ выговоромъ Евстаѳія. Онъ совсѣмъ оробѣлъ, притихъ и забился въ уголъ, только повторяя съ отчаяніемъ:

— Господи! и за что мнѣ сіе?..

Евандръ Никомедійскій тоже раскаивался, что пришелъ сюда и привелъ Дидимова послушника, только что пріѣхавшаго въ Константинополь, брата Ювентина.

Евандръ былъ великій догматикъ, человѣкъ ума проницательнаго и глубокаго; надъ книгами потерялъ здоровье, преждевременно состарился; зрѣніе его ослабѣло; въ близорукихъ добрыхъ глазахъ было постоянное выраженіе усталости. Безчисленныя ереси осаждали умъ его, не давали ему покоя, мучили наяву, грезились во снѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлекали соблазнительными тонкостями и ухищреніями. Онъ собиралъ ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ въ громадную рукопись подъ заглавіемъ: *Противъ еретиковъ*, такъ же усердно, какъ нѣкоторые любители собираютъ чудовищныя рѣдкости. Отыскивалъ съ жадностью новыя, изобрѣталъ несуществующія и, чѣмъ яростнѣе опровергалъ, тѣмъ болѣе путался въ нихъ. Иногда съ отчаяніемъ молилъ у Бога простой вѣры, но Богъ не давалъ ему простоты. Въ повседневной жизни былъ онъ жалокъ, довѣрчивъ и безпомощенъ какъ дитя. Злымъ людямъ ничего не стоило обмануть Евандра: объ его разсѣянности ходило множество смѣшныхъ разсказовъ.

По разсѣянности пришелъ онъ и въ это нелѣпое собраніе, привлекаемый отчасти и надеждою узнать новую ересь. Теперь епископъ Евандръ все время съ досадою морщился и заслонялъ ладонью слабые глаза отъ слишкомъ яркаго солнца и мрамора. Ему было не по себѣ; скорѣе хотѣлось назадъ въ полутемную келью, къ своимъ книгамъ и рукописямъ. Ювентина не отпускалъ онъ отъ себя и, осмѣивая различныя ереси, предостерегалъ отъ соблазна.

Посреди̇нѣ залы проходилъ коренастый старикъ, съ широкими скулами, съ вѣнцомъ сѣдыхъ пушистыхъ волосъ, семидесятилѣтній епископъ Пурпурій, африканецъ-донатистъ, возвращенный Юліаномъ изъ ссылки.

Ни Константину, ни Констанцію не удалось подавить ересь донатистовъ. Рѣки крови проливались изъ-за того, что пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ Африкѣ рукоположенъ былъ неправильно Донатъ вмѣсто Цециліана или, наоборотъ, Цециліанъ вмѣсто Доната, — этого хорошенько разобрать никто не могъ; но донатисты и цециліане избивали другъ друга, и не предвидѣлось конца братоубійственной войнѣ, возникшей даже не изъ-за двухъ мнѣній, а изъ-за двухъ именъ.

Ювентинъ замѣтилъ, какъ, проходя мимо Пурпурія, одинъ цециліанскій епископъ задѣлъ краемъ фелони одежду донатиста. Тотъ отшатнулся и, поднявъ брезгливо, двумя пальцами, такъ, чтобы всѣ видѣли, нѣсколько разъ отряхнулъ въ воздухѣ ткань, оскверненную прикосновеніемъ еретика. Евандръ разсказалъ Ювентину, что когда случайно цециліанинъ заходитъ въ церковь донатистовъ, они выгоняютъ его и потомъ тщательно соленой водой обмываютъ плиты, на которыхъ онъ стоялъ.

За Пурпуріемъ слѣдовалъ по пятамъ, какъ песъ, вѣрный тѣлохранитель, полудикій, огромнаго роста африканецъ, черный, страшный, съ расплюснутымъ носомъ, толстыми губами, съ дубиною въ жилистыхъ рукахъ, дьяконъ Леона, принадлежавшій къ сектѣ самоистязателей. Это были жители гетулійскихъ селеній; ихъ называли циркумцелліонами. Бѣгая съ оружіемъ въ рукахъ, предлагали

они деньги встрѣчнымъ на большихъ дорогахъ и грозили: «Убейте насъ или мы васъ убьемъ!» Циркумцелліоны рѣзали, жгли себя, бросались въ воду, во имя Христа; но не вѣшались, потому что Іуда Искаріотъ повѣсился. Порою цѣлыя толпы ихъ съ пѣніемъ псалмовъ кидались въ пропасти; они утверждали, что самоубійство во славу Божью очищаетъ душу отъ всѣхъ грѣховъ. Народъ чтилъ ихъ, какъ мучениковъ. Передъ смертью предавались наслажденіямъ—ѣли, пили, насиловали женщинъ. Многіе не употребляли меча, потому что Христосъ запретилъ употреблять мечъ, зато огромными дубинами, со спокойною совѣстью, «по Писанію», избивали еретиковъ и язычниковъ; проливая кровь, возглашали: «Господу хвала!» Этого священнаго крика мирные жители африканскихъ городовъ и селъ боялись больше, чѣмъ трубы враговъ и рыканія львинаго.

Донатисты считали циркумцелліоновъ своими воинами и стражами; а такъ какъ поселяне гетулійскіе плохо разумѣли церковные споры, то богословы-донатисты указывали имъ, кого именно слѣдуетъ избивать «по Писанію».

Евандръ обратилъ вниманіе Ювентина на красиваго юношу, съ лицомъ нѣжнымъ и невиннымъ, какъ у молодой дѣвушки: это былъ каинитъ.

«Благословенны, — проповѣдывали каиниты, — гордые, непокорившіеся братья наши: Каинъ, Хамъ, жители Содома и Гоморры—семья Верховной Софіи, Сокровенной Мудрости! Придите къ намъ, всѣ гонимые, всѣ возставшіе, всѣ побѣжденные! Благословенъ Іуда! Онъ одинъ изъ апостоловъ былъ причастенъ Высшему Знанію — Гнозису. Онъ предалъ Христа, дабы Христосъ умеръ и воскресъ, потому что Іуда зналъ, что смерть Христа спасетъ міръ. Посвященный въ нашу мудрость долженъ преступить всѣ предѣлы, на все дерзнуть, долженъ презрѣть вещество, поправъ самый страхъ къ нему, и, отдавшись всѣмъ грѣхамъ, всѣмъ наслажденіямъ плоти, достигнуть благодатнаго отвращенія къ плоти—послѣдней чистоты духовной».

— Смотри, Ювентинъ, вотъ человѣкъ, который считаетъ себя несравненно выше серафимовъ и архангеловъ,—

указалъ Евандръ на стройнаго молодого египтянина, стоявшаго въ сторонѣ отъ всѣхъ, одѣтаго по послѣдней византійской модѣ, съ множествомъ драгоцѣнныхъ перстней на холеныхъ, бѣлыхъ рукахъ, съ лукавой улыбкой на тонкихъ губахъ, подкрашенныхъ какъ у блудницы; это былъ Кассіодоръ валентиніанинъ.

— У православныхъ,—утверждалъ Кассіодоръ,—есть душа, какъ у прочихъ животныхъ, но духа нѣтъ. Одни мы, посвященные въ тайны Плэрона и Гнозиса, достойны называться людьми; всѣ остальные—свиньи и псы.

Кассіодоръ внушалъ ученикамъ своимъ:

— Вы должны знать всѣхъ, васъ не долженъ знать никто. Передъ непосвященными отрекайтесь отъ Гнозиса, молчите, презирайте доказательства, презирайте исповѣданіе вѣры и мученичество. Любите безмолвіе и тайну. Будьте неуловимы и невидимы для враговъ, какъ силы безплотныя. Обыкновеннымъ христіанамъ нужны добрыя дѣла для спасенія. Тѣмъ, у кого есть высшее знаніе Бога—Гнозисъ, добрыхъ дѣлъ ненужно. Мы—сыны свѣта. Они—сыны мрака. Мы уже не боимся грѣха, ибо знаемъ: тѣлу—тѣлесное, духу—духовное. Мы на такой высотѣ, что не можемъ пасть, какъ бы ни грѣшили: сердце наше остается чистымъ во грѣхѣ, какъ золото въ грязи.

Подозрительный косоглазый старичокъ съ лицомъ сладострастнаго фавна, адамитъ Продикъ, утверждалъ, будто бы ученіе его возрождаетъ въ людяхъ первобытную невинность Адама: голые адамиты совершали таинства въ церквахъ, жарко натопленныхъ, какъ бани, называвшихся Эдемами; подобно прародителямъ до грѣхопаденія, не стыдились они наготы своей, увѣряя, что всѣ мужчины и женщины отличаются у нихъ высшимъ цѣломудріемъ; но чистота этихъ райскихъ собраній была сомнительна.

На полу, рядомъ съ адамитомъ Продикомъ, сидѣла блѣдная сѣдовласая женщина въ епископскомъ одѣяніи, съ прекраснымъ суровымъ лицомъ, съ вѣками, полузакрытыми отъ усталости—пророчица монтанистовъ. Желтолицые, изнуренные скопцы благоговѣйно ухаживали за ней,

смотрѣли на нее томными, влюбленными глазами и называли ее «небесною голубицею». Изнывая долгіе годы отъ восторговъ неосуществимой любви, проповѣдывали они, что родъ человѣческій долженъ быть прекращенъ цѣломудреннымъ воздержаніемъ. На сожженныхъ равнинахъ Фригіи, близъ разрушеннаго города Пепузы, сидѣли эти безкровные мечтатели цѣлыми толпами, неподвижно устремивъ глаза на черту горизонта, гдѣ долженъ былъ явиться Спаситель; въ туманные вечера, надъ сѣрой равниной, между тучами, въ полосахъ раскаленнаго золота, видѣли славу Господню, Новый Сіонъ, сходящій на землю; годы проходили за годами, и они умирали съ надеждою, что Царствіе Божіе сойдетъ, наконецъ, на сожженныя развалины Пепузы.

Иногда, приподымая усталыя вѣки, устремляя мутные взоры вдаль, пророчица бормотала по-сирійски:

— Маранъ ата! Маранъ ата!—Господь идетъ! Господь идетъ!

И блѣдные скопцы наклонялись къ ней, внимая.

Ювентинъ слушалъ объясненія Евандра и думалъ, что все это похоже на бредъ; сердце его сжималось отъ горькой жалости.

Наступила тишина. Взоры устремились по одному направленію. На другомъ концѣ атріума на мраморное возвышеніе взошелъ кесарь Юліанъ. Простая, бѣлая хламида древнихъ философовъ облекала его; лицо было самоувѣренно; онъ хотѣлъ придать ему выраженіе безстрастное, но въ глазахъ невольно вспыхивала искра злобнаго веселья.

— Старцы и учители!—обратился онъ къ собранію.— За благо сочли мы оказывать подданнымъ нашимъ, исповѣдующимъ ученіе Галилеянина Распятаго, всевозможное снисхожденіе и милосердіе: должно питать болѣе состраданія, чѣмъ ненависти къ заблуждающимся, увѣщаніями приводить къ истинѣ упрямыхъ, а отнюдь не ударами, обидами и язвами тѣлесными. Итакъ, желая возстановить миръ всего міра, столь долго нарушаемый распрями церков-

ными, призвалъ я васъ, мудрецы галилейскіе! Подъ нашимъ покровительствомъ и защитою вы явите, надѣемся, примѣръ тѣхъ высокихъ добродѣтелей, кои приличествуютъ вашему духовному сану, вашей вѣрѣ и мудрости...

Онъ говорилъ заранѣе приготовленную рѣчь, съ плавными движеніями, какъ опытный риторъ передъ народнымъ собраніемъ. Но въ словахъ, полныхъ благоволенія, скрыты были ядовитыя жала: между прочимъ, указалъ онъ на то, что еще не забылъ о нелѣпыхъ и унизительныхъ распряхъ галилеянъ, которыя произошли на знаменитомъ соборѣ Миланскомъ при Констанціи; упомянулъ также съ недоброй усмѣшкой о нѣкоторыхъ дерзкихъ бунтовщикахъ, которые, жалѣя, что нельзя болѣе преслѣдовать, мучить и умерщвлять братьевъ по вѣрѣ, возмущаютъ народъ глупыми баснями, подливаютъ масло въ огонь вражды и братоубійственною яростью наполняютъ міръ: сіи суть враги рода человѣческаго, виновники худшаго изъ бѣдствій—безначалія. И кесарь кончилъ вдругъ свою рѣчь почти явною насмѣшкою.

— Братьевъ вашихъ, изгнанныхъ соборами при Константинѣ и Констанціи, возвратили мы изъ ссылки, желая даровать свободу всѣмъ гражданамъ Римской имперіи. Живите въ мирѣ, галилеяне, по завѣту вашего Учителя. Для полнаго же прекращенія раздоровъ поручаемъ вамъ, мудрѣйшіе наставники, забывъ всякую вражду и возсоединившись въ братской любви, прійти къ нѣкоторому церковному соглашенію, дабы установить единое и общее для всѣхъ исповѣданій вѣры. Съ тѣмъ и призвали мы васъ сюда, въ нашъ домъ, по примѣру предшественниковъ нашихъ, Константина и Констанція; судите и рѣшайте властью, данною вамъ отъ церкви. Мы же удаляемся, предоставивъ вамъ свободу и ожидая вашего рѣшенія.

Прежде чѣмъ въ собраніи кто-нибудь успѣлъ опомниться или возразить, Юліанъ, окруженный друзьями-философами, вышелъ изъ атріума.

Всѣ безмолвствовали; кто-то тяжко вздохнулъ; въ тишинѣ слышенъ былъ только радостный шелковый ше-

лестъ голубиныхъ крыльевъ въ небѣ и плескъ фонтана о мраморъ.

Вдругъ на высокихъ плитахъ, служившихъ кесарю трибуной, появился тотъ самый добродушный старикъ съ провинціальною наружностью, съ армянскимъ говоромъ, надъ которымъ всѣ недавно смѣялись; лицо его было красно; глаза горѣли. Рѣчь императора оскорбила стараго себастіанскаго епископа. Пылая духовной ревностью, выступилъ Евстаѳій передъ собраніемъ.

— Отцы и братья!—воскликнулъ онъ, и въ голосѣ его была такая сила, что никто уже не думалъ смѣяться.— Разойдемся въ мирѣ! Кто призвалъ насъ сюда для поруганія и соблазна, тотъ не вѣдаетъ ни церковныхъ каноновъ, ни постановленій соборныхъ,—ненавидитъ самое имя Христово. Не будемъ же веселить враговъ нашихъ, воздержимся отъ гнѣвнаго слова. Заклинаю именемъ Бога Всевышняго, разойдемся, братья, въ безмолвіи!

Онъ говорилъ громкимъ голосомъ, поднявъ глаза къ хорамъ, защищеннымъ отъ солнца алыми завѣсами: тамъ, въ глубинѣ, между колоннами, появился императоръ со своими друзьями-философами. Шопотъ удивленія и ужаса послышался въ толпѣ. Юліанъ смотрѣлъ прямо въ лицо Евстаѳію. Старикъ выдержалъ взоръ его и не потупился. Императоръ поблѣднѣлъ.

Въ то же мгновеніе донатистъ Пурпурій грубо оттолкнулъ епископа и занялъ его мѣсто на трибунѣ.

— Не слушайте!—закричалъ Пурпурій.—Не расходитесь, да не преступите воли кесаревой. Цециліане злобствуютъ за то, что онъ избавитель нашъ...

— Нѣтъ, братья!..—порывался Евстаѳій съ мольбою.

— Не братья мы вамъ, — отыдите, окаянные! Мы — чистая пшеница Божья, вы — сухая солома, назначенная Господомъ въ огонь.!.

И, указывая на императора-богоотступника, продолжалъ Пурпурій торжественнымъ пѣвучимъ голосомъ, какъ будто возглашая ему славословіе церковное:

— Слава, слава преблагому, премудрому августу! На аспида и василиска наступиши и попреши льва и змія, яко

ангеламъ своимъ заповѣсть хранити тя во всѣхъ путяхъ твоихъ. Слава!

Собраніе заволновалось; одни утверждали, что должно послѣдовать совѣту Евстаѳія и разойтись, другіе требовали слова, не желая потерять единственнаго въ жизни случая высказать свои мысли передъ какимъ бы то ни было собраніемъ. Лица розгорались, голоса становились оглушительными.

— Пусть заглянетъ теперь въ церкви наши кто-нибудь изъ цециліанскихъ епископовъ, — торжествовалъ Пурпурій,—возложимъ мы ему руки на голову, но не для того, чтобы избрать пастыремъ, а чтобы раздробить черепъ!

Многіе совсѣмъ забыли цѣль собранія, вступая въ тонкіе богословскіе споры; зазывали къ себѣ, отбивали другъ у друга слушателей, старались обольстить неопытныхъ.

Базилидіанинъ Трифонъ, пріѣхавшій изъ Египта, окруженный толпою любопытныхъ, показывалъ амулетъ изъ прозрачнаго хризолита съ таинственною надписью: *Абракса*.

— Тотъ, кто уразумѣетъ слово «Абракса»,—соблазнялъ Трифонъ,—получитъ высшую свободу, сдѣлается безсмертнымъ и, вкушая отъ всѣхъ сладостей грѣха, будетъ безгрѣшенъ. «Абракса» выражаетъ буквами число горнихъ небесъ — 365. Надъ тремя стами шестьюдесятью пятью сферами, надъ іерархіями эоновъ, ангеловъ и архангеловъ, есть нѣкій Мракъ Безыменный, прекраснѣе всякаго свѣта, неподвижный, нерождаемый..

— Мракъ безыменный въ скудоумной головѣ твоей!— крикнулъ аріанскій епископъ, сжимая кулаки и подступая къ Трифону.

Гностикъ тотчасъ умолкъ, сложивъ губы въ презрительную усмѣшку, полузакрывъ глаза и поднявъ указательный палецъ.

— Премудрость! Премудрость! — произнесъ онъ чуть слышно и отошелъ, точно выскользнулъ изъ рукъ аріанина.

Пророчица пепузская, поддерживаемая влюбленными скопцами, поднявшись во весь ростъ, страшная, блѣдная,

съ растрепанными волосами, съ мутными, полоумными взорами, вдохновенно завывала, ничего не видя и не слыша:

— Маранъ ата! Маранъ ата!—Господь идетъ! Господь идетъ!

Ученики отрока Епифанія, не то языческаго полубога, не то христіанскаго мученика, обоготворяемаго въ молельняхъ Кефалоніи, возглашали:

— Братство и равенство! Другихъ законовъ нѣтъ. Разрушайте, разрушайте все! Да будетъ общими у людей имущество и жены, какъ трава, какъ вода, какъ воздухъ и солнце!

Офиты — змѣепоклонники подымали мѣдный крестъ, обвитый прирученною нильскою змѣйкою.

— Мудрость Змія,—говорили они,—даетъ людямъ знаніе добра и зла. Вотъ—Спаситель, Офіоморфосъ—Змѣевидный. Не бойтесь, послушайте Его: Онъ не солгалъ; вкусите отъ плода запретнаго—и станете какъ боги!

Съ проворной ловкостью фокусника, высоко подымая прозрачную стеклянную чашу, наполненную водой, маркозіанинъ, надушенный и подвитой щеголь, соблазнитель женщинъ, приглашалъ любопытныхъ:

— Смотрите, смотрите! Чудо! Вода закипитъ и сдѣлается кровью.

Коларбазіане быстро считали по пальцамъ и доказывали, что всѣ пиѳагорейскія числа, всѣ тайны неба и земли, заключаются въ буквахъ греческаго алфавита.

— Альфа, омэга — начало и конецъ. А между ними—Троица,—бэта, гамма, дельта,—Сынъ, Отецъ, Духъ. Видите, какъ просто!

Фабіониты, карпократіане-обжоры, барбелониты-развратники проповѣдывали такія мерзости, что благочестивые люди только отплевывались и затыкали уши. Многіе дѣйствовали на своихъ слушателей тою непонятною, притягательною силою, которою обладаетъ надъ умами людей чудовищное и безумное.

Каждый былъ убѣжденъ въ своей правотѣ. И всѣ были противъ всѣхъ.

Даже ничтожная церковь, затерянная въ отдаленнѣйшихъ пустыняхъ Африки,—рогаціане, и тѣ увѣряли, будто бы Христосъ, придя на землю, найдетъ истинное пониманіе Евангелія только у нихъ, въ нѣсколькихъ селеніяхъ Мавританіи Кессарійской—и болѣе нигдѣ въ мірѣ.

Евандръ Никомедійскій, забывъ Ювентина, едва успѣвалъ записывать въ свои восковыя дощечки новыя незамѣченныя ереси, увлекаясь какъ собиратель рѣдкостей.

А между тѣмъ съ верхней мраморной галлереи, глазами, полными жадной и утоленной ненависти, смотрѣлъ внизъ на этихъ обезумѣвшихъ людей молодой императоръ, окруженный мудрецами въ древнихъ бѣлыхъ одеждахъ. Здѣсь были всѣ друзья его: пиѳагореецъ Проклъ, Нимфидіанъ, Евгеній Прискъ, Эдезій, престарѣлый учитель Ямвликъ божественный, благообразный Гэкеболій, архіерей Диндимены; они не смѣялись, не шутили и сохраняли совершенное спокойствіе, какъ пристойно мудрецамъ; лишь изрѣдка на строго сжатыхъ губахъ выступала улыбка тихой жалости. Это былъ пиръ эллинской мудрости. Они смотрѣли внизъ на соборъ, какъ смотрятъ боги на враждующихъ людей, любители цирка—на арену, гдѣ звѣри пожираютъ другъ друга. Въ тѣни пурпурныхъ завѣсъ имъ было свѣжо и отрадно.

А внизу галилеяне, обливаясь потомъ, анаѳематствовали и проповѣдывали.

Среди смятенія юный женоподобный каинитъ, съ прекраснымъ, нѣжнымъ лицомъ, съ печальными, дѣтски-ясными глазами, успѣлъ вскочить на трибуну и воскликнуть такимъ вдохновеннымъ голосомъ, что всѣ обернулись и онѣмѣли:

— Благословенны непокорившіеся Богу! Благословенны Каинъ, Хамъ и Іуда, жители Содома и Гоморры! Благословенъ отецъ ихъ, Ангелъ Бездны и Мрака!

Неистовый африканецъ Пурпурій, которому уже цѣлый часъ не давали сказать слова, желая облегчить свое сердце, ринулся на каинита и поднялъ волосатую жилистую руку, чтобы «заградить уста нечестивому».

Его удержали, стараясь образумить:

— Отче, непристойно!

— Пустите! Пустите!—кричалъ Пурпурій, вырываясь изъ рукъ державшихъ его.—Не потерплю сей мерзости! Вотъ же тебѣ, Каиново отродье!

И донатистъ плюнулъ въ лицо каиниту.

Все смѣшалось. Началась бы драка, если бы не прибѣжали копьеносцы. Разнимая христіанъ, римскіе воины увѣщавали ихъ:

— Тише, тише! Во дворцѣ не мѣсто. Или мало вамъ церквей, чтобы драться?

Пурпурія подняли на руки и хотѣли увлечь.

Онъ вопилъ:

— Леона! Дьяконъ Леона!

Тѣлохранитель растолкалъ воиновъ, двухъ повалилъ на землю, освободилъ Пурпурія, и въ воздухѣ, надъ головами ересіарховъ, закрутилась и засвистѣла страшная дубина циркумцелліона.

— Господу хвала!—ревѣлъ африканецъ, избирая жертву глазами.

Вдругъ въ ослабѣвшихъ рукахъ его безпомощно опустилась дубина. Всѣ окаменѣли. Въ тишинѣ раздался пронзительный крикъ одного изъ полоумныхъ скопцовъ пророчицы пепузской. Онъ упалъ на колѣни и съ лицомъ, искаженнымъ ужасомъ, указывалъ на трибуну:

— Дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ!

На мраморномъ возвышеніи, надъ толпой галилеянъ, скрестивъ руки на груди, спокойно и величественно, въ древней бѣлой одеждѣ философа, стоялъ императоръ Юліанъ; глаза его горѣли грознымъ веселіемъ. Многимъ въ эту минуту казался онъ подобнымъ дьяволу.

— Вотъ какъ исполняете вы законъ любви, галилеяне!—произнесъ онъ среди собранія, пораженнаго ужасомъ.—Вижу теперь, что̀ значитъ ваша любовь. Воистину хищные звѣри милосерднѣе, чѣмъ вы, братолюбцы! Скажу словами

вашего Учителя: «Горе вамъ, законники, что взяли вы ключъ разумѣнія: сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали. Горе вамъ, книжники и фарисеи!»

Насладившись ихъ томительнымъ молчаніемъ, прибавилъ онъ спокойно и медленно:

— Ежели не умѣете вы сами управлять собою,—то вотъ я говорю вамъ, остерегая отъ худшихъ золъ: слушайтесь меня, галилеяне, и покоряйтесь!

VII.

Когда Юліанъ спускался изъ Константинова атріума по ступенямъ широкой лѣстницы, направляясь для жертвоприношенія въ маленькій, находившійся по сосѣдству съ дворцомъ, храмъ богини счастья—Тюхэ, подошелъ въ нему сѣдовласый сгорбленный халкедонскій епископъ Марисъ. Глаза у Мариса вытекли отъ старости; мальчикъ-поводырь велъ слѣпца за руку.

Лѣстница выходила на площадь Августейонъ; внизу собралась толпа. Властнымъ движеніемъ руки остановивъ императора, заговорилъ епископъ старческимъ голосомъ, твердымъ и яснымъ:

— Внимайте, народы, племена, языки, люди всякаго возраста, всѣ, сколько есть теперь и сколько будетъ на землѣ! Внимайте мнѣ, высшія силы, ангелы, которыми скоро совершено будетъ истребленіе мучителя! Не царь Амморейскій низложится, не Огъ, царь Васанскій, но змій, отступникъ, великій умъ, мятежный ассиріянинъ, общій врагъ и противникъ, на землѣ творившій много неистовствъ, и въ высоту говорившій! Слыши, небо, и внуши землѣ! И ты внимай пророчеству моему, кесарь, ибо Самъ Богъ говоритъ тебѣ нынѣ устами моими. Слово Господне сжигаетъ сердце мое—и не могу молчать. Дни твои сочтены... Вотъ еще немного—и погибнешь, исчезнешь, какъ прахъ, взметаемый вихремъ, какъ роса, какъ свистъ пущенной стрѣлы, какъ ударъ грома, какъ быстролетная молнія! Источникъ

Кастальскій умолкнетъ навѣки, — пройдутъ и посмѣются надъ нимъ. Аполлонъ станетъ опять безгласнымъ идоломъ, Дафнэ — деревомъ, оплакиваемымъ въ баснѣ, — и порастутъ могильною травой низвергнутые храмы. О, мерзость Сеннахеримова! Такъ вѣщаемъ мы, галилеяне, люди презрѣнные, поклоняющіеся Распятому, ученики рыбаковъ капернаумскихъ и сами—невѣжды; мы, изнуренные постами, полумертвые, напрасно бодрствующіе и пустословящіе во время всенощныхъ бдѣній и, однакоже, низлагающіе васъ: «Гдѣ суть книжники, гдѣ суть совопросники вѣка сего?» Заимствую сію побѣдную пѣснь отъ одного изъ нашихъ немудрыхъ. Подай сюда свои царскія и софистическія рѣчи, свои неотразимыя силлогизмы и энтимемы! Посмотримъ, какъ и у насъ говорятъ неученые рыбари. Да воспоетъ со дерзновеніемъ Давидъ, который таинственными камнями низложилъ надменнаго Голіаѳа, побѣдилъ многихъ кротостью и духовнымъ сладкозвучіемъ исцѣлялъ Саула, мучимаго злымъ духомъ. Благодаримъ тебя, Господи! Нынѣ очищается церковь Твоя гоненіемъ. Се грядетъ Женихъ! Мудрыя дѣвы, возжгите свѣтильники! Іерея облеките въ великій и нескверный хитонъ, — во Христа, наше одѣяніе брачное!

Послѣднія слова онъ произнесъ нараспѣвъ, какъ слова богослуженія. Потрясенная толпа отвѣтила ему гуломъ одобренія. Кто-то воскликнулъ:

— Аминь!

Императоръ выслушалъ до конца длинную рѣчь съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто дѣло шло вовсе не о немъ; только въ углахъ губъ выступала иногда усмѣшка.

— Ты кончилъ, старикъ? — спросилъ онъ спокойно.

— Вотъ мои руки, мучитель! Вяжите! Ведите на смерть! Господи, пріемлю вѣнецъ!

Епископъ поднялъ тусклые, слѣпые глаза къ небу.

— Не думаешь ли ты, добрый человѣкъ, что я поведу тебя на смерть? — произнесъ Юліанъ. — Ошибаешься. Я отпущу тебя съ миромъ. Въ душѣ моей нѣтъ злобы противъ тебя.

— Что это? Что это? О чемъ онъ говоритъ? — спрашивали въ толпѣ.

— Не соблазняй! Не отступлю отъ Христа! Отыди, врагъ человѣческій! — Палачи, ведите на смерть. Вотъ я!

— Здѣсь нѣтъ палачей, другъ мой! Здѣсь все такіе же добрые люди, какъ ты. Успокойся! Жизнь скучнѣе и обыкновеннѣе, чѣмъ ты думаешь. Я слушалъ тебя съ любопытствомъ, какъ поклонникъ всякаго краснорѣчія, даже галилейскаго. И чего тутъ только не было—мерзость Сеннахеримова, и царь Амморейскій, и камни Давида, и Голіафъ! Нѣтъ у васъ простоты въ рѣчахъ. Почитайте нашего Демосѳена, Платона и въ особенности Гомера. Они, въ самомъ дѣлѣ, просты какъ дѣти, мудры какъ боги. Да, поучитесь у нихъ великому спокойствію, галилеяне! Богъ — не въ буряхъ, а въ тишинѣ. Вотъ и весь мой урокъ, вотъ и вся моя месть, такъ какъ ты самъ требовалъ мести.

— Да поразитъ тебя Господь, богохульникъ!..—началъ было опять Марисъ.

— Господь не сдѣлаетъ меня слѣпымъ во гнѣвѣ, а тебя зрячимъ,—возразилъ августъ.

— Благодарю Бога моего за слѣпоту, — воскликнулъ старикъ; — не даетъ она очамъ моимъ видѣть окаянное лицо отступника!

— Сколько злобы, сколько злобы въ такомъ дряхломъ тѣлѣ! Говорите вы все о смиреніи, о любви, галилеяне, — а какая ненависть въ каждомъ вашемъ словѣ! Я только что вышелъ изъ собранія, гдѣ братья, во имя Бога, готовы были растерзать другъ друга, какъ звѣри, и вотъ теперь ты — со своею необузданной рѣчью. За что такая ненависть? Развѣ и я не братъ вашъ? О, если бы ты зналъ, какъ въ это мгновеніе безмятежно и благосклонно мое сердце! Я желаю тебѣ всего добраго, и молю олимпійцевъ, да смягчатъ они твою жестокую, темную и страдающую душу, слѣпецъ! Иди же съ миромъ и помни, что не одни галилеяне умѣютъ прощать.

— Не вѣрьте ему, братія! Это хитрость, обольщеніе змія! Видѣлъ еси, Господи, какъ отступникъ поноситъ Тебя, Бога Израилева,—да не премолчиши!

Не обращая болѣе вниманія на проклятія старика, Юліанъ прошелъ среди народа въ своей простой, бѣлой одеждѣ, озаренной солнцемъ, спокойный и мудрый, какъ одинъ изъ древнихъ мужей.

VIII.

Была бурная ночь. Изрѣдка сіяніе луны проникало сквозь быстро несущіяся тучи и странно смѣшивалось съ мерцаніемъ молніи. Теплый вѣтеръ, пропитанный соленымъ запахомъ гнилыхъ водорослей, хлесталъ иглами косого дождя.

Къ одинокой развалинѣ на берегу Босфора подъѣхалъ всадникъ. Во времена незапямятныя, когда жили здѣсь троянцы, это укрѣпленіе служило сторожевою башнею; теперь остались отъ нея только груды камней, поросшихъ бурьяномъ, и полуразрушенныя стѣны. Внизу была маленькая хижина—убѣжище отъ ненастья для заблудившихся пастуховъ и бродягъ.

Привязавъ коня подъ защитой полуобвалившагося свода и раздвинувъ колючій репейникъ, всадникъ постучался въ низенькую дверь:

— Это я, Мероэ! Отопри.

Египтянка отворила дверь и впустила его во внутренность башни.

Всадникъ подошелъ къ тускло горѣвшему факелу. Свѣтъ упалъ ему въ лицо. То былъ императоръ Юліанъ.

Они вышли. Старуха, хорошо знавшая это мѣсто, вела его за руку.

Раздвигая жесткіе стебли мертваго чертополоха, отыскала низкій входъ въ расщелинѣ между скалами. Они спустились по ступенямъ. Море было близко; грохотъ прибоя потрясалъ землю; но каменныя стѣны защищали отъ вѣтра. Египтянка выбила огонь.

— Вотъ, господинъ мой, лампада и ключъ. Поверни его въ замкѣ два раза. Дверь въ монастырь открыта. Если встрѣтишь привратника — не бойся. Я подкупила. Только смотри, не ошибись: въ верхнемъ проходѣ тринадцатая келья налѣво.

Юліанъ отперъ дверь и долго спускался по крутому наклону съ широкими ступенями изъ древняго плитняка. Скоро подземелье превратилось въ такую узкую щель, что два человѣка, встрѣтившись, не могли бы разойтись. Потайной ходъ соединялъ нѣкогда сторожевую башню съ укрѣпленіемъ на противоположномъ берегу залива, а теперь покинутую развалину — съ новымъ христіанскимъ монастыремъ.

Юліанъ вышелъ изъ подземелья высоко надъ клокочущимъ моремъ, между острыми скалами, изъѣденными прибоемъ, и началъ взбираться по узкимъ ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Дойдя до самаго верха, увидѣлъ кирпичную ограду. Она была сложена неровно — многіе кирпичи выдавались. Опираясь на нихъ ногою, хватаясь руками, можно было перелѣзть въ крошечный монастырскій садикъ.

Онъ вступилъ въ опрятный дворъ. Здѣсь все дышало спокойствіемъ. Стѣны были затканы чайными розами. Въ бурномъ, тепломъ воздухѣ цвѣты пахли сильно и тревожно.

Ставни на одномъ изъ нижнихъ оконъ изнутри не были заперты. Юліанъ тихонько отворилъ ихъ и влѣзъ въ окно.

Въ лицо ему дохнулъ спертый воздухъ монастыря. Пахло сыростью, ладаномъ, мышами, лѣкарственными травами и свѣжими яблоками, которыя запасливыя монахини хранили въ кладовыхъ.

Императоръ ступилъ въ длинный проходъ; по обѣимъ сторонамъ былъ рядъ дверей.

Онъ сосчиталъ тринадцатую налѣво и открылъ тихонько. Келья была тускло освѣщена алебастровымъ ночникомъ. Повѣяло сонной теплотой. Онъ притаилъ дыханіе.

На низкомъ ложѣ, съ бѣлоснѣжными покровами, лежала дѣвушка въ монашеской темной туникѣ. Она, должно-

быть, уснула во время молитвы, не успѣвъ раздѣться; тѣнь рѣсницъ падала на блѣдныя щеки; брови сжаты были сурово и величественно, какъ у мертвыхъ.

Онъ узналъ Арсиною.

Она очень измѣнилась. Только волосы остались тѣ же: у корней—темно-золотистые, на концахъ—блѣдно-желтые, какъ медъ въ лучѣ солнца.

Рѣсницы ея дрогнули. Онъ вздохнула.

Передъ глазами его сверкнуло гордое тѣло амазонки, облитое солнечнымъ свѣтомъ, ослѣпительное, какъ золотистый мраморъ Парѳенона. И, протягивая руки къ монахинѣ, спавшей подъ сѣнью чернаго креста, Юліанъ прошепталъ:

— Арсиноя!

Дѣвушка открыла глаза, взглянула на него спокойно, безъ удивленія и страха, какъ будто знала, что онъ придетъ. Но, опомнившись, вздрогнула и провела рукою по лицу.

Онъ подошелъ къ ней:

— Не бойся. Скажи слово — я уйду.

— Зачѣмъ ты пришелъ?

— Я хотѣлъ знать, правда ли...

— Юліанъ, все равно... Мы не поймемъ другъ друга.

— Правда ли, что ты вѣришь въ Него, Арсиноя?

Она не отвѣтила.

— Помнишь ту ночь въ Аѳинахъ, — продолжалъ императоръ, — помнишь, какъ ты искушала меня, галилейскаго монаха, такъ же, какъ я теперь искушаю тебя? Прежняя гордость и сила въ лицѣ твоемъ, Арсиноя, а не рабское смиреніе галилеянъ! Зачѣмъ ты лжешь? Сердце такъ не измѣняется. Скажи мнѣ правду.

— Я хочу власти, — проговорила она тихо.

— Власти? Ты еще помнишь союзъ нашъ! — воскликнулъ онъ радостно.

Она съ грустною улыбкой покачала головою:

— О, нѣтъ!.. Надъ людьми — не стоитъ. Ты самъ это знаешь. Я хочу власти надъ собою.

— И для этого идешь въ пустыню?

— Да. И еще — для свободы...

— Арсиноя, ты попрежнему любишь себя, только себя.

— Я хотѣла бы любить себя и другихъ, какъ Онъ велѣлъ. Но не могу: я ненавижу и себя и другихъ.

— Лучше совсѣмъ не жить! — воскликнулъ Юліанъ.

— Надо преодолѣть себя, — проговорила она медленно,—надо побѣдить въ себѣ не только отвращеніе къ смерти, но и отвращеніе къ жизни—это гораздо труднѣе, потому что жизнь страшнѣе смерти. Но зато, если побѣдишь себя до конца, жизнь и смерть будутъ равны—и тогда свобода!

Тонкія брови ея сжимались съ упрямствомъ неодолимой воли.

Юліанъ смотрѣлъ на нее съ отчаяніемъ:

— Что они сдѣлали съ тобою! — произнесъ онъ тихо. — Всѣ вы — мучители или мученики. Зачѣмъ вы терзаете себя? Развѣ ты не видишь — въ душѣ твоей нѣтъ ничего, кромѣ злобы и отчаянія...

Она взглянула на него съ ненавистью.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Я не звала тебя. Уйди. Какое мнѣ дѣло до того, что ты думаешь? Довольно мнѣ моихъ собственныхъ мыслей и мукъ!.. Между нами—бездна, которой живые не переступаютъ. Ты говоришь: я не вѣрю. Да, не вѣрю, но хочу вѣрить,—слышишь?—хочу и буду. Истерзаю плоть свою, изсушу ее голодомъ и жаждой, сдѣлаю безчувственнѣе мертвыхъ камней. Но главное—разумъ! Надо умертвить его, потому что онъ—дьяволъ. Онъ соблазнительнѣе всѣхъ желаній! Я укрощу его. Это будетъ послѣдняя побѣда, величайшая! И тогда—свобода. Тогда посмотримъ, возмутится ли что-нибудь во мнѣ, скажетъ ли: не вѣрю.

Она сложила ладони рукъ и протянула ихъ къ небу съ безнадежной мольбой:

— Господи, помилуй меня! Гдѣ же Ты, Господи, услышь меня и помилуй!

Юліанъ бросился передъ ней на колѣни, обвилъ станъ ея руками, насильно привлекъ къ себѣ на грудь, и глаза его сверкнули побѣдою:

— О, дѣвушка, теперь я вижу — ты не могла уйти отъ насъ, хотѣла и не могла! Пойдемъ сейчасъ, пойдемъ со мною—и завтра ты будешь супругою римскаго императора, владычицей міра. Я вошелъ сюда какъ воръ, выйду какъ царь, со своею добычею. Какая побѣда надъ галилеянами!

Лицо Арсинои сдѣлалось печальнымъ и спокойнымъ. Она взглянула на Юліана съ жалостью, не отталкивая его.

— Бѣдный, бѣдный, такой же, какъ я! Самъ не знаешь, куда зовешь. И на кого надѣешься? Боги твои — мертвецы. Отъ этой заразы, отъ страшнаго запаха тлѣна бѣгу я въ пустыню. Оставь меня. Я не могу тебѣ ничѣмъ помочь. Уйди!

Глаза его вспыхнули гнѣвомъ и страстью.

Но она произнесла еще спокойнѣе, съ еще большею жалостью, такъ что сердце его дрогнуло и похолодѣло, какъ отъ смертельной обиды.

— И зачѣмъ ты обманываешь себя? Развѣ ты не такой же невѣрующій, погибающій, какъ всѣ мы? Подумай, что значитъ твое милосердіе, страннопріимные дома, проповѣди эллинскихъ жрецовъ. Все это — подражаніе галилеянамъ, все это — новое, неизвѣстное древнимъ мужамъ, героямъ Эллады. Юліанъ, Юліанъ! развѣ боги твои — прежніе олимпійцы, лучезарные, безпощадные — страшныя дѣти небесной лазури, веселящіяся кровью жертвъ и страданіями смертныхъ? Кровь и страданія людей — нектаръ и амброзія боговъ. А твои — соблазненные вѣрой капернаумскихъ рыбаковъ, слабые, кроткіе, больные, умирающіе отъ жалости къ людямъ, потому что, видишь ли, жалость къ людямъ для боговъ смертельна!..

Буря утихла. Въ окно было видно, какъ между разорванныхъ тучъ бездонно-глубокое небо сіяло зеленою печальною зарею, въ которой умирала звѣзда Афродиты. Императоръ чувствовалъ тяжелое утомленіе. Лицо его покрылось мертвенной блѣдностью. Онъ сдѣлалъ страшныя усилія, чтобы казаться спокойнымъ, но каждое слово Арсинои проникало до самой глубины его сердца и ранило.

— Да, — продолжала она неумолимо, — вы больные, вы слишкомъ слабые для собственной мудрости. Вотъ ваше проклятіе, запоздалые эллины! Нѣтъ у васъ силы ни въ добрѣ, ни во злѣ. Вы — ни день, ни ночь, ни жизнь, ни смерть. Сердце ваше — и здѣсь и тамъ; отплыли отъ одного берега, не пристали къ другому. Вѣрите и не вѣрите, вѣчно измѣняете, вѣчно колеблетесь, хотите и не можете, потому что не умѣете желать. Сильны только тѣ, кто, видя одну истину, слѣпы для другой. Они васъ побѣдятъ — двойственныхъ, мудрыхъ и слабыхъ...

Юліанъ поднялъ голову съ усиліемъ, какъ будто преодолѣвая неимовѣрную тяжесть, и произнесъ:

— Ты неправа, Арсиноя! Душа моя не знаетъ страха, воля моя непреклонна. Силы рока ведутъ меня. Если суждено мнѣ умереть слишкомъ рано, я знаю, смерть моя предъ лицомъ боговъ будетъ прекрасной. Прощай. Видишь — я ухожу безъ гнѣва, печальный и спокойный, потому что теперь ты для меня какъ мертвая.

IX.

Надъ воротами главнаго зданія больницы Аполлона Дальномечущаго для нищихъ, странниковъ и калѣкъ на мраморномъ челѣ воротъ вырѣзана была надпись по-гречески, стихъ изъ Гомера:

Всѣ мы отъ Зевса—
Странники бѣдные. Мало даю, но съ любовью даянье.

Юліанъ вступилъ во внутренніе портики; рядъ стройныхъ іоническихъ столбовъ окружалъ дворъ: зданіе было нѣкогда палестрой.

Вечеръ стоялъ тихій, безмятежно радостный. Солнце еще не заходило. Но изъ больничныхъ портиковъ, изъ внутреннихъ покоевъ вѣяло тяжелымъ смрадомъ.

Здѣсь, въ одной кучѣ, валялись дѣти и старики, христіане и язычники, больные и здоровые, калѣки, уроды, разслабленные, хромоногіе, покрытые гнойными струпьями,

распухшіе отъ водянки, исхудалые отъ сухотки, — люди съ печатью всѣхъ пороковъ и всѣхъ страданій на лицахъ.

Полуголая старуха, въ отрепьяхъ, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, подобнымъ цвѣту сухихъ листьевъ, чесала себѣ спину, покрытую язвами, о нѣжный мраморъ іонической колонны.

Посрединѣ двора возвышалось изваяніе Аполлона Пиѳійскаго съ лукомъ въ рукахъ и колчаномъ за спиною

У самаго подножія кумира сидѣлъ сморщенный уродъ, не то дитя, не то старикъ; обнявъ колѣни руками, положивъ на нихъ подбородокъ, медленно раскачивался онъ изъ стороны въ сторону и съ тупоумнымъ выраженіемъ лица напѣвалъ жалобную пѣсенку:

— Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ окаянныхъ!

Явился главный смотритель больницы, Маркъ Авзоній, блѣдный и дрожащій.

— Мудрѣйшій и милостивѣйшій кесарь, не угодно ли тебѣ будетъ пожаловать въ мой домъ? Здѣсь воздухъ нехорошій. И зараза недалеко: отдѣленіе прокаженныхъ.

— Ты—главный смотритель?

Авзоній, стараясь не дышать, чтобы не заразиться, низко поклонился.

— Раздается ли ежедневно хлѣбъ и вино?

— Все, какъ повелѣлъ блаженный августъ.

— Какая грязь!

— Это — галилеяне. Мыться считаютъ грѣхомъ: никакими силами не загонишь въ баню...

— Вели принести счетныя книги, — проговорилъ Юліанъ.

Смотритель упалъ на колѣни и пролепеталъ:

— Государь, все въ исправности, но случилось несчастіе: книги сгорѣли...

Императоръ нахмурился.

Въ это мгновеніе раздались крики въ толпѣ больныхъ:

— Чудо, чудо! Разслабленный встаетъ!

Юліанъ обернулся и увидѣлъ, какъ человѣкъ высокаго роста съ обезумѣвшимъ отъ радости лицомъ, съ протянутыми къ нему руками, съ дѣтскою вѣрой въ глазахъ, вставалъ съ гнилой соломенной подстилки.

— Вѣрую, вѣрую, — проговорилъ разслабленный. — Ты богъ, сошедшій на землю! Вотъ лицо твое, какъ лицо бога! Прикоснись ко мнѣ, исцѣли меня, кесарь!

— Чудо, чудо!—торжествовали больные.—Слава императору, слава Аполлону-Исцѣлителю!

— И ко мнѣ, и ко мнѣ! — взывали другіе. — Скажи слово—исцѣлюсь!

Заходящее солнце проникло въ открытыя ворота и нѣжнымъ свѣтомъ озарило мраморное лицо Аполлона-Дальномечущаго. Императоръ взглянулъ на него, и вдругъ все, что дѣлалось въ больницѣ, показалось ему кощунствомъ: очи бога не должны были видѣть такого уродства. И Юліану захотѣлось очистить древнюю палестру, гдѣ нѣкогда упражнялись эллины въ вольныхъ играхъ, отъ всей этой галилейской и языческой сволочи, отъ всего этого смраднаго человѣческаго тлѣна. О, если бы древній богъ воскресъ, какъ засверкали бы очи его, какъ засвистѣли бы стрѣлы, разя этихъ калѣкъ и разслабленныхъ, очищая душный воздухъ!

Поспѣшно и молча вышелъ онъ изъ больницы Аполлона, забывъ о счетныхъ книгахъ Авзонія. Догадался, что доносъ вѣренъ, что главный смотритель—взяточникъ, но такая усталость и отвращеніе овладѣли сердцемъ его, что не хватило духу изслѣдовать обманъ и провѣрять.

Когда вернулся во дворецъ, было поздно. Велѣлъ никого не принимать и удалился на свое любимое мѣсто—высокую площадку между колоннами надъ заливомъ Босфора.

Весь день прошелъ въ скучныхъ мелкихъ дѣлахъ, въ чиновничьихъ дрязгахъ, въ провѣркѣ счетовъ. Открывалось множество взятокъ. Императоръ видѣлъ, что лучшіе друзья обманываютъ его. Всѣ эти эллинскіе ученые, поэты, риторы, которымъ онъ отдалъ управленіе міромъ, не меньше

грабили казну, чѣмъ христіанскіе евнухи и епископы во времена Константція. Страннопріимные дома, убѣжища философовъ, въ родѣ монастырей, больницы Аполлона и Афродиты были предлогомъ для наживы ловкихъ людей, тѣмъ болѣе, что не однимъ галилеянамъ, но и язычникамъ казались они смѣшною и кощунственною прихотью кесаря.

Онъ чувствовалъ, что все тѣло его ноетъ отъ тяжелой, безплодной усталости. Потушивъ лампаду, прилегъ на походное ложе.

— Надо обдумать въ тишинѣ, въ спокойствіи,—говорилъ онъ себѣ, смотря на вечернее небо.

Но думать не хотѣлось.

Огромная звѣзда сіяла въ темнѣющемъ бездонно-глубокомъ эѳирѣ. Юліанъ смежилъ вѣки, и сквозь рѣсницы лучъ ея мерцалъ, проникая въ сердце, какъ холодная ласка.

Онъ очнулся и вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то вошелъ въ комнату. Лунный свѣтъ падалъ между колоннами. Высокій старикъ съ длинной, бѣлой, какъ лунь, бородой, съ глубокими темными морщинами, въ которыхъ выражалось не страданіе, а усиліе воли и мысли, стоялъ надъ ложемъ его. Юліанъ приподнялся и прошепталъ:

— Учитель! Это ты?..

— Да, Юліанъ, я пришелъ говорить съ тобой наединѣ.

— Я слушаю.

— Сынъ мой, ты погибнешь, потому что измѣнилъ себѣ.

— И ты, Максимъ, и ты противъ меня!..

— Помни, Юліанъ: плоды золотыхъ Гесперидъ вѣчно зелены и жестки. Милосердіе—мягкость и сладость перезрѣлыхъ, гніющихъ плодовъ. Ты постникъ, ты цѣломудренъ, ты скорбенъ, ты милосердъ, ты называешь себя врагомъ христіанъ, но ты самъ — христіанинъ. Скажи мнѣ, чѣмъ ты хочешь побѣдить Распятаго?

— Силой боговъ, красотой и веселіемъ.

— Есть ли у тебя сила?

— Есть.

— Такая, чтобы вынести полную истину?

— Да.

— Такъ знай же—*ихъ* нѣтъ.

Юліанъ въ ужасѣ заглянулъ въ спокойные, мудрые глаза учителя.

— Про кого ты говоришь: «ихъ нѣтъ»?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, блѣднѣя.

— Я говорю: нѣтъ боговъ. Ты—одинъ.

Ученикъ Максима ничего не отвѣтилъ и опустилъ голову на грудь.

Глубокая нѣжность затеплилась въ глазахъ учителя. Онъ положилъ руку свою на плечо Юліану.

— Утѣшься. Или ты не понялъ? Я хотѣлъ испытать тебя. Боги есть. Видишь, какъ ты слабъ. Ты не можешь быть одинъ. Боги есть, они любятъ тебя. Только помни: не ты соединишь правду Скованнаго Титана съ правдой Галилеянина Распятаго. Хочешь, я скажу тебѣ, каковъ будетъ *онъ*, не пришедшій, Невѣдомый, примиритель двухъ міровъ.

Юліанъ молчалъ, все еще испуганный и блѣдный.

— Вотъ онъ явится,—продолжалъ Максимъ,—какъ молнія изъ тучи, смертоносный и всеозаряющій. Онъ будетъ страшенъ и безстрашенъ. Въ немъ сольются добро и зло, смиреніе и гордость, какъ свѣтъ и тѣнь сливаются въ утреннихъ сумеркахъ. И люди благословятъ его не только за милосердіе, но и за безпощадность: въ ней будетъ сила и красота богоподобная.

— Учитель,—воскликнулъ императоръ,—вотъ я вижу все это въ глазахъ твоихъ. Скажи, что ты—Невѣдомый, и я благословлю тебя и пойду за тобой!..

— Нѣтъ, сынъ мой! Я свѣтъ отъ свѣта его, духъ отъ духа его. Но я еще не онъ. Я—надежда, я—предвѣстникъ.

— Зачѣмъ же скрываешься ты отъ людей? Явись имъ, чтобы они узнали тебя...

— Время мое не настало,—отвѣтилъ Максимъ.—Уже не разъ приходилъ я въ міръ и еще приду не разъ. Люди боятся меня, называютъ то великимъ мудрецомъ, то соблазнителемъ, то волшебникомъ—Орфеемъ, Пиѳагоромъ, Максимомъ Эфесскимъ. Но я—Безыменный. Я прохожу мимо

толпы съ нѣмыми устами, съ закрытымъ лицомъ. Ибо, что могу я сказать толпѣ? Не поймутъ они и перваго слова моего. Тайна любви и свободы моей для нихъ страшнѣе смерти. Они такъ далеки отъ меня, что даже не распинаютъ меня и не побиваютъ каменьями, какъ своихъ пророковъ, а только не узнаютъ. Я живу въ гробахъ и бесѣдую съ мертвыми, ухожу на горныя вершины и бесѣдую съ звѣздами, ухожу въ пустыни и прислушиваюсь, какъ трава растетъ, какъ стонутъ волны моря, какъ бьется сердце земли,—подстерегаю, не пришло ли время. Но время еще не пришло,—и я опять ухожу, какъ тѣнь, съ нѣмыми устами и закрытымъ лицомъ.

— Не уходи, учитель, не покидай меня!

— Не бойся, Юліанъ! Я не покину тебя до конца. Я люблю тебя, потому что ты долженъ погибнуть изъ-за меня, возлюбленный сынъ мой,—и нѣтъ тебѣ спасенія. Прежде чѣмъ приду я въ міръ и откроюсь людямъ, много еще погибнетъ великихъ, отверженныхъ, возмутившихся противъ Бога, съ глубокимъ и двойственнымъ сердцемъ, соблазненныхъ мудростью моею, отступниковъ, подобныхъ тебѣ. Люди проклянутъ тебя, но никогда не забудутъ, потому что на тебѣ моя печать, ты созданіе мое, ты дитя моей мудрости. Люди позднихъ грядущихъ вѣковъ узнаютъ въ тебѣ меня, въ твоемъ отчаяньи мои надежды, и сквозь позоръ твой—мое величіе, какъ солнце сквозь туманъ.

— О божественный!—воскликнулъ Юліанъ.—Если слова твои ложь, дай мнѣ умереть за эту ложь, потому что она прекраснѣе истины!

— Нѣкогда я благословилъ тебя на жизнь и на царство, императоръ Юліанъ; нынѣ благословляю тебя на смерть и безсмертіе. Иди, погибни за Невѣдомаго, за Грядущаго, за Антихриста.

Съ торжественной и тихой улыбкой, какъ отецъ, благословляющій сына, старикъ возложилъ руки на голову Юліана, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ:

— Вотъ опять скрываюсь я въ подземный мракъ, и никто не узнаетъ меня. Да будетъ духъ мой на тебѣ.

X.

Въ Великой Антіохіи, столицѣ Сиріи, въ переулкѣ, недалеко отъ главной улицы Сингóнъ, находились термы — теплыя бани. Бани были модныя, дорогія. Многія приходили сюда, чтобы услышать послѣднія городскія новости.

Между раздѣвальней и холодильней роскошная зала, вымощенная цвѣтными мраморами и мозаикой, назначена была для потѣнія.

Изъ сосѣднихъ залъ слышалось непрерывное журчаніе струй въ звонкія купальни, въ огромные водоемы, плескъ и смѣхъ купающихся. Смуглые рабы, голые банщики бѣгали, суетились, откупоривали сосуды съ благовоніями. Въ Антіохіи баня была главною радостью жизни—высокимъ и разнообразнымъ искусствомъ: не даромъ славилась столица Сиріи обиліемъ, вкусомъ и чистотою воды, такой прозрачной, что наполненная купальня или ведро казались пустыми.

Сквозь млечно-бѣлые пары, подымавшіеся изъ мраморныхъ отдушинъ, въ залѣ для потѣнія виднѣлись красныя голыя тѣла. Иные полулежали, другіе сидѣли; нѣкоторыхъ банщики натирали масломъ. Всѣ разговаривали и потѣли съ важнымъ видомъ. Красота древнихъ изваяній, разставленныхъ по стѣнамъ въ углубленіяхъ, Антиноевъ и Адонисовъ, усиливала новое уродство живыхъ человѣческихъ тѣлъ.

Изъ горячей купальни вышелъ жирный старикъ, величественной и безобразной наружности—купецъ Бузирѝсъ, державшій въ рукахъ своихъ всю торговлю антіохійскаго хлѣбнаго рынка. Стройный молодой человѣкъ почтительно поддерживалъ его подъ руку. Хотя оба они были голы, но можно было тотчасъ видѣть, кто господинъ, кто кліэнтъ.

— Поддай жару!—проговорилъ Бузирѝсъ повелительнымъ, хриплымъ голосомъ: по густотѣ этого звука легко было заключить, какими милліонами ворочаетъ хлѣбникъ.

Открыли два мѣдныхъ крана: горячій паръ съ шипѣніемъ вырвался изъ отдушины и окружилъ старика бѣлымъ облакомъ. Какъ чудовищный богъ въ апоѳеозѣ, стоялъ онъ въ этомъ облакѣ, сопѣлъ, кряхтѣлъ отъ наслажденія и похлопывалъ жирными ладонями по красному, мясистому брюху, звучавшему какъ барабанъ.

Бывшій смотритель страннопріимныхъ домовъ и больницъ Аполлона, чиновникъ квестуры Маркъ Авзоній, сидѣлъ на корточкахъ; крохотный, худенькій, рядомъ съ жирной громадой купца, казался онъ ощипаннымъ и замороженнымъ цыпленкомъ.

Насмѣшникъ Юній Маврикъ никакъ не могъ вызвать пота на своемъ жилистомъ сухомъ, какъ палка, костлявомъ тѣлѣ, пропитанномъ желчью.

Гаргиліанъ лежалъ, растянувшись на мозаичномъ полу, дебелый, дряблый, мягкій, какъ студень, огромный, какъ туша борова: пафлагонскій рабъ, задыхаясь отъ натуги, теръ ему пухлую спину мокрой суконкой.

Разбогатѣвшій стихотворецъ Публій Порфирій Оптатіанъ съ грустною задумчивостью смотрѣлъ на свои ноги, изуродованныя подагрой.

— Знаете ли, друзья мои, письмо бѣлыхъ быковъ римскому императору?—спросилъ поэтъ.

— Не знаемъ. Говори.

— Всего одна строчка· «Если ты побѣдишь персовъ, мы погибли».

— И все?

— Чего же больше?

Бѣлая туша Гаргиліана затряслась отъ хохота:

— Клянусь Палладою, коротко, но вѣрно! Если только онъ вернется побѣдителемъ изъ Персіи, то принесетъ въ жертву богамъ такое множество бѣлыхъ быковъ, что эти животныя сдѣлаются большею рѣдкостью, чѣмъ египетскій Апись. Рабъ, поясницу! Сильнѣе!

И туша, медленно перевернувшись на другой бокъ, шлепнулась съ такимъ звукомъ, какъ будто бросили на полъ кучу мокраго бѣлья.

— Хэ-хэ-хэ!—засмѣялся Юній тоненькимъ, желчнымъ смѣхомъ.—Изъ Индіи, съ острова Тапробана, привезли, говорятъ, несмѣтное множество бѣлыхъ рѣдкостныхъ птицъ. А откуда-то изъ ледяной Скиѳіи—огромныхъ дикихъ лебедей. Все для боговъ. Откармливаетъ олимпійцевъ. Отощали, бѣдненькіе, со временъ Константина!

— Боги объѣдаются, а мы постимся. Вотъ уже три дня, какъ на рынкѣ ни одного колхидскаго фазана, ни одной порядочной рыбы!—воскликнулъ Гаргиліанъ.

— Молокососъ!—замѣтилъ хлѣбный купецъ отрывисто.

Всѣ обернулись, почтительно умолкнувъ.

— Молокососъ!—повторилъ Бузирійсъ еще болѣе важнымъ и сиплымъ голосомъ.—Если бы вашему римскому кесарю, говорю я, прищемить губки или носикъ, молоко изъ нихъ потекло бы, какъ у сосунка двухнедѣльнаго. Хотѣлъ сбить цѣну на хлѣбъ, запретилъ продавать по той, которую сами назначили, четыреста тысячъ мѣръ египетской пшеницы выписалъ...

— И что же? Сбилъ?

— А вотъ слушайте. Подговорилъ я купцовъ; заперли житницы; лучше, думаемъ, пшеницу сгноимъ, а не покоримся. Египетскій хлѣбъ съѣли, нашего не даемъ. Самъ заварилъ, самъ расхлебывай!

Бузирійсъ съ торжествомъ хлопнулъ себя по брюху ладонями.

— Довольно пару. Лей!—приказалъ купецъ, и молодой красивый рабъ, съ длинными кудрями, похожій на Антиноя, откупорилъ надъ его головой тонкую амфору съ драгоцѣнной аравійской кассіей. Ароматы полились обильными струями по красному потному тѣлу, и Бузирійсъ растиралъ густыя капли съ наслажденіемъ. Потомъ, умастившись, съ важностью вытеръ толстые пальцы, какъ о полотенце, о золотистые кудри раба, наклонившаго голову.

— Совершенно вѣрно изволила замѣтить твоя милость,— вставилъ съ поклономъ угодливый прихлебатель-кліэнтъ,— императоръ Юліанъ не что иное какъ молокососъ. Недавно

выпустилъ онъ пасквиль на гражданъ Антіохіи подъ названіемъ *Ненавистникъ бороды*, въ коемъ на ругань черни отвѣтствуетъ еще болѣе наглою руганью, прямо объявляя: «Вы смѣетесь надъ моею грубостью, надъ моею бородой? Смѣйтесь, сколько угодно! Самъ я буду смѣяться надъ собою. Не надо мнѣ ни суда, ни доносовъ, ни тюремъ, ни казней». Но, спрашивается, достойно ли сіе римскаго кесаря?

— Блаженной памяти императоръ Констанцій,—наставительно замѣтилъ Бузирѝсъ,—не чета былъ Юліану: сразу, по одеждѣ, по осанкѣ видно было—кесарь. А этотъ, прости Господи, выкидышъ боговъ, коротконогая обезьяна, медвѣдь косолапый, шляется по улицамъ неумытый, небритый, нечесаный, съ чернильными пятнами на пальцахъ. Смотрѣть тошно. Книжки, ученость, философія! Подожди, проучимъ мы тебя за вольнодумство. Съ этимъ шутить нельзя. Народъ надо держать вотъ какъ! Распустишь,— не соберешь.

Маркъ Авзоній, до тѣхъ поръ молчавшій, проговорилъ задумчиво:

— Все можно бы простить, но зачѣмъ отнимаетъ онъ у насъ послѣднюю радость жизни—циркъ, сраженія гладіаторовъ? Друзья мои, видъ крови даетъ людямъ блаженство. Это—святая радость. Безъ крови нѣтъ веселья, нѣтъ величья на землѣ. Запахъ крови—запахъ Рима...

На лицѣ послѣдняго потомка Авзоніевъ вспыхнуло слабое странное чувство. Онъ вопросительно обвелъ слушателей простодушными, не то старческими, не то дѣтскими глазами.

Огромная туша Гаргиліана зашевелилась на полу; поднявъ голову, онъ уставился на Авзонія.

— А вѣдь хорошо сказано: запахъ крови—запахъ Рима! Продолжай, продолжай, Маркъ, ты сегодня въ ударѣ.

— Я говорю, что́ чувствую, друзья! Кровь такъ сладостна людямъ, что даже христіане не могли безъ нея обойтись: кровью думаютъ они очистить міръ. Юліанъ дѣлаетъ ошибку: отнимая у народа циркъ, отнимаетъ онъ

веселье крови. Чернь простила бы все, но этого не проститъ...

Послѣднія слова Маркъ произнесъ вдохновеннымъ голосомъ. Вдругъ провелъ рукою по тѣлу, и лицо его просіяло.

— Потѣешь?—спросилъ Гаргиліанъ съ глубокимъ участіемъ.

— Кажется, потѣю,—отвѣчалъ Авзоній съ тихой восторженной улыбкой. — Три, три скорѣе спину, пока не простылъ, три!

Онъ легъ. Банщикъ началъ растирать жалкіе безкровные члены его, подернутые синеватою блѣдностью, какъ у мертвеца.

Изъ порфировыхъ углубленій, сквозь млечное облако пара, древнія эллинскія изваянія смотрѣли на безобразныя тѣла новыхъ людей.

А между тѣмъ въ переулкѣ, у входа въ термы, собиралась толпа.

Ночью Антіохія блистала огнями, особенно главная улица Сингонъ, прямая, пересѣкавшая городъ на протяженіи 36 стадій, съ портиками и двойными колоннадами во всю длину, съ роскошными лавками. Передъ лѣстницей бань, озаряя пеструю толпу, пылали уличные свѣтильники, раздуваемые вѣтромъ. Смолистая копоть разстилалась клубами съ желѣзныхъ подсвѣчниковъ.

Въ толпѣ слышались насмѣшки надъ императоромъ. Уличные мальчишки шныряли, выкрикивая насмѣшливыя пѣсенки. Старая поденщица, схвативъ одного изъ нихъ и задравъ ему рубашонку на голову, ударяла по голому заду звонкой подошвой сандаліи, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Будешь, чертенокъ, пѣть срамныя пѣсни!

Смуглолицый мальчикъ кричалъ пронзительно.

Другой, вскарабкавшись на спину товарищу, углемъ чертилъ карикатуру на бѣлой стѣнѣ—длиннобородаго козла въ императорской діадемѣ. Мальчикъ постарше, должно-быть, школьникъ, съ милымъ, бойкимъ и плутоватымъ

лицомъ, выводилъ подъ рисункомъ надпись крупными буквами: «Се нечестивый Юліанъ».

Стараясь сдѣлать свой голосъ грубымъ и страшнымъ, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ медвѣдь, онъ рычалъ:

Мясникъ идетъ,
Мясникъ идетъ,
Острый ножъ несетъ,
Бородой трясетъ,
Съ шерстью черною,
Съ шерстью длинною,—
Бородой своей козлиною.

Прохожій, старый человѣкъ, въ темныхъ одеждахъ, должно-быть, церковникъ, остановился, послушалъ мальчика, покачалъ головою, поднялъ глаза къ небу и обратился къ рабу-носильщику:

— Изъ устъ младенца правда исходитъ. Не лучше ли всѣмъ намъ жилось при Каппѣ и Хи?

— Что значитъ: Каппа и Хи?

— Не разумѣешь? Греческой буквой *каппа* начинается имя «Констанцій», а *хи* первая буква въ словѣ «Христосъ». Ни Констанцій, ни Христосъ, говорю я, не сдѣлали жителямъ Антіохіи никакого зла—не то, что разные проходимцы-философы...

— Что вѣрно, то вѣрно. При Каппѣ и Хи намъ лучше жилось!

Пьяный оборванецъ, подслушавъ эту остроту, съ торжествующимъ видомъ помчался разносить ее по улицамъ.

— При Каппѣ и Хи недурно жилось!—кричалъ онъ.— Да здравствуютъ Каппа и Хи!

Шутка облетѣла всю Антіохію, понравившись черни безсмысленной неопровержимостью.

Еще большее веселіе царствовало въ кабакѣ противъ бань, принадлежавшемъ каппадокійскому армянину Сираксу: давно уже перенесъ онъ торговлю изъ окрестностей Цезареи близъ Мацеллума въ Антіохію.

Изъ козьихъ мѣховъ, изъ огромныхъ глиняныхъ амфоръ щедро цѣдилось вино въ оловянные кубки. Гово-

рили, какъ и вездѣ, объ императорѣ. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличался маленькій сиріецъ-солдатъ Стромбикъ, тотъ самый, который участвовалъ въ походѣ цезаря Юліана противъ сѣверныхъ варваровъ Галліи. Рядомъ съ нимъ былъ его неизмѣнный спутникъ и другъ, исполинскаго роста сарматъ Арагарій.

Стромбикъ чувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ. Больше всего въ мірѣ любилъ онъ всевозможные бунты и возмущенія.

Онъ собирался произнести рѣчь.

Старуха-тряпичница сообщила новость:

— Погибли, погибли мы всѣ до единаго. Покаралъ Господь! Сосѣдка такое сказывала, что сперва не повѣрили.

— Что же, старушка,—разскажи.

— Въ Газѣ, милые, въ городѣ Газѣ случилось. Напали язычники на женскую обитель. Выволокли монахинь, раздѣли, привязали къ столбамъ на площади, разсѣкли тѣла ихъ, и, обсыпавъ ячменемъ, трепещущія внутренности кинули свиньямъ!

— Я самъ видѣлъ,—добавилъ молодой прядильщикъ съ блѣднымъ, упрямымъ лицомъ,—въ Геліополисѣ Лаванскомъ язычникъ пожиралъ сырую печень убитаго діакона.

— Мерзость,—проговорилъ мѣдникъ, нахмурившись.

Многіе перекрестились.

При помощи Арагарія Стромбикъ вскарабкался на липкій столъ съ лужей вина, и, подражая ораторамъ, съ величественнымъ видомъ обратился къ толпѣ. Арагарій одобрительно кивалъ головою и указывалъ на него съ гордостью.

— Граждане!—началъ Стромбикъ.—Доколѣ будемъ терпѣть? Знаете ли вы, что Юліанъ поклялся, вернувшись изъ Персіи побѣдителемъ, собрать святыхъ мужей и бросить ихъ на съѣденіе звѣрямъ. Притворы базиликъ обратить въ сѣновалы, алтари—въ конюшни...

Въ двери кабака вкатился кубаремъ горбатый старичокъ, блѣдный отъ страха, мужъ тряпичницы, стекольщикъ. Онъ остановился, въ отчаяніи ударилъ себя обѣими руками по ляжкамъ, обвелъ всѣхъ глазами и пролепеталъ:

— Слышали? Вотъ такъ штука! Двѣсти мертвыхъ тѣлъ въ колодцахъ и водосточныхъ трубахъ!

— Когда? Гдѣ? Какихъ мертвыхъ тѣлъ? Что такое?

— Тише, тише!—замахалъ руками стекольщикъ и продолжалъ таинственнымъ шопотомъ.—Говорятъ, отступникъ давно уже гадаетъ по внутренностямъ живыхъ людей о войнѣ съ персами...

И онъ прибавилъ, задыхаясь отъ наслажденія:

— Въ подвалахъ Антіохійскаго дворца отыскали ящики съ костями. Кости-то человѣчьи! А въ городѣ Каррахъ, недалеко отъ Эдессы, нашли въ подземномъ капищѣ трупъ беременной женщины, подвѣшенной за волосы,—животъ распоротъ, младенецъ вынутъ изъ чрева: Юліанъ гадалъ по печени неродившагося о будущемъ—все о проклятой войнѣ съ персами, о побѣдѣ надъ христіанами...

— Эй, Глутуринъ, правда ли, что въ выгребныхъ ямахъ находятъ человѣчьи кости? Ты долженъ знать,—спросилъ сапожникъ.

Глутуринъ, чистильщикъ клоакъ, стоялъ у дверей, не смѣя войти, потому что отъ него дурно пахло. Когда ему предложили вопросъ, онъ по обыкновенію началъ застѣнчиво улыбаться и моргать воспаленными вѣками:

— Нѣтъ, почтенные,—отвѣчалъ онъ кротко.—Младенцевъ находили. Еще ослиные и верблюжьи остовы. А человѣчьихъ какъ будто не видать...

Когда Стромбикъ снова заговорилъ, чистильщикъ клоакъ смотрѣлъ на оратора благоговѣйно и, почесывая голую ногу о косякъ двери, слушалъ съ неизъяснимымъ наслажденіемъ.

— Мужи - братья, отомстимъ! — восклицалъ ораторъ пламенно. — Умремъ за свободу, какъ древніе римляне!..

— Чего глотку дерешь?—разсердился вдругъ сапожникъ.—Какъ до дѣла, небось первый улизнешь, а другихъ на смерть посылаешь...

— Трусы вы, трусы!—вмѣшалась въ разговоръ нарумяненная и набѣленная женщина въ пестромъ, бѣдномъ нарядѣ, уличная блудница, называемая поклонниками попросту «Волчихой». — Знаете ли вы,—продолжала она съ негодованіемъ,—что́ сказали палачамъ святые мученики Македоній, Ѳеодулъ и Татіанъ?

— Не знаемъ. Говори, Волчиха!

— Сама слышала. Въ Миррѣ Фригійской три юноши—Македоній, Ѳеодулъ и Татіанъ ночью вошли въ эллинскій храмъ и сокрушили идоловъ во славу Божью. Проконсулъ Амахій схватилъ исповѣдниковъ, и, положивъ на желѣзныя сковороды, велѣлъ развести огонь. Они же говорили: «Если ты, Амахій, хочешь испробовать жаренаго мяса, поверни насъ на другой бокъ, чтобы мы на твой вкусъ не показались недопеченными». И всѣ трое засмѣялись и плюнули ему въ лицо. И многіе видѣли, какъ ангелъ слетѣлъ съ тремя вѣнцами. Небось, вы бы такъ не отвѣтили? Только за свою шкуру трястись умѣете. Смотрѣть тошно!

Волчиха отвернулась съ презрѣніемъ.

Съ улицы долетѣли крики.

— Ужъ не идоловъ ли бьютъ?—обрадовался стекольщикъ.

— Граждане, за мною!—размахивалъ руками Стромбикъ. Онъ хотѣлъ соскочить со стола, но, поскользнувшись, грохнулся бы на полъ, если бы вѣрный Арагарій не принялъ его съ нѣжностью въ свои объятья.

Всѣ кинулись къ дверямъ. Съ главной улицы Сингонъ двигалась огромная толпа и, запрудивъ тѣсный переулокъ, остановилась передъ банями.

— Старецъ Памва, старецъ Памва!—сообщали другъ другу съ радостью.—Изъ пустыни пришелъ народъ обличить, великихъ низвергнуть, малыхъ спасти!

XI.

У старца было грубое широкоскулое лицо; весь онъ обросъ волосами; вмѣсто туники облекалъ его холщевый заплатанный мѣшокъ, вмѣсто хламиды—пыльный бараній мѣхъ съ куколемъ для головы; на ходу позвякивалъ онъ длинною палкой съ острымъ наконечникомъ. Двадцать лѣтъ не мылся Памва, потому что считалъ опрятность тѣла грѣховной, вѣря, что есть особый дьяволъ чистоты тѣлесной. Въ страшной пустынѣ, Бореѣ Халибонской, на востокъ отъ Антіохіи, гдѣ змѣи и скорпіоны гнѣздились на днѣ выжженныхъ колодцевъ, жилъ онъ въ одномъ изъ такихъ колодцевъ, питаясь въ день пятью стеблями особаго тростника, мучнистаго и сладкаго. Едва не умеръ отъ изнуренія. Тогда ученики стали ему спускать пищу. Онъ разрѣшилъ себѣ въ день половину секстарія чечевицы, смоченной водою. Зрѣніе его ослабѣло, кожа покрылась шелудями. Онъ прибавилъ немного масла, но сталъ обвинять себя въ чревоугодіи.

Памва узналъ отъ учениковъ, что овецъ Христовыхъ гонитъ лютый волкъ-Антихристъ—императоръ Юліанъ, покинулъ пустыню и пришелъ въ Антіохію укрѣпить ослабѣвшихъ въ вѣрѣ.

— Слушайте, слушайте, старецъ говоритъ!

Памва взошелъ на лѣстницу передъ банями, остановился на мраморной площадкѣ у подножія свѣтильниковъ и обвелъ вокругъ себя рукою, указывая народу на языческіе храмы, термы, лавки, дворцы, судилища, памятники.

— Не останется камня на камнѣ! Все пройдетъ, все погибнетъ. Вспыхнетъ огонь и пожретъ міръ. Небеса съ шумомъ совьются, какъ обугленный свитокъ. Се — страшный судъ Христовъ, необъятное зрѣлище! Куда обращу мои взоры? Чѣмъ полюбуюсь? Не тѣмъ ли, какъ Афродита, богиня любви, съ маленькимъ сыномъ Эросомъ, трепещетъ въ наготѣ своей передъ лицомъ Распятаго? Какъ Зевсъ

съ потухшими громами и всѣ олимпійскіе боги бѣгутъ отъ громовъ Всевышняго? Торжествуйте, мученики! Веселитесь, гонимые! Гдѣ ваши судьи—римскіе начальники, проконсулы? Вотъ охвачены они пламенемъ сильнѣе того, на которомъ жгли христіанъ. Философы, гордившіеся суетною мудростью, покраснѣютъ отъ стыда передъ учениками своими, пылая въ геенн'ѣ, и уже не помогутъ имъ ни силлогизмы Аристотеля, ни доказательства Платона! Завопятъ трагическіе актеры, какъ не вопили ни въ одной трагедіи Софокла и Эсхила! Запрыгаютъ канатные плясуны на адскомъ огнѣ съ проворствомъ невиданнымъ! Тогда мы, люди грубые и невѣжественные, содрогнемся отъ радости и скажемъ сильнымъ, разумнымъ и гордымъ: «Вотъ смотрите: Осмѣянный, вотъ Распятый. Сынъ плотника и поденщицы, вотъ Царь Іудеи, покрытый багряницей, вѣнчанный терніемъ! Вотъ Нарушитель субботы Самаритянинъ. Одержимый бѣсомъ! Вотъ, Кого связали вы въ преторіи, Кому плевали въ лицо, Кого напоили желчью и уксусомъ»! И услышимъ мы въ отвѣтъ вопль и скрежетъ зубовный, и посмѣемся, и насытимъ сердце наше веселіемъ. Ей, гряди, Господи Іисусе!

Глутуринъ, чистильщикъ клоакъ, упалъ на колѣни, и, моргая воспаленными вѣками, какъ бы видя Христа грядущаго, простиралъ къ нему руки. Мѣдникъ, крѣпко сжавъ кулаки, замеръ, какъ быкъ, готовый сдѣлать страшный прыжокъ. Блѣднолицый долговязый прядильщикъ, дрожа всѣми членами, безсмысленно улыбался и бормоталъ: «Господи, Господи, помилуй!» На грубыхъ лицахъ бродягъ и чернорабочихъ выражалось злорадное торжество слабыхъ надъ сильными, рабовъ надъ господами. Блудница Волчиха, оскаливъ зубы, тихонько смѣялась, и неукротимая жажда мести сверкала въ ея глазахъ, пьяныхъ и грозныхъ.

Вдругъ послышалось бряцаніе оружія, стройный тяжкій топотъ. Изъ-за угла появились римскіе воины—ночная стража. Впереди шелъ префектъ Востока, Саллюстій Секундъ. У него была чиновничья римская голова, четырехугольная, съ горбатымъ орлинымъ носомъ, съ широкимъ го-

лымъ черепомъ, съ умнымъ, спокойнымъ и добрымъ взглядомъ; простая сенаторская латиклава облекала его; въ осанкѣ не было никакой важности, но простота и благородство древняго патриція.

Изъ-за круглой далекой крыши Пантеона, воздвигнутаго Антіохомъ Селевкомъ, медлѣнно выплывала громадная, тусклобагровая луна: зловѣщіе отблески задрожали на мѣдныхъ римскихъ щитахъ, шлемахъ и панцыряхъ.

— Разойдитесь, граждане!—обратился Саллюстій къ толпѣ.—Повелѣніемъ блаженнаго августа воспрещены ночныя собранія на улицахъ.

Чернь загудѣла и заволновалась. Ребятишки подняли свистъ; визгливый дерзкій голосокъ затянулъ пѣсенку:

Ку-ку-ре-ку!
Горе бѣднымъ пѣтушкамъ,
Горе бѣленькимъ бычкамъ,
Перебьетъ ихъ императоръ
Въ жертву мерзостнымъ богамъ!

Раздался быстрый, грозный лязгъ желѣза: римскіе легіонеры, всѣ сразу, вынули мечи изъ ноженъ, готовые кинуться въ толпу.

Старецъ Памва застучалъ желѣзнымъ остреемъ клюки о мраморныя плиты и закричалъ:

— Здравствуй, храброе сатанинское воинство, здравствуй, премудрый начальникъ римскій! Вспомнили, должнобыть, старину, когда вы насъ жгли, древней философіи учили, а мы за васъ Богу молились. Ну, что жъ, добро пожаловать!..

Легіонеры подняли мечи. Префектъ остановилъ ихъ движеніемъ руки.

Онъ видѣлъ, что толпа въ его власти.

— Чѣмъ вы грозите намъ, глупые?—продолжалъ Памва, обращаясь къ Саллюстію.—Что вы можете? Довольно намъ одной темной ночи и двухъ, трехъ факеловъ, чтобъ отомстить. Вы боитесь аламановъ и персовъ; мы—страшнѣе аламановъ и персовъ! Мы—всюду, мы—среди васъ, безчисленные, неуловимые! Нѣтъ у насъ границъ, нѣтъ отечества; мы

признаемъ одну республику—вселенную! Мы—вчерашніе, и уже наполняемъ міръ—ваши города, крѣпости, острова, муниципіи, совѣты, лагери, трибы, декуріи, дворцы, сенатъ, форумъ,—только храмы еще оставляемъ вамъ. О, какъ истребили бы мы васъ, если бы только не наше смиреніе, не наше милосердіе, если бы не хотѣли мы лучше быть убиваемы, чѣмъ убивать! Не надо намъ ни меча, ни огня: такъ много насъ, что стоитъ лишь всѣмъ сразу удалиться—и вы погибли, города ваши опустѣютъ, вы ужаснетесь своему одиночеству, молчанію міра; остановится всякая жизнь, пораженная смертью. Помните же: Римская имперія сохраняется только нашимъ христіанскимъ терпѣніемъ!

Всѣ взоры обращены были на Памву: никто не замѣтилъ, какъ человѣкъ въ грубой, старой хламидѣ странствующаго философа, съ желтымъ исхудалымъ лицомъ, съ косматыми волосами и длинной черной бородой, окруженный нѣсколькими спутниками, быстро прошелъ среди римскихъ воиновъ, почтительно передъ нимъ разступившихся. Онъ наклонился къ префекту Саллюстію и шепнулъ ему на ухо:

— Зачѣмъ медлишь?

— Если подождать,—отвѣчалъ Саллюстій, — сами разойдутся. И безъ того у галилеянъ слишкомъ много мучениковъ, чтобы дѣлать новыхъ; они летятъ на смерть, какъ пчелы на медъ.

Человѣкъ въ одеждѣ философа, выступивъ впередъ, произнесъ громкимъ, твердымъ голосомъ, какъ военачальникъ, привыкшій повелѣвать:

— Разогнать толпу! Схватить мятежниковъ!

Всѣ сразу обернулись. Раздался крикъ ужаса:

— Августъ, августъ Юліанъ!

Воины бросились въ толпу съ обнаженными мечами; повалили старушку-тряпичницу. Въ ногахъ легіонеровъ барахталась она и визжала. Нѣкоторые бѣжали. Прежде всѣхъ скрылся маленькій Стромбикъ. Произошла свалка. Полетѣли камни. Мѣдникъ, защищая Памву, бросилъ камень въ легіонера, но попалъ въ стоявшую рядомъ Волчиху. Она слабо

вскрикнула и упала, обливаясь кровью, думая, что умираетъ мученицей.

Воинъ схватилъ Глутурина. Но чистильщикъ клоакъ отдался съ такою готовностью — доля страдальца, всѣми почитаемаго, казалась ему раемъ въ сравненіи съ его обыкновенною жизнью впроголодь, и отъ его отрепьевъ такъ дурно пахло, что легіонеръ тотчасъ же съ отвращеніемъ выпустилъ плѣнника.

Въ середину толпы, съ осломъ, нагруженнымъ свѣжей капустой, нечаянно затесался погонщикъ. Все время съ разинутымъ ртомъ слушалъ онъ старца. Замѣтивъ опасность, хотѣлъ убѣжать, но оселъ заупрямился. Напрасно погонщикъ сзади колотилъ его палкой и понукалъ; упершись въ землю передними ногами, пригнувъ уши и поднявъ хвостъ, животное издавало оглушительный ревъ.

И долго этотъ ослиный ревъ звучалъ надъ толпой, заглушая стоны умирающихъ, брань солдатъ, молитвы христіанъ.

Врачъ Орибазій, бывшій среди спутниковъ Юліана, подошелъ къ нему.

— Юліанъ, что ты дѣлаешь? Достойно ли твоей мудрости?..

Августъ посмотрѣлъ на него такъ, что онъ запнулся и умолкъ.

Юліанъ не только измѣнился, но и постарѣлъ въ послѣднее время: на осунувшемся лицѣ его было то жалкое, страшное выраженіе, которое бываетъ у людей, одержимыхъ медленной, неисцѣлимой болѣзнью или одною всепоглощающей мыслью, близкой къ сумасшествію.

Въ сильныхъ рукахъ онъ рвалъ и комкалъ, самъ того не замѣчая, случайно попавшій въ нихъ папирусный свитокъ—свой собственный указъ. Наконецъ, заглянувъ прямо въ глаза Орибазію, произнесъ глухимъ сдавленнымъ шопотомъ:

— Поди прочь отъ меня, и всѣ вы подите прочь съ вашими совѣтами, глупцы! Я знаю, что дѣлаю. Съ негодяями, не вѣрующими въ боговъ, нельзя говорить, какъ съ людьми,

надо истреблять ихъ, какъ хищныхъ звѣрей... И, наконецъ, что за бѣда, если десятокъ-другой галилеянъ будутъ убиты рукою одного эллина?

У Орибазія мелькнула мысль: «Какъ онъ похожъ теперь на своего двоюроднаго брата Констанція въ минуты ярости».

Юліанъ закричалъ толпѣ голосомъ, который ему самому казался чужимъ и страшнымъ:

— Пока еще, милостью боговъ, я — императоръ, слушайтесь меня, галилеяне! Вы можете смѣяться надъ бородой и одеждой моей, но не надъ римскимъ закономъ. Помните: я казню васъ не за вѣру, а за бунтъ. Въ цѣпи негодяя!

Онъ указалъ на Памву дрожащей рукой. Старца схватили два бѣлокурыхъ, голубоглазыхъ варвара.

— Лжешь, богохульникъ!—вопилъ торжествующій Памва. — За вѣру Христову казнишь! Зачѣмъ же ты не милуешь меня, какъ нѣкогда Мариса, слѣпца халкедонскаго? Зачѣмъ, по обычаю своему, не прикрываешь насиліе ласкою, уду—приманкою? Гдѣ твоя философія? Или времена ужъ не тѣ? Слишкомъ далеко зашелъ? Братья, убоимся не кесаря римскаго, а Бога Небеснаго!..

Теперь никто уже не думалъ бѣжать. Страдальцы заражали другъ друга безстрашіемъ. Батавы и кельты ужасались этой готовности умереть, смѣющимся, кроткимъ и безумнымъ лицамъ. Подъ удары мечей и копій кидались даже дѣти. Юліанъ хотѣлъ остановить побоище, но было поздно: «пчелы летѣли на медъ». Онъ могъ только воскликнуть съ отчаяніемъ и презрѣніемъ:

— Несчастные! Если жизнь вамъ надоѣла, развѣ трудно найти веревки и пропасти!..

А Памва, связанный, поднятый на воздухъ, кричалъ еще радостнѣе:

— Избивайте, избивайте насъ, римляне, да преумножимся. Цѣпи—наша свобода, слабость—наша сила, побѣда наша—смерть!

XII.

Внизъ по теченію Оронта, въ сорока стадіяхъ отъ Антіохіи была знаменитая роща Дафнэ, посвященная богу Аполлону.

Однажды дѣвственная нимфа, разсказывали поэты, бѣжала отъ преслѣдованій Аполлона съ береговъ Пенея и остановилась на берегахъ Оронта, изнеможенная, настигаемая богомъ. Она обратилась съ мольбою къ матери своей Латонѣ, и та, чтобы избавить ее отъ объятій солнца, превратила въ лавровое дерево Дафнэ. Съ тѣхъ поръ Аполлонъ, больше всѣхъ деревьевъ любитъ Дафнэ, и гордою зеленью лавра, непроницаемою для лучей солнца и все-таки вѣчно ими ласкаемою, обвиваетъ лиру и кудри свои; Фебъ посѣщаетъ мѣсто превращенія Дафнэ, густую рощу лавровъ въ долинѣ Оронта, и груститъ и вдыхаетъ благовоніе темной листвы, согрѣтой, но не побѣжденной солнцемъ, таинственной и печальной даже въ самый яркій полдень. Здѣсь люди воздвигли ему храмъ и ежегодно празднуютъ священныя торжества—панегиріи въ честь бога солнца.

Юліанъ выѣхалъ изъ Антіохіи рано поутру, нарочно никого не предупредивъ: ему хотѣлось узнать, помнятъ ли антіохійцы священное празднество Аполлона. По дорогѣ мечталъ онъ о празднествѣ, ожидая увидѣть толпы богомольцевъ, хоры въ честь бога солнца, возліянія, дымъ куреній, отроковъ и дѣвъ, восходящихъ по ступенямъ храма, въ бѣлой одеждѣ—символѣ непорочной юности.

Дорога была трудная. Съ каменистыхъ равнинъ Бореи Халибонской дулъ порывами знойный вѣтеръ. Воздухъ пропитанъ былъ ѣдкою гарью лѣсного пожара, синеватой мглою, разстилавшейся изъ дремучихъ тѣснинъ горы Кàзія. Пыль раздражала глаза и горло, хрустѣла на зубахъ. Сквозь дымную воспаленную мглу солнечный свѣтъ казался мутно-краснымъ, болѣзненнымъ

Но только что императоръ вступилъ въ заповѣдную рощу Аполлона Дафнійскаго, благоуханная свѣжесть охва-

тила его. Трудно было повѣрить, что этотъ рай находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ знойной дороги. Роща имѣла въ окружности восемьдесятъ стадій. Здѣсь, подъ непроницаемыми сводами исполинскихъ лавровъ, разраставшихся въ теченіе многихъ столѣтій, царили вѣчныя сумерки.

Императоръ удивленъ былъ пустынностью: ни богомольцевъ, ни жертвъ, ни ѳиміама—никакихъ приготовленій къ празднику. Онъ подумалъ, что народъ близъ храма, и пошелъ дальше.

Но съ каждымъ шагомъ роща становилась пустыннѣе. Странная тишина не нарушалась ни однимъ звукомъ, какъ на покинутыхъ кладбищахъ. Даже птицы не пѣли; онѣ залетали сюда рѣдко: тѣнь лавровъ была слишкомъ мрачной. Цикада начала было стрекотать въ травѣ, но тотчасъ умолкла, какъ будто испугавшись собственнаго голоса. Только въ узкой солнечной полоскѣ полуденныя насѣкомыя жужжали слабо и сонно, не смѣя вылетѣть изъ луча въ окрестную тѣнь.

Юліанъ выходилъ иногда на болѣе широкія аллеи между двумя бархатистыми титаническими стѣнами вѣковыхъ кипарисовъ, кидавшихъ черную, какъ уголь, почти ночную тѣнь. Сладкимъ и зловѣщимъ ароматомъ вѣяло отъ нихъ.

Кое-гдѣ скрытыя подземныя воды питали мягкій мохъ. Всюду струились ключи, холодные, какъ только что растаявшій снѣгъ, но беззвучные, онѣмѣвшіе отъ грусти, какъ все въ этомъ очарованномъ лѣсу.

Въ одномъ мѣстѣ изъ щели камня, обросшаго мохомъ, медленно сочились свѣтлыя капли и падали одна за другой. Но глубокіе мхи заглушали ихъ паденіе; капли были безмолвны, какъ слезы нѣмой любви.

Попадались цѣлые луга дико растущихъ нарциссовъ, маргаритокъ, лилій. Здѣсь было много бабочекъ, но не пестрыхъ, а черныхъ. Лучъ полуденнаго солнца съ трудомъ пронизывалъ лавровую и кипарисовую чащу, дѣлался блѣднымъ, почти луннымъ, траурнымъ и нѣжнымъ, какъ будто проникалъ сквозь черную ткань или дымъ похороннаго факела.

Казалось, Фебъ навѣки поблѣднѣлъ отъ неутѣшной скорби о Дафнэ, которая подъ самыми жгучими лобзаньями бога оставалась все такою же темною и непроницаемою, все такъ же хранила подъ вѣтвями своими ночную прохладу и тѣнь. И всюду въ рощѣ царили запустѣніе, тишина, сладкая грусть влюбленнаго бога.

Уже мраморныя величавыя ступени и столпы Дафнійскаго храма, воздвигнутаго во времена Діадоховъ, сверкнули, ослѣпительно бѣлые среди кипарисовъ, а Юліанъ все еще не встрѣтилъ никого.

Наконецъ увидѣлъ онъ мальчика лѣтъ десяти, который шелъ по дорожкѣ, густо заросшей гіацинтами. Это было слабое, должно-быть, больное дитя; странно выдѣлялись черные глаза съ глубокимъ сіяніемъ на блѣдномъ лицѣ древней, чисто эллинской прелести; золотые волосы падали мягкими кольцами на тонкую шею, и на вискахъ виднѣлись голубоватыя жилки, какъ на слишкомъ прозрачныхъ лепесткахъ выросшихъ въ темнотѣ цвѣтовъ.

— Не знаешь ли, дитя мое, гдѣ жрецы и народъ? — спросилъ Юліанъ.

Ребенокъ ничего не отвѣтилъ, какъ будто не слышалъ.

— Послушай, мальчикъ, не можешь ли провести меня къ верховному жрецу Аполлона?

Онъ тихо покачалъ головой и улыбнулся.

— Что съ тобою? Отчего не отвѣчаешь?

Тогда маленькій красавецъ указалъ на свои губы, потомъ на оба уха, и еще разъ, уже не улыбаясь, покачалъ головою.

Юліанъ подумалъ: «Должно-быть, глухонѣмой отъ рожденія».

Мальчикъ, приложивъ палецъ къ блѣднымъ губамъ, смотрѣлъ на императора исподлобья.

— Дурное предзнаменованіе!—прошепталъ Юліанъ.

И ему сдѣлалось почти страшно, въ тишинѣ, запустѣніи и сумракѣ Аполлоновой рощи съ этимъ глухонѣмымъ ребенкомъ, пристально и загадочно смотрѣвшимъ ему въ глаза, прекраснымъ, какъ маленькій богъ.

Наконецъ мальчикъ указалъ императору на старичка, выходившаго изъ-за деревьевъ, въ заплатанной и запачканной одеждѣ, по которой Юліанъ узналъ жреца. Сгорбленный, дряхлый, слегка пошатываясь, какъ человѣкъ сильно выпившій, старичокъ смѣялся и что-то бормоталъ на ходу. У него былъ красный носъ и гладкая круглая плѣшь во всю голову, обрамленная мелкими сѣдыми кудерками, такими легкими и пушистыми, что они, почти стоя, окружали его лысину; въ подслѣповатыхъ слезящихся глазахъ свѣтилось лукавство и добродушіе. Онъ несъ довольно большую лозниковую корзину.

— Жрецъ Аполлона? — спросилъ Юліанъ.

— Я самый и есть! Имя мое Горгій. А чего тебѣ здѣсь нужно, добрый человѣкъ?

— Не можешь ли мнѣ указать, гдѣ верховный жрецъ храма и богомольцы?

Горгій сперва ничего не отвѣтилъ, только поставилъ корзину на землю; потомъ началъ усердно растирать себѣ ладонью голую маковку; наконецъ подперъ бока обѣими руками, склонилъ голову на бокъ и не безъ плутовства прищурилъ лѣвый глазъ.

— А почему бы мнѣ самому не быть верховнымъ жрецомъ Аполлона?—произнесъ онъ съ разстановкой.—И о какихъ это богомольцахъ говоришь ты, сынъ мой, да помилуютъ тебя олимпійцы!

Отъ него разило виномъ. Юліанъ, которому этотъ верховный жрецъ казался непристойнымъ, уже собиралея сдѣлать строгій выговоръ.

— Ты, должно-быть, пьянъ, старикъ!...

Горгій ничуть не смутился, только началъ еще усерднѣе растирать голую маковку и съ еще большимъ плутовствомъ прищурилъ глазъ.

— Пьянъ—не пьянъ. Ну, а кубоковъ пять хватилъ для праздника!.. И то сказать, не съ радости, а съ горя пьешь. Такъ-то, сынъ мой, да помилуютъ тебя олимпійцы!.. Ну, а кто же ты самъ? Судя по одеждѣ, странствующій философъ или школьный учитель изъ Антіохіи?

Императоръ улыбнулся и кивнулъ головой. Ему хотѣлось выспросить жреца.

— Ты угадалъ. Я учитель.

— Христіанинъ?

— Нѣтъ, эллинъ.

— Ну то-то же, а то много ихъ здѣсь шляется безбожниковъ...

— Ты все еще не сказалъ мнѣ, старикъ, гдѣ народъ? Много ли прислано жертвъ изъ Антіохіи? Готовы ли хоры?

— Жертвъ? Вонъ чего захотѣлъ!—засмѣялся старичокъ и такъ клюнулъ носомъ, что едва не упалъ. — Ну, братъ, этого мы давно уже не видали со временъ Константина!..

Горгій съ безнадежностью махнулъ рукою и свистнулъ.

— Кончено! Люди забыли боговъ... Не то что жертвъ, иногда не бываетъ у насъ и горсти жертвенной муки—лепешку богу испечь—ни зернышка ладана, ни капли масла для лампадъ: ложись да помирай! Вотъ что, сынъ мой, да помилуютъ тебя олимпійцы! Все монахи оттягали. А еще дерутся, съ жиру бѣсятся... Пѣсенка наша спѣта! Плохія времена... А ты говоришь — не пей. Нельзя съ горя не выпить, почтенный! Если бы я не пилъ, такъ ужъ давно бы повѣсился!..

— Неужели никто изъ эллиновъ не пришелъ къ великому празднику?—спросилъ Юліанъ.

— Никто, кромѣ тебя, сынъ мой! Я—жрецъ, ты—народъ. Вотъ и принесемъ вмѣстѣ жертву.

— Ты только что сказалъ, что у тебя нѣтъ жертвы.

Горгій съ удовольствіемъ поласкалъ себя по голой маковкѣ.

— Нѣтъ чужой, есть своя. Самъ позаботился! Три дня мы съ Эвфоріономъ,—онъ указалъ на глухонѣмого мальчика,—голодали, чтобы скопить деньги на жертву Аполлону. Гляди!

Онъ приподнялъ лозниковую крышку корзины: связанный гусь высунулъ голову и загоготалъ, стараясь вырваться.

— Хэ-хэ-хэ! Чѣмъ не жертвочка?—усмѣхнулся старикъ съ гордостью.—Гусь, хотя не молодой и не жирный, а все-

таки птица добрая, священная. Дымокъ отъ жаренаго будетъ вкусный. Богъ и этому долженъ быть радъ по нынѣшнимъ временамъ!.. До гусей боги лакомы,—прибавилъ онъ, сощуривъ глазъ, съ лукавымъ и проницательнымъ видомъ.

— Давно ли ты жрецомъ?—спросилъ Юліанъ.

— Давненько. Лѣтъ сорокъ, можетъ-быть, и больше.

— Твой сынъ?—указалъ императоръ на Эвфоріона, который смотрѣлъ все время пристально и задумчиво, какъ будто желая угадать, о чемъ они говорятъ.

— Нѣтъ, не сынъ. Я одинъ—ни дѣтей, ни родныхъ. Эвфоріонъ помощникъ мой при богослуженіи.

— Кто же родители?

— Отца не знаю, да и едва ли кто-нибудь знаетъ. А мать—великая сибилла Діотима, много лѣтъ жившая при этомъ храмѣ. Она не говорила ни съ кѣмъ, не подымала покрова съ лица передъ мужами и была цѣломудренна какъ весталка. Когда у нея родился ребенокъ, мы удивились и не знали, что подумать. Но одинъ мудрый столѣтній іерофантъ сказалъ намъ..

При этомъ Горгій съ таинственнымъ видомъ заслонилъ ладонью ротъ и прошепталъ на ухо Юліану, какъ будто мальчикъ могъ услышать.

— Іерофантъ сказалъ, что ребенокъ не сынъ человѣка, а бога, сошедшаго тайно ночью въ объятія сибиллы, когда она спала внутри храма. Видишь, какъ онъ прекрасенъ?

— Глухонѣмой — сынъ бога? — проговорилъ императоръ съ удивленіемъ.

— Что же?—возразилъ Горгій.—Если бы въ такія времена, какъ наши, сынъ бога и пророчицы не былъ глухонѣмымъ, онъ долженъ бы умереть отъ скорби. И то—видишь, какъ онъ худъ и блѣденъ...

— Кто знаетъ?—прошепталъ Юліанъ съ грустной улыбкой,—можетъ-быть, ты правъ, старикъ: въ наши дни пророку лучше быть глухонѣмымъ...

Вдругъ мальчикъ подошелъ въ Юліану, быстро схватилъ его руку и, заглянувъ ему въ глаза глубокимъ, страннымъ взоромъ, поцѣловалъ ее.

Юліанъ вздрогнулъ.

— Сынъ мой!—произнесъ старичокъ съ торжественной и радостной улыбкой,—да помилуютъ тебя олимпійцы! Ты, должно-быть, добрый человѣкъ. Мальчикъ мой никогда не ласкается къ злымъ и нечестивымъ. Отъ монаховъ же бѣгаетъ, какъ отъ чумы. Мнѣ кажется, онъ видитъ и слышитъ больше насъ съ тобой, только не можетъ сказать. Случалось, что я заставалъ его одного въ храмѣ; сидитъ по цѣлымъ часамъ передъ изваяніемъ Аполлона и смотритъ, какъ будто бесѣдуетъ съ богомъ...

Лицо Евфоріона омрачилось; онъ тихонько отошелъ отъ нихъ.

Горгій ударилъ себя по голой маковкѣ съ досадою, встряхнулся и проговорилъ:

— Что это, какъ я съ тобой заболтался! Солнце высоко. Пора жертву приносить. Пойдемъ.

— Подожди, старикъ,—молвилъ императоръ,—я хотѣлъ спросить тебя еще объ одномъ: слышалъ ли ты, что августъ Юліанъ задумалъ возстановить почитаніе древнихъ боговъ?

— Какъ не слышать!—жрецъ покачалъ головой и махнулъ рукою.—Куда ему, бѣдняжкѣ!.. Ничего не выйдетъ. Пустое. Я говорю тебѣ: кончено!

— Ты вѣришь въ боговъ,—возразилъ Юліанъ:—развѣ могутъ олимпійцы покинуть людей навсегда?

Старикъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову.

— Сынъ мой,—проговорилъ онъ наконецъ,—ты молодъ, хотя уже ранняя сѣдина сверкаетъ въ волосахъ твоихъ, и на лбу морщины; но въ тѣ дни, когда мой бѣлые волосы были черными и молодыя дѣвушки засматривались на меня, помню, однажды плыли мы на кораблѣ недалеко отъ Θессалоникъ и увидѣли съ моря гору Олимпъ; подошва и середина горы были въ туманѣ, а снѣжныя вершины висѣли въ воздухѣ и рѣяли, во славѣ неба и моря, недосягаемыя, лучезарныя. И я подумалъ: «вотъ, гдѣ живутъ боги!» и умилился душою. Но на томъ же кораблѣ былъ нѣкій старецъ, злой шутникъ, который называлъ себя эпикурейцемъ. Онъ указалъ на гору и молвилъ: «Друзья, много лѣтъ прошло

съ тѣхъ поръ, какъ путешественники взошли на вершину Олимпа. Они увидѣли, что это самая обыкновенная гора, точь въ точь такая же, какъ другія: тамъ нѣтъ ничего, кромѣ снѣга, льда и камня». Такъ онъ молвилъ, и слово его глубоко запало мнѣ въ сердце, и я вспоминаю его всю жизнь...

Императоръ улыбнулся.

— Старикъ, вѣра твоя дѣтская. Если нѣтъ боговъ на Олимпѣ, почему же не быть имъ выше, въ царствѣ вѣчныхъ Идей, въ царствѣ духовнаго Свѣта?

Горгій еще ниже опустилъ голову и безнадежно почесалъ себѣ маковку.

— Такъ-то оно такъ... А все же—кончено. Опустѣлъ Олимпъ!

Юліанъ посмотрѣлъ на него молча, съ удивленіемъ.

— Видишь ли,—продолжалъ Горгій,—нынѣ земля рождаетъ людей столь же слабыхъ, какъ и жестокихъ; боги, даже гнѣваясь, могутъ только смѣяться надъ ними,—истреблять ихъ не стоитъ: сами погибнутъ отъ болѣзней, пороковъ и печалей. Богамъ стало скучно съ людьми—и боги ушли...

— Ты думаешь, Горгій, что родъ человѣческій долженъ погибнуть?

Жрецъ покачалъ головою.

— О-хо-хо, сынъ мой, да спасутъ тебя олимпійцы! все пошло на убыль, все—на ущербъ. Земля старѣетъ. Рѣки текутъ медленнѣе. Цвѣты весной уже не такъ благоухаютъ. Недавно разсказывалъ мнѣ старый корабельщикъ, что, подъѣзжая къ Сициліи, теперь нельзя уже видѣть Этну съ моря на такомъ разстояніи, какъ прежде: воздухъ сдѣлался гуще, темнѣе; солнце потускнѣло. Кончина міра приближается...

— Скажи мнѣ, Горгій, на твоей памяти были лучшія времена?

Старикъ оживился, и глаза его загорѣлись огнемъ воспоминаній.

— Какъ пріѣхалъ я сюда, въ первые годы Константина кесаря,—проговорилъ онъ радостно,—еще великія панегиріи совершались ежегодно въ честь Аполлона. Сколько влюблен-

ныхъ юношей и дѣвъ собиралось въ эту рощу! И какъ луна сіяла, какъ пахли кипарисы, какъ пѣли соловьи! Когда ихъ пѣсни замирали, воздухъ трепеталъ отъ ночныхъ поцѣлуевъ и вздоховъ любви, какъ отъ шелеста невидимыхъ крыльевъ... Вотъ какія это были времена!

Онъ умолкъ въ печальномъ раздумьи.

Въ это мгновенье изъ-за деревьевъ явственно донеслись унылые звуки церковнаго пѣнія.

– Что это? — произнесъ Юліанъ.

– Монахи. Каждый день молятся надъ костями мертваго галилеянина.

— Какъ, мертвый галилеянинъ здѣсь, въ заповѣдной рощѣ Аполлона?

— Да. Они называютъ его мученкомъ Вавилою. Тому уже лѣтъ десять братъ императора Юліана, цезарь Галлъ, перенесъ изъ Антіохіи мертвыя кости Вавилы въ Дафнійскую рощу и построилъ пышную гробницу. Съ тѣхъ поръ умолкли пророчества: храмъ осквернень, и богъ удалился...

— Кощунство!—воскликнулъ императоръ.

— Въ этотъ самый годъ,—продолжалъ старикъ,—у дѣвственной сибиллы Діотимы родился глухонѣмой сынъ, что было недобрымъ знаменіемъ. Воды Кастальскаго источника, заваленныя камнемъ, оскудѣли и потеряли силу пророческую. Не изсякаетъ одинъ лишь священный родникъ, называется онъ «Слезы Солнца»,—видишь тамъ, гдѣ теперь сидитъ мой мальчикъ. Капля за каплей струится изъ мшистаго камня. Говорятъ, это Геліосъ плачетъ о нимфѣ, превращенной въ лавръ... Эвфоріонъ проводитъ здѣсь цѣлые дни.

Юліанъ оглянулся. Передъ мшистымъ камнемъ мальчикъ сидѣлъ неподвижно и, подставивъ ладонь, собиралъ въ нее падавшія капли. Лучъ солнца проникъ сквозь лавры, и медленныя слезы сверкали въ немъ, чистыя, тихія. Тѣни странно шевелились; и Юліану вдругъ почудилось, что два прозрачныхъ крыла трепещутъ за спиною мальчика, прекраснаго, какъ богъ; онъ былъ такъ блѣденъ, такъ печаленъ и прекрасенъ, что императоръ подумалъ: «Это—самъ Эросъ, маленькій древній богъ любви, больной и умирающій въ

нашъ вѣкъ галилейскаго унынія. Онъ собираетъ послѣднія слезы любви, слезы бога о Дафнэ, погибшей красотѣ».

Глухонѣмой сидѣлъ неподвижно; большая черная бабочка, нѣжная и погребальная, опустилась ему на голову. Онъ ея не почувствовалъ, не шевельнулся. Зловѣщею тѣнью трепетала она надъ его склоненной головой. А золотыя «Слезы Солнца» одна за другой медленно падали въ ладонь Эвфоріона, и надъ нимъ кружились звуки церковнаго пѣнія, похоронные, безнадежные, раздаваясь все громче и громче.

Вдругъ изъ-за кипарисовъ послышались другіе голоса вблизи.

— Августъ здѣсь!..

— Зачѣмъ поѣдетъ онъ одинъ въ Дафнэ?

— Какъ же? Сегодня великія панегиріи Аполлона. Смотрите, вотъ онъ! Юліанъ, мы ищемъ тебя съ ранняго утра!

Это были греческіе софисты, ученые, риторы—обычные спутники Юліана: и постникъ неопиѳагореецъ Прискъ изъ Эпира, и желчный скептикъ Юній Маврикъ, и мудрый Саллюстій Секундъ, и тщеславнѣйшій изъ людей, знаменитый антіохійскій риторъ Либаній.

Августъ не обратилъ на нихъ вниманія и даже не поздоровался.

— Что съ нимъ?—шепнулъ Юній на ухо Приску.

— Должно-быть, сердится, что къ празднику не сдѣлано приготовленій. Забыли мы! Ни одой жертвы...

Юліанъ обратился къ бывшему христіанскому ритору, нынѣ верховному жрецу Астарты—Гэкеболію:

— Пойди въ сосѣднюю часовню и скажи галилеянамъ, совершающимъ служеніе надъ мертвыми костями, чтобы пришли сюда.

Гэкеболій направился къ часовнѣ, скрытой деревьями, откуда доносилось пѣніе.

Горгій, держа въ рукахъ корзину съ гусемъ, стоялъ не двигаясь, съ раскрытымъ ртомъ, съ выпученными глазами. Иногда въ отчаянной рѣшимости принимался онъ

растирать свою плѣшь. Ему казалось, что онъ выпилъ много вина и все это видитъ во снѣ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, когда онъ вспомнилъ, что наговорилъ «этому учителю» объ августѣ Юліанѣ и о богахъ. Ноги подкосились отъ ужаса. Онъ упалъ на колѣни.

— Помилуй, кесарь! Забудь мои дерзкія рѣчи: я не зналъ...

Одинъ изъ услужливыхъ философовъ хотѣлъ оттолкнуть старика.

— Убирайся, дуракъ! Чего лѣзешь?

Юліанъ запретилъ ему:

— Не оскорбляй жреца! Встань, Горгій! Вотъ рука моя. Не бойся. Пока я живъ, никто ни тебѣ, ни твоему мальчику не сдѣлаетъ зла. Оба мы пришли на панегиріи, оба любимъ старыхъ боговъ—будемъ же друзьями и встрѣтимъ праздникъ Солнца радостнымъ сердцемъ!

Церковное пѣніе умолкло. Въ кипарисовой аллеѣ показались блѣдные, испуганные монахи, діаконы и самъ іерей, не успѣвшій снять облаченія. Ихъ велъ Гэкеболій. Пресвитеръ—толстый человѣкъ, съ лоснящимся мѣдно-краснымъ лицомъ, переваливался, пыхтѣлъ, отдувался и вытиралъ потъ со лба. Остановившись передъ августомъ, поклонился низко, доставъ рукою до земли, и сказалъ, точно пропѣлъ, густымъ пріятнымъ голосомъ, за который его особенно любили прихожане:

— Да помилуетъ человѣколюбивѣйшій августъ недостойныхъ рабовъ своихъ!

Поклонился еще ниже, и когда кряхтя подымался, два молодыхъ проворныхъ послушника, очень похожихъ другъ на друга, долговязыхъ, съ желтыми, какъ воскъ, вытянутыми лицами, подсобляли ему съ обѣихъ сторонъ, поддерживая за руки. Одинъ изъ нихъ забылъ положить кадило, и тонкая струйка дыма подымалась съ углей. Эвфоріонъ, увидѣвъ издали монаховъ, бросился стремительно бѣжать. Юліанъ сказалъ:

— Галилеяне! Повелѣваю вамъ очистить священную рощу Аполлона отъ костей мертвеца до завтрашней ночи.

Насилія дѣлать мы не желаемъ, но если воля наша не будетъ исполнена, то мы сами позоботимся о томъ, чтобы Геліосъ избавленъ былъ отъ кощунственной близости галилейскаго праха: я пришлю сюда моихъ воиновъ, они выроютъ кости, сожгутъ и развѣютъ пепелъ по вѣтру. Такова наша воля, граждане!

Пресвитеръ кашлянулъ тихонько, закрывъ рукою ротъ, и, наконецъ, смиреннѣйшимъ голосомъ пропѣлъ:

— Всемилостивѣйшій кесарь, сіе для насъ прискорбно, ибо давно уже св. мощи покоятся здѣсь по волѣ цезаря Галла. Но да будетъ воля твоя: доложу епископу.

Въ толпѣ послышался ропотъ. Мальчишка, спрятавшись въ лавровую чащу, затянулъ было пѣсенку:

Мясникъ идетъ,
Мясникъ идетъ,
Острый ножъ несетъ,
Бородой трясетъ,
Съ шерстью черною,
Съ шерстью длинною,
Бородой своей козлиною,—
Изъ нея веревки вей!

Но шалуну дали такого подзатыльника, что онъ убѣжалъ съ ревомъ.

Пресвитеръ, полагая, что слѣдуетъ для благопристойности заступиться за мощи, опять смиренно кашлянулъ въ руку и началъ:

– Ежели мудрости твоей благоугодно утвердить сіе по причинѣ идола...

Онъ поскорѣе поправился:

— Эллинскаго бога Геліоса...

Глаза императора сверкнули.

— Идола!—вотъ ваше слово. Какими глупцами считаете вы насъ, утверждая, что мы боготворимъ самое вещество кумировъ—мѣдь, камень, дерево! Всѣ ваши проповѣдники желаютъ въ этомъ и другихъ, и насъ, и самихъ себя увѣрить. Но это—ложь! Мы чтимъ не мертвый камень, мѣдь или дерево, а духъ, живой духъ красоты въ нашихъ кумирахъ,

образцахъ чистѣйшей божеской прелести. Не мы идолопоклонники, а вы, грызущіеся, какъ звѣри, изъ-за «омоузіосъ» и «омойузіосъ», изъ-за одной іоты,—вы, лобызающіе гнилыя кости преступниковъ, казненныхъ за нарушеніе римскихъ законовъ,—вы, именующіе братоубійцу Константія «вѣчностью», «святостью»! Обоготворять прекрасное изваяніе Фидія не разумнѣе ли, чѣмъ преклоняться передъ двумя деревянными перекладинами, положенными крестъ-накрестъ — позорнымъ орудіемъ пытки? Краснѣть ли за васъ, или жалѣть васъ, или ненавидѣть? Это предѣлъ безумія и безславія, что потомки эллиновъ, читавшіе Платона и Гомера, стремятся—куда же? О мерзость!—къ отверженному племени, почти истребленному Веспасіаномъ и Титомъ, чтобы обожествить мертваго Іудея!.. И вы еще смѣете обвинять насъ въ идолопоклонствѣ!

Невозмутимо, то расправляя всей пятерней черно-серебристую мягкую бороду, то вытирая крупныя капли пота съ широкаго лоснящагося лба, пресвитеръ посматривалъ на Юліана искоса, съ утомленіемъ и скукою.

Тогда императоръ сказалъ философу Приску:

— Другъ мой, ты знаешь древніе обряды эллиновъ: соверши Делосскія таинства, необходимыя для очищенія храма отъ кощунственной близости мертвыхъ костей. Вели также поднять камень съ Кастальскаго источника, да возвратится богъ въ жилище свое, да возобновятся древнія пророчества.

Пресвитеръ заключилъ бесѣду нижайшимъ поклономъ, со смиреніемъ, въ которомъ чувствовалось неодолимое упрямство.

— Да будетъ воля твоя, могущественный августъ! Мы—дѣти, ты—отецъ. Въ Писаніи сказано: всякая душа властемъ придержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога...

— Лицемѣры!—воскликнулъ императоръ.—Знаю, знаю ваше смиреніе и послушаніе. Возстаньте же на меня и боритесь, какъ люди! Ваше смиреніе—ваше змѣиное жало. Вы уязвляете имъ тѣхъ, передъ кѣмъ пресмыкаетесь. Хорошо

сказалъ про васъ собственный учитель вашъ, Галилеянинъ: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь выбѣленнымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты». Воистину наполнили вы міръ гробами выбѣленными и нечистотой! Вы припадаете къ мертвымъ костямъ и ждете отъ нихъ спасенія; какъ черви гробовые, питаетесь тлѣномъ. Тому ли училъ Іисусъ! Повелѣлъ ли ненавидѣть братьевъ, которыхъ называете вы еретиками за то, что они вѣрятъ не такъ, какъ вы? Да обратится же на васъ изъ устъ моихъ слово Распятаго: горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры! Зміи, порожденія ехиднины, какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну?

Онъ повернулся, чтобы уйти, какъ вдругъ изъ толпы вышли старичокъ со старушкой и повалились ему въ ноги. Оба въ опрятныхъ бѣдныхъ одеждахъ, благообразные, удивительно похожіе другъ на друга, съ хорошенькими свѣжими лицами, въ которыхъ было что-то дѣтски-жалобное, съ лучистыми добрыми морщинками вокругъ подслѣповатыхъ глазъ, напоминали они Филемона и Бавкиду.

— Защити, кесарь праведный!—заторопился, зашамкалъ старичокъ.—Домикъ есть у насъ въ предмѣстьи у подошвы Ставрина. Жили мы въ немъ двадцать лѣтъ, людей не обижали, Бога чтили. Вдругъ намедни приходятъ декуріоны...

Старичокъ всплеснулъ руками въ отчаяньи, и старушка всплеснула: она подражала ему невольно каждымъ движеніемъ.

— Декуріоны приходятъ и говорятъ:—Домикъ не вашъ.— Какъ не нашъ? Господь съ вами! Двадцать лѣтъ живемъ.— Живете да не по закону: земля принадлежитъ богу Эскулапу, и основаніе дома сложено изъ камней храма. Землю вашу отберутъ и возвратятъ богу. — Что же это? Смилуйся, отецъ!..

Старички стояли передъ нимъ на колѣняхъ, чистые, кроткіе, милые, какъ дѣти, и цѣловали ноги его со слезами. Юліанъ замѣтилъ на шеѣ старушки янтарный крестикъ.

— Христіане?

— Да.

— Мнѣ хотѣлось бы исполнить просьбу вашу. Но что же дѣлать? Земля принадлежитъ богу. Я, впрочемъ, велю заплатить вамъ цѣну имѣнія.

— Не надо, не надо!—взмолились старички.—Мы не о деньгахъ: мы къ мѣсту привыкли. Тамъ все наше, каждую травку знаемъ...

— Тамъ все наше,—какъ эхо, вторила старушка,— свой виноградникъ, свои маслины, курочки и коровка и свинка,—все свое. Тамъ и приступочка, на которой двадцать лѣтъ сидимъ по вечерамъ, старыя кости грѣемъ на солнцѣ.

Императоръ, не слушая, обратился къ стоявшей поодаль испуганной толпѣ:

— Въ послѣднее время осаждаютъ меня галилеяне просьбами о возвращеніи церковныхъ земель. Такъ, валентіане изъ города Эдессы Озроэнской жалуются на аріанъ, которые, будто бы, отняли у нихъ церковныя владѣнія. Чтобы прекратить раздоръ, отдали мы одну часть спорнаго имущества нашимъ галльскимъ ветеранамъ, другую—казнѣ. Такъ поступать намѣрены и впредь. Вы спросите: по какому праву? Но не говорите ли вы сами, что легче верблюду войти въ игольное ушко, чѣмъ богатому въ царствіе Божіе. Вотъ, видите ли, я и рѣшилъ помочь вамъ исполнить столь трудную заповѣдь. Какъ всему міру извѣстно, превозносите вы бѣдность, галилеяне! За что же ропщете на меня? Отнимая имущество, похищенное вами у собственныхъ братьевъ, еретиковъ, или у эллинскихъ святилищъ, я только возвращаю васъ на путь спасительной бѣдности, прямо ведущей въ царствіе небесное....

Недобрая усмѣшка искривила губы его.

— Беззаконно терпимъ обиду?—вопили старички.

— Ну, что же, и потерпите!—отвѣчалъ Юліанъ.— Вы должны радоваться обидамъ и гоненіямъ, какъ тому училъ Іисусъ. Что значатъ эти временныя страданія въ сравненіи съ вѣчнымъ блаженствомъ?..

Старичокъ не приготовленъ былъ къ такому доводу; онъ растерялся и пролепеталъ съ послѣдней надеждой:

— Мы—вѣрные рабы твои, августъ! Сынъ мой служитъ помощникомъ стратега въ дальней крѣпости на римской границѣ, и начальники довольны имъ...

— Тоже галилеянинъ? — перебилъ Юліанъ.

— Да.

— Ну вотъ, хорошо, что ты самъ предупредилъ: отнынѣ галилеяне, явные враги наши, не должны занимать высшихъ должностей въ имперіи, особенно военныхъ. Опять и въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, болѣе согласенъ я съ вашимъ Учителемъ, чѣмъ сами вы. Справедливо ли, чтобы судъ римскимъ законамъ творили ученики Того, Кто сказалъ: «не судите, да не судимы будете», или, чтобы христіане принимали отъ насъ мечъ для охраны имперіи, когда Учитель предостерегаетъ: «взявшій мечъ — отъ меча погибнетъ», а въ другомъ мѣстѣ столь же ясно: «не противься злому насиліемъ»? Вотъ почему, заботясь о спасеніи душъ галилейскихъ, отнимаемъ мы у нихъ и римскій судъ, и римскій мечъ, да вступятъ они съ тѣмъ большею легкостью, беззащитные и безоружные, чуждые всего земного, въ царствіе небесное!..

Съ нѣмымъ внутреннимъ смѣхомъ, который теперь одинъ только утолялъ его ненависть, повернулся онъ и быстрыми шагами пошелъ къ Аполлонову храму.

Старички всхлипывали, протягивая руки:

— Кесарь, помилуй! Мы не знали... Возьми нашъ домикъ, землю, все, что есть у насъ, только сына помилуй!..

Философы хотѣли войти вмѣстѣ съ императоромъ въ двери храма; но онъ отстранилъ ихъ движеніемъ руки.

— Я пришелъ на праздникъ одинъ — одинъ и жертву богу принесу.

— Войдемъ,—обратился онъ къ жрецу.—Запри двери, чтобы не вошелъ никто. Procul este profani! Да изыдутъ невѣрные!

Передъ самымъ носомъ друзей-философовъ двери захлопнулись.

— Невѣрные! Какъ вамъ это нравится?—проговорилъ Гаргиліанъ, озадаченный.

Либаній молча пожалъ плечами и надулся.

Юній Маврикъ съ таинственнымъ видомъ отвелъ собесѣдниковъ въ уголъ портика и что-то прошепталъ, указывая на лобъ:

— Понимаете?..

Всѣ удивились.

— Неужели?..

Онъ сталъ считать по пальцамъ:

— Блѣдное лицо, горящіе глаза, растрепанные волосы, неровные шаги, безсвязная рѣчь. Далѣе, чрезмѣрная раздражительность, жестокосердіе. И, наконецъ, эта нелѣпая война съ персами, клянусь Палладою, да вѣдь это ужъ явное безуміе!..

Друзья сошлись еще тѣснѣе и зашептали, засплетничали радостно.

Саллюстій, стоя поодаль, смотрѣлъ на нихъ съ брезгливой усмѣшкой.

Юліанъ нашелъ Эвфоріона внутри храма. Мальчикъ обрадовался ему и часто во время богослуженія, заглядывая императору въ глаза, улыбался довѣрчиво, какъ будто у нихъ была общая тайна.

Озаренное солнцемъ исполинское изваяніе Аполлона Дафнійскаго возвышалось посрединѣ храма, тѣло — слоновая кость, одежда—золото, какъ у Фидіева Зевса въ Олимпіи. Богъ, слегка наклоняясь, творилъ изъ чаши возліяніе Матери-Землѣ съ мольбою о томъ, чтобы она возвратила ему Дафнэ.

Налетѣла легкая тучка, тѣни задрожали на золотистой отъ старости слоновой кости, и Юліану показалось, что богъ наклоняется къ нимъ съ благосклонной улыбкой, принимая послѣднюю жертву послѣднихъ поклонниковъ—дряхлаго жреца, императора-богоотступника и глухонѣмого сына пророчицы.

— Вотъ моя награда,—молился Юліанъ съ дѣтскою радостью,—и не хочу я иной, Аполлонъ! Благодарю тебя за то, что я проклятъ и отверженъ, какъ ты, за то, что одинъ я живу и одинъ умираю, какъ ты. Тамъ, гдѣ молится чернь,

Бога нѣтъ. Ты—здѣсь, въ поруганномъ храмѣ. О богъ, осмѣянный людьми, теперь ты прекраснѣе, чѣмъ въ тѣ времена, когда люди поклонялись тебѣ! Въ день, и мнѣ назначенный паркою, дай соединиться съ тобою, о радостный, дай умереть въ тебѣ, о солнце, какъ на алтарѣ огонь послѣдней жертвы умираетъ въ сіяніи твоемъ!

Такъ молился императоръ, и тихія слезы струились по щекамъ его, тихія капли жертвенной крови падали, какъ слезы, на потухающіе угли алтаря.

XIII.

Въ Дафнійской рощѣ было темно. Знойный вѣтеръ гналъ тучи. Ни одной капли дождя не падало на землю, сожженную засухой. Лавры трепетали судорожно-черными вѣтками, протянутыми къ небу, какъ молящія руки. Титаническія стѣны кипарисовъ шумѣли, и шумъ этотъ былъ похожъ на говоръ гнѣвныхъ стариковъ.

Два человѣка осторожно пробирались въ темнотѣ вблизи Аполлонова храма. Низенькій,—глаза у него были кошачьи—зеленоватые, видѣвшіе ночью, — велъ за руку высокаго.

— Ой, ой, ой, племянничекъ! Сломимъ мы себѣ шею гдѣ-нибудь въ оврагѣ...

— Да тутъ и враговъ нѣтъ. Чего трусишь? Совсѣмъ бабой сталъ съ тѣхъ поръ, какъ крестился!

— Бабой! Сердце мое билось ровно, когда въ Гирканійскомъ лѣсу хаживалъ я на медвѣдя съ рогатиной. Здѣсь не то! Болтаться намъ съ тобою бокъ-о-бокъ на одной висѣлицѣ, племянничекъ!..

— Ну, ну, молчи, дуракъ!

Низенькій снова потащилъ высокаго, у котораго была огромная вязанка соломы за плечами и заступъ въ рукѣ.

Они подкрались къ задней сторонѣ храма.

— Вотъ здѣсь! Сначала заступомъ. А внутреннюю деревянную обшивку руби топоромъ,—прошепталъ низень-

кій, ощупывая въ кустахъ проломъ стѣны, небрежно задѣланный кирпичами.

Удары заступа заглушались шумомъ вѣтра въ деревьяхъ. Вдругъ раздался крикъ, подобный плачу больного ребенка.

Высокій вздрогнулъ и остановился.

— Что это?

— Сила нечистая!—воскликнулъ низенькій, выпучивъ отъ ужаса зеленые кошачьи глаза и вцѣпившись въ одежду товарища.—Ой, ой, не покидай меня, дядюшка!...

— Да это филинъ. Экъ перетрусили!

Огромная ночная птица вспорхнула, шурша крыльями, и понеслась вдаль, съ долгимъ плачемъ.

— Бросимъ,—сказалъ высокій.—Все равно не загорится.

— Какъ можетъ не загорѣться? Дерево гнилое, сухое, съ червоточиной: тронь,—разсыпается. Отъ одной искры вспыхнетъ. Ну, ну, почтенный, руби,—не зѣвай!

И съ нетерпѣніемъ низенькій подталкивалъ высокаго.

— Теперь солому въ дыру. Вотъ такъ, еще, еще! Во славу Отца и Сына и Духа Святаго!..

— Да чего ты юлишь, вьешься, какъ угорь? Чего зубы скалишь?—огрызнулся высокій.

— Хэ-хэ-хэ, какъ же не смѣяться, дяденька? Теперь и ангелы ликуютъ въ небесахъ. Только помни, братъ: ежели попадемся,—не отрекаться! Мое дѣло сторона... Веселенькій запалимъ огонечекъ. Вотъ огниво,—выбивай.

— Убирайся ты къ дьяволу!—попробовалъ оттолкнуть его высокій.—Не обольстишь меня, окаянный змѣенышъ, тьфу! Поджигай самъ...

— Эге, на попятный дворъ?.. Шалишь, братъ!

Низенькій затрясся отъ бѣшенства и вцѣпился въ рыжую бороду гиганта.

— Я первый на тебя донесу! Мнѣ повѣрятъ...

— Ну, ну, отстань, чертенокъ!.. Давай огниво! Дѣлать нечего надо кончать.

Посыпались искры. Низенькій для удобства легъ на животъ и сдѣлался еще болѣе похожимъ на змѣеныша.

Огненныя струйки побѣжали по соломѣ, облитой дегтемъ. Дымъ заклубился. Затрещала смола. Вспыхнуло пламя и озарило багровымъ блескомъ испуганное лицо исполина Арагарія и хитрую обезьянью рожицу маленькаго Стромбика. Онъ похожъ былъ на уродливаго бѣсенка; хлопалъ въ ладоши, подпрыгивалъ, смѣялся, какъ пьяный, или сумасшедшій.

— Все разрушимъ, все разрушимъ, во славу Отца и Сына и Духа Святаго! Хе-хе-хе! Змѣйки, змѣйки-то, какъ бѣгаютъ? А?.. Веселенькій огонекъ, дядюшка!..

Въ сладострастномъ смѣхѣ его было вѣчное звѣрство людей — восторгъ разрушенія.

Арагарій, указывая въ темноту, произнесъ:

— Слышишь?..

Роща была попрежнему безлюдной; но въ завываніи вѣтра, въ шелестѣ листьевъ чудился имъ человѣческій шопотъ и говоръ. Арагарій вдругъ вскочилъ и бросился бѣжать.

Стромбикъ уцѣпился за край его туники и завизжалъ пронзительно:

— Дяденька! Дяденька! Возьми меня къ себѣ на плечи. У тебя ноги длинныя. А не то, если попадусь, донесу на тебя!..

Арагарій остановился на мгновенье.

Стромбикъ вспрыгнулъ, какъ бѣлка, на плечи сармата, и они помчались. Маленькій сиріецъ крѣпко стискивалъ ему бока дрожащими колѣнами, обвивалъ шею руками, чтобы не валиться. Несмотря на ужасъ, неудержимо смѣялся онъ безумнымъ смѣхомъ, тихонько взвизгивая отъ шаловливой рѣзвости.

Поджигатели миновали рощу и выбѣжали въ поле, гдѣ пыльные тощіе колосья приникли къ сожженной землѣ. Между тучами на краю чернаго неба свѣтлѣла полоса заходящей луны. Вѣтеръ свисталъ пронзительно. Скорчившись на плечахъ гиганта, маленькій Стромбикъ, со своими кошачьими зеленоватыми зрачками походилъ на злого духа или оборотня, осѣдлавшаго жертву. Суевѣрный ужасъ овладѣлъ Арагаріемъ: ему вдругъ почудилось, что не Стромбикъ, а

самъ дьяволъ въ образѣ огромной кошки сидитъ у него за плечами и царапаетъ ему лицо, и визжитъ, и хохочетъ, и гонитъ его въ бездну. Гигантъ дѣлалъ отчаянные прыжки, отбиваясь отъ цѣпкой ноши; волосы встали у него дыбомъ, и онъ завылъ отъ ужаса. Чернѣя двойною огромною тѣнью на блѣдной полосѣ горизонта, мчались они такъ по мертвому полю съ пыльными колосьями, приникшими къ сожженной и окаменѣлой землѣ. . . . . .

. . . . . .

Въ это время въ опочивальнѣ Антіохійскаго дворца Юліанъ велъ тайную бесѣду съ префектомъ Востока Саллюстіемъ Секундомъ.

— Откуда же, милостивый кесарь, достанемъ мы хлѣба для такого войска?

— Я разослалъ триремы въ Сицилію, Египетъ, Апулію, всюду, гдѣ урожай,—отвѣтилъ императоръ.—Говорю тебѣ, хлѣбъ будетъ.

— А деньги?—продолжалъ Саллюстій.—Не благоразумнѣе ли отложить до будущаго года, подождать?..

Юліанъ все время ходилъ по комнатѣ большими шагами; вдругъ остановился передъ старикомъ.

— Подождать!—гнѣвно воскликнулъ онъ.—Всѣ вы точно сговорились. Подождать! Какъ будто я могу теперь ждать, и взвѣшивать, и колебаться. Развѣ галилеяне ждутъ? Пойми же, старикъ: я долженъ совершить невозможное, я долженъ возвратиться изъ Персіи страшнымъ и великимъ или совсѣмъ не возвращаться. Примиренья больше нѣтъ. Середины нѣтъ. Что вы говорите мнѣ о благоразуміи? Или ты думаешь, Александръ Македонскій благоразуміемъ побѣдилъ міръ? Развѣ такимъ умѣреннымъ людямъ, какъ ты, не казался сумасшедшимъ этотъ безбородый юноша, выступившій съ горстью македонцевъ противъ владыки Азіи? Кто же даровалъ ему побѣду?..

— Не знаю,—отвѣчалъ префектъ уклончиво съ легкой усмѣшкой.—Мнѣ кажется, самъ герой...

— Не самъ, а боги!—воскликнулъ Юліанъ.—Слышишь, Саллюстій, боги могутъ и мнѣ даровать побѣду, еще бо̀ль-

шую, чѣмъ Александру! Я началъ въ Галліи, кончу въ Индіи. Я пройду весь міръ отъ заката до восхода солнечнаго, какъ великій Македонецъ, какъ богъ Діонисъ. Посмотримъ, что скажутъ тогда галилеяне; посмотримъ, какъ нынѣ издѣвающіеся надъ простой одеждой мудреца, посмѣются надъ мечомъ римскаго кесаря, когда вернется онъ побѣдителемъ Азіи!..

Глаза его загорѣлись лихорадочнымъ блескомъ. Саллюстій хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ. Когда же Юліанъ снова принялся ходить по комнатѣ большими безпокойными шагами, префектъ покачалъ головой, и жалость засвѣтилась въ мудрыхъ глазахъ старика.

— Войско должно быть готово къ походу,—продолжалъ Юліанъ.—Я такъ хочу, слышишь? Никакихъ отговорокъ, ни какихъ промедленій. Тридцать тысячъ человѣкъ. Армянскій царь Арзакій обѣщалъ намъ союзъ. Хлѣбъ есть. Чего же больше? Мнѣ нужно знать, что каждое мгновеніе могу я выступить противъ персовъ. Отъ этого зависитъ не только моя слава, спасеніе Римской имперіи, но и побѣда вѣчныхъ боговъ надъ Галилеяниномъ!..

Широкое окно было открыто. Пыльный жаркій вѣтеръ, врываясь въ комнату, колебалъ три тонкихъ огненныхъ языка въ лампадѣ съ тремя свѣтильнями. Прорѣзая мракъ неба, падучая звѣзда сверкнула и потухла. Юліанъ вздрогнулъ: это было зловѣщее предзнаменованіе.

Постучали въ дверь; послышались голоса.

— Кто тамъ? Войдите,—сказалъ императоръ.

То были друзья-философы. Впереди шелъ Либаній; онъ казался болѣе напыщеннымъ и надутымъ, чѣмъ когда-либо.

— Зачѣмъ пришли?—спросилъ Юліанъ холодно.

Либаній сталъ на колѣни, сохраняя надменный видъ.

— Отпусти меня, августъ! Долѣе не могу жить при дворѣ. Каждый день терплю обиды...

Онъ долго говорилъ о какихъ-то подаркахъ, денежныхъ наградахъ, которыми его обошли, о неблагодарности, о своихъ заслугахъ, о великолѣпныхъ панегирикахъ, которыми онъ прославилъ римскаго кесаря.

Юліанъ, не слушая, смотрѣлъ съ брезгливою скукою на знаменитого оратора и думалъ: «Неужили это тотъ самый Либаній, рѣчами котораго я такъ зачитывался въ юности? Какая мелочность! Какое тщеславіе!»

Потомъ всѣ они заговорили сразу: спорили, кричали, обвиняли другъ друга въ безбожьи, въ лихоимствѣ, въ развратѣ, пускали въ ходъ глупѣйшія сплетни; это была постыдная домашняя война не мудрецовъ, а прихлебателей, взбѣсившихся отъ жиру, готовыхъ растерзать другъ друга отъ тщеславія, злобы и скуки.

Наконецъ императоръ произнесъ тихимъ голосомъ слово, которое заставило ихъ опомниться:

— Учители!

Всѣ сразу умолкли, какъ испуганное стадо болтливыхъ сорокъ.

— Учители,—повторилъ онъ съ горькой усмѣшкой,—я слушалъ васъ довольно; позвольте и мнѣ разсказать басню.— У одного египетскаго царя были ручныя обезьяны, умѣвшія плясать военную пиррійскую пляску; ихъ наряжали въ шлемы, маски, прятали хвосты подъ царственный пурпуръ, и когда онѣ плясали, трудно было повѣрить, что это не люди. Зрѣлище нравилось долго. Но однажды кто-то изъ зрителей бросилъ на сцену пригоршню орѣховъ. И что же? Актеры разодрали пурпуръ и маски, обнажили хвосты, стали на четвереньки, завизжали и начали грызться изъ-за орѣховъ.— Такъ нѣкоторые люди съ важностью исполняютъ пиррійскую пляску мудрости до первой подачки. Но стоитъ бросить пригоршню орѣховъ, и мудрецы превращаются въ обезьянъ: обнажаютъ хвосты, визжатъ и грызутся. Какъ вамъ нравится эта басенка, учители?

Всѣ безмолвствовали.

Вдругъ Саллюстій тихонько взялъ императора за руку и указалъ на открытое окно.

По чернымъ складкамъ тучъ медленно расползалось колеблемое сильнымъ вѣтромъ багровое зарево.

— Пожаръ! Пожаръ!—заговорили всѣ.

— За рѣкой,—соображали одни.

— Не за рѣкой, а въ предмѣстьѣ Гарандама! — поправляли другіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ Гезирѣ, у жидовъ!

— Не въ Гезирѣ и не въ Гарандама,—воскликнулъ кто-то съ тѣмъ неудержимымъ весельемъ, которое овладѣваетъ толпою при видѣ пожара,—а въ рощѣ Дафнійской!

— Храмъ Аполлона!—прошепталъ императоръ, и вдругъ вся кровь прихлынула къ сердцу его.

— Галилеяне!—закричалъ онъ страшнымъ голосомъ и кинулся къ двери, потомъ—на лѣстницу.

— Рабы! Скорѣе! Коня и пятьдесятъ легіонеровъ!

Черезъ нѣсколько мгновеній все было готово. На дворъ вывели чернаго жеребца, дрожавшаго всѣмъ тѣломъ, опаснаго, сердито косившаго зрачокъ, налитый кровью.

Юліанъ помчался по улицамъ Антіохіи въ сопровожденіи пятидесяти легіонеровъ. Толпа въ ужасѣ разсыпалась передъ ними. Кого-то сшибли съ ногъ, кого-то задавили. Крики были заглушены громомъ копытъ, бряцаніемъ оружія.

Выѣхали за городъ. Больше двухъ часовъ длилась скачка. Трое легіонеровъ отстали: кони подохли.

Зарево становилось все ярче. Пахло дымомъ. Поля съ пыльными колосьями озарялись багровымъ отсвѣтомъ. Любопытные стремились отовсюду, какъ ночныя бабочки на огонь: то были жители окрестныхъ деревень и антіохійскихъ предмѣстій. Юліанъ замѣтилъ радость въ голосахъ и лицахъ, словно люди эти бѣжали на праздникъ.

Огненные языки сверкали, наконецъ, въ клубахъ густого дыма черными зубчатыми вершинами Дафнійской рощи.

Императоръ въѣхалъ въ священную ограду. Здѣсь бушевала толпа. Многіе перекидывались шутками и смѣялись. Тихія аллеи, столько лѣтъ покинутыя всѣми, кишѣли народомъ. Чернь оскверняла рощу, ломала вѣтви древнихъ лавровъ, мутила родники, топтала нѣжные сонные цвѣты. Нарциссы и лиліи, умирая, тщетно боролись послѣднею свѣжестью, съ удушливымъ зноемъ пожара, съ дыханіемъ черни.

— Божье чудо! Божье чудо!..—носился надъ толпою радостный говоръ.

— Я видѣлъ собственными глазами, какъ молнія ударила и зажгла крышу!..

— А вотъ и не молнія—врешь: утроба земная разверзлась, изрыгнувъ пламя, внутри капища, подъ самымъ кумиромъ!..

— Еще бы! Какую учинили мерзость! Мощи потревожили! Думали, даромъ пройдетъ. Какъ бы не такъ! Вотъ тебѣ и храмъ Аполлона, вотъ тебѣ и прорицанія водъ Кастальскихъ! По-дѣломъ, по-дѣломъ!..

Юліанъ увидѣлъ въ толпѣ женщину, полуодѣтую, растрепанную, должно-быть, только что вскочившую съ постели. Она тоже любовалась огнемъ съ радостной и безсмысленной улыбкой, баюкая грудного младенца; слезинки сверкали на его рѣсницахъ; онъ плакалъ, но затихъ и съ жадностью сосалъ смуглую толстую грудь, причмокивая, упершись въ нее одной ручкой, протянувъ другую, пухленькую, съ ямочками, къ огню, какъ будто желая достать блестящую веселую игрушку.

Императоръ остановилъ коня: дальше нельзя было сдѣлать ни шагу; въ лицо вѣялъ жаръ, какъ изъ печи. Легіонеры ждали приказаній. Но приказывать было нечего: онъ понялъ, что храмъ погибъ.

Это было великолѣпное зрѣлище. Зданіе пылало сверху донизу; внутренняя обшивка, гнилыя стѣны, высохшія балки, сваи, бревна, стропила—все превратилось въ раскаленныя головни; съ трескомъ падали онѣ, и огненными вихрями искры взлетали до неба, которое опускалось все ниже и ниже, зловѣщее, кровавое; пламя лизало тучи длинными языками, билось по вѣтру и грохотало, какъ тяжкая завѣса.

Листья лавровъ корчились отъ жара, какъ отъ боли, и свертывались. Верхушки кипарисовъ загорались яркимъ смолянымъ огнемъ, какъ исполинскіе факелы; бѣлый дымъ ихъ казался дымомъ жертвенныхъ куреній; капли смолы струились обильно, словно вѣковыя деревья, современники храма, плакали о богѣ золотыми слезами.

Юліанъ смотрѣлъ неподвижнымъ взоромъ на огонь. Онъ хотѣлъ что-то приказать легіонерамъ, но только вырвалъ мечъ изъ ноженъ, вздернулъ коня на дыбы и прошепталъ, стиснувъ зубы въ безсильной ярости:

— Мерзавцы, мерзавцы!..

Вдали послышался ревъ толпы. Онъ вспомнилъ, что позади храма—сокровищница съ богослужебной утварью, и у него мелькнула мысль, что галилеяне грабятъ святыню. Онъ сдѣлалъ знакъ и бросился съ воинами въ ту сторону. На пути ихъ остановило печальное шествіе.

Нѣсколько римскихъ стражей, должно-быть, только что подоспѣвшихъ изъ ближайшаго селенія Дафнэ, несли на рукахъ носилки.

— Что это?—спросилъ Юліанъ.

- Галилеяне побили камнями жреца Горгія,—отвѣчали римляне.

— А сокровищница?

— Цѣла. Жрецъ заслонилъ дверь, стоя на порогѣ, и не далъ осквернить святыню. Не сдвинулся съ мѣста, пока не свалился, пораженный въ голову камнемъ. Потомъ убили мальчика. Галилейская чернь, растоптавъ ихъ, вломилась бы въ дверь, но мы пришли и разогнали толпу.

— Живъ?—спросилъ Юліанъ.

— Едва дышитъ.

Императоръ соскочилъ съ коня. Носилки тихонько опустили. Онъ подошелъ, наклонился и осторожно откинулъ край знакомой, запачканной хламиды жреца, покрывавшей оба тѣла.

На подстилкѣ изъ свѣжихъ лавровыхъ вѣтвей лежалъ старикъ; глаза были закрыты; грудь подымалась медленно. Въ сердце Юліана проникла жалость, когда онъ взглянулъ на этотъ красный носъ пьяницы, который казался ему недавно такимъ непристойнымъ,—когда вспомнилъ тощаго гуся въ лозниковой корзинѣ, послѣднюю жертву Аполлону. На пушистыхъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, волосахъ выступили капли крови, и острые черные листья лавра сплелись вѣнцомъ надъ головой жреца.

Рядомъ на тѣхъ же носилкахъ покоилось маленькое тѣло Эвфоріона. Лицо, покрытое мертвенной блѣдностью, было еще прекраснѣе, чѣмъ живое; на спутанныхъ золотистыхъ волосахъ алѣли кровавыя капли; прислонившись щекою къ рукѣ, онъ какъ будто дремалъ легкимъ сномъ. Юліанъ подумалъ:

«Такимъ и долженъ быть Эросъ, сынъ богини любви, побитый камнями галилеянъ».

И римскій императоръ благоговѣйно опустился на колѣни передъ мученикомъ олимпійскихъ боговъ. Несмотря на гибель храма, несмотря на безсмысленное торжество черни, Юліанъ чувствовалъ присутствіе Бога въ той смерти. Сердце его смягчилось, даже ненависть исчезла. Со слезами умиленія наклонился онъ и поцѣловалъ руку святого старика.

Умирающій открылъ глаза:

— Гдѣ мальчикъ?—спросилъ онъ тихо.

Юліанъ осторожно положилъ руку его на золотые кудри Эвфоріона.

— Здѣсь, рядомъ съ тобою.

— Живъ?—спрашивалъ Горгій, прикасаясь къ волосамъ ребенка съ послѣднею лаской.

Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ повернуть къ нему голову. Юліанъ не имѣлъ духу открыть истину умирающему. Жрецъ обратилъ къ императору взоръ, полный мольбы.

— Кесарь, тебѣ поручаю его. Не покидай...

— Будь спокоенъ, я сдѣлаю все, что могу, для твоего мальчика.

Такъ принялъ Юліанъ на свое попеченіе того, кому и римскій кесарь не могъ больше сдѣлать ни добра, ни зла.

Горгій не подымалъ своей коченѣющей руки съ кудрей Эвфоріона. Вдругъ лицо его оживилось, онъ хотѣлъ что-то сказать, но пролепеталъ безсвязно:

— Вотъ они! Вотъ они... Я такъ и зналъ... Радуйтесь!..

Онъ взглянулъ передъ собой широко открытыми глазами, вздохнулъ, остановился на половинѣ вздоха,—и взоръ его померкъ.

Юліанъ закрылъ лицо усопшему.

Вдругъ торжественные звуки церковнаго пѣнія грянули. Императоръ оглянулся и увидѣлъ: по главной кипарисовой аллеѣ тянулось шествіе, несмѣтная толпа—старцы-іереи въ золототканныхъ облаченіяхъ, усыпанныхъ дорогими камнями, важные діаконы съ бряцающими кадилами, черные монахи съ восковыми свѣчами, дѣвы и отроки въ одеждахъ, дѣти съ пальмовыми вѣтвями; въ высотѣ надъ толпою, на великолѣпной колесницѣ сіяла рака св. Вавилы; пламя пожара дробилось въ ея блѣдномъ серебрѣ. Это были мощи, изгоняемыя повелѣніемъ кесаря изъ Дафнэ въ Антіохію. Изгнаніе превратилось въ побѣдоносное шествіе.

«Облако и мракъ окрестъ Его»,—заглушая свистъ вѣтра, гулъ пожара, летѣла торжествующая пѣснь галилеянъ къ небу, освѣщенному заревомъ.

«Облако и мракъ окрестъ Его».

«Предъ Нимъ идетъ огонь и вокругъ попаляетъ враговъ Его».

«Горы, какъ воскъ, таютъ отъ лица Господа, отъ лица Господа всей земли».

И Юліанъ поблѣднѣлъ, услышавъ, какая дерзость и ликованіе звучали въ послѣднемъ возгласѣ.

«Да постыдятся служащіе истуканомъ, хвалящіеся идолами. Поклонитесь предъ Нимъ всѣ боги!»

Онъ вскочилъ на коня, обнажилъ мечъ и воскликнулъ:

— Солдаты, за мной!

Хотѣлъ броситься въ середину толпы, разогнать чернь, опрокинуть раку съ мощами и разметать мертвыя кости. Но чья-то рука схватила коня его за поводъ.

— Прочь!—закричалъ онъ въ ярости и уже поднялъ мечъ, чтобы ударить; но въ то же мгновеніе рука его опустилась: передъ нимъ былъ мудрый старикъ съ печальнымъ и спокойнымъ лицомъ, Саллюстій Секундъ, во-время подоспѣвшій изъ Антіохіи.

— Кесарь! Не нападай на безоружныхъ. Опомнись!..

Юліанъ вложилъ мечъ въ ножны.

Мѣдный шлемъ давилъ и жегъ ему голову, какъ раскаленный. Сорвавъ его и бросивъ на землю, онъ вытеръ

крупныя капли пота. Потомъ одинъ, безъ воиновъ, съ обнаженной головою, подъѣхалъ къ толпѣ и остановилъ шествіе мановеніемъ рукъ.

Всѣ узнали его. Пѣніе умолкло

— Антіохійцы!—произнесъ Юліанъ почти спокойно, сдерживая себя страшнымъ усиліемъ воли.—Знайте: мятежники и поджигатели Аполлонова храма будутъ наказаны безъ пощады. Вы смѣетесь надъ моимъ милосердіемъ, посмотримъ, какъ посмѣетесь вы надъ моимъ гнѣвомъ. Римскій августъ могъ бы стереть съ лица земли городъ вашъ такъ, чтобы люди забыли о Великой Антіохіи. Но вотъ я только ухожу отъ васъ. Я выступаю въ походъ противъ персовъ. Если боги судили мнѣ вернуться побѣдителемъ,—горе вамъ, мятежники! Горе Тебѣ, плотниковъ Сынъ, Назареянинъ!..

Онъ простеръ мечъ надъ толпой.

Вдругъ показалось ему, что странный, какъ будто нечеловѣческій голосъ проговорилъ за нимъ явственно

— Гробъ тебѣ готовитъ Назареянинъ, плотниковъ Сынъ.

Юліанъ вздрогнулъ, обернулся, но никого не увидѣлъ. Онъ провелъ рукою по лицу.

— Что это? Или мнѣ почудилось?—сказалъ онъ чуть слышно и разсѣянно.

Въ это мгновеніе внутри пылавшаго храма раздался оглушительный трескъ—часть деревянной крыши рухнула прямо на исполинское изваяніе Аполлона. Кумиръ упалъ съ подножья; золотая чаша, которою онъ творилъ вѣчное возліяніе Матери-Землѣ, жалобно зазвенѣла. Искры огненнымъ снопомъ взлетѣли къ тучамъ. Стройная колонна въ портикѣ пошатнулась, и коринѳская капитель, съ нѣжною прелестью въ самомъ разрушеніи, какъ бѣлая лилія съ надломленнаго стебля, склонилась и упала на землю. Юліану казалось, что весь пылающій храмъ, обрушившись, задавитъ его.

А древній псаломъ Давида во славу Бога Израилева возносился къ ночному небу торжественно, заглушая ревъ пожара и паденіе кумира:

«Да постыдятся служащіе истуканамъ, хвалящіеся идолами. Поклонитесь предъ Нимъ всѣ боги!»

XIV.

Юліанъ провелъ зиму въ поспѣшныхъ приготовленіяхъ къ походу. Въ началѣ весны, 5 марта, выступилъ онъ изъ Антіохіи съ войскомъ въ 65 тысячъ человѣкъ.

Снѣгъ на горахъ таялъ. Въ садахъ миндальныя деревья, голыя, лишенныя листьевъ, уже покрылись сквозившимъ на солнцѣ бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ. Солдаты шли на войну весело, какъ на праздникъ.

На Самозатскихъ верфяхъ построенъ былъ изъ громадныхъ кедровъ, сосенъ и дубовъ, срубленныхъ въ ущельяхъ Тавра, флотъ въ 1200 кораблей и спущенъ по Ефрату до города Каллиникэ.

Юліанъ быстрыми переходами направился черезъ Гіераполь въ Карры и дальше на югъ по самому берегу Ефрата къ персидской границѣ. На сѣверъ отправлено было другое тридцатитысячное войско, подъ начальствомъ комесовъ Прокопія и Себастіана. Соединившись съ армянскимъ царемъ Арзакіемъ, они должны были опустошить Анадіабэну, Хиліокомъ и, пройдя Кордуэну, встрѣтиться съ главнымъ войскомъ на берегахъ Тигра подъ стѣнами Ктезифона.

Все до послѣдней мелочи было предусмотрѣно, взвѣшено и обдумано императоромъ съ любовью. Тѣ, кто понимали этотъ военный замыселъ, удивлялись мудрости, величію и простотѣ его.

Въ самомъ началѣ апрѣля пришли въ Цирцезіумъ, послѣднюю римскую крѣпость, построенную Діоклетіаномъ на границѣ Месопотаміи, при сліяніи рѣки Абора съ Ефратомъ. Навели пловучій мостъ изъ барокъ. Юліанъ отдалъ повелѣніе переступить границу на слѣдующее утро.

Поздно вечеромъ, когда все уже было готово, вернулся онъ въ шатеръ усталый и веселый, зажегъ лампаду и хотѣлъ приняться за любимую работу, которой ежедневно удѣлялъ часть ночного отдыха—обширное философское сочиненіе: *Противъ христіанъ*. Онъ писалъ его урывками,

подъ звуки военныхъ трубъ, лагерныхъ пѣсенъ и сторожевыхъ перекличекъ. Юліана радовала мысль, что онъ борется съ Галилеяниномъ всѣмъ, чѣмъ только можно бороться—на полѣ битвы и въ книгѣ, римскимъ мечомъ и эллинскою мудростью. Никогда не разлучался онъ съ твореніями святыхъ отцовъ, съ церковными канонами и символами соборовъ. На поляхъ очень старыхъ истрепанныхъ свитковъ Новаго завѣта, который изучалъ онъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ Платона и Гомера, рукой императора начертаны были язвительныя замѣтки.

Императоръ снялъ пыльные доспѣхи, умылся, сѣлъ за походный столикъ и обмакнулъ остроконечный тростникъ въ чернильницу, приготовляясь писать. Но уединеніе его было нарушено: два вѣстника прибыли въ лагерь—одинъ изъ Италіи, другой изъ Іерусалима. Юліанъ выслушалъ обоихъ.

Вѣсти были не радостныя: землетрясеніе только что разрушило великолѣпный городъ Малой Азіи, Никомедію; подземные удары привели въ ужасъ населеніе Константинополя; книги сибиллъ запрещали переступать римскую границу въ теченіе года.

Вѣстникъ изъ Іерусалима привезъ письмо отъ сановника Алипія Антіохійскаго, которому Юліанъ поручилъ возстановленіе храма Соломонова. По странному противорѣчію, поклонникъ многобожнаго Олимпа рѣшилъ возобновить уничтоженный римлянами храмъ единому Богу Израиля, дабы предъ лицомъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ опровергнуть истину евангельскаго пророчества: «не останется здѣсь камня на камнѣ; все будетъ разрушено». Іудеи съ восторгомъ откликнулись на призывъ Юліана. Отовсюду стекались пожертвованія. Замыселъ постройки былъ величественный. За работы принялись съ поспѣшностью. Общій надзоръ поручилъ Юліанъ другу своему, комесу Алипію Антіохійскому, бывшему намѣстнику Британіи.

— Что случилось?—спросилъ императоръ съ тревогой, глядя исподлобья на мрачное лицо вѣстника и не распечатывая письма.

— Великое несчастіе, августъ блаженный!

— Говори. Не бойся.

— Пока строители расчищали мусоръ и сносили древнія развалины стѣнъ Соломонова храма, все шло хорошо; но только что приступили въ закладкѣ новаго зданія, пламя, въ видѣ летающихъ огненныхъ шаровъ, вырвалось изъ подваловъ, разбросало камни и опалило рабочихъ. На слѣдующій день по повелѣнію благороднаго Алипія опять приступили къ работамъ. Чудо повторилось. И еще въ третій разъ. Христіане торжествуютъ, эллины въ страхѣ, и ни одинъ рабочій не соглашается сойти въ подземелье. Отъ постройки не осталось камня на камнѣ,—все разрушено...

— Лжешь, негодяй! Ты самъ, должно-быть, галилеянинъ...—воскликнулъ императоръ въ ярости, занося руку, чтобы ударить колѣнопреклоненнаго вѣстника. Глупыя бабьи сплетни! Неужели комесъ Алипій не могъ выбрать болѣе разумнаго вѣстника?

Поспѣшно сорвалъ онъ печать, развернулъ и прочелъ письмо. Вѣстникъ былъ правъ; Алипій подтверждалъ его слова. Юліанъ не вѣрилъ глазамъ своимъ: внимательно перечелъ, приблизилъ письмо къ лампадѣ. Вдругъ лицо его покраснѣло. Закусивъ губы до крови, скомкалъ онъ и бросилъ папирусъ стоявшему рядомъ врачу Орибазію.

— Прочти, ты вѣдь не вѣришь въ чудеса. Или комесъ Алипій сошелъ съ ума или... Нѣтъ, этого быть не можетъ!..

Молодой александрійскій ученый поднялъ и прочелъ письмо съ тою спокойною, какъ будто безучастною, неторопливостью, съ которою дѣлалъ все.

— Никакого чуда нѣтъ,—молвилъ онъ и обратилъ на Юліана ясный взглядъ.—Давно уже ученые описали это явленіе: въ подвалахъ древнихъ зданій, запертыхъ и лишенныхъ притока воздуха въ продолженіе многихъ столѣтій, собираются иногда густыя, легко воспламеняющіяся испаренія. Довольно спуститься въ такое подземелье съ горя-

щимъ факеломъ, чтобы произошелъ взрывъ; внезапно вспыхнувшій огонь убиваетъ неосторожныхъ. Людямъ невѣжественнымъ это кажется чудомъ; но и здѣсь, какъ вездѣ, свѣтъ знанія разсѣваетъ тьму суевѣрія и даетъ разуму человѣческому свободу. Все прекрасно, потому что все естественно и согласно съ волей природы.

Онъ спокойно положилъ письмо на столъ, и на тонкихъ, упрямыхъ губахъ его промелькнула самодовольная улыбка.

— Да, да, конечно,—произнесъ Юліанъ съ горькой усмѣшкой,—надо же чѣмъ-нибудь утѣшаться! Все понятно, все естественно: и землетрясеніе въ Никомедіи, и землетресеніе въ Константинополѣ, и пророчества книгъ сибилловыхъ, и засуха въ Антіохіи, и пожары въ Римѣ, и наводненія въ Египтѣ. Все естественно, только странно, что все противъ меня,—и земля, и небо, и вода, и огонь, и, кажется, сами боги!..

Въ палатку вошелъ Саллюстій Секундъ.

— Великій августъ, этрусскіе гадатели, которыхъ ты велѣлъ спросить о волѣ боговъ, умоляютъ тебя помедлить, не переступать границы завтра: вѣщія куры аруспиціевъ, несмотря ни на какія молитвы, отворачиваются отъ пищи, сидятъ нахохлившись и не клюютъ ячменныхъ зеренъ—зловѣщая примѣта!

Юліанъ сдвинулъ брови гнѣвно. Но вдругъ глаза его сверкнули веселостью, и онъ засмѣялся такимъ неожиданнымъ смѣхомъ, что всѣ молча съ удивленіемъ обратили на него взоры.

— Такъ вотъ какъ! Не клюютъ? А? Что же намъ дѣлать съ этими глупыми птицами? Ужъ не послушать ли ихъ, не вернуться ли назадъ въ Антіохію, на радость и потѣху галилеянамъ? Знаешь ли что, другъ мой, ступай къ этрусскимъ гадателямъ и объяви имъ волю нашу; бросить въ рѣку всѣхъ священныхъ куръ, пусть сперва напьются, можетъ-быть, потомъ и ѣсть захотятъ!..

— Милостивый августъ, такъ ли я понялъ тебя: неизмѣнно ли твое рѣшеніе переступить границу завтра утромъ?

— Да!—И клянусь будущими побѣдами нашими, клянусь величіемъ нашей имперіи, никакія вѣщія птицы не испугаютъ меня,—ни вода, ни огонь, ни земля, ни небо, ни боги! Поздно. Жребій брошенъ. Друзья мои, во всей природѣ есть ли что-нибудь божественнѣе воли человѣческой? Во всѣхъ книгахъ сибилловыхъ есть ли что-нибудь сильнѣе этихъ трехъ словъ: *я такъ хочу*. Больше, чѣмъ когда-либо, чувствую тайну судьбы моей. Прежде знаменія опутывали меня, какъ сѣти, и порабощали; теперь мнѣ больше нечего терять. Если боги покинутъ меня, то и я...

Онъ вдругъ оборвалъ и умолкъ со странною усмѣшкою. Потомъ, когда приближенные удалились, подошелъ къ маленькому серебряному изваянію Меркурія съ походнымъ алтаремъ, намѣреваясь по обыкновенію сотворить вечернюю молитву и бросить нѣсколько зеренъ ѳиміама; но вдругъ отвернулся, все съ тою же странною усмѣшкою отошелъ, легъ на львиную шкуру, которая служила ему постелью, и, погасивъ лампаду, заснулъ спокойнымъ, крѣпкимъ сномъ, какимъ люди спятъ иногда передъ большими несчастіями.

Заря чуть брезжила, когда проснулся онъ, радостный. Въ лагерѣ слышался шумъ пробужденія; звучали трубы.

Юліанъ сѣлъ на коня и помчался къ берегу Абора.

Раннее апрѣльское утро было свѣжо и почти безвыханно. Сонный вѣтерокъ приносилъ ночную прохладу съ великой азіатской рѣки. По всему широкому весеннему разливу Ефрата, отъ башенъ Цирцезіума до римскаго лагеря, на десять стадій, тянулись ряды военныхъ кораблей. Со временъ Ксеркса не видно было такого грознаго флота.

Солнце первыми лучами брызнуло изъ-за надгробной пирамиды кесаря Гордіана, побѣдителя персовъ, умерщвленнаго нѣкогда на этомъ самомъ берегу Филиппомъ Аравитяниномъ. Край солнца зардѣлся надъ тихою пустынею, какъ раскаленный уголь, и сразу всѣ верхушки корабельныхъ мачтъ сквозь утреннюю мглу порозовѣли.

Императоръ подалъ знакъ, и восемь пятитысячныхъ, человѣческихъ громадъ мѣрнымъ шагомъ, отъ котораго

земля дрожала и гудѣла, сдвинулись. Римское войско стало переходить черезъ мостъ границу Персіи.

Конь вынесъ Юліана на противоположный берегъ, на высокій песчаный холмъ—землю враговъ.

Во главѣ палатинской когорты ѣхалъ центуріонъ щитоносцевъ, Анатолій, поклонникъ Арсинои.

Анатолій взглянулъ на императора. Въ наружности Юліана произошла перемѣна: мѣсяцъ, проведенный на свѣжемъ воздухѣ, въ лагерныхъ трудахъ, былъ ему полезенъ; въ мужественномъ воинѣ съ загорѣлыми щеками, съ молодымъ взоромъ, блиставшимъ веселостью, трудно было узнать школьнаго философа съ осунувшимся желтымъ лицомъ, съ ученою угрюмостью въ глазахъ, съ растрепанными волосами и бородой, съ растерянной торопливостью въ движеніяхъ, съ чернильными пятнами на пальцахъ и на цинической тогѣ ритора Юліана, надъ которымъ издѣвались уличные мальчишки Антіохіи.

— Слушайте, слушайте: кесарь говоритъ!

Все стихло; раздавалось только слабое бряцаніе оружія, шелестъ воды подъ кораблями и шуршаніе шелковыхъ знаменъ.

— Воины храбрѣйшіе!—началъ Юліанъ громкимъ голосомъ.—Вижу на лицахъ вашихъ такую отвагу и мужество, что не могу удержаться отъ радостнаго привѣтствія. Помните, товарищи: судьбы міра въ нашихъ рукахъ, мы возстановляемъ древнее величіе Римской имперіи. Закалите же сердца ваши, будьте готовы на все: намъ нѣтъ возврата! Я буду во главѣ, въ рядахъ вашихъ, конный, пѣшій, участвуя во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ наравнѣ съ послѣднимъ изъ васъ, потому что съ этого дня вы уже не солдаты, не рабы, а друзья мои, дѣти мои! Если же измѣнчивый рокъ судилъ мнѣ пасть въ борьбѣ, я счастливъ буду тѣмъ, что умру за Римъ, подобно великимъ мужамъ—Сцеволамъ, Курціямъ и свѣтлѣйшимъ отпрыскамъ Деціевъ. Мужайтесь же, товарищи, и помните: побѣждаютъ сильные!

Онъ вынулъ изъ ноженъ и протянулъ мечъ, указывая войску на далекій край пустыни.

Солдаты, поднявъ и сдвинувъ щиты, воскликнули:

— Слава кесарю побѣдителю!

Боевые корабли разсѣкли волны рѣки, римскіе орлы полетѣли надъ когортами, и бѣлый конь понесъ императора навстрѣчу восходящему солнцу.

Но холодная синяя тѣнь отъ пирамиды Гордіана падала на золотистый гладкій песокъ; скоро Юліанъ долженъ былъ въѣхать изъ утренняго солнца въ эту длинную зловѣщую тѣнь одинокой гробницы.

XV.

Войско шло по лѣвому берегу Ефрата.

Равнина, широкая, гладкая, какъ море, была покрыта серебристой полынью. Деревьевъ не было видно. Кусты и травы имѣли ароматическій запахъ. Изрѣдка стадо дикихъословъ, вздымая пыль, появлялось на краю неба. Пробѣгали страусы. Жирное лакомое мясо степной дрохвы дымилось за ужиномъ на солдатскихъ кострахъ. Шутки и пѣсни не умолкали до поздней ночи. Походъ казался прогулкой. Съ воздушною легкостью, почти не касаясь земли, проносились тонконогія газели; у нихъ были грустные, нѣжные глаза, какъ у красивыхъ женщинъ. Воиновъ, искавшихъ славы, добычи и крови, пустыня встрѣчала безмолвною ласкою, звѣздными ночами, тихими зорями, благовонною мглою, пропитанной запахомъ горькой полыни.

Они шли все дальше и дальше, не находя враговъ.

Но только что проходили, тишина опять смыкалась надъ равниной, какъ вода надъ утонувшимъ кораблемъ, и стебли травъ, притоптанные ногами воиновъ, тихо подымались.

Вдругъ пустыня сдѣлалась грозной. Тучи покрыли небо. Хлынулъ дождь. Молнія убила солдата, водившаго коней на водопой.

Въ концѣ апрѣля начались жаркіе дни. Товарищи завидовали тому изъ воиновъ, кто шелъ въ тѣни, падавшей

отъ верблюда или отъ нагруженной телѣги съ полотнянымъ навѣсомъ. Люди далекаго сѣвера, галлы и скиѳы, умирали отъ солнечныхъ ударовъ. Равнина становилась печальной, голой, кое-гдѣ покрытой только блѣдными пучками выжженной травы. Ноги утопали въ пескѣ.

Налетали внезапные вихри съ такою силою, что срывали знамена, палатки; люди и кони валились съ ногъ. Потомъ опять наступала мертвая тишина, которая напуганному солдату казалась страшнѣе всякой бури. Шутки и пѣсни умолкли. Но воины шли все дальше и дальше, не находя враговъ.

Въ началѣ мая вступили въ пальмовыя рощи Ассиріи. У Мацепракта, гдѣ сохранились развалины огромной стѣны, построенной древне-ассирійскими царями, въ первый разъ увидѣли врага. Но персы отступили съ неожиданною легкостью.

Подъ тучей стрѣлъ римляне перешли черезъ глубокій каналъ, выложенный вавилонскими кирпичами, называвшійся Нагаръ-Малка, Рѣка-Царей, соединявшій Тигръ съ Ефратомъ и прорѣзывавшій всю Месопотамію поперекъ съ геометрическою правильностью.

Вдругъ персы исчезли. Уровень Нагаръ-Малки началъ повышаться; потомъ, выступивъ изъ береговъ, вода хлынула на окрестныя поля: персы устроили наводненіе, отперевъ запруды и плотины каналовъ, орошавшихъ сложною сѣтью рыхлую землю ассирійскихъ полей.

Пѣхотинцы шли по колѣно въ водѣ; ноги вязли въ липкой глинѣ; цѣлые отряды проваливались въ невидимыя канавы и ямы; исчезали даже всадники и нагруженные верблюды; надо было ощупывать дорогу шестами.

Поля превратились въ озера, пальмовыя рощи—въ острова.

— Куда идемъ?—роптали малодушные,—на что глядя? Какого еще рожна? Отчего бы сейчасъ не вернуться къ рѣкѣ, не сѣсть на корабли? Мы не лягушки, чтобы плавать въ лужахъ.

Юліанъ шелъ пѣшкомъ, даже въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ; собственными руками помогалъ вытаскивать

тяжелыя телѣги, увязшія въ тинѣ, и шутилъ, показывая солдатамъ свой императорскій пурпуръ, мокрый, запачканный темно-зеленымъ иломъ.

Изъ пальмовыхъ стволовъ устроили гати; перекинули пловучіе мосты на пузыряхъ.

Съ наступленіемъ ночи удалось выбраться на сухое мѣсто. Измученные солдаты уснули тревожнымъ сномъ.

Утромъ увидѣли крѣпость Перизаборъ. Персы издѣвались надъ врагами съ высоты неприступныхъ башенъ и стѣнъ, увѣшанныхъ толстыми шершавыми покровами изъ козьяго мѣха для защиты отъ ударовъ осадныхъ машинъ. Цѣлый день обмѣнивались метательными снарядами и ругательствами

Въ темнотѣ безлунной ночи римляне, сохраняя глубокую тишину, сняли съ кораблей и придвинули къ стѣнамъ катапульты. Рвы наполнили землею.

Посредствомъ одной маллеолы—огненной стрѣлы, громадной, веретенообразной, начиненной горючимъ составомъ изъ дегтя, сѣры, масла и горной смолы, удалось поджечь одинъ изъ этихъ волосяныхъ щитовъ на стѣнѣ крѣпости. Персы бросились гасить пожаръ. Пользуясь минутой смятенія, императоръ велѣлъ подкатить осадную машину—таранъ: это былъ стволъ сосны, подвѣшенный на желѣзныхъ цѣпяхъ къ бревенчатой пирамидѣ; стволъ кончался мѣдной бараньей головой. Сотни воиновъ, съ дружнымъ, пѣвучимъ крикомъ—«разъ, два, три», напрягая мускулы на голыхъ, смуглыхъ плечахъ, тянули за толстыя веревки изъ туго скрученныхъ воловьихъ жилъ и медленно раскачивали громадную сосну.

Раздался первый ударъ, подобный удару грома; земля загудѣла, стѣны содрогнулись; потомъ еще и еще; бревно раскачивалось, удары сыпались все чаще; баранъ какъ будто свирѣпѣлъ и съ упрямою злостью колотилъ мѣднымъ лбомъ объ стѣну. Вдругъ послышался трескъ: цѣлый уголъ стѣны обвалился.

Персы бѣжали съ крикомъ.

Юліанъ, сверкая шлемомъ въ облакѣ пыли, веселый и страшный, какъ богъ войны, устремился въ завоеванный городъ.

Войско пошло дальше. Два дня отдохнуло въ тѣнистыхъ свѣжихъ рощахъ, наслаждаясь кислымъ прохладительнымъ напиткомъ, въ родѣ вина—изъ пальмоваго сока, и ароматными вавилонскими финиками, желтыми и прозрачными, какъ янтарь.

Потомъ вышли опять на голую, только уже не песчаную, а каменистую равнину; зной становился все тягостнѣе; животныя и люди умирали; воздухъ въ полдень трепеталъ и струился надъ скалами волнообразными раскаленными слоями; по сѣрой пепельной пустынѣ Тигръ извивался лѣниво, сверкая чешуйчатымъ серебромъ, какъ змѣя, которая нѣжится на солнечномъ припекѣ.

Наконецъ увидѣли громадную скалу надъ Тигромъ, отвѣсную, розовую, голую, съ изломанными колючими остреями: это была вторая крѣпость, охранявшая Ктезифонъ, южную столицу Персіи—Маогамалки, еще болѣе неприступная, чѣмъ Перизаборъ, настоящее орлиное гнѣздо подъ облаками; шестнадцать башенъ и двойная стѣна Маогамалки, какъ всѣ древнія ассирійскія постройки, не боящіяся тысячелѣтій, сложены были изъ знаменитыхъ вавилонскихъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, скрѣпленныхъ горною смолою.

Началась осада. Опять утомительно заскрипѣли деревянные, неуклюжіе члены баллистъ, завизжали колеса, рычаги и блоки скорпіоновъ, засвистѣли огненныя маллеолы.

Былъ часъ, когда ящерицы спятъ въ расщелинахъ скалъ; лучи солнца падали на спины и головы солдатъ, какъ подавляющая тяжесть; ихъ блескъ былъ страшенъ; воины въ отчаяніи, не слушая начальниковъ, несмотря на опасность, срывали съ себя накалившіеся латы и шлемы, предпочитая раны зною. Надъ темно-бурыми кирпичными башнями и бойницами Маогамалки, изъ которыхъ сыпались ядовитыя стрѣлы, копья, камни, свинцовыя и глиняныя

ядра, пылающія персидскія фаларики, отравлявшія воздухъ зловоніемъ сѣры и нефти,—повисло пыльное небо съ едва уловимымъ оттѣнкомъ лазури, ослѣпительное, неумолимое, ужасное, какъ смерть. И небо побѣдило, наконецъ, вражду людей: осаждающіе и осажденные, изнемогая отъ усталости, прекратили битву.

Наступила тишина, странная въ этотъ яркій полдень, болѣе мертвая, чѣмъ въ самую глухую ночь.

Римляне не пали духомъ: послѣ взятія Перизабора, они повѣрили въ непобѣдимость императора Юліана, сравнивали его съ Александромъ Великимъ и ждали чудесъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней къ восточной сторонѣ Маогамалки, гдѣ скалы спускались болѣе отлого къ равнинѣ, солдаты рыли подкопъ; проходя подъ стѣнами крѣпости, оканчивался онъ внутри города; ширина подземелья въ три локтя позволяла двумъ воинамъ итти рядомъ; толстыя деревянныя подпорки, разставленныя на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, поддерживали сводъ. Землекопы работали весело: послѣ солнца имъ пріятна была подземная сырость и темнота.

— Были мы лягушками, стали кротами,—смѣялись они.

Три когорты—Маттіаріи, Лацпинаріи, Викторы—тысяча пятьсотъ храбрѣйшихъ воиновъ, соблюдая тишину, вступили въ подземный ходъ и нетерпѣливо ожидали приказанія полководцевъ, чтобы ворваться въ городъ.

На разсвѣтѣ приступъ направленъ былъ нарочно съ двухъ противоположныхъ сторонъ, дабы разсѣять вниманіе персовъ.

Юліанъ велъ солдатъ по узкой тропинкѣ надъ крутизною, подъ градомъ стрѣлъ и камней. «Посмотримъ,—думалъ онъ, наслаждаясь опасностью,—охранятъ ли меня боги, будетъ ли чудо, спасусь ли я и теперь отъ смерти?»

Неудержимое любопытство, жажда сверхъестественнаго заставляла его подвергать жизнь опасности,—съ вызывающей улыбкой искушать судьбу; и не смерти боялся онъ, а только проигрыша въ этой игрѣ съ судьбою.

Солдаты шли за нимъ, какъ очарованные, зараженные его безуміемъ.

Персы, смѣясь надъ усиліями осаждающихъ и воспѣвая хвалу «сыну солнца», царю Сапору, кричали римлянамъ съ подоблачныхъ твердынь Маогамалки:

— Юліанъ проникнетъ скорѣе въ чертоги Ормузда, чѣмъ въ нашу крѣпость!

Въ разгарѣ приступа императоръ шопотомъ передалъ приказаніе полководцамъ.

Солдаты, притаившіеся въ подкопѣ, вышли внутри города въ подвалѣ одного дома, гдѣ старая персіянка-булочница мѣсила тѣсто. Она закричала пронзительно, увидѣвъ римскихъ легіонеровъ. Ее убили.

Подкравшись незамѣтно, кинулись на осажденныхъ съ тылу. Персы побросали оружіе и разсыпались по улицамъ Маогамалки. Римляне изнутри отперли ворота, и городъ былъ захваченъ съ двухъ сторонъ.

Теперь уже никто не сомнѣвался, что Юліанъ подобно Александру Македонскому завоюетъ всю Персидскую монархію до Инда.

Войско приближалось къ южной столицѣ Персіи—Ктезифону. Корабли оставались на Ефратѣ. Все съ тою же лихорадочной, почти волшебною быстротою, которая не давала врагамъ опомниться, Юліанъ возобновилъ древнее римское сооруженіе—соединительный каналъ, прорытый Траяномъ и Септиміемъ Северомъ, изъ предосторожности заваленный персами. Черезъ этотъ каналъ флотъ переведенъ былъ въ Тигръ, немного выше стѣнъ Ктезифона. Побѣдитель проникъ въ самое сердце Азіатской монархіи.

На слѣдующій день, вечеромъ, Юліанъ, собравъ военный совѣтъ, объявилъ, что ночью переправитъ войска на тотъ берегъ, къ стѣнамъ Ктезифона. Дагалаифъ, Гормизда, Секундинъ, Викторъ, Саллюстій—всѣ опытные военачальники пришли въ ужасъ и долго возражали императору, умоляя отказаться отъ слишкомъ смѣлаго предпріятія; указывали на усталость войска, на широту рѣки, на быстроту теченія, на крутизну противоположнаго берега, на бли-

зость Ктезифона и несмѣтнаго войска царя Сапора, на неизбѣжность вылазки персовъ во время переправы. Юліанъ ничего не слушалъ.

— Сколько бы мы ни ждали,—воскликнулъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ,—рѣка не сдѣлается менѣе широкой, берега—менѣе крутыми; а войско персовъ съ каждымъ днемъ увеличивается новыми подкрѣпленіями. Если бы я слушался вашихъ совѣтовъ, до сихъ поръ мы сидѣли бы въ Антіохіи!

Полководцы вышли отъ него въ смятеніи.

— Не выдержитъ,—со вздохомъ проговорилъ опытный и хитрый Дагалаифъ, варваръ, посѣдѣвшій на римской службѣ,—помяните мое слово, не выдержитъ!.. Веселъ-то—веселъ, а все-таки въ лицѣ у него что-то неладное. Такое выраженіе видалъ я у людей, близкихъ къ отчаянію, уставшихъ до-смерти...

Туманныя знойныя сумерки слетали на гладь великой рѣки. Поданъ былъ знакъ; пять военныхъ галеръ съ четырьмястами воиновъ отчалили; долго слышались взмахи веселъ; потомъ все утихло; мгла сдѣлалась непроницаемой. Юліанъ съ берега смотрѣлъ пристально. Онъ скрывалъ свое волненіе улыбкой. Полководцы перешептывались. Вдругъ въ темнотѣ блеснулъ огонь. Всѣ притаили дыханіе и обратили взоры на императора. Онъ понялъ, что̀ значитъ этотъ огонь. Персамъ удалось поджечь римскіе корабли огненными снарядами, ловко пущенными съ крутого берега.

Онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ же оправился и, не давая солдатамъ времени опомниться, кинулся на первый попавшійся корабль, стоявшій у самаго берега, и громко закричалъ, съ торжествующимъ видомъ обращаясь къ войску:

— Побѣда, побѣда! Видите—огонь. Они причалили, овладѣли берегомъ. Я велѣлъ посланной когортѣ зажечь костры въ знакъ побѣды. За мной, товарищи!

— Что ты дѣлаешь?—шепнулъ ему на ухо осторожный Саллюстій.—Мы погибли: вѣдь это пожаръ!..

— Кесарь съ ума сошелъ!—въ ужасѣ молвилъ на ухо Дагалаифу Гормизда.

Хитрый варваръ пожималъ плечами въ недоумѣніи.

Войско неудержимо стремилось къ рѣкѣ. Съ восторженнымъ крикомъ: «Побѣда! Побѣда!», толкая другъ друга, обгоняя, падая въ воду и вылѣзая съ веселою руганью, всѣ кинулись на корабли. Нѣсколько мелкихъ барокъ едва не утопили. Недоставало мѣста на галерахъ.

Многіе всадники кинулись вплавь, разрѣзая грудью коней быстрое теченіе. Кельты и батавы на своихъ огромныхъ кожаныхъ щитахъ, вогнутыхъ наподобіе маленькихъ челноковъ, устремились въ темную рѣку; безстрашные, плыли они въ туманѣ, и щиты ихъ быстро крутились въ водоворотахъ; но не замѣчая опасности, солдаты радостно кричали: «Побѣда! Побѣда!

Сила теченія была укрощена кораблями, запрудившими рѣку. Пожаръ на пяти передовыхъ галерахъ потушили безъ труда.

Тогда только поняли отважную, почти безумную хитрость императора. Но солдатамъ сдѣлалось еще веселѣе: теперь, когда такую опасность преодолѣли шутя, все казалось возможнымъ.

Незадолго передъ разсвѣтомъ овладѣли римляне высотами противоположнаго берега. Едва успѣли освѣжиться краткимъ сномъ, не снимая оружія, какъ на зарѣ увидѣли огромное войско, выступившее изъ стѣнъ Ктезифона на равнину передъ городомъ.

Двѣнадцать часовъ длилось сраженіе. Персы дрались съ яростью. Войско Юліана впервые увидѣло громадныхъ боевыхъ слоновъ, которые могли растоптать цѣлую когорту, какъ поле съ колосьями.

Побѣда была такая, какой римляне не одерживали со временъ великихъ императоровъ — Траяна, Веспасіана, Тита.

Юліанъ приносилъ на солнечномъ восходѣ благодарственную жертву богу войны Арею, состоявшую изъ десяти бѣлыхъ быковъ совершенной красоты, напоминавшихъ изображенія священныхъ тельцовъ на древнихъ эллинскихъ мраморахъ. Всѣ были веселы. Только этрусскіе авгуры,

ıкъ всегда, сохраняли упрямую и зловѣщую угрюмость; ъ каждой побѣдой Юліана становились они все мрачнѣе, :е безмолвнѣе. Подвели перваго быка къ пылавшему ертвеннику, обвитому лаврами. Быкъ шелъ лѣниво и окорно; вдругъ оступился, упалъ на колѣни съ жалоб-ымъ мычаніемъ, похожимъ на человѣческій голосъ, отъ отораго у всѣхъ морозъ пробѣжалъ по тѣлу, уткнулъ орду въ пыль и прежде, чѣмъ двуострая сѣкира—викти-арія коснулась его широкаго лба, затрепеталъ, издыхая. одвели другого. Онъ тоже палъ мертвымъ. Потомъ тре-й, четвертый. Всѣ подходили къ жертвеннику вялые, ıабые, едва державшіеся на ногахъ, какъ будто пора-енные смертельною болѣзнью, и съ унылымъ мычаніемъ здыхали. Ропотъ ужаса послышался въ войскѣ. Это было :рашное знаменье.

Нѣкоторые увѣряли, будто бы этрусскіе жрецы нарочно гравили жертвенныхъ быковъ, чтобы отомстить импера-ору за его презрѣніе къ ихъ пророчествамъ.

Девять быковъ пало. Десятый вырвался, разорвалъ уты и съ ревомъ помчался, распространяя смятеніе въ агерѣ. Онъ выбѣжалъ изъ воротъ и его не могли поймать.

Жертвоприношеніе прекратилось. Авгуры злорадство-али.

Когда же попробовали разсѣчь мертвыхъ быковъ, Юлі-нъ опытнымъ взглядомъ гадателя увидѣлъ во внутрен-остяхъ несомнѣнныя и ужасающія предзнаменованія. нъ отвернулся. Лицо его покрылось блѣдностью. Хотѣлъ лыбнуться и не могъ. Вдругъ подошелъ къ пылавшему ıтарю и изо всей силы толкнулъ его ногой. Жертвенникъ окачнулся, но не упалъ. Толпа тяжело вздохнула, какъ динъ человѣкъ. Префектъ Саллюстій кинулся къ импе-атору и шепнулъ ему на ухо:

— Солдаты смотрятъ... Лучше прекратить богослу-еніе...

Юліанъ отстранилъ его и еще сильнѣе ударилъ ногою ıтарь; жертвенникъ опрокинулся; угли разсыпались; огонь отухъ, но благовонный дымъ еще обильнѣе заклубился.

— Горе, горе! Жертвенникъ оскверняютъ!—раздалс голосъ въ толпѣ.

— Говорю тебѣ, онъ съ ума сошелъ!—въ ужасѣ проле петалъ Гормизда, хватая за руку Дагалаифа.

Этрусскіе авгуры стояли попрежнему тихіе, важны съ безстрастными, точно каменными лицами.

Юліанъ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ гро кимъ голосомъ:

— Клянусь вѣчною радостью, заключенною здѣсь, в моемъ сердцѣ, я отрекаюсь отъ васъ, какъ вы отъ мен отреклись, покидаю васъ, какъ вы меня покинули, блажен ные, безсильные! Я одинъ противъ васъ, олимпійскіе при зраки!..

Сгорбленный девяностолѣтній авгуръ съ длинной бѣ лой бородой, съ жреческимъ загнутымъ посохомъ подо шелъ къ императору и положилъ еще твердую, сильну руку на плечо его.

— Тише, дитя мое, тише! Если ты постигъ тайну, ра дуйся молча. Не соблазняй толпы. Тебя слушаютъ тѣ, ком не должно слышать...

Ропотъ негодованія усиливался.

— Онъ боленъ,—шепталъ Гормизда Дагалаифу.—Над увести его въ палатку. А то можетъ кончиться бѣдою.

Къ Юліану подошелъ врачъ Орибазій со своимъ обы нымъ заботливымъ видомъ, осторожно взялъ его за ру и началъ уговаривать:

— Тебѣ нуженъ отдыхъ, милостивый августъ! Ты дн ночи не спалъ. Въ этихъ краяхъ опасныя лихорадк Пойдемъ въ палатку: солнце вредно...

Смятеніе въ войскѣ становилось опаснымъ. Ропотъ возгласы сливались въ негодующій смутный гулъ. Ник ничего ясно не понималъ, но всѣ чуяли, что происходи недоброе. Одни кричали въ суевѣрномъ страхѣ:

— Кощунство! Кощунство! Подымите жертвенник Чего смотрятъ жрецы?

Другіе отвѣчали:

— Жрецы отравили кесаря за то, что онъ не слушалъ ъ совѣтовъ. Бейте жрецовъ! Они погубятъ насъ!..

Галилеяне, пользуясь удобнымъ случаемъ, шныряли, етились со смиреннѣйшимъ видомъ, пересмѣивались и решептывались, выдумывая сплетни, и какъ змѣи, проувшіяся отъ зимней спячки, только что отогрѣтыя солнмъ, шипѣли:

— Развѣ вы не видите? Это Богъ его караетъ. Страшно асть въ руки Бога живого. Бѣсы имъ овладѣли, бѣсы мутили ему разумъ: вотъ онъ и возсталъ на тѣхъ самыхъ говъ, ради коихъ отрекся отъ Единаго.

Императоръ, какъ будто пробуждаясь отъ сна, обвелъ ѣхъ медленнымъ взоромъ и, наконецъ, спросилъ Орибазія зсѣянно:

— Что такое? О чемъ кричатъ?.. Да, да—опрокинутый ртвенникъ...

Онъ съ грустной усмѣшкой взглянулъ на угли ѳиміама, тухавшіе въ пыли.

— Знаешь ли, другъ мой, ничѣмъ нельзя такъ оскорть людей, какъ истиною. Бѣдныя, глупыя дѣти! Ну что , пусть покричатъ, поплачутъ,—утѣшатся... Пойдемъ, ибазій, пойдемъ скорѣе въ тѣнь. Ты правъ, должноть, солнце мнѣ вредно. Глазамъ больно. Я усталъ...

Онъ пошелъ медленно, опираясь на руку врача. Войдя шатеръ, лѣнивымъ движеніемъ руки велѣлъ всѣмъ алиться. Заперли дверь. Въ палаткѣ стало темно.

Онъ подошелъ къ своей бѣдной и жесткой походной стели — львиной шкурѣ, и упалъ на нее въ изнемоніи. Долго лежалъ такъ, ничкомъ, стиснувъ голову лаями, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, послѣ тяжкой обиды или я.

— Тише, тише: кесарь боленъ,—старались полководцы окоить солдатъ.

И солдаты умолкли и замерли.

Въ лагерѣ, какъ въ комнатѣ больного, наступила тина, полная ожиданія.

Только галилеяне не ждали—суетились, скользили неслышно, всюду проникали, распространяя мрачные слухи, и шипѣли, какъ змѣи, проснувшіяся отъ зимней спячки, только что отогрѣтыя солнцемъ:

— Развѣ вы не видите? Это Богъ его караетъ: страшно впасть въ руки Бога живого!

XVI.

Нѣсколько разъ въ шатеръ осторожно заглядывалъ Орибазій, предлагая больному освѣжающій напитокъ. Юліан отказывался и просилъ оставить его въ покоѣ. Онъ боялся человѣческихъ лицъ, звуковъ и свѣта. Попрежнему, закрывъ глаза, сжимая голову руками, старался ни о чемъ не думать, забыть, гдѣ онъ, и что съ нимъ.

Неестественное напряженіе воли, въ которомъ провелъ онъ послѣдніе три мѣсяца, измѣнило его, оставивъ слабымъ и разбитымъ, какъ послѣ долгой болѣзни.

Онъ не зналъ, спитъ или бодрствуетъ. Картины, повторяясь, цѣпляясь одна за другую, плыли передъ глазами съ неудержимой быстротой и мучительной яркостью.

То казалось ему, что онъ лежитъ въ холодной огромной спальнѣ Мацеллума; дряхлая няня Лабда перекрестила его на ночь, и фырканіе боевыхъ коней, привязанныхъ вблизи палатки, дѣлалось смѣшнымъ отрывистымъ храпомъ стараго педагога Мардонія; съ радостью чувствовалъ онъ себя очень маленькимъ мальчикомъ, никому неизвѣстнымъ далекимъ отъ людей, покинутымъ въ горахъ Каппадокіи.

То чудился ему знакомый, тонкій и свѣжій запахъ гіацинтовъ, нѣжно пригрѣтыхъ мартовскимъ солнцемъ, въ уютномъ дворикѣ жреца Олимпіодора, милый смѣхъ Амариллиды подъ журчаніе фонтана, звуки мѣдныхъ чашечекъ игры коттабы и предобѣденный крикъ Діофаны изъ кухни: «Дѣти мои, инбирное печенье готово».

Но все исчезало.

И онъ только слышалъ, какъ первыя январскія мухи уже радуясь полуденному припеку, жужжатъ по-весеннему

въ углу, защищенномъ отъ вѣтра, на бѣлой солнечной стѣнѣ у моря; у ногъ его умираютъ свѣтло-зеленыя волны безъ пѣны; съ улыбкою смотритъ онъ на паруса, утопающіе въ безконечной нѣжности моря и зимняго солнца; онъ знаетъ, что въ этой блаженной пустынѣ онъ одинъ, никто не придетъ, и, какъ эти черныя веселыя мухи на бѣлой стѣнѣ, чувствуетъ только невинную радость жизни, солнце и тишину.

Вдругъ, очнувшись, вспоминалъ Юліанъ, что онъ въ глубинѣ Персіи, что онъ римскій императоръ, что на рукахъ его шестьдесятъ тысячъ солдатъ, что боговъ нѣтъ, что онъ опрокинулъ жертвенникъ, кощунствуя. Онъ вздрагивалъ; ознобъ пробѣгалъ по тѣлу; ему казалось, что онъ сорвался, падаетъ въ бездну, и не за что ухватиться.

Онъ не могъ бы сказать, пролежалъ ли онъ въ этой полудремотѣ часъ или цѣлыя сутки.

Но ясно, уже не во снѣ, а наяву, раздался голосъ стараго вѣрнаго слуги, осторожно просунувшаго голову въ дверь:

— Кесарь! Боюсь потревожить, но ослушаться не смѣю. Ты велѣлъ доложить не медля. Въ лагерь только что пріѣхалъ полководецъ Аринѳей...

— Аринѳей!—воскликнулъ Юліанъ и вскочилъ на ноги, пробужденный, какъ ударомъ грома. — Аринѳей! Зови, зови сюда!

Это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ полководцевъ, посланный съ небольшимъ отрядомъ развѣдчиковъ на сѣверъ, чтобы узнать, не приближается ли тридцатитысячное вспомогательное войско комесовъ Прокопія и Себастіана, которымъ приказано было съ войсками римскаго союзника, Арзакія, царя армянскаго, присоединиться къ императору подъ стѣнами Ктезифона. Юліанъ давно ожидалъ этой помощи: отъ нея зависѣла участь главнаго войска.

— Приведи,—воскликнулъ императоръ, — приведи его! Скорѣй! Или нѣтъ... Я самъ...

Но слабость еще не прошла, несмотря на мгновенное возбужденіе; голова закружилась; онъ закрылъ глаза и долженъ былъ опереться о полотняную стѣнку шатра.

— Дай вина, крѣпкаго... съ холодной водой.

Старый слуга засуетился, проворно нацѣдилъ кубокъ и подалъ императору.

Тотъ выпилъ медленными глотками все, до послѣдней капли, и вздохнулъ съ облегченіемъ. Потомъ вышелъ изъ палатки.

Былъ поздній вечеръ. Далеко за Ефратомъ прошла гроза. Бурный вѣтеръ приносилъ свѣжую сырость—запахъ дождя.

Среди черныхъ тучъ рѣдкія, крупныя звѣзды сильно дрожали, какъ лампадные огни, задуваемые вѣтромъ. Изъ пустыни слышался лай шакаловъ. Юліанъ обнажилъ грудь, подставилъ лицо вѣтру и съ наслажденіемъ почувствовалъ въ волосахъ своихъ мужественнную ласку уходящей бури.

Онъ улыбнулся, вспомнивъ свое малодушіе; слабость исчезала. Возвращалось пріятное напряженіе силъ душевныхъ, подобное опьянѣнію. Хотѣлось приказывать, дѣйствовать, не спать всю ночь, итти въ сраженіе, играть жизнью и смертью, побѣждая опасность. Только изрѣдка легкій ознобъ пробѣгалъ по тѣлу.

Пришелъ Аринѳей.

Вѣсти были плачевныя: не было больше надежды на помощь Прокопія и Себастіана; императоръ покинутъ былъ союзниками въ невѣдомой глубинѣ Азіи. Носились тревожные слухи объ измѣнѣ, о предательствѣ хитраго Арзакія.

Въ это время доложили императору о персидскомъ перебѣжчикѣ изъ лагеря Сапора.

Его привели. Персъ распростерся передъ Юліаномъ и поцѣловалъ землю; это былъ уродъ: бритая голова съ отрѣзанными ушами, съ вырванными ноздрями, напоминала мертвый черепъ; но глаза сверкали умомъ и рѣшимостью. Онъ былъ въ драгоцѣнной одеждѣ изъ огненнаго согдіанскаго шелка и говорилъ на ломаномъ греческомъ языкѣ; двое рабовъ сопровождали его.

Персъ назвалъ себя Артабаномъ, разсказалъ, что онъ сатрапъ, оклеветанный передъ Сапоромъ, изуродованный пыткою и бѣжавшій къ римлянамъ, чтобы отомстить царю.

— О, владыка вселенной!—говорилъ Артабанъ напыщенно и льстиво,—я отдамъ тебѣ Сапора, связаннаго по рукамъ и ногамъ, какъ жертвенную овцу. Я приведу тебя ночью къ лагерю, и ты тихонько, тихонько накроешь царя рукою, возьмешь его, какъ маленькія дѣти берутъ птенцовъ въ ладонь. Только слушай Артабана; Артабанъ можетъ все; Артабанъ знаетъ тайны царя...

— Чего ты хочешь отъ меня?—спросилъ Юліанъ.

— Великаго мщенія. Пойдемъ со мною.

— Куда?

— На сѣверъ, черезъ пустыню; триста двадцать пять паразанговъ: потомъ черезъ горы, на востокъ, прямо къ Сузамъ и Экбатанѣ.

Персъ указывалъ на горизонтъ.

— Туда, туда! — повторялъ онъ, не сводя глазъ съ Юліана.

— Кесарь, — шепталъ Гормизда на ухо императору,— берегись! У этого человѣка дурной глазъ. Онъ — колдунъ, мошенникъ, или—не на ночь будь сказано—что-нибудь еще того похуже. Иногда въ здѣшнихъ краяхъ по ночамъ творится недоброе... Прогони его, не слушай!..

Императоръ не обратилъ вниманія на слова Гормизды. Онъ испытывалъ странное обаяніе молящихъ пристальныхъ глазъ перса.

— Ты точно знаешь путь къ Экбатанѣ?

— О, да, да, да!—залепеталъ тотъ, смѣясь восторженно.— Знаю, еще бы не знать! Каждую былинку въ степи, каждый колодецъ. Артабанъ знаетъ, о чемъ поютъ птицы, слышитъ, какъ растетъ ковыль, какъ подземные родники текутъ. Древняя Заратустрова мудрость въ сердцѣ Артабана. Онъ побѣжитъ, побѣжитъ передъ твоимъ войскомъ, нюхая слѣдъ, указывая путь. Вѣрь мнѣ, черезъ двадцать дней вся Персія въ рукахъ твоихъ—до самой Индіи, до знойнаго океана!..

Сердце императора сильно билось.

«Неужели,—думалъ онъ,—это и есть то чудо, котораго я ждалъ? Черезъ двадцать дней Персія въ моихъ рукахъ!..»

У него захватывало духъ отъ радости.

— Не гони меня,—шепталъ уродъ; — я буду лежать какъ собака у ногъ твоихъ. Только что увидѣлъ я лицо твое, я полюбилъ, полюбилъ тебя, владыка вселенной, больше, чѣмъ душу свою, потому что ты—прекрасенъ! Я хочу, чтобы ты прошелъ по тѣлу моему и растопталъ меня ногами своими, и я буду лизать пыль ногъ твоихъ и пѣть: слава, слава, слава сыну солнца, царю востока и запада—Юліану!

Онъ цѣловалъ его ноги; оба раба также упали лицомъ на землю, повторяя:

— Слава, слава, слава!

— Что же дѣлать съ кораблями?—сказалъ Юліанъ задумчиво, какъ будто про себя. — Покинуть безъ войска въ добычу врагамъ или остаться при нихъ?..

— Сожги!—шепнулъ Артабанъ.

Юліанъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ ему въ лицо пытливо.

— Сжечь? Что ты говоришь?..

Артабанъ поднялъ голову и впился глазами въ глаза императора:

— Ты боишься, ты? Нѣтъ, нѣтъ, люди боятся, не боги! Сожги, и ты будешь свободенъ, какъ вѣтеръ: корабли не достанутся въ руки врагамъ, а войско твое увеличится солдатами, приставленными къ флоту. Будь великъ и безстрашенъ до конца! Сожги, — и черезъ десять дней ты у стѣнъ Экбатаны, черезъ двадцать—Персія въ рукахъ твоихъ! Ты будешь больше, чѣмъ сынъ Филиппа, побѣдитель Дарія. Только сожги корабли и слѣдуй за мной! Или не смѣешь?

— А если ты лжешь? Если я читаю въ сердце твоемъ, что ты лжешь?—воскликнулъ императоръ, одной рукой схвативъ перса за горло, другой занося надъ нимъ короткій мечъ.

Гормизда вздохнулъ съ облегченіемъ.

Нѣсколько мгновеній молча смотрѣли они другъ другу въ глаза. Артабанъ выдержалъ взглядъ императора. Юліанъ почувствовалъ себя еще разъ побѣжденнымъ обаяніемъ этихъ глазъ, умныхъ, дерзкихъ и смиренныхъ.

— Дай мнѣ умереть, дай мнѣ умереть отъ руки твоей, если не вѣришь!—повторялъ персъ.

Юліанъ вложилъ мечъ въ ножны.

— Страшно и сладко смотрѣть въ очи твои,—продолжалъ Артабанъ. — Вотъ лицо твое, какъ лицо бога. Никто еще этого не знаетъ. Я, я одинъ знаю, кто ты... Не отвергай раба твоего, господи!..

— Посмотримъ,—проговорилъ Юліанъ задумчиво. — Я вѣдь и самъ давно уже хотѣлъ итти въ глубину пустыни, искать битвы съ царемъ. Но корабли?..

— О, да, корабли!—встрепенулся Артабанъ.—Надо скорѣе выступить, въ эту же ночь, до разсвѣта, пока темно, чтобы враги изъ Ктезифона не увидѣли... Сожжешь?

Юліанъ ничего не отвѣтилъ.

— Уведите и не спускайте глазъ съ него, — приказалъ императоръ, указывая воинамъ на перебѣжчика.

Возвращаясь въ палатку, Юліанъ на мгновеніе остановился у двери и поднялъ глаза:

— Неужели?.. Такъ просто, такъ скоро? Воля моя, какъ воля боговъ: не успѣю подумать и уже исполняется...

Веселье въ душѣ его росло и подымалось, какъ буря. Съ улыбкой приложилъ онъ руку къ сердцу, такъ сильно оно билось. Ознобъ все еще пробѣгалъ по спинѣ, и голова немного болѣла, какъ будто онъ весь день провелъ на слишкомъ яркомъ солнцѣ.

Призвавъ къ себѣ въ шатеръ полководца Виктора, старика, слѣпо преданнаго, вручилъ онъ ему золотой перстень съ императорской печатью.

— Къ начальникамъ флота, комесамъ Константину и Люцилліану,—приказалъ Юліанъ.—До разсвѣта сжечь корабли, кромѣ пяти большихъ съ хлѣбомъ и двѣнадцати малыхъ для переправочныхъ мостовъ. Малые взять на подводы. Остальные сжечь. Кто будетъ противиться, отвѣтитъ головой. Сохранить все въ тайнѣ. Ступай!

Онъ далъ ему клочокъ папируса, быстро написавъ на немъ нѣсколько словъ—лаконическій приказъ начальникамъ флота.

Викторъ, по своему обыкновенію ничему не удивляясь и не возражая, молча, съ видомъ безстрастнаго послушанія,

поцѣловалъ край императорской одежды и пошелъ исполнять приказаніе.

Юліанъ созвалъ военный совѣтъ, несмотря на поздній часъ. Полководцы собрались въ шатеръ, мрачные, втайнѣ раздраженные и подозрительные. Въ краткихъ словахъ сообщилъ онъ свой планъ—итти на сѣверъ, въ глубину Персіи, по направленію къ Экбатанѣ и Сузамъ, чтобы захватить царя врасплохъ.

Всѣ возстали, заговорили сразу, почти не скрывая, что замыселъ этотъ кажется имъ безумнымъ. На суровыхъ лицахъ старыхъ умныхъ вождей, закаленныхъ въ опасностяхъ, выражалось утомленіе, досада, недовѣріе. Многіе возражали съ рѣзкостью:

— Куда идемъ? Зачѣмъ?—говорилъ Саллюстій Секундъ.—Подумай, милостивый кесарь, мы завоевали половину Персіи; Сапоръ предлагаетъ тебѣ такія условія мира, какихъ цари Азіи не предлагали ни одному изъ римскихъ побѣдителей — ни Помпею Великому, ни Септимію Северу, ни Траяну. Заключимъ же славный миръ, пока не поздно, и вернемся въ отечество...

— Солдаты ропщутъ,—замѣтилъ Дагалаифъ, — не доводи ихъ до отчаянія. Они устали. Много раненыхъ, много больныхъ. Если ты поведешь ихъ дальше въ невѣдомую пустыню, нельзя отвѣчать ни за что. Сжалься! Да и тебѣ самому пора отдохнуть: ты усталъ, можетъ-быть, больше всѣхъ насъ...

— Вернемся!—заключили всѣ.—Далѣе итти — безумье!

Въ это мгновеніе послышался глухой грозный гулъ за стѣною палатки, подобный рокоту далекаго прибоя. Юліанъ прислушался и тотчасъ же понялъ, что это—возмущеніе.

— Вы знаете волю нашу, — проговорилъ онъ холодно, указывая полководцамъ на выходъ, — она неизмѣнна. Черезъ два часа мы выступаемъ. Смотрите, чтобы все было готово.

— Блаженный августъ, — произнесъ Саллюстій спокойно и почтительно, но слегка дрогнувшимъ голосомъ,—я

не уйду, не сказавъ тебѣ того, что долженъ сказать. Ты говорилъ съ нами, равными тебѣ не по власти, но по доблести, не какъ ученикъ Сократа и Платона. Мы можемъ извинить слова твои только минутнымъ раздраженіемъ, которое омрачаетъ твой божественный умъ...

— Ну, что жъ, — воскликнулъ Юліанъ, усмѣхаясь и блѣднѣя отъ сдержанной злобы,—тѣмъ хуже для васъ, друзья мои: значитъ, вы—въ рукахъ безумца! Только что приказалъ я сжечь корабли—и повелѣніе мое исполняется. Я предвидѣлъ ваше благоразуміе и отрѣзалъ послѣдній путь къ отступленію. Да, теперь жизнь ваша—въ рукахъ моихъ, и я заставлю васъ повѣрить въ чудо!..

Всѣ онѣмѣли; только Саллюстій бросился къ Юліану и схватилъ его за руку:

— Этого не будетъ, кесарь, ты не могъ!.. Или въ самомъ дѣлѣ?..

Онъ не докончилъ и выпустилъ руку императора. Всѣ вскочили, прислушиваясь.

Крики воиновъ за полотняною стѣною палатки становились все громче и громче; мятежный гулъ ихъ приближался, какъ будто летѣла буря по верхушкамъ лѣса.

— Пусть покричатъ, — произнесъ Юліанъ спокойно.— Бѣдныя, глупыя дѣти! Куда они хотятъ уйти отъ меня? Слышите? Вотъ зачѣмъ я сжегъ корабли—надежду трусовъ, убѣжище лѣнивыхъ. Теперь намъ уже нѣтъ возврата. Свершилось. Намъ нечего ждать, кромѣ чуда! Теперь вы связаны со мной на жизнь и смерть. Черезъ двадцать дней Азія въ рукахъ моихъ. Я окружилъ васъ ужасомъ и гибелью для того, чтобы вы побѣдили все, сдѣлались подобными мнѣ. Радуйтесь! Я поведу васъ, какъ богъ Діонисъ, черезъ весь міръ,—вы побѣдите людей и боговъ, и сами будете какъ боги!..

Едва онъ произнесъ послѣднія слова, какъ по всему войску раздался крикъ ужаса:

— Горятъ! Горятъ!

Полководцы бросились вонъ изъ шатра. За ними — Юліанъ. Они увидѣли зарево. Викторъ въ точности испол-

нилъ приказаніе владыки. Флотъ охваченъ былъ пламенемъ. Императоръ любовался имъ съ тихой и странной улыбкой.

— Кесарь! да помилуютъ насъ боги, онъ убѣжалъ!..

Съ этими словами одинъ изъ центуріоновъ бросился къ ногамъ Юліана, блѣдный и дрожащій.

— Убѣжалъ? Кто? Что ты говоришь?..

— Артабанъ, Артабанъ! Горе намъ!.. Онъ обманулъ тебя, кесарь!..

— Не можетъ быть!.. А слуги его? — пролепеталъ императоръ чуть слышно.

— Только что въ пыткахъ признались, что Артабанъ не сатрапъ, а сборщикъ податей въ Ктезифонѣ,—продолжалъ центуріонъ.—Онъ придумалъ эту хитрость, чтобы спасти городъ и предать тебя въ руки персовъ, заманивъ въ пустыню; онъ зналъ что ты сожжешь корабли. И еще сказали они, что Сапоръ идетъ съ несмѣтнымъ войскомъ...

Императоръ бросился къ берегу рѣки навстрѣчу полководцу Виктору:

— Гасите, гасите, гасите! Скорѣе!..

Но голосъ его замеръ, и, взглянувъ на пылающій флотъ, онъ понялъ, что уже никакія человѣческія силы не могутъ остановить огня, раздуваемаго сильнымъ вѣтромъ.

Въ ужасѣ схватился онъ за голову и, хотя ни вѣры, ни молитвы уже не было въ сердцѣ, поднялъ глаза къ небу, какъ будто все искалъ въ немъ чего-то.

Тамъ блѣдныя звѣзды мерцали сквозь зарево.

Войско все грознѣе волновалось и гудѣло.

— Персы подожгли!—вопили одни, простирая руки къ пылавшимъ кораблямъ—своей послѣдней надеждѣ.

— Не персы, а сами полководцы, чтобы заманить насъ въ пустыню и покинуть!—безумствовали другіе.

— Бейте, бейте жрецовъ!—повторяли третьи.—Жрецы опоили кесаря и лишили его разума!

— Слава августу Юліану побѣдителю! — восклицали вѣрные галлы и кельты.—Молчите измѣнники! Пока онъ живъ, намъ нечего бояться!

Малодушные плакали:

— На родину, на родину! Мы не хотимъ итти дальше, не хотимъ въ пустыню. Мы не сдѣлаемъ больше ни шагу, упадемъ на дорогѣ. Лучше убейте насъ!

— Не видать вамъ родины, какъ ушей своихъ! Погибли мы, попали къ персамъ въ ловушку!

— Да развѣ вы не видите?—торжествовали галилеяне.— Бѣсы имъ овладѣли! Нечестивый Юліанъ продалъ имъ душу свою, и они влекутъ его на погибель. Куда можетъ привести насъ безумецъ, одержимый бѣсами?..

А въ это время кесарь, ничего не видя и не слыша, какъ въ бреду, шепталъ про себя съ блѣдной блуждающей и разсѣянной улыбкой:

— Все равно, все равно.. Чудо совершится! Не теперь, такъ потомъ. Я вѣрю въ чудо!..

XVII.

Это былъ первый ночлегъ отступленія на шестнадцатыя календы іюня.

Войско отказалось итти дальше. Ни мольбы, ни увѣщанія, ни угрозы императора не помогали. Кельты, скиѳы, римляне, христіане и язычники, трусливые и храбрые — всѣ отвѣчали однимъ крикомъ: «Назадъ, назадъ!»

Военачальники тайно злорадствовали; этрусскіе авгуры явно торжествовали. Послѣ сожженія кораблей возстали всѣ. Теперь не только галилеяне, но и поклонники олимпійцевъ были увѣрены, что надъ головой императора тяготѣетъ проклятіе, что Евмениды преслѣдуютъ его. Когда онъ проходилъ по лагерю, разговоры умолкали, всѣ боязливо сторонились.

Книги сибиллъ и Апокалипсисъ, этрусскіе авгуры и христіанскіе прозорливцы, боги и ангелы соединились, чтобы погубить отступника.

Тогда императоръ объявилъ, что онъ поведетъ ихъ на родину черезъ провинцію Кордуэну, по направленію къ плодородному Хиліокому. При такомъ отступленіи сохра-

нялась, по крайней мѣрѣ, надежда соединиться съ войсками Прокопія и Себастіана. Юліанъ утѣшалъ себя мыслью, что онъ еще не выходитъ изъ предѣловъ Персіи и, слѣдовательно, можетъ встрѣтиться съ главными силами царя Сапора и одержать такую побѣду, которая все поправитъ.

Персы болѣе не появлялись. Желая передъ рѣшительнымъ нападеніемъ истощить римское войско, они подожгли богатыя нивы съ желтѣвшимъ, спѣлымъ ячменемъ и пшеницей, всѣ житницы и сѣновалы въ селеніяхъ.

Солдаты шли по мертвой пустынѣ, дымившейся отъ недавняго пожара. Начался голодъ.

Чтобы увеличить бѣдствіе, персы разрушили плотины каналовъ и затопили выжженныя поля. Имъ помогали потоки и ручьи, выходившіе изъ береговъ вслѣдствіе краткаго, но сильнаго лѣтняго таянія снѣговъ на горныхъ вершинахъ Арменіи.

Вода быстро высыхала подъ знойнымъ іюньскимъ солнцемъ. На землѣ, не простывшей отъ пожара, оставались лужи съ теплою и липкою черною грязью. По вечерамъ отъ мокраго угля отдѣлялись удушливыя испаренія, слащавый запахъ гнилой гари, который пропитывалъ все — воздухъ, воду, даже платье и пищу солдатъ. Изъ тлѣющихъ болотъ подымались тучи насѣкомыхъ—москитовъ, ядовитыхъ шершней, оводовъ и мухъ. Они носились надъ вьючными животными, прилипали къ пыльной потной кожѣ легіонеровъ. Днемъ и ночью раздавалось усыпительное жужжаніе. Лошади бѣсились, быки вырывались изъ-подъ ярма и опрокидывали повозки. Послѣ труднаго перехода солдаты не могли отдыхать: спасенія отъ насѣкомыхъ не было даже въ палаткахъ; они проникали сквозь щели; надо было закутаться въ душное одѣяло съ головой, чтобы уснуть. Отъ укуса крошечныхъ прозрачныхъ мухъ навознаго грязно-желтаго цвѣта дѣлались опухоли, волдыри, которые сперва чесались, потомъ болѣли и, наконецъ, превращались въ страшныя гнойныя язвы.

Въ послѣдніе дни солнце не выглядывало. Небо покрыто было ровной пеленой бѣлыхъ знойныхъ облаковъ; но для

глазъ ихъ неподвижный свѣтъ былъ еще томительнѣе солнца; небо казалось низкимъ, плотнымъ, удушливымъ, какъ въ жаркой банѣ нависшій потолокъ.

Такъ шли они, исхудалые, слабые, вялымъ шагомъ, понуря головы, между небомъ, безпощадно-низкимъ, бѣлымъ, какъ известь, и обугленной черной землей.

Имъ казалось, что самъ Антихристъ, человѣкъ отверженный Богомъ, завелъ ихъ нарочно въ это проклятое мѣсто, чтобы погубить. Иные роптали, поносили вождей, но безсвязно, точно въ бреду. Другіе тихонько молились и плакали, какъ больныя дѣти, прося товарищей о кускѣ хлѣба, о глоткѣ вина. Нѣкоторые падали на дорогѣ отъ слабости.

Императоръ велѣлъ раздать голоднымъ послѣдніе съѣстные припасы, которые сберегали для него и для его приближенныхъ.

Самъ онъ довольствовался жидкой мучной похлебкой съ маленькимъ кускомъ сала,—такой пищей, отъ которой отвернулся бы неприхотливый солдатъ.

Благодаря крайнему воздержанію, чувствовалъ онъ все время возбужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ странную легкость въ тѣлѣ, какъ бы окрыленность: она поддерживала и удесятеряла силы. Старался не думать о томъ, что будетъ. Возвратиться въ Антіохію или въ Тарсъ побѣжденнымъ, на позоръ и насмѣшки галилеянъ,—одна мысль объ этомъ казалась ему невыносимою.

Въ ту ночь солдаты отдыхали. Сѣверный вѣтеръ разогналъ насѣкомыхъ. Масло, мука и вино, выданныя изъ послѣднихъ запасовъ императора, немного утолили голодъ. Пробуждалась надежда на возвращеніе. Лагерь уснулъ глубокимъ сномъ.

Юліанъ удалился въ палатку.

Въ послѣднее время онъ спалъ, какъ можно меньше, забываясь только передъ утромъ легкой дремотой; если же засыпалъ совсѣмъ, то пробуждался съ ужасомъ въ душѣ, съ холоднымъ потомъ на тѣлѣ: ему нужна была вся власть сознанія, чтобы подавлять этотъ ужасъ.

Войдя въ шатеръ, снялъ онъ желѣзными щипцами нагаръ со свѣтильни мѣдной лампады, подвѣшенной посрединѣ палатки. Кругомъ были разбросаны пергаментные свитки изъ походной библіотеки, среди нихъ—Евангеліе. Онъ приготовился писать: это была его любимая ночная работа, философское сочиненіе *Противъ галилеянъ*, начатое два съ половиною мѣсяца назадъ, при выступленіи въ походъ.

Онъ перечитывалъ рукопись, сидя спиною къ двери палатки, какъ вдругъ услышалъ шелестъ. Обернулся, вскрикнулъ и вскочилъ на ноги: ему показалось, что онъ увидѣлъ призракъ. Въ дверяхъ стоялъ отрокъ въ темной, бѣдной туникѣ изъ верблюжьяго волоса, съ пыльнымъ овечьимъ мѣхомъ, перекинутымъ черезъ плечо милостью египетскихъ отшельниковъ, съ босыми нѣжными ногами въ пальмовыхъ сандаліяхъ.

Императоръ смотрѣлъ и ждалъ, не въ силахъ произнести ни одного слова. Царствовала тишина, какая бываетъ только въ самый глухой часъ послѣ полуночи.

— Помнишь,—произнесъ знакомый, голосъ, — помнишь, Юліанъ, какъ ты приходилъ ко мнѣ въ монастырь? Тогда я тебя оттолкнула, но не могла забыть, потому что мы съ тобой навѣки близки...

Отрокъ откинулъ темный монашескій покровъ съ головы, Юліанъ увидѣлъ золотые кудри и узналъ Арсиною.

— Откуда? Какъ ты пришла сюда? Почему такъ одѣта?

Онъ все еще боялся—не призракъ ли это, не исчезнетъ ли она такъ же внезапно, какъ явилась.

Арсиноя разсказала ему въ немногихъ словахъ, что́ съ нею происходило во время ихъ разлуки. Покинувъ опекуна Гортензія и раздавъ почти все имѣніе бѣднымъ, жила она долгое время среди галилейскихъ отшельниковъ, къ югу отъ озера Марэотида, между безплодныхъ горъ Ливійскихъ, въ страшныхъ пустыняхъ Нитріи и Скетіи. Ее сопровождалъ отрокъ Ювентинъ, ученикъ слѣпого старца Дидима. Они посѣтили великихъ подвижниковъ.

– И что же?—спросилъ Юліанъ, не безъ тайной бе-
зни,—что же, дѣвушка? Нашла ты у нихъ, чего искала?..

Она покачала головой и молвила съ грустью:

— Нѣтъ. Только проблески, только намеки и пред-
знаменованія...

— Говори, говори все!—торопилъ ее императоръ, и
глаза его загорѣлись надеждою.

— Сумѣю ли сказать?—начала она медленно.—Видишь
ли, другъ мой, я искала у нихъ свободы, но и тамъ ея нѣтъ...

— Да, да! Не правда ли?—все больше торжествовалъ
Юліанъ.—Вѣдь я же тебѣ говорилъ, Арсиноя! Помнишь?..

Она опустилась на походный стулъ, покрытый леопар-
довой кожей, и продолжала спокойно съ прежней грус-
ной улыбкой. Онъ ловилъ каждое ея слово съ восторгомъ
и жадностью . . . . . .

. . . . . .

— Скажи, какъ ты ушла отъ этихъ несчастныхъ?—
спросилъ Юліанъ.

— У меня тоже было искушеніе,—отвѣтила она.—Одна-
жды въ пустынѣ, среди камней я нашла осколокъ бѣлаго,
чистаго мрамора; подняла его и долго любовалась, какъ
онъ искрится на солнцѣ, и вдругъ вспомнила Аѳины, свою мо-
лодость, искусство, тебя, — какъ будто проснулась, и тогда
же рѣшила вернуться въ міръ, чтобы жить и умереть тѣмъ,
чѣмъ Богъ меня создалъ—художникомъ. Въ это время
старцу Дидиму приснился вѣщій сонъ, будто бы я при-
мирила тебя съ Галилеяниномъ...

— Съ Галилеяниномъ?—тихо повторилъ Юліанъ, и ли-
цо его сразу омрачилось, глаза потухли, смѣхъ замеръ
на губахъ.

— Я хотѣла увидѣть тебя,—продолжала Арсиноя,—
хотѣла знать, достигъ ли ты истины на пути своемъ и куда
пришелъ. Я облеклась въ мужскую одежду иноковъ; мы
спустились съ братомъ Ювентиномъ до Александріи по
Нилу на кораблѣ въ Селевкію Антіохійскую съ большимъ
сирійскимъ караваномъ черезъ Апамею, Эпифанію, Эдессу —
до границы, среди многихъ трудовъ и опасностей прошли

черезъ пустыни Месопотаміи, покинутыя персами; недалеко отъ селенія Абузата, послѣ побѣды при Ктезифонѣ, увидѣли мы твой лагерь. И вотъ я здѣсь. Ну, а какъ же ты, Юліанъ?..

Онъ вздохнулъ, опустилъ голову на грудь и ничего не отвѣтилъ.

Потомъ, взглянувъ на нее исподлобья быстрымъ, умоляющимъ и подозрительнымъ взглядомъ, спросилъ:

— Теперь и ты ненавидишь Его, Арсиноя?..

— Нѣтъ. За что?—отвѣтила она тихо и просто.—Развѣ мудрецы Эллады не приближались къ тому, о чемъ говоритъ Онъ? Тѣ, кто въ пустынѣ терзаютъ плоть и душу свою,—тѣ далеки отъ кроткаго Сына Маріи. Онъ любилъ дѣтей, и свободу, и веселіе пиршествъ, и бѣлыя лиліи. Онъ любилъ жизнь, Юліанъ! Только мы ушли отъ Него, запутались и омрачились духомъ. Всѣ они называютъ тебя отступникомъ. Но сами они—отступники...

Императоръ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, поднявъ глаза, полные мольбою; слезы блестѣли въ нихъ и медленно текли по щекамъ.

— Не надо, не надо, — шепталъ онъ, — не говори!.. Зачѣмъ?.. Оставь мнѣ то, что́ было... Не будь же врагомъ моимъ снова!..

— Нѣтъ!—воскликнула она съ неудержимою силой.—Я должна сказать тебѣ все. Слушай. Я знаю, ты любишь Его. Молчи,—это такъ, въ этомъ проклятье твое. На кого ты возсталъ? Какой ты врагъ Ему? Когда уста твои проклинаютъ Распятаго, сердце твое жаждетъ Его. Когда ты борешься противъ имени Его, ты ближе къ духу Его, чѣмъ тѣ, кто мертвыми устами повторяютъ: Господи! Господи! Вотъ, кто враги твои, а не Онъ. Зачѣмъ же ты терзаешь себя больше, чѣмъ монахи галилейскіе?..

Юліанъ вскочилъ блѣдный; лицо его исказилось, глаза загорѣлись злобою; онъ прошепталъ, задыхаясь:

— Поди прочь, поди прочь отъ меня! Знаю всѣ ваши хитрости галилейскія!..

Арсиноя посмотрѣла на него съ ужасомъ, какъ на безумнаго.

— Юліанъ, Юліанъ! Что съ тобой? Неужели изъ-за одного имени?..

Но онъ уже овладѣлъ собою; глаза померкли, лицо сдѣлалось равнодушнымъ, почти презрительнымъ.

— Уйди, Арсиноя! Забудь все, что́ я сказалъ. Ты видишь—мы чужіе. Тѣнь Распятаго—между нами. Ты не отреклась отъ Него. Кто не врагъ Ему, не можетъ быть другомъ моимъ.

Она упала передъ нимъ на колѣни.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Что ты дѣлаешь? Сжалься надъ собой, пока не поздно! Вернись, или ты...

Она не кончила, но онъ договорилъ за нее съ высокомѣрной улыбкой:

— Или погибну? Пусть. Я дойду по пути моему до конца, куда бы ни привелъ онъ меня. Если же, какъ ты говоришь, я былъ несправедливъ къ ученію галилеянъ, вспомни, что я вынесъ отъ нихъ, какъ безчисленны, какъ презрѣнны были враги мои. Однажды воины римскіе нашли при мнѣ въ болотахъ Месопотаміи льва, котораго преслѣдовали ядовитыя мухи, онѣ лѣзли ему въ пасть, въ уши, въ ноздри, не давали дышать, облѣпили очи, и медленно побѣждали уколами жалъ своихъ львиную силу. Такова моя гибель; такова побѣда галилеянъ надъ римскимъ кесаремъ!

Дѣвушка все еще протягивала къ нему руки, безъ словъ, безъ надежды, какъ другъ къ умершему другу. Но между ними была бездна, которую живые не переступаютъ. . .

. . . . . .

Въ двадцатыхъ числахъ іюля римское войско, послѣ долгаго перехода по выжженной степи, нашло въ глубокой долинѣ рѣчки Дурусъ немного травы, уцѣлѣвшей отъ пожара. Легіонеры несказанно обрадовались ей, ложились на землю, вдыхали пахучую сырость и къ пыльнымъ лицамъ, къ воспаленнымъ вѣкамъ прижимали влажные стебли травъ.

Рядомъ было поле спѣлой пшеницы. Воины собрали хлѣбъ. Три дня продолжался отдыхъ въ уютной долинѣ.

На утро четвертаго съ окрестныхъ холмовъ римскія стражи замѣтили облако не то дыма, не то пыли. Одни думали, что это дикіе ослы, имѣющіе обыкновеніе собираться въ стада, чтобы предохранить себя отъ нападенія львовъ; другіе, что это сарацины, привлеченные слухами объ осадѣ Ктезифона, третьи выражали опасеніе, не есть ли это главное войско самого царя Сапора.

Императоръ велѣлъ трубить сборъ.

Когорты въ оборонительномъ порядкѣ, наподобіе большого правильнаго круга, подъ охраной щитовъ, сдвинутыхъ и образовавшихъ какъ бы рядъ мѣдныхъ стѣнъ, расположились лагеремъ на берегу ручья.

Завѣса дыма или пыли оставалась на краю неба до вечера, и никто не догадывался, что́ она за собою скрываетъ.

Ночь была темная, тихая; ни одна звѣзда не сіяла на небѣ.

Римляне не спали; они стояли вокругъ пылающихъ костровъ и съ молчаливой тревогой ждали утра.

XVIII.

На восходѣ солнца увидѣли персовъ. Враги приближались медленно. По словамъ опытныхъ воиновъ ихъ было не менѣе двухсотъ тысячъ; изъ-за холмовъ появлялись непрерывно новые и новые отряды.

Сверканіе латъ такъ ослѣпляло, что даже сквозь густую пыль глаза съ трудомъ выдерживали.

Римляне молча выходили изъ долины и строились въ боевой порядокъ. Лица были суровы, но не печальны. Опасность заглушила вражду. Взоры обратились опять на императора. Галилеяне и язычники одинаково по выраженію лица его угадывали, можно ли надѣяться. Лицо кесаря сіяло радостью. Онъ ждалъ встрѣчи съ персами какъ чуда, зная, что побѣда поправитъ все, дастъ ему такую славу и силу, что галилеяне признаютъ себя пораженными.

Душное, пыльное утро 22 іюля предвѣщало знойный день. Императоръ не хотѣлъ облечься въ мѣдную броню

Онъ остался въ легкой шелковой туникѣ. Полководецъ Викторъ подошелъ къ нему, держа въ рукахъ панцырь.

— Кесарь, я видѣлъ дурной сонъ. Не искушай судьбы, одѣнь латы...

Юліанъ молча отстранилъ ихъ рукою.

Старикъ опустился на колѣни, подымая легкую броню.

— Одѣнь! Сжалься надъ рабомъ твоимъ! Битва будетъ опасной.

Юліанъ взялъ круглый щитъ, перекинулъ вьющійся пурпуръ хламиды черезъ плечо и вскочилъ на коня.

— Оставь меня, старикъ! Не надо.—И помчался, сверкая на солнцѣ бэотійскимъ шлемомъ съ высокимъ золоченымъ гребнемъ.

Викторъ, тревожно качая головою, посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Персы приближались. Надо было спѣшить.

Юліанъ расположилъ войско въ особомъ порядкѣ, въ видѣ изогнутаго луннаго серпа. Громадный полукругъ долженъ былъ врѣзаться двумя остреями въ персидское полчище и захватить его съ обѣихъ сторонъ. На правомъ крылѣ начальствовалъ Дагалаифъ, на лѣвомъ Гормизда, въ серединѣ Юліанъ и Викторъ.

Трубы грянули.

Земля заколебалась, загудѣла подъ мягкими, тяжкими ступнями бѣгущихъ персидскихъ слоновъ; страусовыя перья колебались у нихъ на широкихъ лбахъ; ременными подпругами привязаны были къ спинамъ кожаныя башни; изъ каждой четыре стрѣлка метали фаларики—снаряды съ горящей смолой и паклей.

Римская конница не выдержала перваго натиска. Съ оглушительнымъ ревомъ, вздернувъ хоботы, слоны разѣвали мясистыя влажно-розовыя пасти, такъ что воины чувствовали на лицахъ дыханіе чудовищъ, разсвирѣпѣвшихъ отъ смѣси чистаго вина, перца и ладана—особаго напитка, которымъ варвары опьяняли ихъ передъ битвами; клыки, вырашенные киноварью, удлиненные стальными наконеч-

никами, распарывали брюхо конямъ; хоботы, обвивъ всадниковъ, подымали ихъ на воздухъ и ударяли о землю.

Въ полдневномъ зноѣ отъ этихъ сѣрыхъ колеблющихся тушъ съ шлепающими складками кожи отдѣлялся пронзительно-ѣдкій запахъ пота. Лошади трепетали, бились и хрипѣли, почуявъ запахъ слоновъ.

Уже одна когорта обратилась въ бѣгство. То были христіане. Юліанъ кинулся остановить бѣгущихъ и, ударивъ главнаго декуріона рукою по лицу, закричалъ въ ярости:

— Трусы! Умѣете только молиться!..

Ѳракійскіе легковооруженные стрѣлки и пафлагонскіе пращники выступили противъ слоновъ. За ними шли искусные иллирійскіе метатели дротиковъ, налитыхъ свинцомъ— *мартіобарбулы*.

Юліанъ приказалъ направить въ ноги чудовищъ стрѣлы, камни изъ пращей, свинцовые дротики. Одна стрѣла попала въ глазъ огромному индійскому слону. Онъ завылъ и поднялся на дыбы; подпруги лопнули; сѣдло съ кожаной башней сползло, опрокинулось; персидскіе стрѣлки выпали какъ птенцы изъ гнѣзда. Во всемъ отрядѣ слоновъ произошло смятеніе. Раненые въ ноги валились, и скоро вокругъ нихъ образовалась цѣлая подвижная гора изъ нагроможденныхъ тушъ. Поднятыя вверхъ ступни, окровавленные хоботы, сломанные клыки, опрокинутыя башни, полураздавленные кони, раненые, мертвые, персы, римляне — все смѣшалось.

Наконецъ слоны обратились въ бѣгство, ринулись на персовъ и начали ихъ топтать.

Эта опасность предусмотрѣна была военною наукою варваровъ: примѣръ сраженія при Низибѣ показалъ, что войско можетъ быть истреблено отрядомъ собственныхъ слоновъ.

Тогда вожатые длинными серповидными ножами, привязанными къ правой рукѣ, изо всей силы стали ударять чудовищъ между двумя позвонками спинного хребта, ближайшими къ черепу; довольно было одного такого удара, чтобы самое большое и сильное изъ нихъ пало мертвымъ.

Когорты мартіобарбуловъ кинулись впередъ, перелѣзая черезъ туши раненыхъ, преслѣдуя бѣгущихъ.

Въ это время императоръ уже летѣлъ на помощь къ лѣвому крылу. Здѣсь наступали персидскіе *клибанаріи*— знаменитый отрядъ всадниковъ, связанныхъ, спаянныхъ другъ съ другомъ звеньями громадной цѣпи, покрытыхъ съ головы до ногъ гибкой стальной чешуей, неуязвимыхъ, почти безсмертныхъ въ бою, подобныхъ изваяніямъ, вылитымъ изъ металла; ранить ихъ можно было только сквозь узкія щели въ забралахъ, оставленныя для рта и глазъ.

Противъ клибанаріевъ направилъ онъ когорты старыхъ вѣрныхъ друзей своихъ, батавовъ и кельтовъ: они умирали за одну улыбку кесаря, глядя на него восторженными дѣтскими глазами.

На правомъ крылѣ въ римскія когорты врѣзались колесницы персовъ, запряженныя полосатыми тонконогими зебрами; остроотточенныя косы, прикрѣпленныя къ осямъ и къ спицамъ колесъ, вращались съ ужасающей быстротой, однимъ взмахомъ отсѣкая ноги лошадямъ, головы солдатамъ, разрѣзая тѣла съ такою же легкостью, какъ серпъ жнеца тонкіе стебли колосьевъ.

Послѣ полудня клибанаріи ослабѣли: латы накалились и жгли.

Юліанъ направилъ на нихъ всѣ силы.

Они дрогнули и пришли въ смятеніе. У императора вырвался крикъ торжества. Онъ кинулся впередъ, преслѣдуя бѣгущихъ, и не замѣтилъ, какъ войско отстало. Кесаря сопровождали немногіе тѣлохранители, въ томъ числѣ полководецъ Викторъ. Старикъ, раненый въ руку, не чувствовалъ боли; ни на мгновеніе не покидалъ онъ императора и спасалъ его отъ смертельной опасности, заслоняя длиннымъ, книзу заостреннымъ щитомъ своимъ. Опытный полководецъ зналъ, что приближаться къ бѣгущему войску такъ же неблагоразумно, какъ подходить къ падающему зданію.

— Что ты дѣлаешь, кесарь!—кричалъ онъ Юліану.— Берегись! Возьми мои латы...

Юліанъ, не слушая, летѣлъ впередъ съ поднятыми руками, съ открытою грудью, какъ будто одинъ, безъ войска, ужасомъ лица своего и мановеніемъ рукъ гналъ несмѣтныхъ враговъ.

На губахъ его играла улыбка веселія, сквозь тучу пыли, поднятую вихремъ, сверкалъ бэотійскій шлемъ, и складки хламиды, развѣвавшейся по вѣтру, походили на два исполинскихъ красныхъ крыла, которыя уносили его все дальше и дальше.

Впереди мчался отрядъ сарацинъ. Одинъ изъ наѣздниковъ обернулся, узналъ Юліана по одеждѣ и указалъ товарищамъ съ отрывистымъ гортаннымъ крикомъ, подобнымъ орлиному клекоту:

— *Малэкъ! Малэкъ!*—что̀ по-арабски значитъ: «Царь! Царь!»

Всѣ обернулись и, не останавливая коней, вскочили на ноги, въ своихъ бѣлыхъ, длинныхъ одеждахъ, съ поднятыми надъ головами копьями.

Императоръ увидѣлъ разбойничье смуглое лицо. Это былъ почти мальчикъ. Онъ скакалъ во весь опоръ на горбу громаднаго бактріанскаго верблюда съ комками сухой прилипшей грязи, болтавшимися на косматой шерсти подъ брюхомъ.

Викторъ щитомъ отразилъ два сарацинскихъ копья, направленныхъ на императора.

Тогда мальчикъ на верблюдѣ прицѣлился и, сверкая хищнымъ взоромъ, отъ рѣзвости оскалилъ бѣлые зубы, съ радостнымъ крикомъ:

— Малэкъ! Малэкъ!

— Какъ весело ему,—подумалъ Юліанъ;—а мнѣ еще...

Онъ не успѣлъ кончить мысли.

Копье свистнуло, задѣло ему правую руку, слегка оцарапало кожу, скользнуло по ребрамъ и вонзилось ниже печени.

Онъ подумалъ, что рана не тяжелая и ухватился за двуострый наконечникъ, чтобы вырвать его, но порѣзалъ пальцы. Хлынула кровь.

Юліанъ громко вскрикнулъ, закинувъ голову, взглянулъ широко открытыми глазами въ блѣдное, пылающее небо и упалъ съ коня на руки тѣлохранителей.

Викторъ поддерживалъ его. Губы старика дрожали, и помутившимися глазами смотрѣлъ онъ на закрытыя очи кесаря.

Отставшія когорты собирались.

XIX.

Юліана перенесли въ шатеръ и положили на походную постель. Онъ не приходилъ въ себя, только изрѣдка стоналъ.

Врачъ Орибазій извлекъ острее копья изъ глубокой раны, осмотрѣлъ, обмылъ ее и сдѣлалъ перевязку. Викторъ взглядомъ спросилъ, есть ли надежда. Орибазій грустно покачалъ головой.

Послѣ перевязки Юліанъ глубоко вздохнулъ и открылъ глаза.

— Гдѣ я?..—съ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ кругомъ, какъ будто пробуждаясь отъ крѣпкаго сна.

Издалека доносился шумъ битвы. Вдругъ вспомнилъ онъ все и съ усиліемъ привсталъ съ постели.

— Гдѣ конь? Скорѣе, Викторъ!..

Лицо его исказилось отъ боли. Всѣ кинулись, чтобы поддержать кесаря. Онъ оттолкнулъ Виктора и Орибазія.

— Оставьте!.. Я долженъ быть тамъ, съ ними, до конца!..

И онъ медленно всталъ на ноги. На блѣдныхъ губахъ была улыбка, глаза горѣли:

— Видите, я еще могу... Скорѣе щитъ, мечъ! Коня!..

Душа его боролась съ кончиной. Викторъ подалъ ему щитъ и мечъ.

Юліанъ взялъ ихъ и, шатаясь, какъ дѣти, не научившіяся ходить, сдѣлалъ два шага.

Рана открылась. Онъ уронилъ оружіе, упалъ на руки Орибазія и Виктора и, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ:

— Кончено... Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

И, не сопротивляясь больше, отдался въ руки приближеннымъ; его уложили въ постель.

— Да, кончено, друзья мои!— повторилъ онъ тихо.—Я умираю...

Орибазій наклонился, стараясь утѣшить его, увѣряя, что такія раны вылѣчиваютъ.

— Не обманывай,—возразилъ Юліанъ кротко,—зачѣмъ? Я не боюсь...

И прибавилъ торжественно:

— Я умру смертью мудрыхъ.

Къ вечеру впалъ въ забытье. Часы проходили за часами. Солнце зашло. Сраженіе утихло. Въ палаткѣ зажгли лампаду. Наступила ночь. Онъ не приходилъ въ себя. Дыханіе ослабѣло. Думали, что онъ умираетъ. Наконецъ глаза медленно открылись. Пристальный, недвижный взоръ устремленъ былъ въ уголъ палатки; изъ губъ вырывался быстрый, слабый шопотъ; онъ бредилъ:

— Ты?.. Здѣсь?.. Зачѣмъ?.. Все равно... кончено. Поди прочь! Ты ненавидѣлъ?.. Вотъ чего мы не простимъ...

Потомъ пришелъ въ себя не надолго и спросилъ Орибазія:

— Который часъ? Увижу ли солнце?..

И подумавъ, прибавилъ, съ грустной улыбкой:

— Орибазій, ужели разумъ такъ безсиленъ?.. Знаю— это слабость тѣла. Кровь, переполняющая мозгъ, порождаетъ видѣнія. Надо побѣдить... Надо, чтобы разумъ...

Мысли снова путались, взоръ становился неподвижнымъ.

— Я не хочу!.. Слышишь?.. Уйди, Соблазнитель! Не вѣрю... Сократъ умеръ, какъ богъ... Надо, чтобы разумъ... Викторъ! О, Викторъ... Что тебѣ до меня, Галилеянинъ? Любовь твоя страшнѣе смерти. Бремя твое—тягчайшее бремя. Зачѣмъ Гы такъ смотришь?.. Какъ я любилъ Тебя, Пастырь Добрый, Тебя одного... Нѣтъ, нѣтъ! Пронзенныя руки и ноги? Кровь? Тьма? Я хочу солнца, солнца!.. Зачѣмъ Ты застишь солнце?..

Наступилъ самый тихій и темный часъ ночи.

Легіоны вернулись въ лагерь. Побѣда не радовала ихъ. Несмотря на усталость, почти никто не спалъ. Ждали извѣстій изъ императорской палатки. Многіе, стоя у потухающихъ костровъ и опираясь одной рукой на длинныя копья, дремали въ изнеможеніи. Слышно было, какъ стреноженныя лошади, тяжело вздыхая, жуютъ овесъ.

Между темными шатрами выступили на краю неба бѣловатыя полосы. Звѣзды сдѣлались дальше и холоднѣе. Повѣяло сыростью. Сталь копій и мѣдь щитовъ потускнѣли отъ сѣраго, какъ паутина, налета росы. Пропѣли пѣтухи этрусскихъ гадателей, вѣщія птицы, которыхъ жрецы не утопили, несмотря на повелѣніе августа. Тихая грусть была на землѣ и на небѣ. Все казалось призрачнымъ; близкое—далекимъ, далекое—близкимъ.

У входа въ палатку кесаря толпились друзья, военачальники, приближенные; въ сумеркахъ казались они другъ другу блѣдными тѣнями.

Въ шатрѣ царствовало еще болѣе торжественное безмолвіе. Съ однообразнымъ звономъ врачъ Орибазій толокъ въ мѣдной ступѣ лѣкарственныя травы для освѣжающаго напитка.

Больной успокоился; бредъ затихъ.

На разсвѣтѣ въ послѣдній разъ пришелъ онъ въ себя и спросилъ съ нетерпѣніемъ:

— Когда же солнце?..

— Черезъ часъ,—отвѣтилъ Орибазій, взглянувъ на уровень воды въ стеклянныхъ стѣнкахъ водяныхъ часовъ.

— Позовите военачальниковъ, — приказалъ Юліанъ.— Я долженъ говорить.

— Милостивый кесарь, тебѣ нуженъ покой,—замѣтилъ врачъ.

— Все равно. До восхода не умру. Викторъ, выше голову... Такъ. Хорошо

Ему разсказали о побѣдѣ надъ персами, о бѣгствѣ предводителя вражеской конницы Мерана съ двумя сыновьями царя, о гибели пятидесяти сатраповъ. Онъ не удивился, не обрадовался; лицо его осталось безучастнымъ.

Вошли приближенные: Дагалаифъ, Гормизда, Невитта, Аринѳей, Люцилліанъ, префектъ Востока Саллюстій; впереди шелъ комесъ Іовіанъ. Многіе, дѣлая предположенія о будущемъ, высказывали желаніе видѣть на престолѣ этого слабаго боязливаго человѣка, никому не опаснаго. При немъ надѣялись отдохнуть отъ тревогъ слишкомъ бурнаго царствованія. Іовіанъ обладалъ искусствомъ угождать всѣмъ. Онъ былъ высокъ и благообразенъ, съ лицомъ незначительнымъ, исчезающимъ въ толпѣ. Онъ имѣлъ сердце добродѣтельное и ничтожное.

Здѣсь же среди приближенныхъ находился молодой центуріонъ придворныхъ щитоносцевъ, будущій историкъ Амміанъ Марцеллинъ. Всѣ знали, что онъ ведетъ дневникъ похода. Войдя въ палатку, Амміанъ вынулъ навощенныя дощечки и мѣдный стилосъ. Онъ приготовился записывать предсмертную рѣчь императора.

— Подымите завѣсу,—приказалъ Юліанъ.

Покровъ на дверяхъ откинули. Всѣ разступились. Утренній холодъ повѣялъ въ лицо умирающему. Дверь выходила на востокъ. Недалеко былъ обрывъ; ничто не заслоняло неба.

Юліанъ увидѣлъ свѣтлыя облака, еще холодныя, прозрачныя, какъ ледъ. Онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Такъ. Хорошо. Погасите лампаду...

Огонь потушили; палатку наполнилъ сумракъ.

Всѣ ждали молча.

— Слушайте, друзья мои!—началъ кесарь предсмертную рѣчь; онъ говорилъ тихо, но внятно; лицо было спокойно.

Амміанъ Марцеллинъ записывалъ.

— Слушайте, друзья, мой часъ пришелъ, быть-можетъ, слишкомъ ранній; но видите, я радуюсь, какъ вѣрный должникъ, возвращая природѣ жизнь,—и нѣтъ въ душѣ моей ни скорби, ни страха; въ ней только тихое веселіе мудрыхъ, предчувствіе вѣчнаго отдыха. Я исполнилъ долгъ и, вспоминая прошлое, не раскаиваюсь. Въ тѣ дни, когда, всѣми гонимый, ожидалъ я смерти въ пустынѣ Каппадокіи, въ

замкѣ Мацеллумѣ, и потомъ на вершинѣ величія подъ пурпуромъ римскаго кесаря,—сохранилъ я душу мою незапятнанной, стремясь къ высокимъ цѣлямъ. Если же не исполнилъ всего, что хотѣлъ, не забывайте, люди, что дѣлами земными управляютъ силы рока. Нынѣ благословляю Вѣчнаго за то, что далъ Онъ мнѣ умереть не отъ медленной болѣзни, не отъ руки палача или злодѣя, а на полѣ битвы, въ цвѣтѣ юности, среди недоконченныхъ подвиговъ . . . . . Разскажите, возлюбленные, врагамъ и друзьямъ моимъ, какъ умираютъ эллины, укрѣпляемые древнею мудростью.

Онъ умолкъ. Всѣ опустились на колѣни. Многіе плакали.

— О чемъ вы, бѣдные?—спросилъ Юліанъ съ улыбкой.—Непристойно плакать о томъ, кто возвращается на родину... Викторъ, утѣшься!..

Старикъ хотѣлъ отвѣтить, но не могъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ еще сильнѣе.

— Тише, тише,—произнесъ Юліанъ, обращая взоръ на далекое небо.—Вотъ оно!..

Облака загорѣлись. Сумракъ въ палаткѣ сдѣлался янтарнымъ, теплымъ. Блеснулъ первый лучъ солнца. Умирающій обратилъ къ нему лицо свое.

Тогда префектъ Востока, Саллюстій Секундъ, приблизившись, поцѣловалъ руку Юліана:

— Блаженный августъ, кого назначаешь наслѣдникомъ?

— Все равно,—отвѣчалъ императоръ.—Судьба рѣшитъ. Не должно противиться. Пусть галилеяне торжествуютъ. Мы побѣдимъ потомъ, и—съ нами солнце! Смотрите, вотъ оно, вотъ оно!..

Слабый трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу его, и съ послѣднимъ усиліемъ поднялъ онъ руки, какъ будто хотѣлъ устремиться навстрѣчу солнцу. Черная кровь хлынула изъ раны; жилы, напрягаясь, выступили на вискахъ и на шеѣ.

— Пить, пить!—прошепталъ онъ задыхаясь.

Викторъ поднесъ къ его губамъ глубокую чашу, золотую, сіявшую, наполненную до краевъ чистой родниковой водой. Юліанъ смотрѣлъ на солнце и медленно, жад-

ными глотками пилъ воду, прозрачную, холодную какъ ледъ.

Потомъ голова его откинулась. Изъ полуоткрытыхъ губъ вырвался послѣдній вздохъ, послѣдній шопотъ:

— Радуйтесь!.. Смерть—солнце... Я какъ ты, о Геліосъ!..

Взоръ его потухъ. Викторъ закрылъ ему глаза.

Лицо императора въ сіяніи солнца было похоже на лицо уснувшаго бога.

XX.

Прошло три мѣсяца послѣ заключенія императоромъ Іовіаномъ мира съ персами.

Въ началѣ октября римское войско, истощенное голодомъ и безконечными переходами по знойной Месопотаміи, вернулось въ Антіохію.

Во время пути трибунъ щитоносцевъ Анатолій подружился съ молодымъ историкомъ Амміаномъ Марцеллиномъ. Друзья рѣшили ѣхать въ Италію, въ уединенную виллу около Бай, куда приглашала ихъ Арсиноя, чтобы отдохнуть отъ труднаго похода и полѣчиться отъ ранъ въ сѣрныхъ источникахъ.

Проѣздомъ остановились они на нѣсколько дней въ Антіохіи.

Ожидались великолѣпныя празднества въ честь вступленія на престолъ Іовіана и возвращенія войска. Миръ, заключенный съ царемъ Сапоромъ, былъ позорнымъ для имперіи: пять богатыхъ римскихъ провинцій по ту сторону Тигра, въ томъ числѣ Кордуэна и Регимэна, пятнадцать пограничныхъ крѣпостей, города Сингара, Кастра-Маурорумъ и неприступная древняя твердыня Низибъ, выдержавшая три осады, переходили въ руки Сапора.

Но галилеяне мало думали о пораженіи Рима. Когда въ Антіохію пришло извѣстіе о смерти Юліана-Отступника, запуганные граждане сперва не повѣрили, боясь, что это сатанинская хитрость, новая сѣть для уловленія праведныхъ; но, повѣривъ, обезумѣли отъ радости.

Раннимъ утромъ шумъ праздника, крики народа ворвались сквозь плотно запертые ставни въ полутемную спальню Анатолія. Онъ рѣшилъ цѣлый день просидѣть дома. Ликованіе черни было ему противно. Старался опять уснуть, но не могъ. Странное любопытство овладѣло имъ. Онъ быстро одѣлся, ничего не сказалъ Амміану и вышелъ на улицу.

Былъ свѣжій, но не холодный солнечный осенній день. Большія круглыя облака на темно-голубомъ небѣ сливались съ бѣлымъ мраморомъ безконечныхъ антіохійскихъ колоннадъ и портиковъ. На углахъ, рынкахъ и форумахъ шумѣли фонтаны. Въ солнечно-пыльной дали улицъ видно было, какъ широкія струи городскихъ водопроводовъ скрещиваются подвижными хрустальными нитями. Голуби, воркуя, клевали разсыпанный ячмень. Пахло цвѣтами, ладаномъ изъ открытыхъ настежь церквей, мокрою пылью. Смуглыя дѣвушки, пересмѣиваясь, окропляли изъ прозрачныхъ водоемовъ корзины блѣдныхъ октябрьскихъ розъ и потомъ, съ радостнымъ пѣніемъ псалмовъ, обвивали гирляндами столбы христіанскихъ базиликъ.

Толпа съ немолчнымъ гуломъ и говоромъ наполняла улицы; медленнымъ рядомъ двигались по великолѣпной антіохійской мостовой—гордости городского совѣта декуріоновъ—колесницы и носилки.

Слышались восторженные крики:

— Да здравствуетъ Іовіанъ августъ, блаженный, великій!

Иные прибавляли: «побѣдитель!», но неувѣренно, потому что слово «побѣдитель» слишкомъ отзывалось насмѣшкою.

Тотъ самый уличный мальчикъ, который нѣкогда маралъ углемъ на стѣнахъ карикатуры Юліана, хлопалъ въ ладоши, свистѣлъ, подпрыгивалъ, валялся въ пыли, какъ воробей, и выкрикивалъ пронзительно:

— Погибъ, погибъ сей дикій вепрь, опустошитель вертограда Божьяго!

Онъ повторялъ эти слова за старшими.

Сгорбленная старуха въ отрепьяхъ, ютившаяся въ грязномъ предмѣстіи, въ сырой щели, какъ мокрица, тоже выползла на солнце, радуясь празднику. Она махала и вопила дребезжащимъ голосомъ:

— Погибъ Юліанъ, погибъ злодѣй!

Веселіе праздника отражалось и въ широко открытыхъ удивленныхъ глазахъ грудного ребенка, котораго держала на рукахъ смуглая исхудалая поденщица съ фабрики пурпура; мать дала ему медовый пирожокъ; видя пестрыя одежды на солнцѣ, онъ махалъ съ восторгомъ ручками и вдругъ, быстро отвертывая свое пухлое грязное личико, обмазанное медомъ, плутовато посмѣивался, какъ будто все отлично понималъ, только не хотѣлъ сказать. А мать думала съ гордостью, что умный мальчикъ раздѣляетъ веселіе праведныхъ о смерти отверженнаго.

Безконечная грусть была въ сердцѣ Анатолія.

Но онъ шелъ дальше, увлекаемый все тѣмъ же страннымъ любопытствомъ.

По улицѣ Сингонъ приблизился онъ къ соборной базиликѣ. На паперти, залитой яркимъ солнцемъ, была еще бо̀льшая давка. Онъ увидѣлъ знакомое лицо чиновника квестуры Марка Авзонія, выходившаго изъ базилики въ сопровожденіи двухъ рабовъ, которые локтями прочищали путь въ толпѣ.

«Что это?—удивился Анатолій.—Какъ попалъ въ церковь этотъ ненавистникъ галилеянъ?»

Кресты, шитые золотомъ, виднѣлись на лиловой хламидѣ Авзонія и даже на передкахъ кожаныхъ пунцовыхъ туфель.

Юній Маврикъ, другой знакомый Анатолія, подошелъ къ Авзонію:

— Какъ поживаешь, достопочтенный?—спросилъ Маврикъ съ притворнымъ, насмѣшливымъ удивленіемъ, осматривая новый христіанскій нарядъ чиновника.

Юній былъ человѣкъ свободный, довольно богатый, и переходъ въ христіанство не представлялъ для него осо-

ѣенной выгоды. Внезапному обращенію своихъ друзей чиновниковъ ничуть не удивлялся онъ, но ему нравилось при каждой встрѣчѣ дразнить ихъ разспросами, принимая видъ человѣка оскорбленнаго, скрывающаго свое негодованіе подъ личиной насмѣшки.

Толпа входила въ двери церкви. Паперть опустѣла. Друзья могли бесѣдовать свободно. Анатолій, стоя за колонной, слышалъ разговоръ.

— Зачѣмъ же не достоялъ ты до конца службы?—спросилъ Маврикъ.

— Сердцебіеніе... Душно. Что же дѣлать,—не привыкъ...

И прибавилъ задумчиво:

— Странный слогъ у этого новаго проповѣдника: гиперболы слишкомъ дѣйствуютъ на меня—точно желѣзомъ проводитъ по стеклу... Странный слогъ!

— Это, право, трогательно,—злорадствовалъ Маврикъ.— Всему измѣнилъ, ото всего отрекся, а хорошій слогъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я, можетъ-быть, еще просто во вкусъ не вошелъ,—перебилъ его, спохватившись, Авзоній.—Ты не думай, пожалуйста, Маврикъ, я вѣдь искренно...

Изъ глубокихъ носилокъ медленно вылѣзла, кряхтя и охая, жирная туша квестора Гаргиліана.

— Кажется, опоздалъ?.. Ничего,—въ притворѣ постою. Богъ есть Духъ, обитающій...

— Чудеса!—смѣялся Маврикъ.—Св. Писаніе въ устахъ Гаргиліана!..

— Христосъ да помилуетъ тебя, сынъ мой,—обратился къ нему Гаргиліанъ невозмутимо:—чего это ты все язвишь, все ехидничаешь?

— Опомниться не могу. Столько обращеній, столько превращеній! Я, напримѣръ, всегда полагалъ, что ужъ твои вѣрованія...

— Какой вздоръ, милый мой! У меня одно вѣрованіе, что галилейскіе повара нисколько не хуже эллинскихъ. А постныя блюда—объяденіе. Приходи ужинать, философъ! Я тебя скоро обращу въ свою вѣру. Пальчики оближешь. Не все ли равно, друзья мои, съѣсть хорошій обѣдъ въ честь

бога Меркурія или въ честь святого Меркурія. Предразсудки. Чѣмъ, спрашивается, мѣшаетъ вотъ эта хорошенькая ве щица?

И онъ указалъ на скромный янтарный крестикъ, бол тавшійся среди надушенныхъ складокъ драгоцѣннаго аме тистоваго пурпура на его величественномъ брюхѣ.

— Смотрите, смотрите — Гэкеболій, великій жрецъ бо гини Астарты Диндимены,—кающійся іерофантъ въ темных галилейскихъ одеждахъ. О, зачѣмъ тебя здѣсь нѣтъ, пѣвец Метаморфозъ!—торжествовалъ Маврикъ, указывая на благо образнаго старика, умащеннаго сѣдинами, съ тихою важ ностью на пріятномъ розовомъ лицѣ, сидѣвшаго въ полу закрытыхъ носилкахъ.

— Что онъ читаетъ?

— Ужъ, конечно, не правила Пессинунтской богини

— Смиреніе-то, святость! Похудѣлъ отъ поста. Смотрите возводитъ очи, вздыхаетъ.

— А слышали, какъ обратился?—спросилъ квесторъ с веселой улыбкой.

— Должно-быть, пошелъ къ императору Іовіану, как нѣкогда къ Юліану, и покаялся?

— О, нѣтъ, все было сдѣлано по-новому. Неожиданно Покаяніе всенародное. Легъ на землю въ дверяхъ одной ба зилики, изъ которой выходилъ Іовіанъ среди толпы народа и закричалъ громкимъ голосомъ: «Топчите меня, гнуснаго топчите соль непотребную!» И со слезами цѣловалъ ног проходящимъ.

— Да, это по-новому! Ну, и что же, понравилось?

— Еще бы! Говорятъ, было свиданіе съ императором наединѣ. О, такіе люди не горятъ, не тонутъ. Все имъ в пользу. Скинетъ старую шкурку — помолодѣетъ. Учитес дѣти мои!

— Ну, а что бы такое онъ могъ сказать импера тору?

— Мало ли что! — вздохнулъ Гаргиліанъ не безъ тай ной зависти.—Онъ могъ ему шепнуть: крѣпче держись хри стіанства, да не останется въ мірѣ ни одного язычника: пр

зая вѣра есть утвержденіе престола твоего. Теперь передъ нимъ дорога прямая. Куда лучше, чѣмъ при Юліанѣ. Не угонишься. Премудрость!

— Ой, ой, ой, благодѣтели, заступитесь, помилуйте! Исторгните смиреннѣйшаго раба Цикумбрика изъ пасти львиной!

— Что съ тобой? — спросилъ Гаргиліанъ кривоногаго нахоточнаго сапожника съ добрымъ, растерянным лицомъ, съ неуклюже торчавшими клоками сѣдыхъ волосъ. Его вели два тюремныхъ римскихъ копьеносца.

— Въ темницу влекутъ!

— За что?

— За разграбленіе церкви.

— Какъ? Неужели ты?..

— Нѣтъ, нѣтъ, я только въ толпѣ, можетъ-быть, раза два крикнулъ: бей! Это было еще при августѣ Юліанѣ. Тогда говорили: кесарю угодно, чтобы мы разрушали галилейскія церкви. Мы и разрушали. А теперь донесли, будто я серебряную рипиду изъ алтаря подъ полою унесъ. Я и въ церкви-то не былъ; только съ улицы два раза крикнулъ: бей! Я человѣкъ смирный. Лавчонка у меня дрянная, да на людномъ мѣстѣ,—если драка, непремѣнно затащутъ. Развѣ я для себя? Мнѣ что?.. Я думалъ, приказано. Ой, защитите, отцы, помилуйте!..

— Да кто ты, христіанинъ или язычникъ?—спросилъ Оній.

— Не знаю, благодѣтели, самъ не знаю! До императора Константина приносилъ я жертвы богамъ. Потомъ крестили. При Констанціи сдѣлался аріаниномъ. Потомъ эллины вошли въ силу. Я—къ эллинамъ. А теперь опять, видно, по-старому. Хочу покаяться, въ церковь аріанскую вернуться. Да боюсь, какъ бы не промахнуться. Разрушалъ я капища идольскія, потомъ возстановлялъ и вновь разрушалъ. Все перепуталось! Самъ не разберу, что̀ я и что̀ со мною. Покоренъ властямъ, а вѣдь вотъ никакъ въ истинную вѣру попасть не могу. Все мимо! Либо рано, либо поздно. Только вижу, нѣтъ мнѣ покоя,—или такъ ужъ на роду написано? Бьютъ

за Христа, бьютъ за боговъ. Дѣтокъ жаль!.. Ой, защитите, благодѣтели, освободите Цикумбрика, раба смиреннѣйшаго!

— Не бойся, любезный,—произнесъ Гаргиліанъ съ улыбкой,—мы тебя освободимъ. Похлопочемъ. Ты еще мнѣ такіе славные полусапожки сшилъ, со скрипомъ.

Цикумбрикъ упалъ на колѣни, простирая съ надеждою руки, отягченныя цѣпями.

Немного успокоившись, онъ взглянулъ на покровителей робко, исподлобья и спросилъ:

— Ну, а какъ же теперь насчетъ вѣры, благодѣтели?.. Покаяться и ужъ твердо стоять до конца? Значитъ, перемѣны не будетъ? А то боюсь, что снова...

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся,—засмѣялся Гаргиліанъ,—теперь ужъ кончено: перемѣны не будетъ!

Анатолій, не замѣченный друзьями, вошелъ въ церковь. Ему хотѣлось послушать знаменитаго молодого проповѣдника Ѳеодорита.

На колеблющихся волнахъ ѳиміама голубоватыми снопами дрожали косые лучи солнца, проникая сквозь узкія верхнія окна огромнаго купола, подобнаго золотому небу, символу міродержавной церкви вселенской.

Одинъ лучъ упалъ на огненно-рыжую бороду проповѣдника, стоявшаго на высокомъ амвонѣ. Онъ поднялъ исхудалыя блѣдныя руки, почти сквозившія, какъ воскъ, на солнцѣ; глаза горѣли радостью; голосъ гремѣлъ.

— Я хочу начертать на позорномъ столбѣ повѣсть Юліанѣ злодѣѣ, богоотступникѣ! Да прочтутъ мою надпись всѣ вѣка и всѣ народы, да ужаснутся справедливости гнѣва Господня! Поди сюда, поди, мучитель, змій велемудрый! Нынѣ надругаемся мы надъ тобою! Соединимся духомъ, братья, и возликуемъ, и ударимъ въ тимпаны, и воспоемъ побѣдную пѣснь Маріамъ во Израилѣ о потопленіи египтянъ въ Чермномъ морѣ! Да веселится пустыня и да цвѣтетъ яко кринъ, да веселится церковь, которая вчера и за день повидимому, вдовствовала и сиротствовала!.. Видите: от

удовольствія дѣлаюсь, какъ пьяный, какъ безумный!.. Какой голосъ, какой даръ слова будетъ соразмѣренъ чуду сему?.. Гдѣ твои жертвы, обряды и таинства, императоръ? Гдѣ заклинанія и знаменія чревовѣщателей? Гдѣ искусство гадать по разсѣченнымъ внутренностямъ живыхъ людей? Гдѣ слава Вавилона? Гдѣ персы и мидяне? Гдѣ боги, тебя сопровождающіе, тобой сопровождаемые, твои защитники, Юліанъ? Все исчезло, обмануло, разсѣялось!..

— Ахъ, душечка, какая борода!—замѣтила шопотомъ на ухо подругѣ престарѣлая нарумяненная матрона, стоявшая рядомъ съ Анатоліемъ.—Смотри, смотри, золотомъ отлибаетъ!..

— Да, но зубы?..—усомнилась подруга.

— Ну, что же зубы? При такой бородѣ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Вероника, какъ можно, не говори этого! Зубы тоже что-нибудь да значатъ. Можно ли сравнить брата Ѳеофанія?..

Ѳеодоритъ гремѣлъ:

— Сокрушилъ Господь мышцы беззаконнаго! Вотще Юліанъ возрастилъ въ себѣ нечестіе, подобно тому, какъ самые злые изъ пресмыкающихся и звѣрей собираютъ ядъ въ своемъ тѣлѣ. Богъ ожидалъ, пока выйдетъ наружу вся злоба его, подобно нѣкоему злокачественному вереду...

— Какъ бы въ циркъ не опоздать,—шепталъ другой сосѣдъ Анатолія, ремесленникъ, на ухо товарищу.—Говорятъ, медвѣдицы. Изъ Британіи.

— Ну, что ты? Неужели медвѣдицы?

— Какъ же! Одну зовутъ Золотая Искорка, другую—Невинность. Человѣчьимъ мясомъ кормятъ. И еще вѣдь гладіаторы!..

— Господи Іисусе! Еще гладіаторы! Только бы не прозѣвать. Все равно, не дождемся конца. Улизнемъ, братъ, поскорѣе, а то мѣста займутъ.

Теперь Ѳеодоритъ прославлялъ Юліанова предшественника, Констанція, за христіанскія добродѣтели, за чистоту нравовъ, за любовь къ роднымъ.

Анатолію сдѣлалось душно въ толпѣ. Онъ вышелъ изъ церкви и съ удовольствіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ, не пахнувшій ладаномъ и гарью лампадъ, взглянулъ на чистое небо, не заслоненное золоченымъ куполомъ.

Въ притворахъ разговаривали громко, не стѣсняясь. Въ толпѣ распространилась важная вѣсть: сейчасъ повезутъ по улицамъ въ желѣзной клѣткѣ двухъ медвѣдицъ въ амфитеатръ. Услышавшіе новость выбѣгали изъ церкви стремительно, съ озабоченными лицами.

— Что? Какъ? Не опоздали? Неужели правда—Золотая Искорка больна?

— Вздоръ? Это у Невинности было ночью разстройство желудка. Объѣлась. Теперь прошло. Здоровехоньки обѣ.

— Слава Богу, слава Богу!

Какъ ни сладостно было краснорѣчіе Ѳеодорита, оно не могло побѣдить соблазна гладіаторскихъ игръ и британскихъ медвѣдицъ.

Церковь пустѣла. Анатолій увидѣлъ, какъ со всѣхъ концовъ города, изъ всѣхъ покинутыхъ базиликъ, по улицамъ, переулкамъ и площадямъ, бѣжали запыхавшіеся люди по направленію къ цирку; сшибали другъ друга съ ногъ, ругались, давили дѣтей, перескакивали черезъ упавшихъ женщинъ, роняли сандаліи и неслись дальше; на потныхъ красныхъ лицахъ былъ такой страхъ опоздать, какъ будто дѣло шло о спасеніи жизни.

И два нѣжныхъ имени порхали изъ устъ въ уста, какъ сладкія обѣщанія невѣдомыхъ радостей:

— Золотая Искорка! Невинность!

Анатолій вошелъ за толпою въ амфитеатръ.

По римскому обычаю, веларіумъ, окропленный духами, защищалъ народъ отъ солнца, распространяя свѣжія алыя сумерки. Многоголовая толпа уже волновалась по нисходящимъ круглымъ ступенямъ.

Передъ началомъ игръ въ императорскую ложу высшіе антіохійскіе сановники внесли бронзовую статую Іовіана, чтобы народъ могъ насладиться лицезрѣніемъ новаго кесаря.

Въ правой рукѣ держалъ онъ шаръ земной, увѣнчанный крестомъ. Ослѣпительный лучъ солнца проникъ между пурпурными полотнищами веларіума и упалъ на чело императора; оно засверкало, и толпа увидѣла на бронзовомъ плоскомъ лицѣ самодовольную улыбку. Чиновники цѣловали ноги кумира. Чернь ревѣла отъ восторга:

— Слава, слава спасителю отечества, августу Іовіану! Погибъ Юліанъ, наказанъ дикій вепрь, опустошитель вертограда Божьяго!

Безчисленныя руки махали въ воздухѣ разноцвѣтными платками и поясами.

Чернь привѣтствовала въ Іовіанѣ свое отраженіе, свой духъ, свой образъ, воцарившійся въ мірѣ.

Издѣваясь надъ усопшимъ императоромъ, толпа обращалась къ нему, какъ будто онъ присутствовалъ въ амфитеатрѣ и могъ слышать:

— Ну что, философъ? Не помогла тебѣ мудрость Платона и Хризиппа, не защитили тебя ни Громовержецъ, ни Фебъ Дальномечущій! Попалъ дьяволамъ въ когти,—да растерзаютъ они богохульника! Гдѣ твои предсказанія, глупый Максимъ? Побѣдилъ Христосъ и Богъ его! Побѣдили мы, смиренные!

Всѣ были увѣрены, что Юліанъ палъ отъ руки христіанина, благодарили Бога за «спасительный ударъ» и прославляли цареубійцу.

Когда же увидѣли смуглое тѣло гладіаторовъ подъ когтями Золотой Искорки и Невинности, — толпой овладѣла ярость. Глаза расширялись и не могли насытиться видомъ крови. На ревъ звѣриный народъ отвѣтилъ еще болѣе дикимъ человѣческимъ ревомъ. Христіане пѣли хвалу Богу, какъ будто теперь только увидѣли торжество своей вѣры:

— Слава императору, благочестивому Іовіану! Христосъ побѣдилъ, Христосъ побѣдилъ!

Анатолій съ отвращеніемъ чувствовалъ зловонное дыханіе черни—запахъ людского стада. Зажмуривъ глаза, ста-

раясь не дышать, выбѣжалъ на улицу, вернулся домой, заперъ двери, плотно закрылъ ставни, бросился на постель и такъ пролежалъ, не двигаясь, до поздняго вечера.

Но отъ черни не было спасенія.

Только что стемнѣло, вся Антіохія озарилась огнями. На углахъ базиликъ и высокихъ крышахъ государственныхъ зданій дымились громадные свѣточи, раздуваемые вѣтромъ; на улицахъ коптили плошки. И въ комнату Анатолія сквозь щели ставенъ проникло зарево огней, зловоніе горящаго дегтя и сала. Изъ сосѣднихъ кабаковъ слышались пьяныя пѣсни солдатъ и матросовъ, хохотъ, визгъ, брань уличныхъ блудницъ, и надо всѣмъ, подобно шуму водъ, носилось немолчное славословіе Іовіану спасителю, анаѳема Юліану Отступнику.

Анатолій, съ горькой усмѣшкой, подымая руки къ небу, воскликнулъ:

— Воистину, Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

XXI.

Это была большая торговая трирема съ азіатскими коврами и амфорами оливковаго масла, совершавшая плаваніе отъ Селевкіи Антіохійской къ берегамъ Италіи. Между островами Эгескаго Архипелага направлялась она къ острову Криту, гдѣ должна была взять грузъ шерсти и высадить нѣсколькихъ монаховъ въ уединенную обитель на морскомъ берегу. Старцы, находившіеся на передней части палубы, проводили дни въ благочестивыхъ бесѣдахъ, молитвахъ и обычной монастырской работѣ—плетеніи корзинъ изъ пальмовыхъ вѣтвей.

На противоположной сторонѣ, у кормы, украшенной дубовымъ изваяніемъ Аѳины Тритониды, подъ легкимъ навѣсомъ изъ фіолетовой ткани для защиты отъ солнца, пріютились другіе путешественники, съ которыми монахи не имѣли общенія, какъ съ язычниками: то были Анатолій, Амміанъ, Марцеллинъ и Арсиноя.

Былъ тихій вечеръ. Гребцы, александрійскіе невольники, съ бритыми головами, мѣрно опускали и подымали длинныя гибкія весла, распѣвая унылую пѣсню. Солнце заходило за тучи.

Анатолій смотрѣлъ на волны и припоминалъ слова Эсхила о «многосмѣющемся морѣ». Послѣ суеты, пыли и зноя антіохійскихъ улицъ, послѣ зловоннаго дыханія черни и копоти праздничныхъ плошекъ, отдыхалъ онъ, повторяя:

— Многосмѣющееся, прими и очисти душу мою!

Калимносъ, Аморгосъ, Астифалея, Θера, какъ видѣнія, одинъ за другимъ, выплывали передъ ними острова, то подымаясь надъ моремъ, то вновь исчезая, какъ будто вокругъ горизонта сестры-океаниды плясали свою вѣчную пляску. Анатолію казалось, что здѣсь еще не прошли времена Одиссеи.

Спутники не нарушали молчаливыхъ грезъ его. Каждый былъ погруженъ въ свое дѣло. Амміанъ приводилъ въ порядокъ записки о персидскомъ походѣ, о жизни императора Юліана, а по вечерамъ для отдыха читалъ знаменитое твореніе христіанскаго учителя, Климента Александрійскаго— Стромата, *Пестрый коверъ*.

Арсиноя лѣпила изъ воску маленькія изваянія, подготовительные опыты для большого, мраморнаго.

Это было обнаженное тѣло олимпійскаго бога, съ лицомъ, полнымъ неземной печали; Анатолій хотѣлъ и все не рѣшался спросить ее, кто это: Діонисъ или Христосъ?

Арсиноя давно покинула монашескія одежды. Благочестивые люди отворачивались отъ нея съ презрѣніемъ, называли отступницей. Но отъ преслѣдованій избавляло ее славное имя предковъ и память о щедрыхъ вкладахъ, которыми нѣкогда почтила она многія христіанскія обители. Изъ прежняго богатства ея оставалась небольшая часть, но и этого было довольно, чтобы жить безбѣдно.

На берегу Неаполитанскаго залива, недалеко отъ Бай, сохранилось у нея маленькое помѣстье съ тою самою виллою, въ которой Мирра провела послѣдніе дни свои. Здѣсь

Арсиноя, Анатолій и Марцеллинъ согласились отдохнуть отъ послѣднихъ тревожныхъ годовъ своей жизни, въ сельской тишинѣ и въ служеніи Музамъ.

Бывшая монахиня носила теперь почти такую же одежду, какъ и до постриженія: простыя складки пеплума дѣлали ее снова похожей на древнюю аѳинскую дѣвушку; но цвѣтъ ткани былъ темный, и блѣдное золото кудрей только слабо мерцало сквозь такую же темную дымку, накинутую на голову; въ тускло-черныхъ, никогда не смѣявшихся глазахъ было строгое, почти суровое спокойствіе; только руки, обнаженныя по самыя плечи, изъ-подъ складокъ пеплума сверкали бѣлизной, когда художница работала, нетерпѣливо, точно со злобою, мяла и комкала воскъ. Анатолій чувствовалъ смѣлость и силу въ этихъ бѣлыхъ, какъ будто злыхъ, рукахъ.

Въ тотъ тихій вечеръ корабль проходилъ мимо маленькаго острова.

Никто не зналъ его имени; издали казался онъ голымъ утесомъ. Чтобы избѣгнуть подводныхъ камней, корабль долженъ былъ пройти очень близко отъ берега. Здѣсь, вокругъ обрывистаго мыса, море было такъ прозрачно, что можно было видѣть на днѣ серебристо-бѣлый песокъ съ черными пятнами мховъ.

Изъ-за темныхъ скалъ выступили тихія зеленыя лужайки. Тамъ паслись козы и овцы. Посрединѣ мыса росъ платанъ. Анатолій замѣтилъ на мшистыхъ корняхъ его отрока и дѣвушку; то были, должно-быть, дѣти бѣдныхъ пастуховъ. За ними, въ кипарисовой рощѣ, бѣлѣлъ мраморный Панъ съ девятиствольною флейтою.

Анатолій обернулся къ Арсиноѣ, указывая на этотъ мирный уголокъ Эллады. Но слова замерли на губахъ его: пристально, съ улыбкой страннаго веселья смотрѣла художница на вылѣпленное ею изъ воска маленькое изваяніе—двусмысленный и соблазнительный образъ съ прекраснымъ олимпійскимъ тѣломъ, съ неземною грустью въ лицѣ.

Сердце Анатолія сжалось. Онъ спросилъ ее отрывисто, почти злобно, указывая на изваяніе.

— Кто это?

Медленно, какъ будто съ усиліемъ, подняла она глаза свои.—«Такіе глаза должны быть у сибиллы», подумалъ онъ.

— Ты надѣешься, Арсиноя,—продолжалъ Анатолій,—что люди поймутъ тебя?

— Не все ли равно?—проговорила она тихо, съ печальной улыбкой.

И помолчавъ, еще тише, какъ будто про себя:

— Онъ долженъ быть неумолимъ и страшенъ, какъ Митра-Діонисъ въ славѣ и силѣ своей, милосердъ и кротокъ, какъ Іисусъ Галилеянинъ...

— Что ты говоришь? Развѣ это можетъ быть вмѣстѣ?

Солнце опускалось все ниже. Подъ нимъ на краю неба лежала туча. Послѣдніе лучи съ грустью и нѣжностью озаряли островъ. Теперь отрокъ съ дѣвушкой подошли къ жертвеннику Пана, чтобы совершить возліяніе вечернее.

— Ты думаешь, Арсиноя,—сказалъ Анатолій, — невѣдомые братья снова подымутъ упавшую нить нашей жизни и пойдутъ по ней дальше? Ты думаешь, не все погибнетъ въ этой варварской тьмѣ, сходящей на Римъ и Элладу? О, если бы такъ, если бы знать, что будущее...

— Да,—воскликнула Арсиноя, и суровые темные глаза ея загорѣлись вѣщимъ огнемъ.—Будущее въ насъ—въ нашей скорби! Юліанъ былъ правъ: въ безславіи, въ безмолвіи, чуждые всѣмъ, одинокіе, должны мы терпѣть до конца; должны спрятать въ пепелъ послѣднюю искру, чтобы грядущимъ поколѣніямъ было чѣмъ зажечь новые свѣточи. Съ того, чѣмъ мы кончаемъ, начнутъ они. Когда-нибудь люди откопаютъ святыя кости Эллады, обломки божественнаго мрамора и снова будутъ молиться и плакать надъ ними; отыщутъ въ могилахъ истлѣвшія страницы нашихъ книгъ, и снова будутъ, какъ дѣти, разбирать по складамъ древнія сказанія Гомера, мудрость Платона. Тогда воскреснетъ Эллада—и съ нею мы!

— И вмѣстѣ съ нами—наша скорбь!—воскликнулъ Анатолій.—Зачѣмъ? Кто побѣдитъ въ этой борьбѣ? Когда она кончится? Отвѣчай, сибилла, если можешь!

Арсиноя молчала, потупивъ глаза; наконецъ взглянула на Амміана и указала на него Анатолію:

— Вотъ кто лучше меня отвѣтитъ тебѣ. Онъ такъ же страдаетъ, какъ мы. А между тѣмъ не утратилъ ясности духа. Видишь, какъ спокойно и разумно онъ слушалъ.

Амміанъ Марцеллинъ, отложивъ творенія Климента, прислушивался къ разговору ихъ молча.

— Въ самомъ дѣлѣ,—обратился къ нему Анатолій со своей обычной, немного легкомысленной улыбкой,—вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ мы съ тобой друзья, а между тѣмъ я до сихъ поръ не знаю, кто ты—христіанинъ или эллинъ?

— Я и самъ не знаю,—отвѣтилъ Амміанъ просто.

— Но какъ же хочешь ты писать свою лѣтопись Римской имперіи?—допрашивалъ Анатолій.—Какая-нибудь чаша вѣсовъ—христіанская или эллинская—должна перевѣсить. Или оставишь ты потомковъ въ недоумѣніи о твоихъ вѣрованіяхъ?

— Имъ этого не нужно знать,—отвѣтилъ историкъ.— Быть справедливымъ къ тѣмъ и другимъ—вотъ моя цѣль. Я любилъ императора Юліана; но не опустится и для него въ рукахъ моихъ чаша вѣсовъ. Пусть въ грядущихъ никто не рѣшитъ, кѣмъ я былъ,—какъ я самъ не рѣшаю.

Анатолій имѣлъ уже случай видѣть изящную вѣжливость Амміана, его нетщеславную и неподдѣльную храбрость на войнѣ, спокойную вѣрность въ дружбѣ; теперь онъ любовался въ немъ новой чертой—глубокой ясностью ума.

— Да, ты рожденъ историкомъ, Амміанъ, безстрастнымъ судіею нашего страстнаго вѣка. Ты примиришь двѣ враждующихъ мудрости,—проговорила Арсиноя.

— Не я первый,—возразилъ Амміанъ.

Онъ всталъ, указывая на пергаментные свитки твореній великаго христіанскаго учителя:

— Здѣсь все это есть, и еще многое, лучшее,—чего я не сумѣю сказать; это *Стромата* Климента Александрій-

скаго. Онъ доказываетъ, что вся сила Рима, вся мудрость Эллады—только путь къ ученію Христа; только предзнаменованія, предчувствія, намеки; широкія ступени, Пропилеи, ведущія въ Царствіе Божіе. Платонъ—предтеча Іисуса Галилеянина.

Эти послѣднія слова объ ученіи Климента, сказанныя Амміаномъ такъ просто, поразили Анатолія: какъ будто вдругъ вспомнилъ онъ, что все это уже когда-то было,—все до послѣдней мелочи,—и островъ, озаренный вечернимъ солнцемъ, и крѣпкій пріятный запахъ корабельной смолы, и неожиданныя простыя слова о Платонѣ—предтечѣ Іисуса. Ему почудилась широкая лѣстница, мраморная, бѣлая, залитая солнцемъ, многоколонная, какъ Пропилеи въ Аѳинахъ, ведущая прямо въ голубое небо.

Между тѣмъ трирема медленно огибала мысъ. Кипарисовая роща почти скрылась за утесами. Анатолій кинулъ послѣдній взглядъ на юношу, стоявшаго рядомъ съ дѣвушкой передъ изваяніемъ Пана; она склонила надъ жертвенникомъ простую деревянную чашу, принося вечерній даръ богу—козье молоко, смѣшанное съ медомъ; пастухъ приготовился играть на флейтѣ. Трирема въѣзжала въ открытое море. Все исчезло за выступомъ берега. Только струйка жертвеннаго дыма подымалась прямо надъ рощей.

На небѣ, на землѣ и на морѣ наступила тишина.

И въ тишинѣ вдругъ послышались медленные звуки церковнаго пѣнія: это старцы-отшельники на передней части корабля пѣли хоромъ вечернюю молитву.

Въ это же мгновеніе по недвижимой поверхности моря пронеслись иные звуки: мальчикъ-пастухъ игралъ на флейтѣ вечерній гимнъ богу Пану. Сердце Анатолія дрогнуло отъ изумленія и радости.

— Да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ,—пѣли монахи.

И высоко подъ самое небо возносились чистые звуки пастушьей свирѣли, смѣшиваясь со словами молитвы Господней.

Послѣдній лучъ солнца потухъ на камняхъ блаженнаго острова. Теперь снова казался онъ мертвой скалой среди моря. Оба гимна умолкли вмѣстѣ.

Вѣтеръ шумѣлъ въ снастяхъ. Подымались волны. Гальціона жалобно стонала. Побѣжали тѣни отъ Запада, и море потемнѣло. Туча росла. Доносились глухо первые раскаты грома. Надвигались ночь и буря.

Но въ сердцѣ Анатолія, Амміана и Арсинои, какъ незаходящее солнце, уже было великое веселіе Возрожденія.

ПРИМѢЧАНІЯ [1]).

Романъ «Смерть боговъ» написанъ былъ въ 1893—4 гг. Попытки напечатать его въ какомъ-нибудь изъ журналовъ не имѣли успѣха, и, напримѣръ, М. М. Стасюлевичъ, несмотря на рекомендацію А. Ѳ. Кони, категорически отказался помѣстить романъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Впервые романъ появился въ печати подъ названіемъ «Отверженный» въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» (редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ) за 1895 г. въ книгахъ 1-й (стр. 71—112), 2-й (стр. 73—125), 3-й (стр. 1—52), 4-й (стр. 1—44), 5-й (стр. 1—95) и 6-й (стр. 41—88).

Подъ тѣмъ же названіемъ романъ появился въ отдѣльномъ изданіи въ 1896 г. Для этого изданія романъ былъ значительно переработанъ и отъ текста, помѣщеннаго въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», сильно разнится: нѣкоторые отрывки были опущены, другіе были вновь написаны. Названіе «Смерть боговъ» («Юліанъ Отступникъ») появилось впервые во второмъ изданіи въ 1902 г. Это изданіе, какъ и послѣдующее—третье, появившееся въ 1906 г., перепечатано безъ значительныхъ измѣненій.

Въ полномъ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго, изданномъ товариществомъ М. О. Вольфъ въ 1911 г., романъ «Смерть боговъ» помѣщенъ въ первомъ томѣ.

Первая часть трилогіи Д. С. Мережковскаго («Смерть боговъ»), какъ и остальныя двѣ части трилогіи, не только переводились на иностранные языки, но и вызвали обширную литературу на иностранныхъ языкахъ. Трудность регистраціи переводовъ и литературы о русскихъ писателяхъ на иностранныхъ языкахъ и неполный списокъ переводовъ Д. С. Мережковскаго въ Императорской Публичной библіотекѣ лишили насъ возможности дать абсолютно полныя указанія. Собранныя нами матеріалы не исчерпываютъ богатаго матеріала о Д. С. Мережковскомъ на иностранныхъ языкахъ.

---

[1]) Составленіе библіографическихъ примѣчаній, библіографическаго и хронологическаго указателей въ настоящемъ изданіи поручено издательствомъ И. Д. Сытина—О. Я. Ларину.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Переводы:

Merejkowsky, Dmitry de.
La mort des dieux. Le roman de Julien l'Apostat.
Traduit du russe par J. Sorrèze..
Paris.
Calmann Lèvy, éditeur. 1900.

Merejkowsky, Dmitry de.
La mort des dieux. Le roman de Julien l'Apostat.
Traduit du russe par Jacques Sorrèze.
20-me édition.
Paris.
Calmann Lèvy, éditeur.

Рецензіи.

„**La presse**", 11 Dec. 1900, Xavier Pelletier.
„**Semaine Parisienne**" 4 Dec. 1900. Rene Wisner.
„**Liberté**" 10 Dec. 1900. La semaine littéraire.
„**Les annales politiques et littéraire**". Revue des livres. Adolphe Brisson.
„**L'information**" 24 Janv. 1903. P. Dupray.
„**Le temps**". 12 Janv. 1902. La vie littéraire. Gaston Deschamps.
„**Le soir**", 24 Nov. 1900. Les livres.
„**Pétit Sou**", 4 Dec. 1900.
„**La revue de Paris**", 4 Dec. 1900.

АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ Англіи.

Переводы:

Merejkowski, Dmitri.
The death of the gods
Translated by Herbert French.
3-d edition.
Westminster.
Archibald Constable et Co. 1904.

Merejkowski, Dmitri.
Christ and Anti-Christ
(I) The death of the gods
Translated by Herbert French.

Gometeine Fallow of all shouls college.
Oxford.
Westminster.
Archibald Constable et Co. Ltd.
2 Whitehall Gardens. 1901.

Рецензіи:

„E. Anglian Dy Time". 1902. The bool lounge. Lounger.
„Observer". 25. 8. 1901. A new Russian novelist.
„Daily News". 20. 9.—01. The death of the gods.
„Dly Chronicle". 10 Sep. 1901. Historical Noveles.
„Manchester Guardian". 18. 9—01.
„Star". 27. 8—01 «The death of the gods». James Douglas.
„New-York". 16. 8—01. The library table.
„The publishers' circular". 14 Sept. 1901: № 1837.
„Daily Chronicle". 12 July. 1901.
„Glasgow Herald". 5. 9—01.

Въ Америкѣ.

Переводы:

The death of the gods.
By Dimitri Merejkowski.
Translated by Herbert Trench.
Zuthorised English version. Cloth Svo. Pp.; 414.
New-York. G. P. Putnam's.
New-York, Revien 1901. A. Wonderful Russian Romance.

НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Переводы:

Mereschkowski, Dm. Serg.
Julian Apostata, der letzte Hallene auf dem Throne den Cäsaren.
Ein beographischer Roman.
Deutsch von Carl von Gütschow.
Leipzig Verlagsbuchhandlung Schulze et Co. 1903.

Mereschkowski, Dm.
Julian Apostata.
Historischer Roman.
Uebersetzt von Alexandr Eliasberg.
Fünfte Auflag.
München 1912.
R. Piper u. Co. Verlag.

Mereschkowsky, Dm.
Julian Apostata, der letzte Hallene auf dem Throne den Cäsaren.
Historischer Roman.

Deutsch von Carl von Gütschow.
Volks-Ausgabe.
Leipzig. 1912.

Рецензіи:

„Die Kultur". 1902. Heft 11. Seite 689—695; Heft 12. S. 736—744.
„Fremden-Blatt". 30 Dec. 1902. № 356. Seite 13—15. Rodef.

ИТАЛЬЯНСКІЙ И ИСПАНСКІЙ ЯЗЫКИ.

Переводы:

Merejkowsky, Dmitry de.
La muerte del a dioses.
(La novela de Juliano el Apostata).
Traduccion y prologo de Luis.
Morote.
Valencia
Francisco Semp rere. Editor Pintor Sorolla, 30 y 32, 1901.

Demetrio Mereschkowsky.
La morte degli Dei.
Il romanzo di Diuliano l'Apostata.
Traduzione dal russo della signora Nina Romanowsky Milano Fratelli Treves 1901.

Рецензіи:

„Firenze nuova" 6 Set. 1901.
Giuliano l'Apostata G. Ú.
„L'illustrazionne Italiana". 16 Giugno 1901. № 24. p. 419.
Безъ подписи. (Портретъ Д. С. Мережковскаго и статья объ его творчествѣ)

ПОЛЬСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Переводы:

Merezkowski, D.
Julian Apostata.
Przelozyl J. Czekalski.
Warszawa.
Naclad Genethnera i Wolffa. Krakow.
G. Gebethner v. Spolka. 1902.

Литература о Д. С. Мережковскомъ на русскомъ языкѣ—«Библіографическій указатель литературы о произведеніяхъ Д. С. Мережковскаго»—въ XXIV томѣ настоящаго изданія.

Конст. Хлор.

Константин Великий + Юлий Констан

Ю Г

Констанций

Констанций

Констанций

Констанций

Констанций убил сына

оклевет. мач

BINDING SLOT:

Смесь языческих и христ. богов >
внешняя и внутренняя борьба
сценарии к фильму ужасов

PG
3467
M4
1914
t.1

Merzhekovskiĭ, Dmitriĭ
Sergeevich
Polnoe sobranie sochineniĭ

CARREL LOAN
ROBARTS
****
PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET
20 Jan 97
NAME:
CARREL 12106
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
BOOK: ...chinenii.